

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СВАРОГ ЧУЖИЕ БЕРЕГА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ

Александр БУШКОВ

СВАРОГ
ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Р О М А Н

Красноярск «БОНУС»
Москва «ОЛМА-ПРЕСС»
Санкт-Петербург «НЕВА»
2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б948

Рисунок на обложке публикуется с разрешения
художника и Агентства А. Корженевского

Бушков А.А.

Б948 Сварог. Чужие берега: Роман. — Красноярск:
БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Издательский
Дом «НЕВА», 2002. — 384 с. (Специальный рус-
ский проект).

ISBN 5-7867-0003-8 (БОНУС)

ISBN 5-224-02268-1 (ОЛМА-ПРЕСС)

Бывший майор ВДВ, а ныне лорд Сварог, завис
в странном мире, где время не движется дальше Средневе-
ковья, а люди живут по неведомым ему законам,
а главное — там трудно отличить друзей от врагов. Остается
полагаться только на самого себя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 5-7867-0003-8 (БОНУС)
ISBN 5-224-02268-1 (ОЛМА-ПРЕСС)

© Бушков А., 2001
© Издательство
«БОНУС», 2001
© Издательство
«ОЛМА-ПРЕСС», 2001
© Издательский Дом
«НЕВА», 2001
© Рисунок, Keith
Parkinson, 1996

К ЧИТАТЕЛЮ

Скажу откровенно: тот факт, что лорд Сварог застрянет в мире Димереи на столь долгое время, для меня самого явился полной неожиданностью. Просто-напросто эпизод с его попаданием на Атар, задуманный как совершенно проходной и на ход событий на Таларе не влияющий абсолютно, внезапно взбрыкнул, закусил удила и понесся вперед (и вширь!) таким галопом, что мне ничего не оставалось, как бросить поводья и позволить Сварогу самостоятельно выбираться из запуток, в которые он сам себя загнал... Сейчас же я могу обещать твердо только одно: граф Гэйр обязательно вернется на Талар. Надо подождать.

Что было, то и будет; и что делалось,
то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.
Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»;
но это было уже в веках, бывших прежде нас.
Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
не останется памяти у тех, которые будут после...

Книга Екклесиаста, 1, 9—11

Авторы стихов,
приведенных в романе:

*Ж. дю Белле, Д.Р. Киплинг, Т.С. Элиот,
С.Т. Колридж, Ш. Бодлер*

КУДА ВЕДЕТ ТРОПА

Глава первая

Что такое хандра...

На землю уже давно опустилась ночь, а здесь все еще никак не мог закончиться вечер. Солнце наполовину погрузилось за далекий, темнеющий лес, и алое сияние растеклось по горизонту, как сметана по столу. Закат делал колонны, чисто символически поддерживающие невесомую крышу террасы, изящный столик, бутылочку вина на нем, человека в плаще напротив — все окружающее делал слегка размытым, словно не в фокусе, лишенным красок, призрачным. И если прищуриться, то создавалось полное впечатление, что находишься не в трех лигах над землей, а по меньшей мере в трех уярдах под водой, причем без маски, причем в полный штиль, и вот-вот мимо тебя проплывет, шевеля розовыми плавниками, золотобрюхая хвостатая рыбина, гордая и самоуверенная, кося выпуклым глазом... Прищуриваться, однако, не хотелось. И не потому, что — детство, а потому, что настроение собеседника к играм воображения не располагало. Настроение собеседника было не ахти. Хреновым оно было, прямо скажем.

В почти недвижимом вечернем воздухе были растворены едва слышные звуки музыки — мотива не разобрать, слишком далеко, но что-то вроде бы бравурное, разухабистое: в полутора лигах от них и значительно ниже, в полуночно-закатном направлении, парил чей-то манор. Оттуда мелодия и доносилась, кто-то из ларов вовсю гулял и веселился, — но на таком расстоянии, да еще в сумерках, чужой остров казался не серьезнее, чем грязное пятнышко на сером холсте. Равно как, должно быть, и для гуляк — манор Гэйр...

— Скажите откровенно: вам это надо?

Очарование вечера было разрушено одной фразой.

— Вы о чем? — с невинным видом переспросил Сварог.

Вместо ответа Гаудин, прищурившись, посмотрел сквозь бокал на багровое солнце. Грани тонкостенного хрустального сосуда, до половины наполненного келимасом, преломили закатные лучи и превратили лицо начальника тайной полиции Империи в причудливую маску.

— По-моему, вы не совсем понимаете, во что связываетесь, — тихо сказал он, не поворачиваясь, медленно поднес бокал к губам, покатал напиток по рту и проглотил. — Быть королем — занятие хлопотное, доложу я вам...

— Ничего, иногда полезно сменить поле деятельности, — легкомысленно ответил Сварог, задирая голову к звездам. — Не все же мне бегать по Талару с высунутым языком...

Бездонное вечернее небо было чистым и безоблачным, легкий ветерок шевелил флаги на зубчатых башнях. Завтрашний день обещал быть теплым и солнечным. Лепота и благодать, одним словом. Собственно, за этой благодатью Сварог и прибыл в Гэйр — прибыл, чтобы ма-

дость развеяться, отвлечься и расслабиться: последние дни его одолевала самая обыкновенная тоска.

Сварог и сам и не понимал, откуда взялась тоска. Ну не королевская эта болячка! Смешно даже предполагать такое, чтобы король, которому стоит лишь пошевелить пальцем — и придворная орда наперегонки бросится исполнять его прихоти, страдал каким-то там упадком духа, какими-то там интеллигентскими мерехлюндиями. И, только заполучив корону на голову, повластвовав немного, он понял, насколько подчас увлекательным оказалось это занятие... И все же было, было с чего самодержцу Сварогу впасть в уныние, несмотря на гарнизоны прислуги и охраны, на добрую дивизию расфуфыренных в пух и прах придворных, на взвод советников по любым вопросам, которые только могут прийти в голову государю. Но вот никого из своих рядом не было. Мара в компании с Шегом, Бони, Паколетом и примкнувшим к ним Карахом все еще пропадала в Ямурлаке. Дела у них, судя по редким донесениям, шли отлично: поголовье нечисти планомерно уменьшалось, и бравое войско без потерь продвигалось в глубь заповедной территории. Леверлин как исчез неожиданно, так до сих пор и не объявлялся. Даже министр полиции Интагар, с которым у них вроде бы наладилось взаимопонимание, и тот отпросился в дальние провинции — самолично успокаивать какого-то малоизвестного барона Альгаму, поднявшего-де местечковый мятеж против новой королевской власти. Барона Альгаму, старого самодура, по словам Интагара, министр надеялся приструнить без кровопролития, кое о чем напомнив и кое-что пообещав, а если не выйдет, так в дело вступит полк королевской гвардии... В общем, итог один. Оставалась разве что тетка Чари, — но не прово-

дить же дни напролет с веселой вдовой, рассказывая байки и вспоминая веселые деньки?..

— Признаться, у меня на вас были совершенно другие виды,— сказал Гаудин, ставя бокал на резной столик сбоку.

Сварог нарочито виновато развел руками.

Минул месяц с тех пор, как столица его высочайшим повелением была перенесена в Латерану, а имя самого Сварога обросло гроздьями титулов и званий. За это время он почти не появлялся в собственном летающем дворце — дел у новоявленного короля в Латеране случилось невпроворот, и все больше утомительных: бумажных. Бывал он здесь наездами, и на весьма непродолжительное время, про Келл Инир уж и говорить нечего... И вот нате вам, выкроил, наконец, время, когда совсем уж стало не вмоготу, посетил родные, так сказать, пенаты отдохнуть и расслабиться, а тут — Гаудин, как снег на голову. Прибыл неожиданно, сразу после ужина, без помпы и сопровождения, незадолго перед тем, как Сварог намеревался вернуться в королевский дворец. Вот интересно: что привело господина начальника тайной полиции именно сейчас? Неужели так соскучился?..

Впрочем, хандрящий Сварог визиту надворного советника даже обрадовался. Некоторое время они побродили по манору, развлекаясь ничего не значащей беседой, посетили библиотеку, где Сварог похвастался коллекцией старинных свитков, преподнесенных ему в дар по случаю воцарения Королевским книгохранилищем Ронера (свитки более всего напоминали связку подмокших рулонов серой туалетной бумаги и, по уверению старшего архивариуса, являлись бесценными образчиками любовной лирики конца прошлого тысячелетия)... Гаудин вежливо поддерживал разговор, но складывалось полное впечатление, что и ему невыносимо

тоскливо. Какого черта он приперся в Гэйр, Сварог решительно не понимал, однако развлекал гостя как умел и тем самым отвлекался от меланхолии сам. Наконец, утомившись экскурсией, они уединились на террасе, выходящей на закат; начальник восьмого департамента устроился в плетеном кресле с бокальчиком в руке, Сварог же остался стоять, покуривая в вечереющий воздух.

— Удивительный вы все-таки человек, граф,— вздохнул Гаудин — и непонятно было, то ли с укором вздохнул, то ли с сожалением.— Являетесь неведомо откуда и за какие-то полтора года устраиваете такую свистопляску на всем Таларе, что волосы дыбом...

Сегодня начальник восьмого департамента был облачен в черный кожаный плащ-реглан до пят и весьма напоминал мудрого комиссара из фильмов семидесятых годов про ЧК.

— Да бросьте,— примирительно сказал Сварог.— Вам-то на хвост я пока не наступал.

— Ну, это как посмотреть,— сказал Гаудин.— Вы — уж извините за прямоту — еще мальчишка, граф. Вы несетесь вперед сломя голову, галопом, даже не трудясь на секунду остановиться, оглянуться, подумать: а в ту ли сторону ли я мчусь, а не совершаю ли я что-то непоправимое... Ума не приложу, как я буду выкручиваться, когда вы сорветесь в пропасть и потащите за собой треть Талара...

Не-ет, судари мои, вовсе не скучал нынче, не тосковал от одиночества господин начальник тайной полиции. Он прилетел специально, чтобы поговорить о поведении некоторых распоясавшихся личностей...

— А я обязательно должен сорваться? — с любопытством спросил Сварог.

— Ну, разумеется! — невесело засмеялся Гаудин.— Скажу больше: еще и очередь выстроится,

чтобы посильнее толкнуть вас в спину. Нет, ваше величество, вы серьезно полагаете, что сможете удержать все эти страны в своих руках? Ну ладно там Хелльстад, где людей-то и нет, или Глан, где вы званы... А Снольдер, например, где вы захватили власть силой? Да что Снольдер! Известно ли вам, мой юный друг, что пока Конгер Ужасный лежал при смерти, в Равене трижды едва не вспыхнула гражданская война? Трижды! И все из-за того, что шла бойкая закулисная грызня за трон. Король еще был жив, а они уже делили корону. И лишь вмешательство моего ведомства спасло ситуацию, помогло сохранить шаткое равновесие. И вы всерьез надеетесь, будто все в Ронеро полагают лучшей кандидатурой именно вас? Что никто не будет, мягко говоря, против? Ха-ха... И это только в Ронеро, более-менее спокойном государстве. А в других — например, в Балонге — даже подумать страшно, что вас там ждет. Я, конечно, не утверждаю, что ваши противники обязательно пойдут на прямое устранение. Зато палки ставить в колеса — это они умеют, это у них в крови. А уж если учесть протяженность территории, коей вы, ваше величество, владеете, то тут и стараться особо не надо.

Он сделал паузу, явно ожидая вопросов или комментариев, но Сварог безмолвствовал. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и вокруг летучего острова, на высоких ажурных столбиках, зажглись гирлянды фонариков, уютно высветив террасу и окрасив стены манора в мягкие тона. Проплывающий неподалеку веселящийся манор тоже вспыхнул огоньками — россыпь сияющих брильянтов ручейками прокатилась по нему сверху вниз, от вершины к плоскому основанию, и манор мигом превратился в веселенькую новогоднюю елку, парящую в небе над Таларом. Некогда Сварог по наивности полагал, что иллюми-

нация призвана не столько освещать по ночам воздушные замки, сколько служить своего рода позиционными огнями — во избежание столкновения с прочими летающими транспортными средствами, но позже смекнул, что никакое столкновение в воздухе ларам не грозит: аппаратура на чеку, да и магия убережет. Вот разве что водителя означенного транспортного средства все же спокойнее видеть, что он проносится не мимо темной зловещей глыбы,— рядышком плывет беззаботно сверкающий остров, свои...

Гаудин же, похоже, был настолько погружен в собственные грустные размышления, что смены освещения даже не заметил. Он продолжал прежним менторским тоном:

— Обширность владений, ваше величество, выйдет вам боком. Во-первых, до удаленных уголков ваши высокомудрые указы будут идти месяцами, пониматься там превратно и исполняться кое-как, поскольку удаленность от столицы и неистребимое провинциальное мышление отнюдь не способствуют пиетету к королю. И придется вводить войска, принимать карательные меры, закручивать гайки, что уважения вам не прибавит. Во-вторых, бюрократическая машина у каждого государства своя, она огромна и разветвлена, и, попытавшись подчинить управленческие аппараты одному центру, вы немного погодя с удивлением заметите, что породили на свет еще большую машину, неповоротливую и косную... Эта машина раздавит вас, мой друг. Вы потонете в бумагах, даже если будете прекрасно разбираться в тонкостях законов и особенностях укладов всех стран. А поскольку вы в них не разбираетесь, то завалите дела раньше, чем потонете... И заметьте, это только при условии, что все пойдет гладко. А ведь есть еще и в-третьих, и в-двадцать пятых... Возможны недовольство армии, разного рода роко-

ши, попытки ваганума, пограничные конфликты, восстания наконец... Так что и мне вы тоже на хвост наступили, любезный граф, поскольку разгребать за вами придется именно вашему покорному слуге. Если успею...

— Однако, умеете вы внушить оптимизм, милейший лорд,— усмехнулся Сварог.— Меня так и тянет виновато потупить взор и проскулить: «Я больше не буду».

Хотя был, чего уж греха таить, был в словах Гаудина определенный резон. Сварог и сам знал немало примеров из истории Земли, когда безудержное расширение границ государства приводило к его скорой гибели... Но что тут поделаешь, если короны и титулы сами просятся в руки Сварога? Не отказываться же...

— Я и не обязан быть оптимистом,— резко ответил начальник тайной полиции, по-прежнему не глядя на собеседника.— Я реалист. И должен ежесекундно останавливаться, оглядываться, думать. Иначе грош мне цена, и гнать меня надо с поста в три шеи.

— Знаете,— сказал Сварог,— а вот я не настолько мрачно смотрю на вещи. Один генерал из моего мира как-то заметил: «Власть не берут, ее подбирают». Правда, генерал этот плохо потом кончил, но суть-то не меняется: крепкую власть захватить не удастся, будь ты хоть трижды Серый Рыцарь. Так что я всего лишь подбираю то, что плохо лежит. Не спорю, слава обо мне по Талару идет жутковатая, но в целом-то добрая... И я попробую продержаться. Раз судьба предлагает такой шанс побыть королем — грех не воспользоваться...

— Нет, положительно вы удивительный человек. Императрица же предлагала вам пост канцлера, ну почему вы отказались? Побоялись наломать таких дров, что положение потом будут вып-

равлять годами? И между тем преспокойно напиваете на свою буйную головушку корону за короной?..

Оп-па!

Сварог, чтобы его не выдали глаза, отвел взгляд.

До Гаудина, конечно, должны были дойти слухи, что Яна просила его занять место канцлера. Но с Яной-то они беседовали наедине, и никто не мог знать, что Сварог выразил отказ именно этими словами: «Я тебе наломаю таких дров, что выправлять положение будут годами». Значит, у старого лиса есть уши в маноре Гэйр? Проболтались вы, господин надворный советник, ай-ай-ай, какой прокол с вашей стороны!

— Зато я согласился на другой пост,— сказал Сварог.— Вы, естественно, уже в курсе?..

Гаудин поднял голову, посмотрел на небо. В небе на закате еще разливалось в полгоризонта мутное розовое свечение. На восходе же царила иссиня-черная бездна, наполненная дрожащими искорками звезд. Юпитера видно не было — не иначе, он находился по другую сторону Талара... А вот в вышине над головой, чуть левее островерхой башенки со стрельчатыми окнами, можно было бы (если б не легкая дымка) различить не приметную алую точку. Уже и телескопа не надо, чтобы увидеть ее, достаточно обладать острым зрением...

— Она близко,— невпопад сказал Гаудин. Он пошевелился в кресле, засовывая руки поглубже в карманы плаща: холодало.— И с каждым днем все ближе. Вы были правы, можете гордиться: это Багряная Звезда. Происходят странные вещи, и все чаще, чаще... Есть сведения, например, что в предгорьях Каталауна исчезла целая деревня — стояла триста лет, и вдруг как не бывало, ровное поле на ее месте; зато в одном из городов Шагана из ничего, из воздуха

вдруг возник огромный двенадцатиколесный экипаж, на немыслимой скорости врезался в стену часовни, загорелся и взорвался. Возница погиб мгновенно. Это был автомобиль для перевозки грузов из тех времен — до Шторма. Утверждают, что это суть проявления Пробоя. В устье Итела несколько раз наблюдали Серебряный Ветер — к счастью, пока обошлось без жертв. Моряки отказываются выходить в море: дескать, Великий Кракен проснулся. И прочая, прочая... В Магистериуме паника и переполох — спешно вытаскиваются из пыльных архивов любые материалы о Багряной Звезде, мифы, пророчества, какие-то обрывки, чудом сохранившиеся за пять тысяч лет. Изучаются, классифицируются, сопоставляются. Ищут, как спастись, как уберечься... Только, боюсь, все это впустую. И если Багряная Звезда действительно является предвестником нового Шторма, то спасения нет. Нам не выжить. И в эти дни мне б очень не хотелось, чтобы мы стали врагами, граф.

— А мы можем стать врагами? — искренне удивился Сварог.

Гаудин пожал плечами:

— Вы, помимо прочего, еще и в высшей степени непредсказуемый человек. Совершенно невозможно угадать, какой фортель вы выкинете в следующий момент. А я не люблю неизвестность. Я боюсь неизвестности... Я боюсь вас, граф Гэйр. И подчас у меня закрадывается мысль, что было бы лучше, если б вас здесь не было вовсе. Спокойнее было бы.

Они ненадолго замолчали. И Сварог вдруг понял, что Гаудин вовсе не проговорился насчет наломанных дров, — напротив, старый лис недвусмысленно давал понять, что ему известен каждый шаг, каждое слово Сварога. Ах ты, интриган...

— Могу ли я предположить, что вы мне угрожаете, любезный лорд? — проникновенно спросил Сварог.

— Перестаньте, — поморщился Гаудин, — какие тут угрозы... Просто если вы попадете в настоящий переплет, я не знаю, стану ли выручать вас. Возможно, я просто буду стоять в стороне и с интересом наблюдать, удастся ли вам в очередной раз выбраться сухим из воды. А если не удастся, то я не уверен, что заплачу от горя.

Неожиданно он посмотрел прямо в глаза Сварогу. Без гнева, без упрёка, без осуждения. Сварог не смог прочитать в этом взгляде ничего. Но взгляд начальника тайной полиции ему не понравился. Очень не понравился.

— Вы мне мешаете, граф, — с нажимом произнес Гаудин. — Вы путаете мне все карты. Сейчас мне наплевать, Серый вы Рыцарь или не Серый, мне наплевать, прав Кодекс Таверо насчет вас или нет. Я выстраивал восьмой департамент несколько столетий, оттачивал его работу до идеала, до ювелирной точности. А тут появляетесь вы и походя ломаете все мои замыслы. Мальчишка! Почему вы появились именно сейчас? Зачем вам понадобились все эти короны и титулы? Зачем вам эта должность, выдуманная Яной? Начальник девятого стола, скажите пожалуйста! Кто вы такой, граф Гэйр?!

Несколько ошарашенный внезапным напором, Сварог, едва не уронив сигарету, даже отступил на шаг и успокаивающе поднял руки:

— Да помилуйте, милорд! У меня и в мыслях не было мешать вам! В конце концов, я не просил, чтобы вы вытаскивали меня из моего мира... Да и позвольте напомнить, что до сих пор я честно и, между прочим, успешно выполнял ваши задания... — Он собирался добавить в шутку: «Я не дьявол и не бог, я просто дон Румата, весе-

лый дворянин...», но решил не накалять обстановку непонятными цитатами.

Впрочем, Гаудин его и не слушал. Не сводя со Сварога буравящего взгляда, он прошипел:

— Клянусь, граф, если вы со своим столом встанете у меня на пути, я не остановлюсь ни перед чем. Я смету вас, как пыль. Не надо со мной ссориться, граф, предупреждаю.

А потом глаза его погасли — так же неожиданно, как и вспыхнули. Начальник тайной полиции откинулся на спинку кресла и, не вынимая рук из карманов, отвернулся к угасшему небу на восходе. Теперь перед Сварогом сидел просто запутавшийся, невероятно уставший старик.

— Извините, лорд Сварог, — произнес он своим обычным голосом. — Нервы. У всех нас нервы не в порядке последнее время. Багряная Звезда... Наверное, впервые в жизни я чувствую свое полное бессилие. Это все равно, как видеть приближающийся к тебе марен и знать, что ничего сделать нельзя. Ни убежать, ни скрыться... Извините.

— Пустое, — буркнул Сварог. И сказал: — А вы все ж таки мне угрожаете, любезный лорд.

— Да, угрожаю, — буднично ответил Гаудин. — Поскольку не могу позволить, чтобы еще и вы создавали мне проблемы. И без вас голова кругом... Поздно уже, граф. Простите, что оторвал от ваших дел. Проводите меня, будьте любезны.

По изящной лесенке взойдя на борт сияющей огнями виманы, он остановился у перил и опять посмотрел в глаза Сварогу. Прищурившись. И склонив голову набок.

Дорого бы дал Сварог в этот момент, чтобы узнать, какие мысли клубятся под высоким лбом надворного советника... Вимана бесшумно отчалила от замка; покачнувшись, взяла курс на полночь, а начальник тайной полиции Империи Талара все стоял и смотрел на Сварога, пока вимана

не превратилась в тусклую точку на черном покрывале неба. Точку не больше рядовой звезды.

Тогда Сварог пожал плечами, зевнул и, сказавши «б-р-р-р», поежился — ночной воздух забирался под рубаху и гладил грудь холодными пальцами.

— Павлины, говоришь... — пробормотал он.

«Сегодня, пожалуй, нет смысла возвращаться в Латерану. А полечу-ка я в Латерану завтра утром. Потому как утро вечера мудренее. Тогда и обдумаем, что еще за напасть на мою голову и как вести себя дальше в общении с этим непонятным человеком.

„Я подумаю об этом завтра“, — как сказала одна литературная героиня».

И он направился в спальню. Даже не предполагая, какие открытия в обрамлении нешуточного удивления, говоря языком старинных романов, принесет ему утро.

...Записку подбросили не без юмора — и при этом так, чтоб он не смог ее пропустить. Никак не миновал бы ее, даже если б провалялся весь день в постели, как малодушно собирался, вернувшись с облаков на землю. Ох как он понимал Бони и Паколета! А тут еще Гаудин со своими угрозами и упадническими пророчествами...

Нет, не по поводу Гаудина хандрил Сварог. Как уже говорилось выше, он просто чувствовал себя одиноко в королевском дворце.

Дел у короля Сварога, конечно, хватало. Можно и послов принять, и бумаги подписать, и повникать в отчеты с рапортами, и учинить разносы нерадивой челяди, и устроить смотр своим вооруженным силам, и встретиться с ходоками и челобитчиками, и чертов стул всего другого на совершать. Но ни принимать, ни вникать, ни совершать, равно как заниматься прочей королевс-

кой рутиной не хотелось. Хотелось же, дьявол побери, вольного ветра в лицо, скрипучего седла под собой, дыхания и фыркания разгоряченных скакунов, мерного покачивания Доран-ан-Тега на боку, незатейливых подколов и шуточек товарищей по странствию, цели впереди и неведомой опасности со всех сторон. Как в старые добрые времена. Однако впереди Сварога ждал очередной королевский день и никакого тебе вольного ветра. И оставалось в его состоянии лишь неприкаянно бродить по этажам и залам, по кишкам коридоров, рычать на засыпающую стражу, на бездельничающую прислугу, пытаться чем-то заняться самому, чтоб тут же это и прискучило. По неволе поймешь отдельных коронованных особ, которые со скуки пускались во все тяжкие, — начиная от безудержных утех с актрисками и заканчивая затяжной войной с соседями. А ведь он царствует всего-то ничего. То ли, э-хе-хе, еще будет...

Поэтому, когда Сварог обнаружил подброшенную записку, то почти что обрадовался. Записка сулила отвлечение от дворцовой тягомотины и, кроме того, обещала прямой выход на, с позволения сказать, людей, до которых Сварогу не терпелось добраться самому.

Хотя слово «подбросили» не подходило — записку пришили. На видное место. Местом не представившиеся почтальоны выбрали, выражаясь по-королевски, кабинет для обязательных государевых раздумий. Или, говоря по-солдатски, сортир. Клочок плотной желтоватой бумаги размером с конфетный фантик письмоноscopy прикрепили к внутренней стороне двери на высоте Свароговой груди. Но не кнопкой, как сперва показалось Сварогу, а предметиком, который сам по себе был призван навести его на размышления. Отшпилив листок, Сварог положил предметик на ладонь

и поднес поближе к глазам. И увиденному ничуть не удивился.

На ладони, холодя кожу металлическим прикосновением, лежала маленькая шпажонка. Ее можно было принять за игрушечную, изготовленную миниатюрных дел мастером для какого-нибудь коллекционера затейных вещиц или для престарелого игрока в солдатики. Коллекционер мог бы поумиляться, разглядывая в лупу посеребренную рукоять с каким-то драгоценным камнем в навершье, изящную гарду, какие-то завитки или даже надписи на плоском клинке. Коллекционер расчмокался бы губами: «Ах, какая прелесть! Какая тонкая работа!»

Однако Сварог знал, что шпага самая что ни на есть настоящая. И не на что там любоваться. На его ладони оружие. И не исключено, что на этом крохотном клинке чья-то кровь.

Но вряд ли шпага послана ему в предупреждение. Сварог еще не ознакомился с посланием и не имел понятия, подписано ли оно. Скорее всего, шпажонка сама по себе является подписью.

Покинув кабинет для обязательных государевых раздумий и усидевшись в кабинете для подписания личных королевских бумаг (также освобожденном от неременной внутренней стражи), Сварог устроился за столом, вогнал в столешницу клинок, который при надобности мог бы заменить портняжную иглку, и обратился к записке. Открепленная бумага завернулась в рулончик. Расправив ее и придерживая пальцами, Сварог прочел текст.

«Досточтимый король!

Мы не меньше Вашего Величества обеспокоены сложившейся ситуацией. Мы ни в малейшей степени не желаем, чтобы Вы воспринимали нас как единое целое. Мы надеемся, что наши интересы совпадут. Если Ваше Величество соблаго-

волит принять наше предложение, то мы будем счастливы обсудить назревшие проблемы сегодня в полдень, в часовне Атуана, коя находится в подвале дворца Вашего Величества. К великому сожалению, мы ограничены в выборе места и времени для встреч. Заранее приносим свои глубочайшие извинения за возможные неудобства».

Вот так.

Буквы меньше привычных, человеческих, раза в три. Подписи нет. Каждую литеру выписывали короткими линиями, по пять-шесть раз на букве отрывая руку от бумаги. Чернила синие, необычно яркие, какими не пользовались ни лары, ни земные жители. Бумага желтая, будто старая, но не иссохшая. Так должно быть, если сами бумагу не производят, а живут старыми, бережно хранимыми запасами.

Вот так.

Сварог закусил нижнюю губу и задумчиво посмотрел в высокое окно, на виднеющиеся сквозь утреннюю дымку башни крепости Руэт.

«Каков из всего этого следует вывод? А таков: если перед ним и подделка под работу лилипутов, то фальшивка состряпана умело. Теперь вопрос: кем? Взревновавшим Гаудином? Мелковато для начальника тайной полиции. Обломившимися претендентами на трон? Слишком сложно. Завистливыми придворными? Иностранцами шпионами? Да мало ли кем... Но как раз для того, чтобы король Сварог отмел версию подлога, к посланию приложена шпажонка.

Значит, пока будем считать, что письмо подбросили именно лилипуты. Опять же — не случайно именно в Латеране чаще прочих мест видели подводные лодки крохотного народца. Тогда одно из двух: либо его зовет на переговоры некая группа лилипутов-заговорщиков, надумавшая заручиться поддержкой Сварога в осуществлении очеред-

ных своих политических замыслов, а в ответ сдать Сварогу виновников гибели принцессы Делии, либо...

Либо его заманивают в ловушку.

А зачем лилипутам заманивать? Не проще ли, не выгоднее ли нанести удар без предупреждения, как уже случилось с принцессой? Подкравшись втихаря, застать врасплох — вот это как раз в стиле маленьких человечков. Равно как и Гаудин, и завистники, и придворные — никто не стал бы заморачиваться разработками столь ненадежного плана. Стало быть...»

Сварог хлопнул ладонью по столу. Он более не колебался. Чутье, безошибочно предупреждающее его о любого рода опасности, на этот раз молчало. Что ж, он выяснит, что кроется за посланием. Переговоры так переговоры. Он с ними переговорит. Найдутся темы.

До того, как Большие дворцовые куранты на Башне слез в честь наступившего полдня сыграют национальный гимн, оставался час с квадрансом. Казалось бы, времени полно, но еще требовалось отыскать подвальную часовню, тем более что прежде там никогда бывать не приходилось.

Сварог призадумался, вспоминая: в синих поках или в зеленых?..

Строго говоря, королевский дворец юридически стал королевским только после того, как Сварог своим указом перенес столицу в Латсрану. Ранее же во всех документах он именовался просто и незатейливо: «латеранская резиденция». Монархи Ронеро и Снольдера, с завидным упорством раз в двадцать пять лет отвоевывая город друг у друга, после победы бросались незамедлительно перестраивать «резиденцию» в соответствии с собственными вкусами и пристрастиями и безжалостно ломать все то, что понастроил предшественник. В результате дворец, являющийся

снаружи шедевром архитектурного гения, внутри превратился в такой лабиринт коридоров и залов, такой клубок переходов, кабинетов, лестниц и покоев, что черт ногу сломит.

Нет, пожалуй, все-таки в синих. Точно, в синих, за бюстом какого-то носатого деятеля, как бишь его...

План дворца действительно отыскался в синих покоях — валялся за пирамидальной деревянной тумбой, увенчанной бюстом Клабика Первого и Последнего Тишайшего (Ронеро), одного из выдающихся коронованных предшественников Сварога, который жил полтора столетия назад и прославился пятилетней войной с Гланом и разрешением азартных игр. План за тумбу с бюстом забросил король нынешний. Сварог однажды разглядывал его, движимый живым монаршим любопытством, нет ли где потайных ходов, не связаны ли угловые башни между собой подземными коммуникациями, можно ли пробраться к королевским покоям, минуя наружную стражу. Но, быстро запутавшись в паутине чертежей и схем, он в сердцах закинул увесистый том за Клабика Первого.

Сдунув с плана накопившуюся пыль, Сварог развернул чертежи на столе, придавил углы чернильницами и пресс-папье. Так, крыша нам ни к чему, дворец в боковом разрезе тоже, вот пошли поэтажные планы, ага, наконец и подвал.

За сухой геометрией прямоугольников и эллипсов, вычерченных черной тушью по линейкам и лекалам, воображению представляли погруженные во мрак переходы с низкими сводами, забитые хламом подсобки, запертые столетия назад помещения, изначального предназначения которых уже не помнили самые старые из старожилов, винные погреба с истлевшими бочками и прочая, прочая. В ромбиках и прямоугольниках раздувались от

важности толстобокые цифры, а под рисунком почерком усидчивого каллиграфа числа попунктно разъяснялись словами — «чесночный погреб», «хранилище бронзового инвентаря», «четырнадцатый дознавательный угол», «келья святого Торна», «семнадцатый дознавательный угол», «хранилище медного инвентаря»... Ну и, наконец, «часовня Атуана» — под номером «двадцать три». Это число было вписано в крохотный квадрат, в который упиралось изогнутое ответвление узкого коридора. С часовней не соседствовали другие подземные каморы, ее окружала земля. И еще. Коридор перед квадратом «двадцать три» пересекали черточки разной длины, укорачивающиеся в сторону часовни. Следует понимать, что к молельне имени неизвестного Атуана ведет лестница, забирающая вниз. Как глубоко, интересно? И зачем потребовалось, уже находясь под землей, зарываться еще глубже?

Куда более простым выглядел вопрос: а зачем вообще нужна часовня под землей? Ответ: чтобы набожным людям было где проводить богослужения во время вынужденного пребывания под землей. Ну а вынужденно пребывать под землей может заставить тьма причин — от стихийных бедствий и дворцовых интриг до добровольного заточения.

Значит, по Большому Полуденно-Восходному коридору налево... по Третьей Парадной лестнице вниз... прямо... вторая дверь направо... опять вниз... мимо Пятой кухни холодных закусок... Ясно. Чтение карты можно считать законченным, диспозиция определена.

Что не придется делать, так это тащить с собой через все этажи и подвальные коридоры огромный том с планом дворца. Зря, что ли, учили Станислава Сварога в десантную бытность за считанные минуты перед марш-броском считывать кар-

ту, намечать маршрут, откладывая в память опорные ориентиры, пренебрегать второстепенными деталями. Вот сейчас армейские навыки королю и пригодятся.

Из оружия Сварог, чувствуя уже подзабывшийся, но такой знакомый азарт, захватил с собой только Доран-ан-Тег и шаур. Чтобы не перегружать себя. Если там противник и с противником не справятся ни неудержимый топор, ни метатель серебряных звездочек, ни магические способности лара и его, Сварога, природная реакция, то, значит, вовсе не суждено Сварогу победить в том бою. Фатализм? А нехай и фатализм.

Оно, конечно, недурственно было бы испытать чашечку кофею на дорожку, выкурить сигарету в мягком кресле, но время начинало поджимать. Нет, одолеть до наступления полудня расстояние, отделяющее королевский кабинет от пункта назначения, он всяко успеет, даже передвигаясь шажками-лилипутиками. Однако не в одних уярдах исчисляется путь, но также и в нагромождении препятствий. Что нагромодили века и люди на пути к часовне, есть неизвестность. Равно так же темна вода во облацех, сколько уйдет секунд, стекающихся в минуты, на расчистку завалов, на сбивание замков с запертых дверей или на выяснение отношений с подвальной нечистью, буде таковая там обитает.

Случись время, Сварог употребил бы его на сбор информации. Например, выяснил бы про Атуана, а также кто и когда выстроил часовню, не происходило ли в том ответвлении коридора чего-нибудь непонятного, а то и зловещего во время одного строительства и по завершении его. И еще: в каких легендах и преданиях упоминается часовня. Да и неплохо бы — нет ли в тех преданиях хотя бы косвенных намеков на неких маленьких существ. Но, увы, не до изысканий, пора в путь-дорогу.

Сварог открыл дверь королевского кабинета, и, будто заждавшийся у дверей кот, в помещение вихрем ворвался сквозняк, загнул угол скатерти на столике с фруктами, разметал колоду играль-ных карт на диване, задрал подол оконным порть-ерам, опрокинул чернильницу, из горлышка кото-рой быстро натекла на план дворца фиолетовая лужа. «Не знамение ли сие? — ухмыльнулся про себя Сварог. — Или, быть может, предупрежде-ние?» Отогнав глупости, Сварог покинул кабинет. Коридорные стражи, мгновенно среагировав, обо-рвали неположенный смех. Мимо застывших гвар-дейцев прошествовал монарх.

Охрана на постах вытягивалась в струнку, бра-ла на караул. Попадающиеся по пути придворные кавалеры склонялись в почтительных поклонах, дамы приседали в книксенах. Королю не перед кем отчитываться, король сам себе хозяин, а что спи-ну кусают недоуменные взгляды: «Куда это Наш наметился? И гляди, с боевым топором!» — то пусть их.

Каблуки застучали вниз по ступеням Третьей Парадной лестницы.

— Ваше величество,— на площадке между этажами осмелился привлечь к себе монаршьё внимание дворцовый церемониймейстер,— по-звольте...

— После, Гером,— оборвал его король.— Я на-значу вам аудиенцию.

— Но ведь послы...— жалобно бросил вдогон придворный.

Пожалуй, самыми изумленными взглядами Сва-рога одарили работники кухни холодных закусок. Король столкнулся с ними в коридоре обжитой, «белой» части подвала. Парни в кожаных фарту-ках и серых колпаках были настолько ошараше-ны, что не сразу поставили на пол корзину со съе-стными припасами и склонили в почтении голо-

вы. Будь на месте Сварога кровожадный самодержец, каким, например, память народная сохранила в песнях и сказаниях Апрексия Шестого (Снольдер), рубившего головы, что капусту, дай только малюсенькую зацепку, не поздоровилось бы нерасторопной кухонной прислуге. Но Сварог являл собой тип просвещенного автократа и простил работникам дворцового пищеблока их промах.

Сварогу требовалось в «черную», заброшенную часть дворцового подвала, куда без нужды никто не заглядывал, да и по нужде совались неохотно. Оно и понятно — сыро, темно, в придачу крысы бегают. Опять же, где еще обитать привидениям, как не под землей! А дворцовая челядь должна бояться привидений. Во-первых, от нечего делать целыми днями пугают друг дружку страшными историями. Во-вторых, и на самом деле кто-нибудь нелюдского рода всенепременно шляется по мрачному подземелью, какой же дворец без этого? Уж Сварогу ли не знать, что вымысел и небывлицы прорастают не на пустом месте. Кстати, Сварога уже успели ознакомить с несколькими дворцовыми преданиями. Например, про дух короля Густара Лютого (Снольдер), что ищет оторвавшийся и куда-то закатившийся оберег, потеряв который, король Густар потерял и жизнь. Дух пристаёт ко всем с нудными расспросами, не видели ли где такую штуку, а не слышали ли вы от кого-нибудь, и в таком роде... Но если ему не отвечать, говорят, может осердиться и устроить пакость. Еще припомнилась Сварогу легенда про волосы принцессы, дай бог память, Минессы или Ольмины (то ли Ронеро, то ли Снольдер). Принцессу природа наградила волосом невиданной тонкости, шелковистости и длины, как у Медузы, согласно мифам, до превращения в чудище. Придворные красавицы умирали, умирали от завис-

ти, а потом взяли да прокрались ночью к ложу принцессы и отстригли ей локоны. Увидев себя наутро, Минесса или Ольмина сама умерла от разрыва сердца. Волосы, брошенные подлыми завистницами в подвал, теперь ползают по подземным коридорам и ищут виновниц смерти своей хозяйки. Мужчин волосы не трогают, но не дай бог спуститься в подвал женщине, да еще красивой... Еще что-то рассказывали про собаку с отравленной шерстью и про фундамент старого дворца, в каждый камень которого вроде бы замуровано по человеческой голове, и головы эти иногда переговариваются и стонут.

За веселыми раздумьями Сварог не заметил, как дошел до двери из широких дубовых досок, обитых медными полосами. На серебряном гвозде, вбитом в верхний рамный брус, висел серебряный же обруч. Его предназначение очевидно — не пущать наружу чертяк окаянных. С той же целью на дверных досках мелом нарисован знак — замысловато переплетенные треугольники. Дверь в «черные» заплутки подвала перекрывал засов. Увесистая, будто из свинца вырубленная доска с трудом вышла из проржавевших скоб. Скрипнули петли, забывшие о масле, тяжелая дверь с неохотой отлипла от косяка.

Из застойного подвального нутра ударила волна гнили и плесени. Сварог вытащил из настенного крепежа факел, перешагнул высокий порог, оглянулся, посмотрел вниз. С внутренней стороны напольный брус был изгрызан. Либо крысами, либо кем-то еще. Во всяком случае, с острыми зубками...

Каменная кладка пола влажно блестела в факельном свете. Ступать по ней следовало осторожно, не ровен час — поскользнешься. Седые наросты паутины рыболовными сетями свешивались с низкого полукруглого свода, липкие прикосно-

вения с первых же шагов заставляли Сварога морщиться и обтирать лицо.

Его шаги, дыхание, потрескивание факела, скрип кожаной петли, в которой постукивал хозяина по бедру Доран-ан-Тег,— эти звуки гулко метались в затишье коридора, рикошетили от стен, забегали вперед, в темноту, отпрыгивали назад, опять же в темноту.

Под ногами звучно хрустнуло. С возмущенным писком брызнули прочь от двуногого пришельца крысы, волоча за собой длинные хвосты, и растворились в сгустках мрака. Убрав ногу, Сварог разглядел на полу костяное крошево. А чуть впереди белела — он шагнул, подняв факел выше,— горка чьих-то костей в конопатинах крысиного помета. Рядом на камнях стены обнаружились брызги засохшей крови. Носком сапога Сварог размстал грудь и раскопал узкий вытянутый череп, в который не поместилось бы много мозгового вещества. Однако: крайне примечательный череп, лишенный глазниц, но зато снаряженный частоколом треугольных акульих зубов.

Скорее всего, здесь нашло успокоение существо, никогда не покидающее мрак, вполне обходящееся слухом и обонянием. Какой-нибудь отдаленный родственник крота, только вряд ли такой же безобидный. Вполне возможно, охотник на крыс. Философски подходя, если есть крысы, должен же кто-то ими питаться. Однако кто знает, может, наш крысолюб не чурается и человечинки?

Вскоре после обнаружения первых костей Сварог обнаружил первую дверь. И даже припомнил, что на плане дворца помещение отмечено как «ледник Ролана». На уровне Сварогова колена в двери ледника зияло отверстие почти правильной треугольной формы. Правильной-то правильной, но края прорехи в неровностях, зазубринах и бо-

роздах, словно отверстие выгрызали зубами или выцарапывали когтями. Для крыс дыра высоковата, значит, постарался кто-то другой. Не в леднике ли он обитает? Одним словом, хорошо, что нам туда не надо.

В общем и целом, нормальный дворцовый подвал, отстойник времени, заброшенный, запыленный, отданный на откуп грызунам и фантомам. Без таких подземелий, щекочущих нервы и воображение своей близостью от светлых обыденных покоев, дворец лишается пряности, превращается в жаркое без соли и приправ, вроде есть можно, но жуешь без всякого удовольствия. И этот беспризорный лабиринт — тоже часть его, Сварога, королевских владений. Вот король и обходит владения свои.

Свидетельством былых событий открылась в факельном свете надпись, вырезанная на стене, забитая грязью и незаконченная: «Задгарг убил меня. Тот, кто найдет ко...». Кольцо, колодец, копье, конец? Кто знает, на каком слове разжались пальцы резчика, о ком тот думал, когда доверял последнюю волю камню. Но, как ни странно, никаких других следов давней драмы Сварог не обнаружил.

На первое препятствие Сварог наткнулся на следующем изгибе коридора. Проход персгораживала решетка, запертая с той стороны на допотопный амбарный замок. Кроме того, с той стороны на ржавые прутья, по толщине не уступающие древку алебарды, были навалены бревна, доски и камни. Соорудившие от кого-то или чего-то эту баррикаду наружу так и не вышли, потому что выход-то всего один. Впрочем, поправил сам себя Сварог, это по плану один, если составители плана утруждали себя проверкой и перепроверкой сведений. А поскольку человеку свойственно лениться и отписываться...

Легкое движение кистью, сжимающей рукоять топора. Послушный хозяину Доран-ан-Тег набросился на преграду. Сверкал блестящей синевой полумесяц лезвия, расправляясь с прутьями, как с тростником. Шмякнулись на пол замок и вырубленный кусок решетки. Доски и бревна разлетелись в щепы, обдав трухой. Руками раскидав камни, Сварог перебрался через остатки баррикады и...

И вдруг обнаружил, что факел не разгоняет мрак. Колышущееся желтое пламя словно споткнулось о темноту перед собой, оно не отбрасывало отсвет на стены, освещало лишь руку Сварога. Застыв, не совершая преждевременных действий, Сварог включил «кошачий глаз».

В двух уардах впереди стояло нечто, более плотное, чем мрак вокруг. Нечто именно стояло — на двух чуть расставленных ногах, одну руку подняв над собой, другую...

Знакомые, однако, очертания и поза! Чересчур знакомые, чтобы не признать самого себя, держащего факел над головой и положившего ладонь на рукоять Доран-ан-Тега. Сварог повел головой, и его подземный двойник скопировал движение. Тень в зеркале, сотворенном из тьмы? Ох уж эти зеркала...

Тень внезапно смяла «Сварога» в бесформенное облако, из которого — словно под быстрыми, умелыми руками скульптора — стал проступать новый силуэт. Творение мрака сделалось меньше ростом, округлилось женскими формами, повернулось в профиль, провело рукой по коротко стриженным волосам, уперло руки в бока... «Мара! Тьфу ты, пропасть! Это что ж получается, тварюга беззастенчиво копается в моей голове и оттуда выуживает образы?» Как бы отвечая на вопрос утвердительно, нечто старалось уже вовсю, взвинчивая темп. Будто в трубе калейдоскопа безоста-

новочно переливались друг в друга узнаваемые без труда тени: тетка Чари, капитан Зо, Гаудин, императрица Яна, Делия, Арталетта, хелльстадский пес Акбар, домовый Карах...

Ну ладно, хватит нам кина! Сварог достал шаур и плюнул серебряной звездочкой в мнимого Леверлина, перебирающего струны фальшивого виолончеля.

Жалобно, обиженно мяукнув, нечто сжалось в кошачий комок и бросилось наутек, то взбегая на стены, то взлетая на потолок. Факельный свет, чуть ли не вздохнув с облегчением, вспыхнул ярко, словно от прилива кислорода.

Очень может быть, что утомившееся от подвального одиночества нечто хотело лишь поговорить, надеясь на какую-то взаимность, а по-другому оно общаться не умело, и Сварог обидел мирное создание. Однако же не исключено, что правильно он прогнал кривляку и лицедея, и за театром теней последовал бы театр драмы и трагедии. Да и некогда ему сегодня общаться с тенями. Потом как-нибудь зайдет на ложный огонек...

Не все сказка, что бабками сказывается,— попадаете и быль. В том Сварог удостоверился уже на подходе к пресловутой часовне Атуана. Сначала он подумал о змеях. А взглядевшись, понял, что это такое неспешно ползет, шурша, как складки платья, по камням.

Волосы принцессы Минессы или Ольмины, отрезанные завистницами и заброшенные в подвал, действительно жили своей жизнью и сейчас куда-то направлялись, переплетаясь, завиваясь на ходу в подобие косичек, закручиваясь кудряшками, изгибаясь дугой и выпрямляясь. Сварог на всякий случай отступил к противоположной стене, но волосы не обратили на мужское присутствие никакого внимания, проползли мимо, Сварог был им заметно неинтересен.

Ответвление, согласно плану обязанное привести к часовне, не озаботились сделать пошире, Сварогу приходилось протискиваться боком. Проход чуть расширился, когда закончился каменный пол и пошли ступени, вырезанные в глине. Стены спуска тоже не были забраны камнем. А глина под ногами и сбоку, желто-красная в синих прожилках, была на удивление суха. Воздух неожиданно сделался свежее, даже факел стал потрескивать громче.

Черт! Сварог резко обернулся. Почудилось, будто за спиной захлопали сильные птичьи крылья. Звук пропал так же внезапно, как и возник.

А был ли мальчик? Во всяком случае, ничего не видно. Сварог постоял, прислушиваясь. Тихо. Может, летучие мыши? Но раз так, надо чаще оглядываться. Впрочем, уже недалеко. Уже пришел.

Вот ты какая, часовня Атуана! Подземный камень в объятьях глины, иссиня-черный, подмигивающий вкраплениями слюды, а в камне — дверь. Овальная дверца, доходящая Сварогу до груди. Сварог коснулся ее. Железо, не тронутое ржой, отвестило на прикосновение обычным холодом металла. По краю дверного овала были выбиты руны. Витую, замысловато изломанную ручку строители расположили необычно — почти по центру. Сварог присмотрелся — дверца открывается наружу. Что ж, остается только открыть...

Вот, значит, зачем потребовалось строителям часовни зарываться в землю еще глубже — чтобы выйти к каменюге. Но это рождает новый вопрос: что такого в этом камне, из-за чего понадобилось к нему пробиваться? Да еще прорубать в нем дверь? Может быть, просто ходило в тогдашние времена поверье, приписывающее валуну целебные и магические свойства? Но кто и откуда узнал, что в таком-то месте в земле лежит здоровенный булыжник и он магически могуч? Воп-

росы притягивали вопросы, ветвились новыми вопросами, в них можно запутаться. Ладно, отложим.

Любопытно будет взглянуть на часовню. И на тех, кто ждет его там.

Если ждет.

Он достал из петли Доран-ан-Тег и вежливо постучал в дверцу рукоятью. Тишина. Никто не отозвался: «Занято!», никто не спросил: «Кто там?», никто не сказал: «Прошу!» Да и глупо, конечно, было бы ждать ответа. Сварог взялся за ручку. Будто женщина, заждавшаяся любимого, ручка откликнулась на прикосновение жадным согласием повиноваться, провернулась от легкого нажима. Сварог потянул на себя дверцу. Та тоже пошла легко и без намека на скрип, словно каждый день некий специально приставленный человек щедро поливает дверные петли маслом.

Открылся черный овал проема, в который Сварогу предстояло шагнуть. Из часовни не вырвался пугающий запах, не раздалось настораживающих звуков, чего-нибудь вроде щелчка взводимого курка. Не дохнуло, не мазнуло ветром из неведомых частиц, что переносят опасность, не зазвонили в мозгу тревожные колокольчики: «Не ходи, нельзя». А чутью он привык доверять. Но и не стоит спешить и безрассудно лезть в овальную пасть. Поначалу надо заглянуть, осмотреться с порога. И, если что-то не понравится, возможно, на пороге он и останется, здесь и дождется авторов записки.

Оглянувшись, Сварог проверил тылы «кошачьим зрением». Как говаривал капитан Родимчик, — поводов к беспокойствам нема. Он нагнулся, ухватился за железный косяк, завел руку с факелом внутрь часовни...

Более всего это напоминало игривый толчок в спину огромных медвежьих лап. Не похоже, что в

тот удар вложили саккумулированную мощь и злобное торжество: «На! Получай!» Просто грубая приятельская шутка Гагрантюа, не рассчитавшего силу. Но хватило и того.

Сварог кувырнулся за порог — и Доран-ан-Тег вырвало из руки. То есть не вырвало, а... Как будто топор был прикован к противоположной стене прочнейшей невидимой цепью длиной как раз до дверного проема. Цепь резко натянулась — и не пустила оружие дальше порога. И не успел топор, падая, коснуться глиняного пола, как дверь часовни захлопнулась, точно люк подлодки по сигналу тревоги,— поспешно, отработанно, с громовым содроганием. А Сварога уже оттаскивал от входа властный водоворот, завихрение сил, незнакомых с понятиями «сопротивление» и «пощада». Оттаскивал и вкручивал в поток, как воду в сливное отверстие. И уже ничего нельзя было поделывать...

Глава вторая

...и как с ней бороться

Факел задуло сразу, теперь он тяжелил руку бессмысленным придатком. Задуло не ветром. Какой там ветер! Сварога черным одеялом окутывало абсолютное, беспросветное затишье.

Сварог бултыхался в ощущениях сродни тем, что должны окружать купальщика, накрытого неожиданной волной океанского прибоя: тепло, темно и неотвратимо несет к заданному природой берегу. И от тебя ничего не зависит.

Длительного испуга ему не подарили. Лишь в тот миг, когда тычок в спину окунул его в черную неизвестность, когда рука, лишенная топора Дорана, бессмысленно хватала пустоту, а другая не менее бессмысленно сжимала никчемный факел, тогда вот сердце каменным ядром ухнуло в низ

живота и тысячи холодных осиных жал страха впились в мозг.

Каскадер, прыгающий с крыши, пока летит мимо окон и балконов, боится, как и любой нормальный человек, — природу не переделаешь. Пусть в тысячный раз отматывает трюк — страх перед неизвестностью не выдавишь ничем. Лишь когда тело тонет в перинах надувных гор, успокаивающе покачивается в них, тогда страх отступает — неизвестность позади. Нечто похожее испытал Сварог, когда его подхватил, принял Поток. Пронзило ощущение, словно он упал в подставленные руки, и испуг прошел, как похмелье от чарки доброго вина. А чуть позже подоспело осознание того, что он не задыхается, не горит, не мерзнет. Даже вполне комфортно себя чувствует. Значит, и здесь жить можно. А раз можно жить, можно побороться за что-то лучшее...

Сварог выпустил ненужный факел, однако тот никуда не делся из разжатых пальцев. Тогда Сварог убрал руку, опустил ее к поясу...

Ого! Сначала показалось, будто его развернуло лицом вниз, и внизу, далеко, мелькнула серебряная, похожая на шляпку гвоздя точка. Но мигом позже он понял... нет, на него с низошло понимание того, что развернуло не его — это развернулось окружающее пространство. И не он сейчас снижается, а к нему придвигается та самая шляпка гвоздя... Чем дальше он всматривался в серебряную точку, тем четче проступали очертания... некоего предмета. И вот никакой точки уже нет, блеск пропал, зато он отчетливо видит, что именно к нему приближается.

Дверь. Высокая и узкая, в раме из сваренных рельсов, с деревянным крыльцом в три ступени, на месте дверного замка — идеально круглое отверстие. И он уже ясно видит холм, на вершине которого стоит дверь. Россыпь камней, иссушен-

ная солнцем трава, стервятник, потрошащий добычу. Вот что-то вспугнуло птицу, и она взмывает ввысь. К двери подъезжает всадник, спешивается, отпускает повод коня и обходит дверь по кругу, не отрывая от нее заинтересованного взгляда. Как в свое время сам Сварог в Хелльстаде обходил похожее сооружение.

И главное! Сейчас Сварог почувствовал, черт его знает, как и чем, но почувствовал явственно, будто даровали ему в этот миг Знание: что может выйти в эту дверь, которая уже близка. Если захочет. Стоит приложить усилие. Наверное — просто так же протянуть руку в желанную сторону. И будет достаточно — он выйдет. Выйдет неизвестно где и когда.

И Сварог ничего не стал протягивать. Он закрыл глаза. Мир тут же выровнялся, и его подхватил прежний Поток.

Так, так... Кубик Рубика, проворачиваясь со скрипом, все же начинает складываться. Не будем называть это Древними Дорогами, потому что это могут оказаться вовсе и не Древние Дороги, — Леверлин, во всяком случае, в свое время водил его явно каким-то другим путем. Поток, пусть это будет Поток, в который его сбросили. И Поток способен выбросить его, как река щепку, на любой берег. Или вынести в океан? Впрочем, кажется, его не уподобляют щепке, ему подарена способность управлять движением в Потоке...

Сварог решил попробовать еще и открыл глаза. Рисуя на аспидно-черном вселенском полотне неведомое созвездие, впереди горели десятки серебряных шляпок. Сварог выделил из звездного узора трилистник, протянул к нему руку, и начертавшие его точки мигом стали надвигаться, укрупняясь. Выбрав одну, Сварог прищурил глаза, старательно всматриваясь. Так и есть: именно она, его крохотная избранница, выбежала навстречу. Се-

ребряное свечение тускнело по мере превращения точки в круг, по мере разрастания круга в шар, похожий на воздушный, в котором, как в круглом аквариуме, переливалась своя жизнь. Первым образом наугад выбранного мира, проступившим из смутных черно-синих клубов... нет, то была на сей раз не дверь. Арка. Ворота. Примитивные до мысли о дикарях с дубинами ворота, сложенные из двух врытых в землю продолговатых серых камней и уложенного поверх третьего камня. Столбовые камни покрывала паутина трещин и расколов, верхний же густо, как медведь шерстью, оброс зеленым лишайником. Подобное сооружение должно было бы рассыпаться при первом же урагане. Может быть, хватило бы и просто подготовительной работы снегов, дождей и времени, которую бы завершили сильные ветры. Однако сооружение держалось.

Как и в предыдущий раз, некий Оператор принялся подкручивать рукоять настройки, увеличивая четкость, включая цвета, регулируя контрастность. Тот же Оператор раздвигал экран, представляя местность вокруг ворот. Возникла безукоризненно плоская, будто раскатывали скалкой, бурая равнина в островках невысокой черной травы. От островка к островку переходили животные: приземистые, с туловищами коров, с маленькими головами, припадающие на задние короткие ноги, цепляющиеся за землю когтями на широких шерстистых лапах. Сгибая длинные и гибкие, как у ящеров, шеи, они щипали худосочную траву. На некоторых из них топорщились горбы неснятых седел, похожих на скатки из одеял. Неведомый Оператор увеличил обзор, и показались, по всей видимости, не кто иные, как хозяева пасущихся росинантов. Поначалу Сварог принял их за людей, очень широких в кости, длинноруких, косматых, но все-таки людей, а

потом один из закутанных в огромные складчатые плащи чужеродцев повернулся. Словно уловив чье-то неразличимое присутствие, он задрал голову вверх. На Сварога (так ему, во всяком случае, показалось) уставились три глаза на безносом, лимонно-желтом лице с маленькой щелкой рта. И припомнился графу Гэйру подвал его фамильного манора, где на вбитых в кирпичную стену крюках висели черепа с тремя глазницами, и третья глазница располагалась как раз во лбу. Если верить магу из Магистериума, просвещавшему новоявленного графа, эти черепа привез предыдущий граф Гэйр, отец Сварога, из очередной экспедиции в неизвестно куда. Привез незадолго до своего исчезновения.

Нынешние трехглазые существа занимались тем, что разматывали нити и натягивали их на толстые сучковатые столбики. У одного в руках было нечто вроде кокона, другой вытягивал за конец нить, очень похожую на капроновую леску.

Таинственный Оператор расширял панораму, как бы окружал Сварога экраном, как бы окутывал Сварога чужим миром. Еще немного, и можно будет, оглянувшись, увидеть, что творится за спиной, закинуть голову и посмотреть, какого цвета небо над головой, а там останется всего один шаг — шаг на бурую равнину...

И опять к Сварогу пришло несомненное понимание: стоит ему захотеть и приложить к тому некое усилие — и он вышагнет из ворот к трехглазым существам. А если вообще не приложит никаких усилий, то чужой мир засосет, затянет, и Сварог все равно окажется в нем, под каменными воротами. И, случись такое, достаточно ли будет одного его, Сварога, желания, чтобы вернуться в Поток? Не суждено ли ему тогда надолго, если не навечно, остаться на равнинах, где пасутся длинношеие сивки-бурки?

А если... Сварог приказал себе, или, как говаривал некий телевизионный шарлатан, дал себе установку: он не хочет двигаться, он не стремится покинуть Поток, он желает застыть там, где находится — в черноте, вакууме, в безвременье и безпространственности.

Поступательное движение к воротам приостановилось, чужой мир уже больше не вбирал в себя Станислава Сварога, графа Гэйра, барона Готара, короля Хселльстада и прочая. Мир перестал разворачиваться. Трехглазые существа и их ездовые животные застыли, как на фотокарточке. И то была неподвижность более полная, чем отсутствие движения. Полный, абсолютный покой, чарующий и страшный.

«Ну хоть то хорошо, что не принуждают», — подумал Сварог. Болсе того, ему подарен выбор, причем широчайший, безграничайший. Власть над временем, власть над пространством. Только радости в том никакой — что прикажете со всем этим делать? Как распорядиться неожиданным счастьем? Вольного ветра в лицо ему, видите ли, захотелось, бляха-муха...

Перефразируя цитату из одного неплохого фильма: вы хотите приключений — их есть у меня. Стоило Сварогу возжелать авантюрных странствий, и — лови их, подставляй карман. Уж от чего-чего, а от хандры его вылечили, и на том спасибо, мать вашу так. Теперь бы вновь поближе к дому, где, если найдет блажь, он сам себе подберет приключение по вкусу...

Сварог догадывался, что обратная дорога в часовню Атуана ему не заказана. Одно вот только неясно: как ее отыскать. Хотя попробовать, пожалуй, стоит. Развернуться и лететь... Нет, слово «лететь» не годится, никакой это не полет. Станиславу ли Сварогу не знать ощущения полета, будь то свободное падение, управление самолетом или

пилотаж на драккаре... В Потоке же, наоборот, Сварог каждым атомом каждой клетки чувствовал свою неподвижность. И это не он разворачивается,— это вокруг него вертят какой-то барабан с чудесами. Которым, впрочем, он и сам вполне способен управлять.

Развернув пространство той стороной, где, по его мнению и ощущению, остался Талар, Сварог аж зажмурился. Тысячи тысяч, мириады точек, океан серебряных точек. Вот так-так! Розыск предстоит нешуточный. Всю жизнь положить можно на блуждания среди миров. А сколько ему суждено прожить в черных струях Потока, кто бы ответил?..

Печально, господа. Паскудно на душе. Одно дело, когда тебе нечего терять. Тебя уволакивают, а ты этому и рад, потому что новое, пусть злобное и опасное, лучше приевшегося старого, обрыдлого до неотступных мыслей про пулю в лоб. И совсем другое дело, когда тебя заарканивают и тащат вопреки твоим желаниям, когда тебе есть что терять в оставляемом мире. Хочется разозлиться — да знать бы на кого...

На какое-то время Сварог забросил думать о Потоке, и его вновь, как корабль без руля и ветрил, понесло по течению.

Значит, подброшенная записка все-таки была ловушкой. Не убить, но отстранить короля Сварога,— вот что затевали неведомые вороги. Сослать. Сослать дальше, чем на край земли. И пусть он выбирается сам. Если сможет.

Сварог заскрипел зубами от досады. А самостоятельно ему отсюда не выбраться. Разве что он случайно наткнется на дверь в мир Талара. Почему же не зажегся тревожный огонек в его мозгу, почему подвело чутье на опасность? Потому, ответил он самому себе, что никакой реальной опасности ему здесь не угрожает. Нагулялся по

чужим мирам — и возвращайся, когда хочешь. А на то, что Сварог не знает обратной дороги, чуть ровным счетом наплевать. Не на это ли и рассчитывал таинственный противник? Подловил, ничего не скажешь...

Мысли Сварога приняли иное направление. А вот интересно: куда-то же влечет его Поток, словно подгоняемый чьей-то волей! И если властитель Потока и автор записки — одно лицо, то... То такое возможно в единственном случае. Если властитель Потока — сам Великий Мастер. И тогда бесконечная свобода выбора миров — лишь мрачная шутка гения зла.

А вот если над Потокom не волен властвовать никто, то его волнами, или, если хотите, течением, управляет судьба. Сиречь провидение, рок, фатум, неизбежность. И не то чтобы Сварог считал невозможным противиться судьбе, но зачем ей противиться? Есть ли смысл? Тыркаться наугад глупо, выход из Потока на Талар проищешь до конца света — как ни грустно, но, сжав зубы, приходится признать неоспоримость этого вывода...

И он отдался течению Потока. А куда, спрашивается, денешься?

И, уловив эманации его желания, Поток понес человеческую щепку со стихийным неистовством горной реки, рвущейся к морю. Серебряные точки сливались в полосы. Как при сильных перегрузках, сдавило виски и пулеметом застучало сердце. Закружилась голова. Но глаза Сварог не закрывал. Ему хотелось видеть.

...Откуда-то слева вылетел серебряный шар, переливающийся, как ртуть, описал стремительную петлю вокруг Сварога, надвинулся, раздался вширь, отразил причудливо искаженную, как в кривом зеркале, человеческую фигуру с обалдело распахнутым ртом, в которой Сварог с трудом узнал себя... Так что, это — оно? Это и есть — его цель?..

На короткое мгновение он у в и д е л , но осознать увиденное не успел.

Поток лопнул, показалось даже — полетели в стороны черные клочья. Сварог вонзился в серебряный шар, будто в прорубь нырнул, и своды чужого мира захлопнулись за ним. В глазах на мгновение потемнело, в ушах вдарили на полную катушку колокола. Сварог пошатнулся, внезапно ощутив под ногами земную твердь, судорожно вздохнул, зажмурился...

А потом открыл глаза.

Глава третья

Встреча в стиле Брейгеля

Если откровенно, вот если положить руку на сердце, то винить во всем происшедшем было некого — ну разве что кроме одного сумасбродного короля, государя, блин, императора, который по-детски купился на анонимную записку и как ослик за той морковкой бодро поскакал напрямик в ловушку. Ведь бачылы ж очи, шо куповалы... Но ругать себя, рвать волосы на венценосной голове и проклинать собственное безрассудство было как-то не с руки — все равно некому умилиться и посочувствовать. Так что Сварог решил с самобичеванием повременить и заняться более насущными вопросами. Как то: минимум — выбраться отсюда живым и оптимум — вернуться на Талар. Будем рассуждать здраво: если есть вход в этот мир, значит, должен быть и выход, логично? А то...

Сварог несколько раз шумно вдохнул и выдохнул, успокаивая нервишки, а потом медленно, не торопясь сделал полный оборот вокруг собственной оси. Никаких следов двери, через которую он попал сюда, ни лаза в параллельное простран-

ство, ни прочей дыры обратно в Поток поблизости не наблюдалось. А жаль.

Здесь, в отличие от Латераны, еще (или уже?) была ночь — безоблачная и безлунная, почти безветренная. На черном небосклоне безмятежно полыхали крупные белые звезды, образующие, понятное дело, совершенно незнакомые созвездия. Видимость была практически нулевой, однако разглядеть кое-что все же удалось: слева ночное небо было озарено странным белым сиянием, словно подсвеченное прожекторами.

И спереди, и сзади, и со всех сторон вокруг Сварога стеной стоял непролазный, безмолвный, равнодушный лес.

— Земную жизнь пройдя до половины... — продекламировал Сварог и добавил со вздохом: — Влип, король. — Собственный голос ему совершенно не понравился. — Спокойствие, ваше величество, только спокойствие... — Он машинально выудил из воздуха зажженную сигарету. Запоздало мелькнула кошмарная мысль: а вдруг вся магия ларов осталась там, на Таларе, как остался топор-Дорана? Нет, к счастью, сработало — хотя и не сразу, хотя и с секундным запозданием, — и Сварог жадно сделал свою первую после отбытия с Талара затяжку. Докурил до фильтра, стараясь не торопиться, успокоиться, взять себя в руки, бросил окурок на землю и размазал его каблуком.

Ну, хорошо.

Итак.

Итак, с сигаретами порядок, посмотрим, что еще имеется у нас в активе. Он включил «кошачий глаз».

С той же непонятной, но, в общем-то прости-тельной задержкой лес посветлел, из бесформенной темной массы превратился в частоколы толстых, тонких, кривых, прямых и разветвляющихся стволов. Вокруг возвышались деревья, похожие

на могучие сосны (их стволы были покрыты морщинистой, как старческая кожа, корой), шелестели кронами деревья, похожие на осины, чернели тени под разлапистыми зарослями, похожими на ельники. И, что самое веселое, ни тропки, ни дорожки, ни стежки. Одно слово — пуща. Уж влип так влип...

Ну, по крайней мере, стало понятно, что вокруг настоящий лес, доподлинный и безусловный. Смешанный, не очень-то и непролазный, и, если б не созвездия, можно было бы решить, что Сварог очутился где-нибудь в Прибалтике. Или — почему бы и нет? — в Харуме. Нормальный, короче говоря, лес. Хотя с другой стороны...

С другой стороны объективности ради следует заметить, что подобные нормальные местечки можно встретить даже в Хелльстаде, — и, умиляясь красотам девственной природы, быть благополучно сожраным какой-нибудь зубастой пакостью.

Воспоминание о Хелльстаде навело на неприятную мысль: а как тут у вас, господа, насчет нечисти? Помнится, там, у нас, кое-какие деревья умеют весьма бодренько передвигаться с весьма кровожадными намерениями...

Он задействовал «третий глаз». И в окружающей обстановке ничего не изменилось. Кстати, и чутье на опасность молчит, как жареный карась. Что это означает? Да ровным счетом ничего не означает! Возможно, чутье просто не умеет правильно распознать местную опасность или же не считает угрозу существенной. Лоханулось же оно в часовне Атуана. И по этой же причине не работает «третий глаз» — он не видит проявлений здешнего колдовства. М-да, загвоздочка... А что скажет наука?

Сварог вытащил шаур. Серебряные звездочки вереницей прошили ночной воздух и одна за дру-

гой вlepились в толстенный ствол ближайшей сосны... И ничего не произошло. Выждав на всякий случай еще немного, Сварог подошел ближе, потрогал пальцем острые зубцы звездочек, ушедших глубоко в кору. Кора как кора.

Черт, и снова это ничего не доказывало — то ли дерево и впрямь самое что ни на есть обыкновенное, то ли, что гораздо хуже, здешней нечисти на серебро чихать. И дерево сейчас захочет и кинется на тебя, разинувши дуπλα...

Сварог перевел дух.

Да что мы все о нечисти-то, судари мои. Да еще ночью. По крайней мере, выяснили, что шаур, дитя не магии, но науки, в этом мире действует по-прежнему безотказно. Стало быть, одной проблемой меньше. Не проблемой, конечно, — так, проблемкой...

За несколько минут Сварог перепробовал все свои способности, за исключением, пожалуй, совсем уж экзотических, вроде умения дышать под водой, и нашел во всей этой истории как минимум один плюс: магия ларов не покинула Сварога в трудную минуту. Что ж, спасибо и на том. Не пройденной, правда, пока осталась проверка на собственную неуязвимость. Но тут уж ничего не поделать: не станешь же палить в себя из шаура — а вдруг не сработает? То есть вдруг сработает...

Сварог еще некоторое время позволил мыслям скакать с темы на тему, резвиться и бултыхаться — лишь бы не думать о том, что делать дальше. Помогло. Отпустило. В конце концов, чего паниковать раньше времени? Как говорят в одной юго-восточной стране, сегодня мы живы, и в этом наше счастье... А будут проблемы — будем решать. Ну-с, помолясь...

Он выкурил еще одну сигаретку, напоследок огляделся и решительно двинулся прочь сквозь лес, туда, где белым ровным светом полыхало

небо. Направление было ничуть не хуже и не лучше остальных, но вдруг это огни ночного города, чем черт не шутит...

Буреломы, поляны, овраги. Ни движения, ни шороха вокруг, даже птиц не слышно. Он шел вперед и вперед, теша себя размышлизмами о том, что выбирался из мест и похуже (вспомним, милорды, например, первые хелльстадские приключения), отводил руками нависающие ветви, норовящие угодить в глаз, обходил совсем уж непроходимые буреломы, осторожно спускался в овраги (ногу бы не сломать, тогда точно кранты), поднимался на пологие возвышенности... и сам не заметил, как втянулся. Теперь он пср на автомате, не делая привалов, не замечая усталости и гудения в ногах, не обращая внимания на порванный во многих местах камзол, на царапины на ладонях и на лице; он ломился вперед как робот, по привычке, как учили, делая левой ногой шаг чуть длиннее, чем правой. Туда, куда глаза глядят.

...И едва не налетел на неожиданно выросшую перед ним темную громаду. На обширной поляне возвышался холм. А из склона холма...

Сварог остановился, выравнивал дыхание. Дрожащими после марш-броска пальцами сунул сигарету между губ, прикурил и только тогда задраг голову.

Более всего это напоминало исполинский вентилятор. Или пропеллер на могиле Карлсона-великана. Или цветок клевера, основательно изгрызенный гусеницами, — если только какому-нибудь шизанутому Даниле-мастеру придет в голову отлить из металла цветок размером с пятиэтажный дом и наклонно воткнуть в холм посреди леса. Сварог медленно двинулся в обход и вскоре, по другую сторону холма, уардах в двадцати от первого, наткнулся на второй «цветок», вкопанный параллельно первому, но по самую маковку —

виднеется из земли лишь округлая верхушка толстенного, с руку, «лепестка». И ведь что-то до боли знакомое есть в очертаниях взгорка с косо торчащим из него пропеллером. Но вот что?.. Он отступил на несколько шагов, вглядываясь так и этак. Склон с растущим на нем «клевером» крутой, изогнутый, противоположный — пологий... и если снять с холма слой почвы, выкорчевать кустики и деревья, то получится... получится... Он мысленно продолжил линию пологого склона ниже, под землю, еще глубже... и вдруг, как в детской головоломке «Найди, где на картинке спрятался жираф», перед его мысленным взором проступили очертания гигантского предмета, которого здесь быть никак не может. Не должно быть, и все тут! Сварог выронил сигарету.

Возьмите большой, водоизмещением тысяч в двадцать тонн корабль, переверните его вверх дном, закопайте так, чтобы наружу торчали только край киля и гребные винты. И возвращайтесь сюда спустя лет эдак двести. Если не больше. Но не меньше — чтоб над кораблем успел образоваться приличный слой почвы, чтоб сквозь днище проросли вековые деревья, а в каютах устроили себе фамильные норы какие-нибудь подземные твари... Шесть лопастей громадного винта, который Сварог поначалу принял за памятник клеверу, были столь основательно изъедены ржой, что казалось, будто его долго и успешно грызла стая голодных терминаторов. Коснись — и рассыплется в пыль... Никаких сомнений: здесь, посреди дикого леса, в земной толще зарыто морское судно.

— Ребята, — растерянно сказал Сварог лесным обитателям, — это что у вас тут, подводная лодка в степях Украины?..

Лесные обитатели безмолвствовали.

Сварог недоуменно пожал плечами и, то и дело оглядываясь на загадочный холм, двинулся в пре-

жнем направлении, пока упирающийся в черное небо винт не скрыли кроны деревьев. Думать о том, кто, зачем и, главное, как доставил сюда корабль, не хотелось абсолютно.

...Из леса он вышел часа через два, когда уже начало светать: небо справа на траверзе посере-ло, у деревьев появились очертания, дорогу можно было различать и без «кошачьего глаза». Сварог приободрился: значит, ночь здесь не бесконечная. Значит, утречком можно будет забраться на какое-нибудь дерево повыше и сделать мало-мальскую привязку к местности. Вдруг да отыщутся признаки разумной жизни. Например, готовый к взлету пустой самолет. Или, в идеале, призывно открытая дверь на Талар. Почему бы и нет — если уж местные кораблями в лесу разбрасываются... Заметив просвет среди деревьев, он решительно свернул туда — и неожиданно лес кончился. Сварог вышел на дорогу.

В том, что эта была именно дорога, а не какая-нибудь там звериная тропа, сомневаться не приходилось. Две колеи, явно проделанные колесами без протекторов, плюс отчетливые отпечатки копыт... Факт, дорога. Сварог, как заправский сын Инчучуна, присел на корточки, внимательно осмотрел следы, даже потрогал. Сказал радостно: «Ну так это же элементарно, Ватсон!» Не нужно было быть потомственным краснокожим, чтобы следы эти прочитать: совсем недавно на полдень (если, конечно, считать сторону, где вставало солнце, восходом) здесь проскакали лошадки. Или животные, весьма на них похожие. Штук пять, не меньше. Подкованные. Будем надеяться, что с седоками. Будем надеяться также, что седоки не бросаются на первого встречного чужестранца с шашками наголо.

Сварог выпрямился, огляделся. По другую сторону от дороги простиралось поле — обширное

ли да и возделанное ли, понять было невозможно из-за поднимающегося тумана. Низкие солнечные лучи, просвечивая туман навывлет, тонули в загадочно темнеющем за спиной лесу. Сварог зябко поежился. Теперь надо было решить, в какой стороне находится ближайший населенный пункт, — там, куда ускакали всадники, или в противоположной? Что вернее — они ни свет ни заря рванули из селения по каким-то своим делам или же, наоборот, под утро возвращались домой? Задача Буридана, право слово...

Прикинув и так и этак и не придя ни к какому решению, Сварог уверенно повернул направо — туда, куда умчался отряд, и бодро зашагал сквозь стелющийся туман.

...Он не сразу понял, что к обычным лесным ароматам примешиваются другие запахи — дыма и жареного мяса. А когда понял, то невольно ускорил шаг.

С краю от дороги, чуть в глубине леса, среди невысокого кустарника мирно потрескивал костерок. Вокруг него истуканами застыли пять вроде бы человеческих фигур, в беспорядке валялись котомки, узлы, небрежно свернутые дырявые одеяла. Над огнем, нанизанная на сучковатую палку, истекала соком освежеванная тушка. Сварог, вспомнив, что так и не позавтракал перед тем, как спускаться в часовню Атуана, невольно сглотнул. Ну что, будем устанавливать контакт с населением.

— Эй, есть кто живой? — негромко позвал он. А ведь костер, кстати говоря, развели не те, кто проскакал тут до него — лошадок не видать, да и следы копыт уводят дальше по дороге...

— Мимо проходи, — глухо донеслось из-за ближайших зарослей. Сварог скоренько осмотрелся «третьим глазом» — магическими штучками как будто не пахнет. Пахнет мясом.

Сварог вторично вздохнул с облегчением: еще одной проблемой меньше. Если язык один — есть шанс договориться. (И тут же подумал: сколько раз в истории именно это обстоятельство служило толчком к какой-нибудь кровавой заварушке...)

— Грубить-то не надо,— миролюбиво посоветовал он.— Позвольте отдохнуть у огня.

— А ты кто таков? — нерешительно спросили заросли.

— Да я, собственно, сам человек не местный... Бреду вот, мету дороги ветошью своих одежд,— Сварог потряс лохмотьями камзола.— Семь сапог истоптал... то есть, семь пар. Эй, добрый человек, пусти к огоньку, а?

— У меня автомат,— донесся еще более нерешительный ответ.— Еще шаг, и я стреляю.

— Уж больно ты грозен, как я погляжу,— вздохнул Сварог, отметив про себя, что понятие «автомат» здешним знакомо. Хотя пес его знает, что оно здесь означает.— Вы же видите, я один, я безоружен.— И он показал кустам открытые ладони.— Посижу с вами малость и пойду своей дорогой.

— А ежели ты какая нежить лесная и тебе человечинки захотелось?

— А на это я тебе скажу, что у меня с собой есть серебро. Нежить ведь серебра на дух не переносит, так?

— Так-то оно так... Серебро, говоришь? Ну-ка дай...

Сварог отстегнул от пояса одну из многочисленных серебряных висюлек, по этикету обязательных как деталь непарадного, повседневного королевского туалета фамильных цветов, и бросил ее в кусты.

— Можешь оставить себе,— разрешил он.— В качестве платы за согрев...

В кустах зашебуршало, заворочалось, и на дорожку крадучись выбрался изможденный, дряхлый

оборванец. Под мышкой, действительно как автомат, он воинственно сжимал длинный изогнутый посох, нацеленный куда-то в туман уарда на два в сторону от Сварога.

— Чего надо? — недружелюбно осведомился он, глядя мимо. На его ногах, до колен замотанных грязными портянками, красовались потешные тапочки с длиннющими, заостряющимися носами.

— Так ведь погреться и отдохнуть,— ответил Сварог.— Что еще надо усталому путнику...

Старец вздрогнул, по-птичьи наклонив голову набок, развернул «дуло» посоха к нему, и Сварог с некоторой оторопью понял, что старик слеп, как крот: оба его зрачка были закрыты огромными выпуклыми бельмами.

— Погреться...— недоверчиво проворчал слепец, чутко вслушиваясь в окружающее.— Самим мало.

— Да я и ссть-то не хочу. Сыт, знаете ли, по горло.

— Все так говорят, а потом вещи исчезают... Ну, чего встал! Проходи, садись, грейся. Можешь меня Бедером звать, так и быть...

Эти слова словно послужили сигналом отбоя тревоги: пришелец не опасен, можно расслабиться. Фигуры вокруг костра зашевелились, закричали, забормотали что-то, принялись почесываться и тянуть руки к огню.

Сварог секунду поколебался. Отчего-то эта компания ему быстро разонравилась. Впрочем, чутье на опасность молчит, так что...

— Премного благодарен,— сказал Сварог, скромно примостился по-турецки чуть в сторонке и с интересом, смешанным с толикой брезгливости, разглядывал бродяг. Все как один были обряжены в разной степени сохранности лохмотья, все стары и потрепаны... и все как один слепы.

Вот занесла ж нелегкая...

Назвавшийся Бедером заботливо пристроил увесистый посох под себя (как бы действительно не сперли) и потянулся к мясу. Несколько раз сунув пальцы в огонь и зашипев от боли, он наконец нащупал тушку, снял ее с палки и принялся смачно рвать на более-менее одинаковые части. Со всех сторон к нему потянулись костлявые дрожащие руки. Каждому (кроме, вот спасибо, Сварога) досталось по куску. Прореженные зубы впились в мясо, по небритым подбородкам потек жир, утренний воздух наполнился чавканьем и сопением. Сварог молча понаблюдал за трапезой, потом отвернулся, тишком сварганил себе бутерброд с ветчиной и проглотил в три приема. Король завтракает с клошарами: демократия в действии. Привыкайте, ваше величество, здесь никто знать не знает, что вы король...

Неведомо откуда появилась темная бутылка с длинным горлышком, заткнутым грязной тряпичей, и каждый по разу припал к бутылки трепетными, перепачканными в жире губами. После чего она была протянута Сварогу. Он невольно отшатнулся.

— Спасибо, папаша, я не пью.

Чавканье вдруг прекратилось, бельмастые глаза осуждающе уставились на него.

— Ты можешь не есть,— с недовольством в голосе сказал Бедер.— Ты можешь идти своей дорогой. Но если тебе предлагают вино, ты не можешь отказаться. Пей.

Сварог обреченно принял бутылку. Вот они, проблемы первого контакта двух цивилизаций... По привычке проверил на предмет наличия яда, посмотрел бутылку на свет, вздохнул и, стараясь не касаться горлышка губами, сделал малюсенький глоток. Неимоверным усилием воли сохранил лицо, не передернулся и даже умудрился выдавить из себя:

— Спасибо,— вернул бутылку Бедеру.— Большое спасибо... папаша.

Да-с, господа, такого пошла ему не приходилось пивать и во времена повсеместной борьбы с алкоголем, когда что угодно гнали из чего угодно и кушали с превеликим удовольствием... И магия вот это ядом не считает?!.

— А не подскажете ли, уважаемые,— поинтересовался Сварог, отдышавшись и решив, что знакомство состоялось,— если я по этой дороге пойду, то куда выйду?

— Ты не из этих мест,— подал голос старик слева, в надвинутой на лоб потрепанной шапочке с ушами, крепко-накрепко завязанными под подбородком, и вытер пальцы о голые колени.— Ты говоришь по-другому, ты одет по-другому. Кто ты и откуда? И как попал сюда?

«А откуда они знают, как я одет?» — подумал Сварог.

— Странник я. Мой дом... там,— Он неопределенно махнул рукой, и старцы дружно дернули головами, отслеживая шорох Свароговой одежды.

— И куда ты теперь идешь?

Напоминало допрос, но — пока будем соблюдать приличия. Сварог обратил внимание, что посох под задницей Бедера венчает вделанный в него крупный красный камень. Рубин, что ли?

— Говорю же, мне бы в город попасть,— терпеливо объяснил он.— Есть тут город поблизости?

— Есть-то он есть,— задумчиво протянул тот, что в шапке.— Город Митрак, столица княжества Гаэдаро. Но ведь тебе домой надо попасть, а не в город...

Ого! Такого Сварог никак не ожидал. На нем что, написано, что он из другого мира? Так ведь эти-то слепые...

— А где мой дом? — вкрадчиво спросил он, внутренне подобравшись.

— Гас! — строго прикрикнул на приятеля Бедер.

— А ведь Гас прав, — вдумчиво ковыряясь в остатках зубов, встрял пенсионер, обутый в деревянные башмаки. — Ему надо домой. Но его дом очень далеко. И вряд ли ему хватит жизни, чтобы вернуться...

— Если, конечно, он не знает, где лежит Тропа, — добавил оборванец справа.

— Конечно, не знает, — уверенно сказал Гас, — он же слепой. Иначе бы зачем ему сидеть с нами, когда мир вот-вот погибнет?

Сварог почувствовал, что челюсть его медленно отвисает.

Бедер неодобрительно нахмурился, пожевал губами и возразил:

— Но ведь каким-то образом он попал сюда.

— Возможно, приближение Тьмы разорвало ткань Миробытия, — сказал еще один слепец — в чем-то вроде кепки с огромным козырьком, завернутом на конце в две трубочки.

— Во-во, — подтвердил Гас, отрываясь от высасывания последних капель из бутылки, — я слышал, что когда Тьма приближается, тут и там открывается Тропа, которая...

— Гас, я вырву тебе язык! — крикнул Бедер.

Ну и ну... Сварог слушал, раскрывши рот. Вот так клошары! Впрочем, чему удивляться — есть же сумасшедшие провидцы и слепые прорицатели... А оборванцы не обращали на Сварога ровным счетом никакого внимания — перебрасывались репликами, будто хирурги, собравшиеся над приготовленным к операции телом.

Старик в деревянных башмаках негромко прошамкал:

— Я чувствую, что у него есть власть. Я чувствую, что у него есть сила, но он не знает, как ей пользоваться.

— Да прекратите вы болтать или нет?! — истерично заорал Бедер. — Вы все испортите! Йалор, где вино?

Старик в деревянных башмаках порылся в котомке и извлек очередную бутылку.

Мысли Сварога путались. Тьма, Миробытие, Тропа, гибель мира... Нет, инвалиды не врали — Сварог это знал наверняка, если только не врал само заклинание, угадывающее ложь... Все дело в том, что если человек врет, пребывая в уверенности, будто говорит правду, никакое заклинание не распознает ложь в его словах. Древний вавилонянин, к примеру, поведает вам, что Земля, дескать, представляет собой зиккурат посреди мирового океана, накрытый тресня небесами, — и заклинание тут же подтвердит, что все правда, все так и есть на самом деле. И здесь то же самое: приходилось согласиться с тем, что в бреде, который несут сморчки, есть своя логика, своя система, — но ведь известно, что шизофреники зачастую создают и свято верят в столь же непогрешимые и стройные логические конструкции... Основанные, увы, на совершенно шизоидных послылках. Черт ногу сломит в этих заклинаниях...

Сварог вздохнул. Вино вновь пошло по кругу.

— Уважаемые, — всжливо напомнил он о своем существовании, — постойте-ка минутку. Погодите. Мне и в самом деле нужно вернуться туда, откуда я прибыл. Вы... вы знаете, как мне отыскать обратную дорогу?

— А смысл? — философски пожал плечами Бедер.

— Дела у меня там. — Неведомым образом бутылка вновь оказалась у него в руках, и он сделал большой глоток. — А тут мне не нравится.

— Не нравится ему, — открыл в ухмылке щербатый рот Йалор. — А где хорошо? Повсюду все

одно и то же: только гибель и запустение. Смерть, война, страх, страдание...

— Война идет везде,— печально подтвердил еще один старец, до сей поры молча пережевывающий полусырое мясо.— Силы Тьмы наступают, и скоро мир ~~изменится~~ Только не все это видят. И не хотят видеть. А ведь знаки повсюду: дым над Крабереном...

— Вода в колодцах Крона помутнела...— добавил Гас.

— Руана мелеет день ото дня...— сказал Йалор.

— Звери и птицы бегут из лесов...— сказал тип в кепке.

— А что в знании, что ты скоро умрешь? — возразил Бедер.— Гибель мира не предупредить, как не убежать от собственной смерти...

Сварог почувствовал легкое завихрение в мозгах и хлопнул себя по колену. Сказал:

— Так, стоп. Война, гибель мира — это мы понимать можем. Давайте-ка сначала. Вот вы там говорили о какой-то Тропе. Что за Тропа?

— Та, что ведет в разные стороны, туда и сюда,— очень понятно ответил Бедер.

— Вы знаете, как найти ее?

— Если б знали, нас бы здесь уже не было,— сказал Гас.

— Логично. Тогда что вы тут делаете?

Бедер пожал плечами.

— Города покинуты, но в лавках осталось много полезных вещей: мы берем их,— ответил за него Гас.— Деревня брошена, но оставлены скот и зерно: мы берем их. Потом продаем и меняем там, где еще есть люди.

Ага, вот тут-то он врал, чего-то не договаривал. Не простые это были мародеры...

— Понятно,— протянул Сварог.— А в ближайшем селении люди еще остались?

— Да. Никто не верит, не хочет верить в конец мира,— сварливо ответил Йалор.— Они слепы и

глухи, и погибнут в черной пучине без права на спасение...

Несмотря на потрясающе отвратный вкус, вино слепцов действовало самым положительным образом. Сварог почувствовал, как усталость покидает тело, а настроение быстро улучшается. В голове приятно зашумело, слепые уродцы уже не казались ему столь безобразными.

— Что ж, — сказал он. — Вот туда-то мне и надо. Как, вы говорите, добраться до города?

— А смысл?..

Ему почему-то никак не удавалось сфокусировать взгляд на Бедере, — глаза разъезжались и каждый хотел смотреть в свою сторону. Шум в голове стал громче, но не мешал... а наоборот... усыплял...

Раздался глухой звон, Сварога толкнуло в спину, и наконец — вот радость-то — включилось чутье на опасность, зазвенело, заверещало в ушах, как потревоженная сигнализация... Сварог вздрогнул, открыл глаза, лихорадочно нашаривая топор. Топора не было, ах да, проклятье...

Оказывается, бутылка выскользнула из его ослабевших пальцев и разбилась. Этот звук и вернул его в чувство. Шестеро слепцов уже были на ногах и как могли бесшумно приближались к нему, вытянув в его сторону тощие руки. Звук разбившейся бутылки заставил их замереть, но только на мгновение. Глаза все еще не слушались Сварога, да и тело словно онемело, но он сумел быстро установить, что шаур по-прежнему лежит у него в кармане.

Отравили-таки гады, подсыпали что-то в вино! Но как? Почему заклинание не сработало? И ведь они сами пили из той же бутылки!.. Ладно, я этим потом...

Слух у слепцов, надо отдать им должное, был отменный. Они услышали, как Сварог неуклюже

откатился в сторону, и поняли, что он не так уж и сильно одурманен зельем, как им хотелось бы. Старцы вновь замерли, на этот раз в нерешительности.

— Господин путник,— заговорил Бедер,— мы не хотим вас убивать.

— К-какого ж... черта в-вам... надо? — спросил Сварог. Язык ворочался во рту, как неродной.

— Только оружие, одежда и деньги... серебро.

— Всего-то? — выдавил Сварог.— Ну т-так... попробуйте взять...

Никто не двинулся с места.

— Вам все равно не добраться до дома, добрый господин.

— Это п-почему это?

— Вы не знаете, где Тропа.

— Так скажите. И я... вас... деньгами з-завалю по самое не хочу... До конца... дней будете у меня... в золоте купаться...

— Мы тоже не знаем, правда, добрый господин...

Не врут, стервятники.

— Тогда... в-валите отсюда... ворье...

Мирные переговоры можно было считать проваленными. По крайней мере, так решили оборванцы и бросились на Сварога.

Он выхватил шаур.

И тут же уронил.

Пальцы, равно как и все тело, отказывались служить.

В первые секунды спасло его только то, что слепцы навалились всем скопом. Он успел лягнуть кого-то негнущейся ногой, локтем пнуть под чьи-то ребра, но потом кто-то, кажется, Гас и Йалор, прижали его к земле (силища в них была неожиданно огромная... или это так зелье действовало?), а Бедер, встав на колени и нащупав, где находится голова Сварога, занес над ней посох. Ды-

рявые рукава метнулись в стороны, как крылья ощипанной вороны.

Ударить помешали прочие старцы, которые еще не поняли, что Сварог обездвижен, и толкались вокруг, норовя пнуть его побольнее.

Сварог медленно, по возможности бесшумно, подтянул под себя колени.

— Уймитесь, идиоты! — рывкнул Бедер и поднял посох вторично.

В тот момент, когда импровизированная дубинка понеслась вниз, он оттолкнулся пятками от земли и дернулся влево. Посох скользящим ударом задел Йалора по плечи и немного заехал Сварогу по плечу. Йалор хрипло взвыл, но хватки не ослабил.

— Проклятье,— прошипел Бедер.— Если будешь рыпаться, я достану нож.

— Мы никого не хотим убивать,— поддакнул Гас. Из рта у него воняло так, что словами не передать.

Но Сварог безмолвно рыпнулся еще трижды, всякий раз отползая вместе с навалившейся парочкой слепцов немного влево, а потом остальные старики разобрались, где он, и всем своим суммарным весом пригвоздили его к земле. Впрочем, он уже добился, чего хотел, и попытался расслабиться.

Бедер поднял свой посох в третий раз.

В этот момент Гас заорал не своим голосом, отпустил Сварога, вскочил и принялся яростно хлопать себя по ягодицам.

Освободившейся левой рукой Сварог из всех своих слабых сил засадил Йалору в челюсть. Лязгнули зубы, оборванец на секунду разжал руки. Этого было достаточно, чтобы Сварогу удалось рывком сесть. За спиной посох глухо ударился оземь. Бедер выругался. Гас бегал вокруг костра, не переставая орать: сдвинувшись вместе со Сва-

рогом влево, он оказался в опасной близости от углей, и его лохмотья задымились. Державшие ноги старцы вообще пока не понимали, что происходит. Сварог аккуратно положил ладони на их черепа и с силой свел руки. Лбы со стуком ударились друг о друга. Сварог откатился вправо, целя локтем в лицо Йалору, но тот уже спешно драпал на четвереньках, пугаясь в рваном плаще. Бедер остервенело размахивал посохом, колотил по земле, как в там-там, пытаясь попасть по Сварогу, но попадал пока только по своим же; рубин, венчающий его палку, отлетел и мячиком закатился в кусты. Сварог подождал, пока посох окажется на максимально безопасном расстоянии от него, и, развернувшись, сделал гнусному старику подсечку. Посох отлетел в костер; кости Бедера отчетливо брякнули о землю.

Покачиваясь, Сварог поднялся на колени. Битва титанов закончилась с разгромным счетом.

Гас, затушив тлеющие лохмотья, перестал вопить и слезливо спрашивал, куда делись все. Йалор дополз до ближайшего дерева и затаился, выставив просвечивающий сквозь прорехи в штанах голый зад и делая вид, что его не видно. Слепцы, которых Сварог стукнул лбами, пытались, цепляясь друг за друга, встать, хныкали и жаловались. Тот, что был в кепке с прикольным козырьком, кепку потерял, оказался лысым, как колено, и теперь стоял как истукан, таращась бельмами в пространство. Сварог нащупал в вытоптанной траве шаур, поднял. Встал на ноги. Бедер громко застонал и зашарил руками по земле — не иначе, посох искал.

— Ну-ка не шевелитесь,— сказал Сварог.— У меня оружие.

Бедер послушно замер на карачках.

— Не стреляй, добрый господин... Мы не хотели ничего плохого...

— Ну да, всего лишь ограбить бедного чужеземца.

— Простите нас, господин чужеземец,— заныл Гас и, выставив перед собой руки, пошел на его голос. Сварог ткнул его пальцем в живот. Гас застыл.

— Ни шагу, сокол мой. Иначе от тебя даже лохмотьев не останется.

— Где мой посох?.. Где мой посох?.. Мы сейчас же уйдем, добрый господин чужеземец...

Бедер, очевидно, решил, что уж если Сварог разговаривает с ними, то стрелять не будет.

— Прости нас...

Стеная и хлюпая разбитыми носами, местечковые бомжи сползли в центре поляны и, мешая друг другу, поднялись на ноги.

— Мы уже уходим... Только... где мой посох?..

— Хрен тебе, а не посох,— сказал Сварог, чувствуя, как оцепенение быстро оставляет тело.— Обойдешься.

— Я не могу без моего посоха! — заныл Бедер.— Добрый господин, оставь себе мясо, вино, наши вещи, только отдай посох. Отдай посох, и я расскажу, где найти дорогу домой...

— Врешь, Слепой Пью...— безошибочно определил Сварог,— а также Гомер, Мильтон и Паниковский. Вали-ка отседова.

Не слушая, Бедер вновь попытался опуститься на колени и приняться за поиски.

— Посох, посох...

Сварог чертыхнулся, вытащил уже занявшуюся палку из огня и легонько тюкнул ею главного бомжа по затылку. Слепец ойкнул и замер, скрючившись.

— На, забирай. И не теряй больше.

— Спасибо, спасибо...— Бедер уцепился за обугленный край, зашипел от боли, перехватил в другом месте.— Благодарю, добрый господин... А... Э-э...

— Что еще?

— Если ты еще голоден, то, конечно, можешь оставить мясо себе...

— Да подавитесь вы. И шмотки, кстати, забирайте. Не пристало благородному дону воровать у нищих. Даже таких сволочных, как вы.

— Спасибо... Гас!

Гас на ощупь отыскал остывшие остатки тушки и завернул их в валявшееся поблизости одеяло. Остальные, толкаясь и переругиваясь, собирали нехитрые пожитки.

— А теперь проваливайте.

— Мы еще увидимся, добрый господин,— сказал Бедер.

— Проваливайте, проваливайте.

Слепцы, как по команде, выстроились в колонну и, положив руку на плечо впереди стоящего, торопливо засеменили в лес, аккуратно в сторону виднеющегося неподалеку овражка, заросшего крапивой.

Положительно, сегодня был не их день.

Бедер, как поводырь, шел впереди, тыкая перед собой посохом и высоко задрав голову. Он обогнул одно дерево, другое (старцы послушно шли след в след), а потом его нога попала в пустоту, и он, беспомощно замахав руками, рухнул в овраг. Гас,двигающийся за ним, по инерции сделал шаг и покатился туда же... Один за другим слепцы теряли плечо своего ведущего и исчезали в крапиве.

Лысый же, лишившийся во время битвы со Сварогом кепки и шедший последним, замер на самом краю, нащупал ногой край ямы... и, обогнув ее, остановился на другой стороне.

Некоторое время со дна никто не показывался, потом перепачканные, плачущие, немилосердно чешущиеся старцы выбрались с трудом из ловушки и выстроились в ту же цепочку.

Бедер попытался было сунуться вперед, но остальные дружно отпихивали его до тех пор, пока он не оказался в арьергарде. Номер первый занял лысый без кепки. По цепочке ему передали конфискованный у Бедера посох.

— Неблагодарные мерзавцы,— прохныкал Бедер. И убогое шествие оборванцев скрылось между деревьев.

Сварог неодобрительно покачал головой. Потом, вспомнив, отыскал в кустах рубин и подобрал его на ладони. Никакой это был не рубин — так, красиво обработанная стекляшка, и ни намек на магические свойства. Мир непуганых идиотов, право слово, вот куда он попал. Хотел зашвырнуть камушек вслед инвалидам, но передумал и спрятал в карман. «Эх, надо было все-таки узнать, в какой стороне город...»

Глава четвертая

Маленькая хозяйка заколдованного замка

Солнце медленно вставало над горизонтом — обыкновенное круглое солнышко. Туман редел, и Сварог бодро шагал по дороге вслед за всадниками — то ли в сторону города, то ли отдаляясь от него. Второй вариант его, впрочем, заботил мало. Ведь, при здравом рассуждении, дорога не может вести из города в никуда — даже если он идет в обратную сторону, на пути обязательно должен попасться какой-нибудь населенный пункт... Дорога тоже была как дорога, сельская, разбитая, с проросшей травой между колеями. Вот только телеграфных столбов вдоль нее не хватало. И Сварог поймал себя на мысли, что встретиться ему сейчас по пути ведро с гвоздями марки «УАЗ» председателя местного колхоза, он не особенно и удивится...

«Уазик» ему не попался, зато он нагнал давешних всадников.

За поворотом, скрытым беспардонно разросшимися кустами вроде бы бузины, прямо посреди дороги четверо угрюмых типов при шпагах, в черных плащах, в черных шляпах и черных масках, скрывающих лица, расположившись кольцом, держали под прицелом арбалетов двоих молодых людей в зеленых охотничьих костюмах. Зеленые стояли спиной к спине и могли лишь прожигать типов ненавидящими взглядами: оружия при них не наблюдалось, малейшее движение — и они, как пить дать, будут утыканы стрелами, как ежики. Причем их, прежде чем поставить вот так, спиной к спине, сначала некоторое время катали по земле и пинали, судя по состоянию их костюмов. Пятый тип из команды черных, при одной только шпажонке, неподалеку о чем-то бурно спорил с невысоким худощавым юношей в зеленой тирольской шапочке, размахивал руками, показывая то на себя, то на дорогу, хватал юношу за локти. Юноша же локти раздраженно вырывал и отрицательно мотал головой. Вокруг этой пары крутились две собачонки, самые настоящие, обыкновенные, смахивающие на спаниелей, просительного заглядывали спорщикам в глаза и, твякая, умоляли не ссориться. Неподалеку мирно паслись оседланные лошадки, ожидая, пока люди закончат разборки и наконец разъедутся... Эх, приятно все ж таки сознавать, что попал не куда-нибудь, а во вполне нормальный мир — тут вам и собачки, и лошади, и потасовки — шестеро на одного и пятеро на троих, все — как у людей...

Сварог остановился в нерешительности. Что характерно, у юнца за спиной висел арбалет — почему-то не отобрали. Нуте-с, и что все это означает, судари мои? Семейная ссора? Арест браконьеров? Или охотники добычу не поделили?..

Или военно-патриотическая игра «Зарница»? И, главное, Сварогу-то что делать?

А ничего. Пойдем-ка мы не спеша вперед. Захотят поговорить — поговорим, не захотят — сами вежливо спросим дорогу в город... А если начнут заводиться... вот тогда разберемся на месте.

Черные, вот счастье-то, избрали последний вариант встречи иноземного гостя. Едва Сварог вышел из-за кустов на открытое пространство и миролюбиво, открыто двинулся в сторону противоборцев (о том, что все-таки положив палец на спусковой крючок шаура в кармане, упоминать не стоит), как один из тех, что держал на мушке людей в охотничьих костюмах, резко развернулся в его сторону и взял на прицел самого Сварога. К его чести, оружие он держал грамотно, хотя и не очень уверенно. И арбалет был самый что ни есть настоящий.

Сварог медленно шел вперед. И улыбнулся. Руки из кармана, впрочем, не доставая.

— Тебе чего? — грубо спросил тип в маске.— Кругом марш, и чтоб я тебя через секунду уже не видел.

Говорил он опять же на насквозь знакомом языке. Что не могло не радовать.

Сварог продолжал приближаться. Черный забеспокоился, угрожающе встряхнул арбалет.

— Стоять, кому сказал! Глухой? Не видишь, проход закрыт.

Только сейчас Сварог сообразил, что все пятеро крепышей в черном находятся в различных, но достаточно сильных стадиях, как принято говорить, алкогольного токсикоза. А говоря проще, все пятеро кривы, как патефонные рукоятки. И поэтому могут начать палить из своих рогаток в любой момент, ни с того ни с сего. Что было бы некстати. Нет, ребята, что хотите со мной делайте, но ни на семейную сцену, ни на игру «Зарница» это не похоже.

— А скажи-ка мне, гвардия,— по-отечески ласково попросил Сварог, приближаясь почти вплотную,— я что-то вот не пойму: у вас так принято, чтоб шестеро слепых — да на одного зрячего? Да еще с дубиной?

Вжикнул арбалетный спуск. Стрела вонзилась в землю между Сварогом и типом в маске, к которому Сварог приближался.

— Шел бы ты лучше грехи замаливать. И наши заодно попроси отпустить,— заявил второй тип в маске, который пальнул. Сейчас он крутил арбалетный ворот, по новой натягивая тетиву.

«А чего это меня молиться отправляют? Мученическое выражение лица? Или лик мой присполнен особой благостности?» Но как бы там ни было, теперь Сварогу вовсе расхотелось покидать этих замечательных парней. Как говорится, до полного выяснения.

Он остановился, дружелюбнейше улыбнулся:

— Нет, ребята, так не пойдет. Вот ежели, к примеру, господу без масок меня попросили бы. Дескать, ты нам мешаешь отдыхать, наслаждаться приятным обществом и так далее, наверное, я бы и пошел себе мимо. Но они же не просят. Не просите же?

Не просили. Двое в охотничьих костюмах, стоявшие спиной к спине под присмотром арбалетчиков, молча провели по Сварогу взглядами и отвернулись. Не просить же, в самом деле: вмешайся, добрый человек, безоружный ты наш, наплюй на арбалеты и загаси в одиночку пятых. Да, одни всерьез Сварога не воспринимали, другие совсем не боялись. Что ж, кое-что проясняется, а именно: слава графа Гэйра не прикатилась сюда через миры и Потоки раньше самого графа.

— Последний раз тебе говорю, катись, прохожий, проваливай. Да поживсе,— уж на пределе

пьяного гнева сотряс рассветный воздух ближайший к Сварогу арбалетчик.

Ну вот не любил Сварог, когда ему предлагали катиться. Не любил, судари мои любезные. Так уж он, видите ли, устроен был необычно.

А те двое, что спорили в сторонке, продолжали свой нелегкий разговор с хватанием за руки, Сварогово появление их нисколько не отвлекло. Обидно, да?

— А я, может, постоять хочу, послушать, поучаствовать. Может, я не спешу,— объявил Сварог собравшимся тут в столь ранний час.

Не надо было быть ни Спинозой, ни маршалом Жуковым, ни Сварогом, чтобы дотумкать, чем обернутся последние слова. Уж, понятно, не тем, что парни в черных масках опустят на землю арбалеты, отцепят шпаги и вскинут грабли вверх, сдаваясь напугавшему их встречному-поперечному.

— Ну, ты сам напросился...

Ближайший к Сварогу черномасочник наклонил арбалет, метя пробить икру непонятливого и наглого прохожего. А прохожий, он же Сварог, именно сегодня, именно сейчас не намеревался проверять, работает защитная магия ларов или же отключилась. Со стрелой в ноге, в случае несудачного эксперимента, бродить по новым мирам, согласитесь, будет не так удобно, как без стрелы. Сварог вильнул, когда палец стрелка надавил на арбалетный крючок. Трехгранному железному наконечнику так и так не суждено было в этот раз впиться в мышечную ткань, но...

Стрелы летают по прямой, не так ли? Эта же, пусть едва заметно, но отклонилась от предначертанной законами физики траектории. Или на планете непуганых идиотов свои законы физики и лирики? Сомнительно. Поэтому полет стрелы не мог не обрадовать Сварога — ведь еще целых три стрелка крутились рядом.

А первому граф Гэйр от души, по-простонародному заехал в рыло, заставив кувыркнуться навзничь.

Играть в кронштадтских матросов, рвать камзол на груди: «На, стреляй, белогвардейская гидра!» — Сварогу отчего-то не хотелось. Верно, оттого, что, как пелось в одной оччень старой песенке, «одна снежинка — еще не снег, одна дождинка — еще не дождь», так и одна отклонившаяся стрела — еще не есть защищенность лара от летящей смерти. Сварог выхватил шаур. Похоже, с пистолетами аборигены незнакомы, потому что шаур не произвел на них никакого впечатления: три арбалетчика поднимали свое оружие, приставляли к плечам деревянные приклады и целили уже не в ноги, а в корпус и голову. Однако Сварог пока бить на поражение не намеревался. Намерсвался парализовать демонстрацией чудес.

— Ни с места! Вы окружены! Стреляю без предупреждения! — И следом за этим предупреждением втопил спусковой крючок шаура.

Блестящий веер из серебряных звездочек прорезал дорожную твердь под ногами у крепышей в черных масках, бережно обогнув парочку в зеленых одеждах.

Наверное, туземцы привыкли пугаться оружия, которое грохочет, изрыгая дым и пламя, и, может быть, поэтому бесшумный шаур их не образумил. Или перед тем, как натянуть маски и пойти на дело, они алкогольно перетоксикозились до полного отмирания страха. Как бы то ни было, а арбалетные тетивы слаженно спустили все трое.

Сварог, конечно, среагировал и отпрыгнул, падая на землю. Но быть бы ему зацепленным — это Сварог почувствовал тем органом чувств, который отрастает у повоевавших солдат, орган, который еще до попадания определяет — в тебя летит смерть или не в тебя. Какая-то из стрел

летела в него, увернуться от нее ему бы не удалось, достала бы на земле... Значит, магическая «кольчуга» лара, отклоняющая пули и стрелы, не подвела. Ура.

Ну, и хватит гуманизма на сегодня. Не то боком выйдет. Жалеешь тут всех подряд, и вон они чем тебе отвечают.

И Сварог ответил, что называется, адекватно. Ему хотели ногу прострелить, не вышло, ну тогда ловите мячик взад. Сварог засадил серебряную звезду шаура в бедро одного из черномасочников. Не удивительно, что тот взвыл и выронил арбалет.

Ну слава богу! Наконец-то! Очухались зеленые, перестали хлопать глазами и вертеть головами, рванулись-таки, крича что-то боевое, возвращать былые обиды двум пока не тронутым Сварогом арбалетчикам. Завязалась потасовка.

А где же пятый в маске и с ним третий в зеленом? Сварог оглянулся и на прежнем месте их не обнаружил. Ах вот оно что, вот оно как! Пятый в маске волок, обхватив за талию, третьего в зеленом к лошадям. Похищение удумал, чтоб мне неладно!

Оставив арбалетчиков их старым зеленым знакомым, Сварог понесся вдогон.

Похититель, надо отдать должное, оглядывался и погоню заметил вовремя. Сообразив, что без боя не уйти, он бросил похищаемого и, выдерживая шпагу из ножен, пошел Сварогу навстречу. Молча и решительно.

При Свароге шпаги не было. Дома забыл. Поэтому, как ни хотелось бы графу пофехтовать, а не получится. И вот что интересно — никакой середины. Или ты сейчас поступай неблагородно, но разумно, пуляя в черную маску из шаура, или, наоборот, совершай неразумные, но до идиотизма благородные поступки.

Сварог выбрал второй путь. Стрелять он не стал. Попер с голыми руками на шпагу. Ну не совсем, конечно, с голыми. Шаур, если его не использовать как стрелковое оружие, можно ведь использовать как ударное...

Увернувшись от выпада, пропустив клинок мимо себя, Сварог обрушил на округлого сечения сталь кастет в виде шаура. Шпагу выбило из рук. Не довольствуясь малым, Сварог проделал элементарный бросок в ноги с подсечкой и, вернувшись в исходную стойку, дополнил сверху локтем. Что-то, судари мои, много кулаками махать приходится в вашем мире. Что-то, милейшие, на планету тихих идиотов вы не тянете...

Этот пятый в маске оказался существом хоть и пьяным, но разумным. Поднявшись с земли, проводив глазами свою шпагу, забрасываемую Сварогом в кусты, он поковылял к своим.

— Уходим! Уходим, бельмо вам в глаза! — Он приостановился и оглянулся, словно пытаясь хорошенько запомнить обидчика.

«Теперь им, главное, не забыть, сев на коней, проорать: „Мы еще встретимся!“ Так ведь положено», — подумал Сварог, вспоминая давешних слепцов.

Зеленые, вернув должок тычками, провожали черных недругов проклятиями. Однако, как ни странно, одни не пытались пустить в ход шпаги или арбалеты, другие не пытались шпагами и арбалетами завладеть. Местный кодекс чести?

И вот уже пятеро в масках, включая и раненого Сварогом в ногу и отправленного Сварогом в нокаут (этого привели в чувство пощечинами), оказались в седлах.

— Мы еще встретимся! — донеслось от поворота.

Сварог помахал им ручкой и повскакивал к спасенному юнцу.

Юнец, оказывается, уже сидел в седле и неторопливо направлялся к спасителю.

Солнце светило Сварогу в лицо, поэтому он не сразу понял, в чем дело. Зеленый охотничий костюм, высокие кожаные сапоги с отворотами... Светлые пряди волос, выбивающиеся из-под тирольской шапочки, прямо-таки светятся в солнечных лучах... потом Сварог заметил кое-какие особенности фигуры... потом до него, наконец, дошло.

— Храбрый воин, — произнесла девушка, словно удивляясь этому факту. На вид ей было лет девятнадцать, не больше. И, главное, никакого испуга от пережитого в глазах.

— Благодарю, прекрасная госпожа, — насколько мог галантно ответил Сварог, поклонился и мысленно обругал себя за то, что не вернул растерзанному камзолу прежний вид. — Наконец-то мне дали точную и исчерпывающую характеристику.

— Наконец-то? — вспорхнули ресницы. — Как же вас называли до сих пор?

— Здесь — никак не называли, главным образом пытались лишь отвернуть голову. А вообще-то, меня зовут... Гэйр. Граф Гэйр, барон Готар. — Королевские титулы он решил пока скромно опустить.

Подбежали собачки, принялись, изо всех сил, виляя хвостами, обнюхивать сапоги нового персонажа.

Черт, а красоты девица была необыкновенной. Богиня Диана в охотничьем костюме. Извечный мужской инстинкт, который любого нормального мужика при определенных обстоятельствах может превратить в беспомощного идиота, пускающего слюни и расточающего банальные комплименты, легонько постучался в дверцу Сварогового сознания. Сварог на него цыкнул, потому как не вре-

мя... Хотя обстоятельства, прямо скажем, располагали, поскольку были совсем как из классического любовного романа: страшные лесные разбойники, чудесное спасение от рук неизвестного рыцаря, пустынная лесная дорога, симпатичные лужайки вокруг...

— Граф? — повторила она задумчиво. — Да еще и барон? — Судя по всему, потрепанный вид визави и отсутствие у того коня и свиты немного смутили ее. Но совсем чуть-чуть. — Что ж, граф, вы спасли жизнь мне и моим людям... Чем я могу отблагодарить вас?

— А, пустое, — как можно болсе непринужденно ответил Сварог, запомнив это «моим людям». — Не мог же я оставить в беде столь очаровательную даму.

«Очаровательная дама» была принята благосклонно и без возражений.

— Вижу, вы долгое время были в дороге... — заметила она. — Не нарушит ли это ваши планы, если я приглашу вас заглянуть к нам в замок?

К нам в замок? Ого!

— Я Клади, баронетта Таго, — продолжала она. — Для вас — просто Клади. Вы сможете отдохнуть и перекусить. Конечно, если дела не торопят в путь...

— Нет-нет! — излишне поспешно ответил Сварог. — Мои дела вряд ли пойдут лучше или хуже, если... ну, если я загляну на часок.

Девушка рассмехалась, и Сварог отчего-то почувствовал себя не в своей тарелке. Могла бы и слезть со своего жеребца, а то разговаривает, как с конюхом... И чего это она такая веселая — после всего происшедшего? А если б Сварог не оказался поблизости?.. Вдруг она гневно крикнула: «Гюнар!» и указала куда-то Сварогу за спину. Сварог обернулся, ожидая увидеть подкрадывающегося ревнивого мужа с мечом, но сзади никого не было.

— Гюнар, противный мальчишка...— На руку девушки шумно сел огромный лесной сокол, потоптался, устраиваясь, и недоверчиво покосился на Сварога.— Где ты пропадал? Почему не защитил свою хозяйку? — Она щелкнула сокола по клюву. Птица протестующе гаркнула.— Прочь отсюда, трусишка. Домой лети.— Она тряхнула рукой, и Гюнар, обиженно хлопая крыльями, взмыл в небо. Девушка обернулась к Сварогу.— Это наш ловчий, один из лучших в замке. Я собиралась поохотиться на уток, там, на болоте, и тут...

— Тут решили поохотиться на вас. Вы неосторожны. Раз здесь водятся такие твари, надо брать с собой по меньшей мере охрану... Кто это был, вы знаете?

— Олес, кто ж еще,— кратко ответила девушка.— Сынок княжеский. И мой жених.

«Ай-ай-ай,— подумалось Сварогу.— Кунаки влюбленного джигита похищают невесту — а тут очень кстати встречается пришелец из другого мира. Ай-ай-ай...»

Заметив кое-какие изменения на лице Сварога, девчонка звонко рассмеялась и поспешила объяснить:

— Ну, это он так думает, что жених. Напился, гад, и вспомнил по пьяни старинный обычай — похищение невесты. Решил поиграть в рыцаря. Хорошо хоть, почти без крови обошлось, сдержался, обычай не нарушил...

Сварог вспомнил, как всадил звездочку в ногу масконосцу, и промолчал.

Подошли зеленые — свита баронетты, надо понимать.

— Граф едет с нами в замок,— повелительно сообщила Клади.— Клус, отдай ему своего коня. Дойдешь пешком.

— Но, баронетта, вы уверены, что этот человек...— несмело возразил невысокий рыжий крепыш.

— Я сказала — пешком! — В ее голосе прорезался металл. Да уж, она умела повелевать. И научилась этому, как видно, отнюдь не вчера. — Или боишься один остаться?

Клус вспыхнул, поник головой и безропотно подвел Сварогу коня. Сварог поколебался, потом все же взялся рукой за луку и лихо, немного красуясь, вскочил в седло. Клади одобрительно кивнула.

Скакали около получаса. Поначалу девица оборачивалась, не до конца, очевидно, уверенная, что граф и барон изволят уверенно держаться в седле, но поняв, что беспокоиться не о чем, пустила своего коня галопом.

А граф и барон по дороге изо всех сил вертели головой, рискуя свернуть шею, однако ничего необычного, ничего экзотического в окружающей обстановке пока не углядывали.

В этих местах царило отчетливое запустение. Лес кончился, и некоторое время по обе стороны тракта колосились возделанные поля, вдалеке еще виднелись обитаемые деревушки, а потом пошли поля заброшенные, заросшие бурьяном в рост человека. Потом снова начался лес, то густой, дремучий, смыкающий ветви над головой, то редкий, словно под корень подрезанный неизвестной лесной хворью. Сварог даже засомневался, не сбились ли они с пути к обещанному замку. Ведь в других местах как: чем ближе к обители сеньора, тем больше на дороге богатых ремесленников. Тем чаще по краям дороги деревни и особняки приближенных к сеньору патрициев. Здесь же все было наоборот. Проехали лиги две — и как отрезало. Последний дом, который заметил Сварог, вообще оказался заброшен. Крыша сгнила и просела внутрь, оставив солнцу и ветру четыре деревянные стены с прямоугольным провалом входа. Полное впечатле-

ние, что жители бежали из этих мест, опасаясь нападения...

Наконец среди холмов показался небольшой, но симпатичный, салатного цвета замок в готическом (насколько разумел Сварог) стиле, с неизменными ажурными башенками, витражами на окнах, стрельчатыми арками. Вместо крепостной стены замок был окружен живой изгородью. Атаки регулярных и нерегулярных войск противника здесь, пожалуй, не опасались.

Они проехали по широкой аллее, выложенной белой плиткой и обсаженной скрупулезнейшим образом подстриженными деревьями, остановились у ведущей в замок широкой лестницы с балюстрадой. Перед ступенями, в центре шестиугольного мраморного бассейна, весело журчал фонтанчик.

Девчонка легко соскочила с лошади и побежала вверх — навстречу высокому статному бородачу в бело-зеленом сюртуке. Они о чем-то заговорили, причем Клади указывала в сторону леса и азартно размахивала руками, а бородач все больше хмурился, неодобрительно и беспокойно качая головой.

Предоставленный же самому себе, Сварог покинул седло и огляделся, разминая затекшие ноги. Вблизи стало видно, что время своим вниманием замок не обошло — некогда величественные стены покрыты мхом и лишайником, ступени потрескались, из щелей растет трава. По привычке он обозрел окрестности «третьим глазом». Вроде бы все нормально, вот разве что... в магическом плане замок оказался накрыт полупрозрачным, переливающимся всеми цветами радуги колпаком, и его назначения Сварог определить не смог. Какая-то защита, что ли? От чего, позвольте узнать?..

Подбежал конюх, принял у него поводья. Покопался на лохмотья, в которые превратился камзол

гостя, ухмыльнулся краем рта. Сварог надменно сдвинул брови.

По ступеням по-хозяйски степенно к нему спустился бородач. Облик его паводил на мысли о стабильном доходе и процветающем бизнесе, такой не то зажиточный помещик, не то купец первой гильдии — импозантный, солидный, борода с проседью ухожена, имеет место и небольшое брюшко... хотя было что-то в его глазах, мало вязавшееся с обликом богатого купца, — какая-то смутная тоска, отрешенность, словно он мыслями находится далеко-далеко. На лацкане поблескивал орден со множеством лучей и неразборчивой надписью по кругу, вряд ли военный — ну не производил хозяин замка впечатление человека служивого. Бородач бесстрастно оглядел Сварога с ног до головы. Спросил басовито:

— Так вы действительно граф?

— Самый что ни на есть, — с достоинством ответил Сварог и испытал мимолетное удовольствие от того, что его здесь не знает ни одна собака.

— Что ж... Рад познакомиться с вами, граф Гэйр. Хотя обстоятельства нашего знакомства, увы, не радостны. Клади рассказала мне о досадном происшествии в лесу и вашем мужестве...

— Да какое там мужество. Я всего лишь проходил мимо и позволил себе вмешаться.

— Весьма удачно вмешаться.

Они церемонно пожали друг другу руки. Ладонь бородача была сухой и горячей.

— Позвольте представиться — Карт, барон Таго, хозяин этой скромной хижины и отец одной взбалмошной девчонки.

Ну, хорошо хоть не муж.

— Граф Гэйр, барон Готар.

Барон Таго еще раз глянул на его наряд и невозмутимо сказал:

— Добро пожаловать в замок Таго.

Они поднялись по широким покосившимся ступеням, вошли в замок. Внутри было прохладно, пахло деревом. Вдоль коридора выстроились в почетном карауле рыцарские доспехи, чередуясь с огромными, в человеческий рост вазами и огромными, в два человеческих роста зеркала, на стенах в тщательно организованном беспорядке висело разнообразнейшее оружие — сабли, кинжалы, мечи и даже огнестрельное оружие, включая автоматы неведомой конструкции...

— Вы, насколько я понимаю, издалека? — забросил удочку Карт.

— Из очень далекого далека, — сознался Сварог.

— Путешествуете... в одиночестве?

— Красиво у вас тут, — после паузы сказал Сварог. — Тихо и покойно.

— Да, пожалуй... Я, видите ли, стараюсь не вмешиваться в... происходящее. Сохраняю нейтралитет, так сказать. Должен же кто-нибудь давать приют усталым путникам?

Они остановились, посмотрели друг другу в глаза.

— Я совершенно один, барон, — твердо сказал Сварог. — Прекрасно понимаю, что мое появление, да еще в таком виде, вызывает у вас вполне законные подозрения. Просто в силу некоторых причин я был вынужден, бросив все, спешно покинуть... то место, где я находился. И я действительно случайно встретил вашу дочь.

— Что ж... Клади вам отчего-то верит, а значит, и у меня нет оснований сомневаться в ваших словах. Хотя, скажу откровенно, вы правы: меня настораживает, сколь удачно вы появились в нужное время и в нужном месте.

— Прекрасно вас понимаю. И кроме честного слова дворянина ничем не могу доказать свои слова.

— Если вы нуждаетесь в помощи — деньги, оружие, лошади, охрана...

— Благодарю, барон, я ни в чем не нуждаюсь. Немного передохну и двинусь дальше.

— За вами гонятся?

— Клянусь вам, нет. Ни одна живая душа не догадывается, что я нахожусь у вас... кроме, наверное, этих милых ребят, с которыми я не сошелся взглядами на правила поведения.

— Ну, насчет Олеса не беспокойтесь, здесь, в замке, я сумею постоять и за себя, и за дочь. Спасибо, граф.

Сварог перевел дух. Первый раунд переговоров прошел в теплой и дружественной обстановке.

Карт свернул к мраморной лестнице, ведущей на второй этаж. Они поднялись наверх, мимо гобеленов, изображающих сцены охоты и сражений.

— Замок в полном вашем распоряжении. Можете считать его своим домом.— Барон остановился у высокой дубовой двери.— Вот ваши комнаты. Хотите перекусить с дороги?

— Пожалуй, позже.

Что ж, именно так Сварог все и представлял себе: огромные окна, гардины в тон обоев, толстый ковер в тон гардин, серебро, бронза, хрусталь. В небольшой комнатенке слева от входной двери обнаружил мыло, бритву, вместительную латунную лохань и кувшин с водой. До водопровода здесь, судя по всему, еще не додумались. Ну и бог с ним, с водопроводом. Умылся, причесался, с помощью нескольких заклинаний вернул, наконец, камзолу вид, более подобающий королю, странствующему инкогнито. Выкурил сигаретку на балконе, щурясь на солнечный свет, взял из хрустальной вазы яблоко и прямо в сапогах завалился на шестиспальную кровать под балдахин — или как там эта штука называется. На первый взгляд, жить можно.

...Наверное, он задремал, поскольку, открыв глаза, увидел стоящую на пороге Клады. И подумал, что все еще спит.

— Я стучала, но вы не отвечали,— ничуть не смутившись, сказала она.— Барон зовет к столу. Или вы устали с дороги?

Сварог лишь молча помотал головой, поспешно вскочил. Любые слова застревали в горле.

На ней было изумрудное, под цвет глаз, невообразимое платье — переливающееся блестками, стянутое на узкой талии и свободно ниспадающее с бедер до самых пят, со смелым, но в рамках приличия декольте, призванным не столько скрыть, сколько заставить взоры окружающих притягиваться, как магнитом, к двум небольшим полушариям. Волосы уложены в сложнейшую конструкцию на затылке, на запястьях сияют изящные браслеты... Королева эльфов и прочих друидов, вот кем она была.

Клады благосклонно оценила его обалдение, потом задержала взгляд на преобразенном наряде странствующего графа. Едва заметно нахмурилась, но спросила явно не о том, о чем подумала:

— Вы принадлежите к духовенству?

— Я? — Сварог окинул себя быстрым взглядом.— Это с какой еще стати?

— В Газдаро алый цвет — символ служителей веры, а серый — символ смирения и отказа от мирских страстей. Да еще и серебряные украшения на поясе, защита от Темного...— Она запнулась, глаза ее потемнели.— По-моему, так не только в Газдаро. Странно, что вы этого не знали...

— Это мои фамильные цвета,— только и нашелся что ответить Сварог.— И, смею уверить, мирским страстям я подвержен в... ну, в общем, в превосходной степени. Наверное, просто совпадение.

— Навернос... — но глаза оставались темными, как омуты.

Они спустились по лестнице, прошли длинным светлым коридором, со стен которого на Сварога внимательно взирали хмурые седовласые старцы и строгие чопорные дамы, — предки, не иначе. Вошли в обеденный зал.

— А, вот и наш герой! — сказал Карт, поворачиваясь. Он стоял возле обширного дубового стола (рассчитанного, по меньшей мере, на десять персон, но накрытый на четверых) рядом с плешивым коротышкой, облаченным в черный помятый сюртук с засаленными рукавами. Коротышка, близоуко щурясь, внимательно оглядел Сварога. И вдруг повел себя в высшей степени странно: засуетился, побледнел, поспешно отвернулся. Дернулся было к выходу, но передумал, остался на месте.

Несмотря на солнечный свет, льющийся из полукруглых окон, в зале горели свечи. В углу двое музыкантов пикикали что-то нейтральное на инструментах, напоминающих скрипки с отломанным корпусом.

— У нас редко бывают гости, — объяснил Карт. — Поэтому мы рады любой возможности устроить небольшой праздничный обед.

— Ну, сегодня-то день особенный, — вставил коротышка и с вызовом посмотрел Сварогу в глаза. Теперь он был сама невозмутимость. — Насколько я понимаю, это и есть спаситель дражайшей Клади?

Сварог отвесил изящный, точно выверенный поклон — в меру уважения к хозяевам, в меру самоуважения.

— Знакомьтесь: мэтр Ленар, здешний архивариус, всем радостям жизни предпочитает библиотеку замка, — сказала Клади. — А это — граф Гэйр, барон Готар. Как выяснилось, не священник, но храбрый воин и настоящий мужчина.

— Рад познакомиться,— сказал коротышка.

— Неимоверно рад,— сказал Сварог.

Они галантно раскланялись, обменявшись дружелюбнейшими улыбками — из тех, с какими Вице-мисс Мира обычно смотрит на Мисс Мира, обошедшую ее на пол-очка. И руки друг другу не подав.

Расселись за столом. Моментально возник слуга с подносом, бесстрастный и чопорный, как аглицкая королева, и перед Сварогом летающей тарелкой плавно опустилось бескрайнее серебряное блюдо с чем-то горячим, сочным и на вид несказанно вкусным. Другой слуга разлил по бокалам янтарное вино. И вот тут Сварог оказался в затруднительном положении. После истории со слепцами-мародерами он уже не верил определяющему яды заклинанию, и кто разберет, что там на уме у этих баронов, но — не отказываться же... Мысленно перекрестившись, он взял нож и вилку.

Во время трапезы Клади, которая больше ковырялась вилкой в тарелке, чем ела, рассказала об утреннем приключении. Сварог скромно улыбался, ловко подцеплял овощи и настороженно прислушивался к ощущениям в теле. Пока ощущения были исключительно приятные.

Вот где ему пригодился дворянско-королевский опыт! Разве, будучи в шкуре простого майора-десантника, он совладал бы со всеми этими ножами, ножиками, ножищами, вилками трехзубыми, двухзубыми и — кошмар — однозубыми, вилками с прямыми остриями и остриями, закрученными чуть ли не штопором, со штуковинами, назначение коих простому смертному не угадать и под угрозой расстрела! А так — ничего, благо кухня этого мира если и отличалась от таларской, то только незнакомыми, экзотическими вкусами. Он орудовал приборами легко и непринужденно, и если у кого и возникли подозрения по поводу его

графства и баронства, то трапеза должна была их полностью рассеять.

Искося понаблюдав за манипуляциями Сварога, барон Таго неопределенно покачал головой, поднял бокал и предложил выпить за чудесное спасение и чудесного спасителя.

— И прекрасную спасенную, без которой этот прекрасный замок не был бы столь прекрасным,— не ударил лицом в грязь Сварог.

Вино было терпким, легким... И как будто не отравленным.

— В самом деле,— произнес архивариус, вытер губы полотняной салфеткой и сцепил пальцы в замок над тарелкой,— это очень интересная история. Вы позволите позже взглянуть на ваш метатель звездочек? Я, кажется, встречал в библиотеке упоминание о подобном оружии,— добавил он со значением,— хотелось бы увидеть воочию. Где его изготавливают? В Гидернии? Или в другом месте?

Сварог осторожно отложил вилку и постарался, чтобы голос его звучал ровно:

— Вы читали о шауре?

— Баронетта Клади может подтвердить,— довольно, как кот, поймавший мышь, улыбнулся Ленар,— что в библиотеке есть масса сведений о разных, подчас очень странных вещах, и тем не менее правдивых. Другое дело, что найти эти сведения не каждому под силу.

Кажется, он на что-то намекал.

— Действительно, библиотека занимает все подвальное помещение замка,— сказала Клади.— Никакой жизни не хватит, чтобы прочитать хотя бы десятую часть книг.

Ленар смотрел на Сварога не мигая.

— В подвале? — повернулся Сварог к Клади, изображая заинтересованность и едва сдерживая мальчишеское желание показать коротышке язык.— Разве бумага не портится от сырости?

— Ничуть,— охотно ответил архивариус.— На месте, где построен замок, давным-давно стоял монастырь, а те монахи умели хранить рукописи. Большая часть библиотеки состоит из весьма древних манускриптов, если вы понимаете, что я имею в виду. И они прекрасно сохранились. О, там есть прелюбопытнейшие сведения...

— Наверное, это очень интересно — копаться в старинных книгах,— вежливо заметил Сварог.

— Разумеется. Ведь это моя работа,— опять он на что-то намекал. В душе Сварога заворочалась необъяснимая трсвога.

Подали суп, и некоторое время было посвящено исключительно желудкам.

— И все же, граф,— сказал Карт, делая глоток вина,— ваше замечательное оружие не дает покоя и мне. В меру возможностей я интересуюсь новейшими разработками в воснной технике разных стран, но ни разу, признаться, не слышал о таком чуде. Где оно сделано? Правда в Гидернии? Или в нем используется магия?

Все замерли. Клады и барон Карт смотрели на Сварога настороженно, архивариус — выжидательно. Сварог был сбит с толку. Он не видел никакого подтекста в их словах, а между тем подтекст был.

— Вовсе нет, никакой магии,— сказал он, тщательно подбирая слова.— Шаур сделан очень далеко... это опытный образец, не окончательная модель... мне его подарил один учсный...

Черт, он чувствовал себя как школьник, не выучивший урока и вынужденный импровизировать на ходу. Но не скажешь же им прямо: «Ребята, я свалился к вам из другого мира и ни хрена в ваших делах не понимаю». В лучшем случае унскут в местный филиал Бедлама, а в худшем... кто их знает, может, у них любого чужестранца за шпио-

на принимают и вешают вдоль дороги... Чередую с колдунами.

— Магия! — засмеялся Лена́р. — Скажете тоже, дорогой барон! Разумеется, это изобретение ученых, не так ли?

— Конечно, — подтвердил Сварог и предпочел уткнуться носом в тарелку.

— Да, кое-где многое умеют, не то что в нашем захолустье, — не унимался коротышка. — Я слышал, будто уже изобретен аппарат, с помощью которого можно открыть эту... как ее... Тропу, правильно? — и он подмигнул Сварогу.

— Вы говорите загадками, мэтр, — нахмурился барон. — Тропа? Что еще за тропа?

— А вот пусть наш гость расскажет, он, наверное, лучше разбирается в таких тонкостях...

Сварог внимательно посмотрел на Лена́ра. Пес с ними, с подтекстами, но плешивый старикашка определенно даст понять, что́ ему известно о Свароге больше, чем тот сам о себе рассказывает. Надо будет потолковать с этим библиотекарем с глазу на глаз... Возникшее напряжение сняла Клади:

— Ну что вы пристали к человеку! Дайте поест спокойно.

Подали мясо и красное вино.

— Это ваш родовой замок, мастер барон? — поспешил спросить Сварог, увидев, что чертов архивариус открыл рот для очередной реплики.

— Разумеется, — охотно сказал Карт. — И я горжусь, ведь не каждый может похвастаться, что имеет землю, которая принадлежит его семье со времен Исхода. Все поколения моих предков жили здесь — конечно, с тех пор, как отстроились после отступления Тьмы... Говорят, Тьма опять приближается, я умолял Клади уехать, но она и слушать не хочет... А что говорят в ваших краях, граф? Верят в скорый конец света? Готовятся ли?

Тьма?.. Конец света?.. Сварог проклял себя за то, что задал вопрос. Наверное, так и должен чувствовать себя в стане врага нелегал с насквозь дырявой легендой.

— Разное говорят,— сказал он.— Знаете, как это бывает: кто-то всрит, кто-то нет...

Архивариус вдруг расхохотался самым неприличным образом, и Карт раздраженно бросил вилку на скатерть.

— Ну хватит, Ленар! Граф — наш гость, какого черта вы себе позволяете?! Совсем о приличиях забыли в своем подвале?

Архивариус утер слезу.

— Ох, прошу великодушно извинить меня, но, знаете ли, просто... просто... В общем, вспомнил одну смешную историю и не сдержался. Извините, граф. Моя выходка не имела к вашей особе ровным счетом никакого отношения.

Сварог смерил его ледяным взглядом. Засадить бы тебе в морду, книжный ты червь... Когда подали десерт (что-то такое розовое, воздушное и кубиками парезанное), он самолично налил себе вина и поднял бокал.

— Я бы хотел поднять тост за тех, кто сидит за этим столом: за гостеприимного барона и его очаровательную дочь.— Конечно, это было мальчишеством, дешевой мстью — не упомянуть архивариуса, но Сварог не устоял перед искушением.— И я благодарю судьбу за то, что оказался в этом славном замке.

— Да,— вздохнул Карт,— пока тут тихо и покойно. Я с ужасом думаю, что станется со всей этой красотой, если Тьма все же придет. Селения в округе уже опустели — люди боятся. Остались только мы да деревенька неподалеку. Звери и птицы чувствуют приближение конца и бегут кто куда. Слуги тоже бегут. Те, что поглупее — в горы, остальные в прибрежные страны... Но где оно — спасение?

Он безнадежно махнул рукой. Сварог внешне невозмутимо продолжал кушать, зато ощущение, которое он испытал после этих слов барона, было сродни неожиданному удару под дых. Стоп, стоп, что они там про конец света говорили? Неужели и здесь — Шторм?..

— А куда вы направляетесь, мастер граф? — донесся до него голос Клады.

Сварог мысленно помотал головой.

— В общем-то, мне нужно разыскать одно место... — Он пристально посмотрел на Ленара. — И, думаю, я на правильном пути. Мастер барон, я, откровенно говоря, совершенно не знаю здешних мест. Не найдется ли у вас в замке карты?

— Как не быть! — улыбнулся барон. — Самый подробный атлас Димереи, какой только выпускался за последние пятьсот лет...

Сварог его не слышал. Он смотрел на архивариуса. Ленар не мог вымолвить ни слова. Губы мэтра дрожали, а в глазах застыл ужас пополам со звериной ненавистью.

— ...Похоже, нашему мэтру вы не понравились, — сказала баронетта Таго. Нагнулась, сорвала цветок. — Помогите-ка мне.

Сварог осторожно, между делом вдыхая аромат волос Клады, укрепил розовый цветочек в ее прическе.

Они чинно прогуливались по тенистому парку перед замком. Было тихо и безветренно, среди неподвижных крон деревьев была разлита прохлада.

— Взаимно не понравились, — ответил Сварог. — Но, по крайней мере, не я первый начал.

Клады остановилась, заглянула ему в глаза. Сказала просто:

— Зато вы понравились мне. А это главное.

Ну, что тут еще было говорить? Сварог провел рукой по ее волосам, ломая прическу, наклонился

к се губам — однако баронова дочка плавно выскользнула из его объятий. Поправила сбившийся локон и как ни в чем не бывало двинулась дальше по дорожке.

— Архивариус вообще странный человек, — заметила она, словно и не было паузы в разговоре. — Но это простительно, все с книгами да с книгами...

«Ладно, — решил Сварог, — светская беседа так светская беседа». И сказал, глядя под ноги:

— Да уж, баронетта, книги — это... — Он осекся. А эт-то еще как понимать?

Он присел на корточки, зачерпнул пригоршню розоватого песка, растер в ладонях. Песок вроде бы как песок, вот только... Сварог, конечно, специалистом не был, но тут и дилетант увидит несообразность: среди песчинок попадались коралловая крошка и мельчайшие кусочки ракушек. На океанском берегу это обычная картина, но здесь, где до ближайшего побережья, судя по всему, как до Магадана пешком... Или песок сюда завезли специально? А смысл, как говорил слепой Бедер?

— Эй, вы что там потеряли?

— Да так...

Недоуменно пожав плечами, Сварог поднялся на ноги, отряхнул ладони и философски изрек:

— Если все время книги читать, всяко может случиться...

Он подал руку Клади, помог перейти по каменному мостику через ручей, пересекающий песчаную дорожку. Строго говоря, сейчас ему было ровным счетом плевать и на архивариуса, и на его библиотеку, и на морской песок под ногами. Даже на Шторм местечкового значения — благо никаких явных признаков вокруг не наблюдалось. Может быть, Тьма — это такая фигура речи. Может быть, ко времени ее прихода Сварог уже давным-давно будет на Таларе... Все-таки они были

совершенно одни в этом садочке, и был он все-таки мужчиной, храбрым, как уже говорилось, воином, а она... она...

Ну ладно, а что потом? Папа́ спустит на него своих слуг — при мечях и собаках? Или, как честный человек, он обязан будет жениться? А что, днем будет охотиться на уток и олесов, а по вечерам пить вино с хозяином и переругиваться с Ленаром... Нет, увольте. Есть у нас еще дома дела.

Сварог сжимал зубы и продолжал ничего не значащую беседу. Выслушал несколько охотничьих историй («А чем еще заниматься в этой глуши, граф? Утки, самые глупые твари, пока еще остались, им, наверное, тоже податься некуда»), не вдаваясь в подробности, рассказал несколько историй из собственных приключений («Ах, как это интересно, граф!»). Поинтересовался, почему она, собственно, живет в этой глуши («Если вопрос не покажется вам бестактным, баронетта»).

— А куда податься бедной девушке? — пожала она плечами. — Ну, я выезжаю в город, бываю на приемах у князя, у меня есть... друзья в Митраке... — Она вдруг опять остановилась и опять посмотрела Сварогу в глаза — однако на этот раз взгляд ее был холоден. — Не знаю, вправе ли я говорить, но... Отец болен. Очень болен. Врачи говорят; что ему осталось не больше полугода. Я должна быть рядом с ним.

Она не врала. Сварог смешался и в очередной раз обругал себя, что лезет не в свои дела.

Они повернули обратно к замку.

— Мне идет? — спросила Клади и коснулась цветка в волосах.

— Вам, баронетта, пожалуй что, все к лицу, — искренне сказал он, чувствуя, что фраза получается насквозь фальшивой, как в плохой мелодраме, но напрочь не зная, какие слова тут нужны.

— Ах вы льстец... Вам что, и вправду неизвестно, что это означает?

— Вы имеете в виду цветок?

Клади вздохнула:

— Мужчины...

И вдруг спросила:

— Откуда вы, граф Гэйр? Не знаете, какую одежду носят священники, не знаете, что означает цветок в волосах незамужней женщины...

— И что же он означает?

Баронетта промолчала. Видно, Сварог сморозил что-то не то.

В общем, они весело провели время...

— Граф! — окликнули его, когда Сварог поднимался к себе, так сказать, в номер.

Он обернулся. У подножия лестницы, на пороге кабинета, неприметная дверь в который была умело замаскирована драпировкой, стоял барон Таго собственной персоной.

— Не составите ли мне компанию, граф?

— «Отнюдь» — сказала графиня, — пробормотал Сварог себе под нос и вернулся с полдороги вниз.

Под потолком кабинета без окон плавали полосы сизого дыма и ароматно пахло хорошим табаком, на стенах висели неизменные мечи и сабли, гравюры, какие-то карты под стеклом...

— Вы курите? — спросил Карт, усаживаясь в одно из двух глубоких кресел, между которыми стояла высокая, на витой ножке бронзовая чаша — определенно пепельница. Он сунул в зубы изогнутую трубку, почмокал губами, раскуривая.

«Ага, — понял Сварог, — вот и настал момент истины». Барон, конечно, не такой дурак, чтобы с ходу поверить в детскую сказочку о таинственном странствующем рыцаре и лесных разбойниках, он жаждет услышать истину. Но вот вопрос: поверит ли барон истине?..

Поколебавшись, он театральным жестом достал из воздуха сигарету и прикурил от пальца. Барон преспокойно наблюдал за его манипуляциями.

— Магия,— произнес он, когда Сварог выдохнул струйку дыма.— Так я и думал. Какая-то новая форма колдовства, да? Раз заговор над замком на нее не реагирует... Теперь понятно, почему вы бежали из Митрака, да еще в этом наряде.

— Послушайте, Карт,— решил Сварог,— давайте-ка будем говорить серьезно. Я действительно не священник — но я действительно граф, барон... даже князь... ну, и еще кое-кто. И если вы будете настолько любезны выслушать меня и с ходу не обвинять во лжи, то я расскажу вам правду. А уж там думайте, что хотите...

— Сделайте такое одолжение.

— Разрешите?

Барон выжидательно кивнул, и Сварог уселся в кресло напротив. Сделал несколько затяжек, глядя на гравюры и собираясь с мыслями. По большому счету, он ничего не потеряет, если расскажет барону правду. Не поверит — и хрен с ним. А поверит... там посмотрим. И он вкратце поведал о Таларе, о выброшенном письме, Потоксе, своем появлении в ночном лесу, кое-каких способностях ларов. Умолчал разве что о собственных королевских титулах и земном (в смысле планеты Земля) происхождении, сочтя это излишними подробностями. И все это время где-то в уголочке сознания свербила мысль, что подобное с ним уже происходило когда-то, не отпуская такое дежавю, пока он наконец не вспомнил. Ну конечно: «Божий любимчик». Где он, едва попавший в мир Талара, точно так же рассказывал капитану Зо свою историю. И то ли вчера это было, то ли сто лет назад...

— Ну, собственно, вот и все,— сказал он наконец.— Хотите верьте, хотите нет.

— А вы бы поверили на моем месте? — негромко спросил Карт.

— Я? Если откровенно, то не поверил бы.

Барон надолго замолчал. Не торопясь вытряхнул трубку, прочистил, набил по новой, раскурил. Потом встал, прошелся по кабинету.

— Лекарь мне курить запрещает,— сказал он, как будто в первый раз разглядывая гравюры на стенах.— А я курю. И ведь знаю, что он прав. Знаю, что убиваю себя. Такой вот парадокс...

— Вы мне верите? — спросил Сварог напрямик.

— Не знаю. Честно — не знаю... А вам обязательно надо, чтобы поверил?

— Ну... Все-таки одно дело, когда тебе верят, и совсем другое, если принимают за проходимца и самозванца.

— Наверное, так... И что же вы собираетесь делать?

— Мне нужно вернуться обратно на Талар,— не раздумывая, сказал Сварог.— И мне нужна помощь. Что вам известно о Тропе?

— Ничего. Правда, ничего. Я считаю... то есть всегда считал... до вас... что это миф, легенда, попытка искать спасение там, где его нет и быть не может. Впрочем, поговорите с мэтром Ленаром, он лучше меня разбирается в таких вещах. В его библиотеке... Библиотека, знаете ли, была построена в один из прошлых циклов, сохранилась чудом, а люди тогда знали гораздо больше нас...

— Погодите, барон. С мэтром я обязательно поговорю, по душам поговорю, ей-богу, но перед этим хотелось бы узнать кое-что от вас... Что такое Тьма? Что за циклы?

Барон посмотрел на Сварога очень внимательно.

— Да, вижу, вы действительно ничего не знаете... Что ж, граф, в таком случае — неудачное вре-

мя вы выбрали, чтобы посетить наш несчастный мир...

И он рассказал.

Картинка из его рассказа получалась потрясающая. Невозможная. И донельзя удручающая. Потому что Сварог почувствовал, что угодил в ловушку. Еще там, на Таларе, исключительно от нечего делать он как-то ознакомился с парой-тройкой чисто теоретических выкладок касательно существования параллельных миров — раз уж сам угодил в такой мир. Так вот: кое-кто из ученых всерьез утверждал (если отбросить высоконаучный язык и терминологию, понятную лишь узенькому кругу специалистов), будто в незапамятные времена Вселенная была едина, а после некоего глобального катаклизма разделилась на сопряженные миры — как разрезанный на куски торт. И каждый мир зажил по своим собственным законам, пошел своим, так сказать, путем; и с течением времени все больше различий появлялось в этих мирах, все менее похожими они становились друг на друга — и на тот, изначальный мир... На Таларе этот катаклизм получил название Шторм, здесь — Тьма. И приходилось признать, что в чем-то ученые лбы оказались правы. При всей своей непохожести на Талар, все же было, было очень много общего между ним и Димерсей — так по-здешнему называлась планета, куда Поток занес Сварога. Один материк, здесь именуемый Атаром, примерно тот же социальный строй, наличие кой-каких форм колдовства, такой же язык, те же люди, схожая катастрофа, обрушившаяся на Димерею пять тысяч лет назад и отбросившая цивилизацию в средневековье... Вот только с приближающейся катастрофой выходила неувязка. На Димерею, в отличие от Талара, Тьма опускалась регулярно — примерно раз в пятьсот лет. И представляла она

собой следующее: после ряда сокрушительных землетрясений, тектонических сдвигов и разломов земной коры, начинающихся в центре континента и концентрическими волнами расходящихся к побережью, Атар погружался в океанскую пучину. Целиком. Полностью. По самую маковку. Как Атлантида. Те из людей, кто подготавливался, уходили на кораблях в океан, те, кто не успевал... ну, тут уж сами понимаете... Но дальше — больше: пока Атар разрушается и тонет, на диаметрально противоположной стороне Димереи под аккомпанемент ничуть не меньших катаклизмов начинаст всплывать другой материк — Граматар. Все те, кто успел снарядить корабли и выйти в океан до катастрофы, отправляются в долгое плавание через пол-планеты. К новой земле, к новой родине. И те из них, кто доплывет, начнут заново возрождать цивилизацию. А спустя пятьсот лет ситуация повторится с точностью до наоборот: Граматар тонет, Атар поднимается из океана... И так каждые полтысячелетия. Раз за разом. Туда — сюда. Маятник. Замкнутый круг...

Со времени последнего прибытия людей на Атар прошло пятьсот двадцать четыре года. И, судя по многочисленным признакам, очередная катастрофа начнется чуть ли не со дня на день...

— И... что же вы намерены делать? — спросил Сварог, когда барон замолчал.

— А что тут поделаешь? — пожал плечами Карт. — Я не фаталист, но что тут поделаешь, граф?! В развитых странах, тех, кому в начале цикла посчастливилось захватить прибрежные районы, всюду, насколько я знаю, строят корабли, разрабатывают планы эвакуации, запасаются чем-то там, что может понадобиться во время Исхода... Все, конечно, не спасутся, но ведь шанс есть.

— А у вас?

— У нас... — барон криво усмехнулся. — В Гаэдаро, дорогой граф, высочайшим княжеским повелением принято считать, что никакой Тьмы нет, что слухи о приближении всемирной катастрофы суть происки Нура и прочих сопредельных государств, призванные посеять панику и разброд среди благонамеренных граждан.

— И что же, жители не видят, не понимают...

— Гаэдаро есть маленькое и бедное княжество, граф. Вы хотели взглянуть на карту Димерси? Извольте.

Они подошли к обширному полотну, висящему в простенке между экспозицией сабель и гравюрой с изображением вздыбленного коня, рождающегося из морской волны. По верху карты шла витиеватая надпись: «АТАР». Сварог без особого удивления обнаружил, что атарский алфавит мало чем отличается от таларского, разве что буквы непривычно пузатые, с наклоном влево, с какими-то завитушками и хвостиками.

«Атар. Значит, вот куда меня занесло...»

Более всего материк напоминал огромную кляксу. А может, амебу. Или Австралию после атомной бомбежки. Сварог некоторое время молчал, изучая. Девять государств, раскрашенных в разные цвета, причем одно государство островное, расположенное на полуночи Димерси. Почти вся восходная область континента почему-то покрыта серым цветом; имеется семь горных систем, несколько рек и речушек, пересекающих Атар в разных направлениях, морей и озер что-то не видно...

— Мы — здесь, — произнес Карт и ткнул трубкой в самое маленькое пятнышко, зажатое между горами и тремя обширными государствами. — Вот это и есть княжество Гаэдаро со столицей в городе Митрак. Княжество, некогда называемое Великим...

Как видите, мы находимся далеко от побережья — справа неприступные горы, слева Шадтаг и Нур. Нур — давний враг Гаэдаро, там готовы на все, чтобы мы не выбрались с материка, Шадтаг вроде бы настроен миролюбиво, ведутся какие-то переговоры о размещении наших беженцев на кораблях, но переговоры требуют времени, а времени, сами понимаете, мало... Так что тут видь не видь, понимай не понимай — а результат один. У нас нет флота и нет денег, чтобы флот построить... Поговаривают, что князь вбухал всю казну в какой-то проект по спасению страны, но мне в это верится с трудом. Не тот человек князь Саутар... Так что, граф, можно спастись только в одиночку — пробраться, скажем, в береговую страну, наняться на корабль... Некоторые так и поступают. Но границы повсеместно усилены, стреляют без предупреждения — никому лишние рты не нужны, для своих места не хватает. А как быть тем, у кого семьи, дом? Вот и живут, убеждают себя, что уж на этот-то раз Атар не исчезнет...

Возразить было нечего. Сварог прекрасно знал такую психологию простого обывателя. Да и не только обывателя. Вспомним, например, как многие толковые политики и военачальники в Советском Союзе словно разом ослепли и даже в июне сорок первого не верили, отказывались верить, что у герра Шикельгрубера хватит наглости...

— Такие дела... — Барон вдруг невесело улыбнулся. — Вам бы, граф, следовало появиться не в бедном Гаэдаро, а вот тут, — он указал на остров в заливе на полуденной части Атара. — Это Гидерния. Самое развитое государство. Огромный флот, технологии, сохранившиеся со времен прошлого Исхода, — гидернийцы уже готовы... А все потому, что пятьсот лет назад, во время Исхода с Граматара, здесь им достался именно остров. Они

не участвовали в войнах за прибрежные и богатые территории, у них не было гражданских войн, дележа власти, смуты, упадка. Они просто-напросто высадились на острове, моментально выставили пограничные войска и отгородились от остального мира на пятьсот лет. И я не буду удивлен, если и на Граматаре им достанется самый лакомый кусок: ведь кто первым прибудет на новый континент, тот и займет лучшие земли...

— Да,— потерянно сказал Сварог,— нерадостную картину вы мне нарисовали, барон... Я, конечно, не политик и не мне судить о ваших делах... Но чем же вы думали хотя бы лет сто назад? Когда еще можно было что-то организовать, подготовиться как-то...

— А сто лет назад никто и не думал о катастрофе, граф,— буднично ответил Карт.— С начала цикла сменилось не одно поколение, ужасы Исхода подзабылись. Люди, знаете ли, в массе своей — существа инертные. А вдруг нового наступления Тьмы не будет? А вдруг на этот раз пронесет? А вдруг Тьма — это просто древний миф? Пятьсот лет — это все-таки большой срок для человеческой памяти.

«Ну да,— подумал Сварог.— Пока жареный петух не клюнет...»

И сказал:

— Ну, хорошо. Простые люди — понятно. А вы, Карт? Почему вы так спокойны?

— Потому что мои дни сочтены,— просто ответил барон.— Местный коновал уверяет, что я протяну еще год, но я-то знаю...

— А Клади?!

— Да, Клади... Я уговаривал ее бежать хотя бы в Шадтаг, попытать счастья, ухватить удачу за хвост... но она и слушать не желает, хитро улыбается и намекает, что мы и без того преспокойно попадем на Граматар. Ну не могу я ей приказать...

— Она все ж таки ваша...— Сварог осекся.

Карт проникательно посмотрел на него.

— Уже проговорилась, чертовка? Все верно, она мне не родная дочь. Приемная. Захотелось на старости лет, знаете ли, чтобы рядом был кто-то, кто стакан воды принесет... Но приказать ей я все равно не могу. Отчего-то верю, что она действительно знает, как спастись... Вам вот я тоже поверил...

Сварог устало потер лицо.

Да уж, положеньице...

По сравнению с Димереей покорение Северо-Американского континента выглядело просто-таки детской забавой. Типа захвата снежного городка. В Америку везли деньги и технологии, без особой спешки, обстоятельно, за спиной не маячил конец мира, не нужно было эвакуировать целые государства... А какие технологии можно вывезти с гибнущего, единственного на планете материка? Атомная станция и даже двигатель внутреннего сгорания требуют топлива, а его компоненты еще надо найти на новом месте, добыть и переработать. Получается, технологии самые простые: как выплавлять металл (что несравнимо легче, чем перегонять нефть), как создавать механизмы не сложнее пулемета, строить здания, воздушные шары и, в идеале, дирижабли, корабли... Да, вот уж кораблестроение на Димерее должно быть развито весьма. А ведь еще нужно застолбить себе участок побогаче, захватить территорию побольше и отстоять ее у тех, кто прибудет на континент с опозданием... Теперь понятно, почему за пять тысяч лет после первого катаклизма цивилизация Димереи осталась на уровне мечей и конной тяги...

— Поговорите с мэтром Ленаром,— тихо посоветовал барон.— В конце концов, библиотека пережила несколько наступлений Тьмы, значит, там есть какой-то секрет. Возможно, в своих мануск-

рипах мэтр найдет ответ, как вам помочь. Или, если будете в Митраке, попробуйте разыскать некоего Пэвера. Субъект он в общении тяжелый, отставной суб-генерал*, сами понимаете, но, насколько я помню, он одно время интересовался Тропой...

...Оказывается, времени у Сварога не оставалось. Время сжалось до размера теннисного мячика и ритмично, сводя с ума, стучало в стенки его сознания. Если в самое ближайшее время он не отыщет Тропу (или как там называется ход, ведущий в Поток), у него есть все шансы остаться на Атаре и разделить судьбу местных жителей. Даже пробравшись на чей-нибудь корабль и отойдя на безопасное расстояние от гибнущего континента, он все равно окажется запертым в этом мире — сомнительно, чтобы в открытом океане существовали Двери, Тропы и прочие Врата...

А Клади? Погибнет вместе со всеми? Или она в самом деле знает, как спастись?

Клади...

Будем честны перед собой: девчонка неожиданно для него самого запала ему в душу. Между чужеземцем не самых последних кровей и местной скучающей принцессой должно, обязано возникнуть нечто большее, нежели «приятельские отношения», не так ли?

Клади. Маленькая охотница.

Солнце уже село, и над горизонтом разливалось давешнее мертвенно-бледное сияние. И это было не зарево заката, солнце село значительно правее. Это вообще было непонятно чем. Все-таки отсве-

* Суб-генерал в княжестве Газдаро — по званию примерно соответствует земному генерал-майору, а по должности — ответствен за всю тактическую сторону разрабатываемых боевых операций. (Тогда как генерал занимается исключительно стратегической стороной.)

том огней далекого города? Нет, этот мир положительно создан не для него. Надо быстренько возвращаться.

Он вздохнул, скинул камзол и лег на кровать. Так, прочь сантименты, подумаем лучше о библиотеке. Архивариус прозрачно намекал на то, что Сварог, дескать, прошел по Тропе. Архивариус сказал, что видел описание шаура в старинных рукописях. И что это означает? Могут ли там встречаться сведения о Таларе? Есть ли в рукописях карта выходов с Атара на Тропу и, в идеале, путь на Талар? И не об этом ли говорил Ленар, угрожая, что Сварог не найдет то, что ищет?

Клади, Клади...

А вдруг материк начнет погружаться прямо сейчас? Нет, стоп. Так и до паранойи недалеко, светлейший государь...

Белое, неприятное, чужое сияние текло в окно, но Сварог не стал зажигать огня. И дверь не стал запирать. Шаур лежал поверх одежды на стуле.

— Хочу, чтобы ты пришла до того, как я сосчитаю до ста.

Он сосчитал до ста, потом до двухсот, потом до трехсот...

...Это напоминало финал популярного в свое время фильма «Неуловимые мстители» — когда четверка красных дьяволят на лошадях неспешно уходила прочь от зрителя, к горизонту, навстречу восходящему солнцу грядущих боев за светлое завтра. Только этих было шестеро, и не солнце вставало перед ними, а наливалась болезненным пурпуром Багряная Звезда, занявшая полнеба, и шестерка самых дорогих ему людей казалась на ее фоне бледными тенями. А Сварог бежал за ними по какой-то пустыне, ноги вязли в песке, и никак не получалось догнать, остановить, уговорить вернуться...

— Да погодите же вы, обормоты...— чуть не плача от бессилия, позвал он.— Стойте, куда вы...

Крайняя фигурка слева, самая маленькая, повернула к нему заплаканное лицо. Что-то сказала — Сварог не услышал ни звука, видел только, как шевелятся ее губы. Медленно покачала головой. И вновь отвернулась.

— Мара, подожди! — заорал Сварог.— Ну хоть ты-то должна понять!..

Они не остановились. Они не слышали. Уходили все дальше и дальше. Ему плевать было на короны и титулы, да пусть вся Димерея вместе с Таларом провалятся к чертям свинячьим — только бы они были рядом, не покидали его. Домой, боже, как хочется домой, к ним, к этим милым оболтусам...

Он проснулся посреди ночи и некоторое время таращился в темноту, не понимая, где он и зачем он здесь. От тоски и одиночества хотелось рвать зубами подушку.

Дверь так и не открылась. Клади не пришла.

Глава пятая

«Из читального зала книги не выносить!»

Они спускались по каменной лестнице, и свет факелов освещал их путь. В подземелье царила постоянная ночь, а наверху сиял белый день — только-только перевалило за полдень. Мэтр Ленар шел впереди, указывая дорогу, Клади двигалась сзади, замыкая шествие.

В подземелье на самом деле было сухо и тепло, откуда-то тянуло свежим воздухом: вентиляция, однако. Архивариус изредка останавливался и зажигал факелы, во множестве укрепленные на стенах. Зажженных факелов от входной двери в подземелье Сварог насчитал уже сорок восемь.

Наконец лестница закончилась, и они вошли в обширный зал. Повсюду были книги: фолианты, рукописи, манускрипты стояли на стеллажах, стопками лежали на столах с витыми ножками, на стульях, кипами были свалены в углах. Из зала вели две сводчатые двери, за ними виднелись другие залы, еще и еще...

— Библиотека, как я уже говорил, весьма обширна,— сказал Ленар. Его голос тонул в этом царстве бумаги и пергамента.— Но, насколько я вас понимаю, вас интересуют только упоминания о шауре...

— Отнюдь, дорогой мэтр,— с шелковой улыбкой, отточенной приемами и церемониями в королевском дворце, возразил Сварог.— Меня интересуют и упоминания о Тропе. Да и вообще, любезный, покажите-ка нам библиотеку. В жизни не видел ничего подобного. Сколько книг!

Если б Ленар умел воспламенять взглядом, все княжество Газдаро уже пылало бы, как Хиросима.

— А и в самом деле, Ленар,— подала голос Клади. Она стояла у дальней стены и рассматривала надписи на корешках.— Будьте нашим гидом. Покажите графу что-нибудь интересное... Например, ту книгу, которая мне понравилась, помните? Как ее... «В ледяном плену», «В плену льда», что-то такое...

Видно было, что мэтр сдерживается лишь неимоверным усилием воли. Ну, попрыгай, петушок, попрыгай...

— Что ж, если вам это действительно интересно... идемте.

Не оборачиваясь, он вошел в соседний зал, запалил факелы на стенах. Факелы были расположены так, чтобы и малейшая искра не могла долететь до книг, и под каждым стояло ведро с песком. «А ведь скоро все это будет покоиться под

толщей океанских вод,— некстати подумалось Сварогу (наверное, подземелье действовало на него угнетающе),— и библиотека, и мэтр, и Клады, и бородатый барон...»

— В этом зале и следующих двух собрана литература, относящаяся к Шестому циклу,— скучным голосом затюканного туристами экскурсовода сообщил он, на гостей не глядя.— История континента, образчики поэзии, драматургия, немного мемуаров и военное искусство. Шестой цикл был расцветом искусств и ремесел на Димерее...

А потом был третий зал, четвертый... И вскоре Сварог уже перестал ориентироваться в лабиринте библиотеки. Они уже давно вышли за пределы замка, а чертов мэтр все шел и рассказывал, шел и рассказывал. Библиотека казалась бесконечной. Ленар что-то говорил о книгах, по плотным рядам корешков скользили таинственные тени, каменные стены мгновенно поглощали любые звуки. Сварог слушал архивариуса, задавал какие-то вопросы — короче говоря, прикидывался насквозь заинтересованным. На книги ему было ровным счетом наплевать, но очень уж хотелось узнать, куда мэтр их ведет. А то, что ведет, было ясно как день, уж очень целеустремленно двигался хитрый библиотекарь...

Сварог сам не заметил, когда, в какой момент появилось ощущение тепла в нагрудном кармашке. Вначале подумал, что искра от факела попала-таки на камзол, но нет. Ощущение тепла не исчезало — наоборот, чем дальше они углублялись в подземелье, тем сильнее оно становилось, накаtywало волнами. Сварог незаметно сунул два пальца в карман и нащупал гладкий и горячий предмет.

Рубин, отлечевший от посоха слепого мародера Бедера. Сварог уж и забыл о его существовании, а

теперь он сам напомнил о себе. Ну? И что все это значит?..

Архивариус и Клады не обращали на него внимания, обсуждая какой-то мертвый язык, на котором были написаны несколько манускриптов:

— Я же говорила, мэтр, что наш Атар — вторичный материк. Изначальным — затонувшим во время самой первой катастрофы пять тысяч лет назад — был именно Граматар.

— Почему вы так решили, баронетта?

— Вы ведь сами признались, что на этом диалекте «атар» означает «чужой берег»...

— Верно, баронетта. Но вы забываете, что приставка «грам» с того же диалекта переводится как «другой», «второй», «следующий»...

Сварог тайком вынул камень. Рубин волнами испускал тусклый багровый свет, — достаточно, впрочем, яркий, чтобы привлечь внимание. Поэтому он быстро сунул его обратно. Показалось даже, что рубин зловеще тикает. Чертовщина какая-то...

Предположение, что это некое взрывное устройство, Сварог отверг сразу. Не мог он представить себе, что оборванец-мародер таскает на конце палки бомбу. Ну не мог, и все. Не Сварогу, конечно, судить о привычках слепых бродяг, но все же... Значит, индикатор? Но чего? Глубины погружения под землю? Весьма полезная штукавина, господа мои. Или это типа счетчика Гейгера?..

Они шли и шли, жжение усиливалось — а потом стало убывать. Сделав вид, что он чем-то заинтересован, Сварог вернулся в предыдущий зал. Жжение тут же возросло. Дальше, налево. Нет, не сюда. Направо. Да, где-то здесь, в зале, куда они не заглядывали. Камень горячий, как уголек. Он сунул голову в темноту и сразу увидел это.

Не подземный клад, не притаившуюся во мраке нежить. Не мину, не атомный реактор. В тем-

ноте зала горел крохотный рубиновый огонек, словно кончик сигареты. И он то разгорался, то угасал — в такт с пульсацией камня. Сварог бесшумно приблизился.

Это светился корешок книги — одной из тысяч, плечом к плечу стоящих на стеллажах. Черный кожаный переплет, книга как книга, карманного формата, довольно толстая, — ничего, короче, особенного... если не считать того, что между ней и рубином существует некая магическая связь. Хотя нет, не магическая: Сварог не почувствовал никакого проявления волшебства.

— Граф, вы где? — донесся из глубин хранилища глухой голос Клади. — Куда вы подевались?

Как только он коснулся корешка, свечение погасло, и камень вновь стал холодной стекляшкой. Мистика, право слово... Решение созрело мгновенно, будто кто-то толкнул его под руку.

...Сварог быстро вернулся к спутникам, улыбаясь простецки и восторженно.

— Прошу прощения, сам не заметил, как увлекся. Потрясающе! Вы правы, уважаемый мэтр, тут можно бродить годами... И как вы только ориентируетесь?

— Терпение, упорство, страсть и время, — сухо ответил мэтр.

— Ну, это да, это конечно...

Архивариус смотрел на него, подозрительно прищурившись.

— Ну что? — бодро продолжал Сварог. — Не пора ли выбираться на свежий воздух?

— Устали? — участливо спросил Ленар. — А ведь мы еще десятой части не осмотрели... А не желаете ли, граф, немного передохнуть? Посидим, поговорим о судьбах литературы...

— О судьбах литературы? С превеликим нашим удовольствием.

Очень происходящее напоминало какие-нибудь мирные переговоры меж двумя недружными державами — когда высокие договаривающиеся стороны уверяют друг друга в совершеннейшем почтении, уважении и дружбе навек, а сами в карманах вертят фиги и держат несколько килограммов камней за пазухой...

— Тогда прошу за мной,— сказал мэтр.— А чтобы наша очаровательная спутница не скучала... Один момент...

Он отыскал на одной из полок огромный том, заботливо сдул с него пыль и с гордостью, будто являлся сам автором, вручил Клади. Энциклопедия охотничьего вооружения Крона, начало нынешнего цикла, объяснил Ленар. Мол, ему с графом Гэйром нужно переговорить кое о каких чисто мужских материях, госпоже баронетте абсолютно не интересных... Вот в качестве компенсации за скуку он и предлагает пока ознакомиться с этим уникальным трудом. На всем Аtare сохранилось только четыре экземпляра. Госпоже баронетте не может не понравиться. На это госпожа баронетта выразила сомнение, что в начале цикла об охоте знали что-то такое, чего не знают сейчас, но если уж мужчинам настолько наскучило ее общество, что ж, она, пожалуй, так и быть, позволит им уединиться ненадолго.

Она уселась за стол перед стеллажами, открыла фолиант и сделал вид, что на все остальное ей глубоко наплевать.

— Всем хороша моя библиотека, вот только, увы, книги отсюда выносить нельзя,— объяснил Ленар, оставив Клади наедине с волнующей темой охотничьего оружия и ведя Сварога в соседний зал.— Иначе нарушился магическое заклинание. Те, кто построил это хранилище много циклов назад, создали вокруг него защитный заговор, который охраняет его во время наступления Тьмы

и любых других природных катаклизмов... Вы знали об этом? — спросил он и цепко глянул на Сварога.

— Понятия не имел, — искренне ответил Сварог, а сам подумал: «Ай-ай-ай... Неужели заметил?...»

— Тем не менее, — вздохнул мэтр.

В соседнем зале, за поворачивающимся стеллажом, обнаружилась потайная комнатка со столиком и несколькими стульями. Стены были затянуты темно-красной драпировкой, на одной стене висело чучело головы оленя, на другой — головы медведя. С тихим облегчением Сварог заметил, что книг здесь нет. Зато это, пожалуй, великолепное место, чтобы совершить какую-нибудь гнусность в стиле классических английских детективов: все равно крики наружу не пробиваются, а труп никто в таких катакомбах не найдет.

Молча указав Сварогу на стул, архивариус достал из стенного шкафчика два бокала и бутылку. Похоже, настало время для очередного серьезного разговора. Сварог погладил рукоять шаура под полой камзола.

Ленар разлил вино по бокалам.

— Вы необычайно любезны, дорогой архивариус, — улыбнулся Сварог, к вину, однако, не прилагиваясь.

Ленар понимающе ухмыльнулся и сделал глоток.

— Слушайте, Гэйр, давайте не будем играть в прятки и поговорим начистоту.

— С удовольствием, — ответил Сварог и выжидательно сцепил пальцы на животе.

Мэтр недовольно поджал губы — полагал, видать, сволочь старая, что Сварог первым начнет колотиться. Потом все же задавил в себе неприязнь и проговорил самым что ни на есть любезным тоном:

— Как вы совершенно справедливо заметили, граф, библиотека необычайно обширна. Даже я на поиски в ней потратил сорок лет, но результата пока не достиг. Так неужели вы полагаете, что сумеете найти ее с первой попытки?

— Ну...— протянул Сварог, лихорадочно соображая, о чем идет речь, и еле сдерживаясь, чтобы не похлопать себя по заметно оттопырившемуся карману камзола,— откровенно говоря, были у меня такие мысли.

— Граф, дорогой мой граф! Мне известно о ваших талантах, но уж поверьте: внутри заговорного круга магия не действует. Ни ваша, ни моя. Никакая. Тут уж ничего не поделаешь — законы колдовства, будь они неладны. Так что мы с вами находимся в равных условиях — остается искать ее, только просматривая каждую книгу в библиотеке, планомерно, терпеливо, скрупулезно, одну за одной, зал за залом. Примитивно, не спорю, но другого выхода нет... Зато есть одно маленькое отличие: я ищу уже сорок лет, а вы прибыли только что. Я вычислил и отсек залы, где этой бумажки совершенно точно быть не может, я составил алгоритм поиска. Я в двух шагах от результата. И, уж извините за прямоту, я сделаю все возможное, чтобы ваши поиски затруднить... Впрочем,— тут же исправился он и примирительно поднял он руки,— обойдемся без угроз. Мне конфронтация не нужна. До наступления Тьмы осталось совсем немного времени, вам так и так не успеть...

Сварог молчал. Ленару, видите ли, известно о его талантах, во как. А откуда, позвольте узнать? Да и вообще, что-то плешивый долгожитель проявляет подозрительную осведомленность о способностях человека, которого видит впервые в жизни. И даже наделяет его целями и задачами, о которых тот даже и не подозревает. Принимает его за кого-то другого?..

— Ну ладно, допустим,— великодушно согласился Сварог.— Однако почему вы знаете, уважаемый, что мы с вами ищем одно и то же?

Из скрытого в темноте угла комнаты донесся едва слышный шорох, будто кто-то смял газетный лист. Или показалось?..

Похоже, такой вариант мэтр еще не просчитывал. Он задумчиво откинулся на спинку стула, и Сварог прямо-таки явственно услышал, как скрипит его мыслительный агрегат.

— Нет,— наконец покачал головой Ленар.— Одиночка из дальних краев, назвавшийся графом Гэйром, случайно спасает девушку, которая живет в замке, который построен на месте древнего монастыря, в библиотеке которого хранится Бумага Вагранна... Не может быть. Таких совпадений не бывает. О Бумаге знали только пять человек. Двое из них мертвы, один не скажет ничего. Остались вы и я. И вы полагаете, что я поверю, будто вы прибыли сюда за чем-то другим? Вы же не идиот, лорд Сварог, и не считайте идиотом меня. Не надо играть со мной в прятки. Мы же условились говорить начистоту...

Сварог с превеликим трудом сохранил неприкосновенное лицо. «Лорд Сварог». Ребята, он сказал — «лорд Сварог»! Значит, чертов мэтр знает его! Знает, что он пришел с Талара! Значит, он может знать и о дороге обратно? Но ни о какой Бумаге Сварог-то ни сном ни духом...

Из угла вновь послышался шорох, на этот раз явственнее, закончившийся коротким писком. Сварог не обернулся, хотя так и подмигивало.

— Да уж, в совпадение поверить трудно,— по возможности спокойно признался он.— И что вы можете предложить в такой ситуации?

Архивариус резко наклонился вперед:

— Нет, это что вы можете предложить?

Сварог честно подумал над вопросом и развел руками. Нет, правда, предложить ему было нечего. Кроме, конечно, пульсирующего рубина и книги в черном переплете,— но это уж увольте. По крайней мере, сейчас. Если архивариус ищет именно ее, то сначала надо выяснить, что в ней этакое важного. Чтобы не продешевить. А если Ленар разыскивает что-то другое, то показывать находку и вовсе не след. Сами попробуем разобраться...

— А что, милейший Ленар,— спросил он,— разве мыши не вредят книгам?

— Мыши? — искренне удивился тот.— Какие мыши? Ах, это... — Он осклабился.— Это не мыши, милорд. Это крысы. Очень крупные и опасные твари. Но книгам они не вредят... Не хочу вас пугать, но я удивлен, что вы посмели явиться сюда один, без ваших сподвижников и дружков. Неосмотрительно, в высшей степени неосмотрительно, господин милорд.

Он не врал. То есть он был искренне уверен, что перед ним именно граф Гэйр, который пожаловал сюда именно за тем, что спрятано в библиотеке. Какой-то Бумагой Ваграна. А вот насчет крыс милейший архивариус явно лукавил. Он был совершенно один. И достаточно беспомощен. Что ж, на этом можно сыграть...

— Спасибо за беспокойство,— вежливо ответил Сварог,— но, право же, не стоит. Кто вам сказал, мэтр, что я один? И что я испугаюсь каких-то крыс? Да и каких-то тварей покрупнее...

Очень уж ему в этот момент хотелось показать этому молодящемуся дедуле, что его, Сварога, магии начихать на какой-то там заговор, и сотворить что-нибудь эффектное, но он сдержался.

Архивариус с шумом выпустил воздух.

— Вижу, мы не договоримся. Вы, милорд, суете нос не в свое дело. Зачем вы вернулись сюда? Ваше любопытство вас погубит.

— Так ведь жизнь вообще любопытная штука, мэтр Ленар... И местами опасная.

— А мне говорили, милорд, что вы отошли от дел...

«Ах вот в чем дело! — озарило Сварога. — Как же я сразу-то не дотумкал! Архивариус принимает меня за другого Сварога, настоящего, — за отца!.. Ну, папа, ну, орел, ты и на Димерее успел отметиться?!»

— Вот вы, дорогой мэтр, — нейтральным тоном сказал он, внимательно разглядывая ногти на правой руке, — во время обеда что-то такое говорили про Тропу, про какой-то аппарат, способный-де ее открывать. Это что, застольная шутка или как?

— Вот только зубы не надо мне заговаривать! — взвизгнул Ленар.

И только сейчас Сварог с отчетливостью сообразил, что мэтр боится. Элементарно боится его, Сварога, графа Гэйра.

— Какая Тропа, зачем вам Тропа?! Вы что, забыли, как ходить насквозь? Не выйдет, милорд, такие вещи не забываются, не пытайтесь меня запутать...

Как известно, недооценивать противника глупо и опасно. Но, с другой стороны, и переоценивать его есть глупость не меньшая. В эту-то ловушку и попался архивариус Ленар. Он-то полагал, что Сварог приехал на Димерею весь в белом, на коне и со щитом, за какой-то бумажкой, нужной ему для каких-то своих тайных целей, и в любой момент может вернуться на Талар. Ну-с, а мы переубеждать библиотекаря не станем, зачем же...

Очевидно, на лице Сварога все же отразились какие-то эмоции, потому что мэтр Ленар прямо-таки впился в него взглядом.

— Или у вас есть лишний туз в рукаве, мастер Сварог? — азартно прошептал он. — Почему вы спросили про Тропу? Вы знаете, как найти Бума-

гу Вагранна, да? У вас есть другой алгоритм поиска? Мы ведь могли бы объединить наши усилия...

— Лишний туз... — раздумчиво проговорил Сварог. — Да нст, пожалуй, не туз. Джокер. («И не в рукаве, а в кармане», — добавил он мысленно.)

В сущности, Ленар сейчас пытался играть по простенькой методе прощупывания собеседника: угрозы, лесть, снова угрозы, снова лесть — и эту шарманку можно было крутить до бесконечности. Поэтому Сварог неожиданно и властно ударил ладонью по столу (испуганно звякнули бокалы) и страшным голосом произнес:

— Ну хватит, голуба моя. Если я, лорд Сварог, спрашиваю, что вам известно о Тропе, значит, имею в этом свой резон. О котором вам знать не положено. И у меня нет ни времени, ни желания болтать с вами о всякой срунде. Вы хотели начистоту? Получайте начистоту: мне нужно знать, есть ли здесь, на Димерсе, выход на Тропу. Мне нужно знать, реально ли для простого человека здесь, на Димерсе, — простого человека, я говорю, хотя, возможно, и наделенного некоторыми способностями, — так вот, реально ли для него отыскать этот выход. С аппаратом или без. Реально ли научить его ориентироваться на Тропе и попадать туда, куда ему... прикажут попасть. Вот и все.

Краем глаза он наблюдал за реакцией Ленара: не переиграл ли.

Нет, не переиграл. Бедный мэтр аж съежился на своем стульчике, в его глазах попеременно вспыхивали страх, недоумение и удивление.

— В-вы хотите... — пролепетал он, — хотите научить кого-то ходить насквозь? Но зачем? Нет, я не настаиваю, но... Милорд, я не могу... не имею права помогать вам в... в таких делах... Если хозяин узнает, что я вам... вместе с вами...

— Да барон ничего и не... — начал было Сварог — и прикусил язык. Он понял.

К счастью, Ленар из его неосторожной фразы правильных выводов не сделал, махнул рукой:

— Да при чем тут этот ходячий труп! Я говорю о настоящем Хозяине... Милорд, я...

— Короче, сокол вы мой книжный,— жестко перебил Сварог, пока тот ничего не заподозрил,— ворона здешних мест. Сами догадаетесь или подсказать? Мне абсолютно наплевать на вашу Бумагу — я шел именно к вам. Вы мне были нужны. Но если вы не хотите мне помочь, я найду другого, более сговорчивого. Например, мастера Пэвера. Знаете такого? Это, конечно, займет немного больше времени, однако я не тороплюсь. Но вам при таком раскладе ничего не перепадет. Ну? Я предлагаю сделку. Вы отыскиваете мне аппарат или какой-нибудь иной способ для простого человека выйти на Тропу, а я, так и быть, помогу вам отыскать бумажку Вагранна. Есть у меня кой-какие небезосновательные соображения на сей счет. Мне-то она ни к чему, сами понимаете, но живут, представьте себе, на этом свете люди, которые готовы за Бумагу выложить все. Все — вам намек ясен? Так что отвечайте быстро: есть такой способ?

Мэтр чуть не плакал. А Сварог мысленно себе аплодировал. Вам бы, ваше величество товарищ майор, в разведку или там в дипломаты — цены бы вам не было. Ведь даже в покер никогда не играли, а блефуете, как заправский гостиничный катала... И, чтобы закрепить эффект, он, как и при разговоре с бароном, вынул из воздуха сигарету и с понтом прикурил. Это, надо сказать, Ленара добило окончательно. Сварог даже на секунду забеспокоился, не хватит ли старичка кондратий.

— Ну?! — рявкнул он. — Есть способ?

Мэтр вздрогнул и едва заметно кивнул.

— Аппарат?

— Д-да...

— Где он находится? Живо мне!

— Милорд, умоляю вас,— на мэтра было жалко смотреть.— Ну не сейчас же... Мне самому точно не известно, так, слышал краем уха, что аппарат существует, а у кого, кто его создал... мне надо все выяснить...

— Н-да? — с сомнением прищурился Сварог. Мэтр не врал. А если он и служит Великому Мастеру, то разве что на побегушках — так, младший помощник старшего подмастерья. И вряд ли тут же побежит жаловаться барину. Да и замок под колпаком, связь с Хозяином наверняка не работает...— Ну, будь по-вашему, мастер Ленар, я добрый. Сроку вам... ну, скажем, до послезавтра. И смотрите у меня, из-под земли ведь достану.

— А...— встрепнулся мэтр,— Бумага Вагранна, милорд... Вы покажете мне Бумагу?

— Утром деньги, вечером стулья,— уже мягче ответил Сварог. И с чувством выполненного долга потянулся всем телом.— Да и зачем вам Бумага, Ленар, вы уже старый, вы скоро умрете...

Очаровательную их беседу прервала Клади, и архивариус ее появлению обрадовался несказанно — вымученно заулыбался, заерзал... понял наконец, книжная душа, что прямо сейчас его убивать не будут.

— Ну и как охотничье вооружение? — бодро спросил Сварог.

— Ерунда,— тряхнула гривой баронетта.— Все тоже самое: арбалеты, дробовики, луки и силки. А вы как провели время?

— Потрясающе. Весьма плодотворно побеседовали о судьбах литературы. Не так ли, дражайший мэтр?

И они двинулись в обратный путь. Архивариус шел последним, один за другим тщательно гася факелы в ведрах с песком. Библиотека погружалась во тьму.

Закат полыхал, как тысяча пожаров. Огромное солнце, точно наполненный светящимся газом аэростат, парило в жарком мареве. В багряном отсвете листва деревьев в парке отливала сталью. Инопланетный пейзаж, если двумя словами. У подножия парадной лестницы виднелась одинокая фигурка, над ее головой поднимался сизый дымок и таял над верхушками деревьев: мастер Карт вышел покурить и поразмыслить, должно быть, над перипетиями судьбы и неисповедимыми путями. Эх, дорогой вы мой барон, лучше над такими материями не задумываться, все мозги свернуть можно набекрень... Его тень, многократно изломанная ступенями, лежала под ним, как поверженный враг. Сварог затушил окурок в пепельнице, полной грудью вдохнул вечерний воздух и закрыл окно. Вернулся к столу, зажег две свечи в бронзовых подсвечниках по бокам, положил перед собой украденную в библиотеке книгу. Толстая, почти кубической формы, на вид такая старая, что, кажется, бумага должна рассыпаться от одного только прикосновения. На обложке никаких надписей нет. А если «третьим глазом» посмотреть?.. Тоже ничего, с точки зрения магии книга была насквозь обыкновенной. Хотя это еще ни о чем не говорило: Сварог знал, что существует уйма хитроумных заклятий, накладываемых на иные трактаты по колдовству,— как ни посмотри, книга как книга, но если ее откроет человек непосвященный, не произнесет необходимых слов или не совершит какого другого специального ритуала, то случиться может все, что угодно, включая самовоспламенение фолианта и самовоспламенение всего вокруг в радиусе нескольких лиг. Тем более, что вроде как выносить ее из библио-

теки и вовсе нельзя было, и неизвестно, чем это может обернуться. Но тут уж придется рисковать...

Сварог задержал дыхание и резко раскрыл книгу. Ничего не произошло. Тогда он осторожно стал пролистывать плотные страницы между пальцами, от конца к началу, чтобы не пропустить чего-нибудь важного. Книга была напечатана убористым шрифтом и, черт бы ее побрал, на напрочь незнакомом языке. Впрочем, судя по обилию таинственных диаграмм и формул с непонятными символами, можно было предположить, что это некий научный труд. И что, из-за него весь сыр-бор? Это и есть — Бумага Ваграна?

Сварог закрыл книгу, повертел в руках. Черный кожаный переплет с медными уголками, толстый корешок... пожалуй, слишком толстый. Тайник? А ну-ка...

Он провел ногтем вдоль корешка, и кожа легко разошлась, как края едва затянувшейся раны. А из корешка на стол выпал многократно сложенный листок тончайшей папирсной бумаги.

Несколько мгновений Сварог задумчиво рассматривал его, потом закурил и спокойно, очень неторопливо развернул, предвкушая. Дслов-то, елы-палы. Учитесь, дорогой мэтр. А то — сорок лет, сорок лет...

Более всего это напоминало вкладыш-выкройку из журнала «Бурда», по которому доморощенные рукодельницы шьют себе наряды: хаотическое переплетение разноцветных линий, какие-то зеленые извивающиеся пунктиры, красные кружки, заштрихованные синим эллипсы, пояснительные значки вдоль линий... то есть пояснительные для знающего человека, но только не для Сварога, мелкие уродливые иероглифы, похожие на пауков. А может, пауки, похожие на иероглифы. Впрочем, как бы то ни было, голову можно дать на отсечение, что это карта: в правом верхнем углу

изображена крохотная роза ветров, рядом — масштабная линейка...

Сварог повертел карту и так и сяк, посмотрел на просвет, даже понюхал. Нет, все-таки это не папиросная бумага, это, скорее, лист очень тонкого, но прочного и неломкого пластика... который, как вопят гринписовцы, не разлагается столетиями даже в морской воде... Хм, все страньше и страньше, как говорила одна маленькая девочка, попав в кроличью нору. Он сунул находку во внутренний карман камзола.

Вот так-то, судари мои. Проще пареной репы. Карта. Но — карта чего? Несметных пиратских сокровищ? Расположения войск противника? Пресловутой Тропы? Или секретная выкройка платья здешней княгини?.. Что ж, наверное, именно эту бумагу бедный архивариус искал без малого полвека. Наверное, он сможет разобраться, что здесь изображено. Теперь у Сварога появился в самом деле реальный рычаг для торговли с мэтром Ленаром: ты мне — возвращение на Талар, я тебе — карту-выкройку...

Колыхнулось пламя свечей. Дверь за его спиной тихонько скрипнула, и в комнату, по уже сложившейся традиции не постучав, проскользнула Клады. Без приглашения она уселась напротив, на краешек безразмерной кровати, и подперла подбородок кулачком. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. На ней были просторные зеленые бриджи и свободная блузка навыпуск, перехваченная на талии широким поясом, волосы разметались по плечам, а что такое бюстгальтеры, насколько Сварог видел, она ведать не ведала.

— Увидела свет из-под двери, решила, что еще не спите,— негромко сказала она.

— Не спится, няня,— вздохнул Сварог.

Она недоуменно нахмурилась:

— Это цитата?

— Да. Из одного романа. Вряд ли он есть даже в вашей библиотеке.

— Кто вы такой, мастер Гэйр? — еще тише спросила она, не отводя от него глаз, казавшихся бездонно черными в отсвете полыхающего заката.

Сварог ответил не сразу, подыскивая нужные слова, и наконец сказал правду:

— Солдат. У меня много титулов и званий, но на самом деле я — просто солдат.

— Вы странный, — протянула она задумчиво. — И я немного боюсь вас.

— Почему?

— Потому что я не могу вас понять... вы владеете магией, но другой, перед которой защита замка не властна. Вы не знаете многих простых вещей. Вы... вы просто чужой, мастер Гэйр... Неожиданный фактор.

— Ну, солдат везде чужой. Меня зовут Сварог.

— И тебе нравится — быть чужим, Сварог?

— Наверное, это моя судьба. А на судьбу не жалуются.

— Я думаю, что любой сам творит свою судьбу... Не так ли?

Ее волосы были как застывший воск, глаза — как темные омуты. Наверное, проклятый закат был всему виной, но что-то неуловимое, некие незримые нити протянулись между ними. И Сварог чувствовал, что с каждым мгновением они становятся все прочнее. Еще можно было их разорвать, еще не поздно было все обернуть шуткой, разрушить вечер какой-нибудь гнусной фразой (типа: «А ваш папа тоже не спит, вон, стоит под окнами») или небрежно закурить, зевнуть, наконец, во всю пасть, — потому что у него была Мара, у него был Талар и приближающаяся Багряная Звезда, ему во что бы то ни стало нужно вернуться обратно и

совсем не нужно связываться с девчонкой, которая останется здесь, на погибающем континенте, но он...

Он встал и медленно пошел вокруг стола. К ней. Клади легко поднялась навстречу, в ее глазах плясали зеленые бенгальские огни. Потом она закрыла глаза. Невидимые нити лопнули, потому что уже были не нужны, и не нужны были слова. Он запутался в незнакомых застежках и пуговках, и она сама помогла ему. Остатки рационального мышления еще тянули ручонки из головокружительной глубины: «Да что ты делаешь, опомнись, зачем это тебе сейчас...», но волна сладкого сумасшествия накрыла всяческие трезвые и правильные мысли, безжалостно утопила и завертела Сварога в бешеном водовороте... Потом были прохлада простынь и жар сплетенных тел, потом простыни стали горячими, и окружающий мир исчез, остались только двое посреди беснующегося облака огня, в котором смешались торопливый бессвязный шепот и невольные стоны наслаждения, и он выталкивал из себя тоску, горечь и страх... а потом облако взорвалось ослепительной вспышкой, и Сварог, опустошенный физически и морально, тоже исчез из этого мира...

Спустя тысячу лет она прошептала едва слышно, щекоча спутанной гривой волос ему грудь:

— А это правда, что говорил Ленар?

— А?.. Кто? Когда говорил? — Сварог с трудом выплыл из забытья, осознал себя раскинувшимся на смятой постели в позе морской звезды.

— Там, в библиотеке. Что ты здесь только для того, чтобы что-то найти.

«Да о чем она, в самом-то деле?» С ним творилось что-то странное. Говоря без цинизма и позерства, он отнюдь не был новичком в любовных утехах — ни на Земле, ни среди небожителей Талара, а скромно полагал, что удивить его чем-то

этаким уже невозможно... Однако происшедшее между ним и зеленоглазой ведьмой из захолустного замка что-то перевернуло в его душе — перевернуло и поставило с ног на голову. Черт знает, что такое. Сколько, интересно, прошло времени? Свечи еще не догорели до половины...

Сварог провел рукой по ее волосам.

— Ты что, подслушивала?

— Да,— призналась она и легонько укусила его за плечо.— Не все, так, урывками.

— Да,— признался и он.— Я должен найти... одну вещь.

Некая малопонятная тревога занозой сидела в сердце, и причину ее он никак не мог определить. Вроде бы все тихо и мирно вокруг, но что-то было не так. В самом воздухе, в этой ночи, в бледном свете из окна... Что это — чувство опасности сигнализирует о приближающейся Тьме? Или просто чуждость другого мира так на него действует?

— А потом ты уйдешь? — прошептала Клади.

— Хотел бы я сам это знать...— вздохнул Сварог.

— А я бы ушла вместе с тобой. Потому что вы очень странный, мастер Сварог.

— Почему же ты не ушла раньше?

— Мое время еще не пришло,— буднично сказала она.— Я уйду, обязательно уйду. Есть способ...

Сварог напрягся.

— Что за способ?

— Это мой секрет,— она потерлась о его плечо.— Тебе этот способ не подходит...

Вот ведь, блин...

Облако волос заскользило вниз по его животу, и он, отгоняя прочь тревогу, вновь забывая обо всем, закрыл глаза...

И все повторилось, но на этот раз без недавнего буйства и безумия. Они любили друг друга нежно

и заботливо, будто прощаясь. Нет, на самом деле прощаясь — Клади знала, что Сварог уйдет, и Сварог знал, что она знает. Однако пока ночь принадлежала им и только им...

Потом он осторожно соскользнул с постели и подошел к окну, закурил. Неопределенное чувство тревоги острым коготком опять царапало сердце. Отражение в оконном стекле смотрело на него укоризненно. Бледное свечение было разлито в небе, деревья и холмы на горизонте казались покрытыми снегом. А это что... Это что?! А, черт!

Ткнув недокуренную сигарету в пепельницу, Сварог бросился к одежде, в беспорядке сваленной на полу. Черт, черт, черт... Распроклятое чувство опасности забарабанило в висок оглушительным стаккато.

— Ты что? — спросила Клади, приподнимаясь на локте.

Сварог на нее даже не посмотрел.

— Ты не устаеть задавать столько вопросов? — ему с трудом удавалось говорить беззаботно.

— Да что случилось-то?

— Ничего. Я выйду ненадолго. Воздухом подышу. (Твою мать, рукава запутались, скорее, скорее...)

— Можно открыть окно.

— Я подышу воздухом и загляну в одно заведение, куда дамам вход заказан, — терпеливо объяснил Сварог. — Улавливаешь?

Он подхватил с кресла шаур, и веселая безмятежность вдруг исчезла с лица Клади.

— Что происходит?..

— Не знаю. Запри дверь и никому кроме меня не открывай. Поняла? Никому.

Он скользнул за дверь, в темный коридор, включил «кошачий глаз».

Курия у окна своей комнаты, он мельком посмотрел вниз, и ему показалось поначалу, что Карт

ушел в дом, а его тень осталась на лестнице. Увы, то была не тень, то был сам барон, неподвижно лежащий на ступенях собственного замка. Ну не покончил же он собой из-за того, что его пусть и приемная дочь, но переспала со случайным гостем?..

Чувство опасности включило фортиссимо.

Сварог прислушался. В замке было темно и тихо, как в гробу. Все спало. А где-то внизу, освещенный бледным светом, лежал мертвый хозяин замка...

Он бесшумно прокрался по лестнице и спустился на первый этаж, к парадной двери. Разум все еще не мог смириться с мыслью, что столь великолепно начавшаяся ночь превратилась в кошмар, а тело уже было готово к бою. Сварог приоткрыл входную дверь. Дьявол, свечение на небе прямо в лицо — великолепная мишень для того, кто, возможно, притаился среди деревьев... А где, позвольте спросить, ночная стража? Что, барон не представляет охрану?!

Двигаясь рывками, чтобы сбить прицел потенциального снайпера, Сварог быстренько спустился к телу.

Да, барон Таго был — мертвее не бывает. Он лежал на спине, раскинув руки, с горлом, превратившимся в кровавое месиво. В неподвижных зрачках отражался свет белого зарева. Краем глаза Сварог уловил слева от себя стремительное движение среди черных теней от деревьев и обернулся, вскидывая шаур. Никого. Тишина стояла такая, что аж в ушах звенело. Лишь беспечно журчал фонтанчик в шестиугольном бассейне...

Пока он и Клади предавались любви, какая-то тварь пробралась к замку и перегрызла горло его хозяину. И, может быть, не одна. И, может быть, они сейчас следят из темноты, выжидая момент, чтобы напасть. Сварог быстро оглядел фасад зам-

ка. Ни огонька — кроме едва заметного отсвета непогашенных свечей в его комнатах. Господи, там же Клади! Идиот, шаур надо было оставить ей! Нет, бесполезно, он же рассыплется... Сварог едва не застонал. Почему молчат собаки? Где слуги?! Вопросы беспорядочно толкались в голове, а ноги уже несли его за угол, в тень, туда, где обитают слуги. Толкнулся в ближайшую дверь (не заперто) и с облегчением услышал, что в полутьме есть кто-то живой: слышался размеренный храп здорового организма. Это был рыжий крепыш Клус — тот, что уступил Сварогу коня после стычки на лесной дороге, — прямо в одежде он дрых на узкой спартанской койке, закинув руки за голову. Сварог ткнул молодца кулаком под ребра и тут же зажал ему рот ладонью. Клус дернулся и открыл глаза.

— Тихо, это я, Гэйр. Где охрана замка?

Клус рывком высвободился, да Сварог и не препятствовал.

— Какого черта...

— Спокойно! Барон убит. Кто-то перегрыз ему глотку. Не человек. Быстро собирайся. Где остальные слуги?

Клус обалдело помотал головой.

— Там, наверху... во флигеле, в замке... спят... я тут вроде как охраняю...

Он вскочил, быстро натянул сапоги, схватил ножны с мечом и замер.

— Не, погодите, замок ведь под защитой заговора от нежити и колдо...

Сварог сгреб стражника за ворот и приблизил лицо почти вплотную к его:

— Слушай меня внимательно, мразь. Быстро поднимай людей, пусть вооружаются до зубов, зажигайте огни и перетрясите замок до самой крыши. Оно где-то рядом. Ясно?

— Так точно...

Может быть, для здешней фауны это нормально, но очень уж не нравилось Сварогу, как действовал неведомый зверь, — надо быть весьма шустрым, чтобы напасть на бодрствующего человека, перегрызть ему горло и при этом не издать ни единого звука...

— Готов? Пошли.

Они выскочили наружу, и в тот же момент ночную тишину пререзало испуганное лошадиное ржание со стороны конюшен. В замке что-то с грохотом обрушилось, кто-то тоненько завизжал, в псарне залаяли, завыли собаки, и сразу же в окнах первого этажа, судя по всему — в помещениях для слуг, стали зажигаться огни.

Они ворвались в замок, залитый бледным, неральным светом небесного сияния. Сварог пулей взлетел на второй этаж, попутно сшибая какие-то дурацкие статуэтки на балюстраде, понесся по коридору. Снизу доносились шум и беспорядочные выкрики. Вот и дверь. Распахнута настежь. Окно разбито, явно снаружи, стол перевернут, на пороге валяется подсвечник, основание его смято и измазано чем-то густым и темным... А рядом — раздавленный в крошево предмет, которого не только в замке, но и вообще на Димерее быть не может. Сварог присел на корточки, быстро осмотрел рассыпанные по ковру детали — кислотная батареечка, реле, антенна, еще что-то — никаких сомнений, это радиопередатчик. Одноразовый. Конструкция незнакомая и кустарная, примитивная, сработано не из заводских деталей, но определенно одно: с помощью него можно послать короткий ненаправленный радиоимпульс. И, может быть, этот импульс уже был послан... то ли сигнал бедствия, то ли сигнал к атаке... то ли сигнал на подрыв заряда. Да что за херня тут происходит, а?!! В бессильной ярости Сварог выматерился, пнул подсвечник и выскочил обратно в коридор.

— Клади!.. Клади!!!

Нет ответа. Он бросился обратно, вниз, туда, откуда доносились звуки драки, проклиная себя за то, что не удосужился в спокойной обстановке ознакомиться с планировкой замка. Залы, коридоры, вестибюли, снова коридоры... Кажется, сюда... Сварог повернул налево — и нос к носу столкнулся с высоченной фигурой в черной рясе с надвинутым на глаза капюшоном. Этого типа Сварог раньше в замке не встречал. А вот в магическом зрении перед ним представало бесцветное клубящееся облако, из которого беспрестанно высовывались то ли языки, то ли щупальца... Первой реакцией было нажать на курок, но он неимоверным усилием воли сдержался.

— Лорд Сварог? — глухо донеслось из-под капюшона.

— Вполне возможно, святой отец, — задыхаясь от бега, сказал он. — Где Клади?

— Мне приказано убить вас. — Лица под капюшоном, оказывается, не было вовсе.

— Понимаю, — кивнул Сварог, — приказы надо выполнять, — и дал очередь.

Черная фигура послушно вспыхнула синим (в прямом смысле слова) жарким пламенем и съехала, опала, смялась... и спустя несколько ударов бешено колотящегося сердца Сварог переступил через горстку дымящегося пепла. Побежал дальше. Возле очередной выставки оружия содрал со стены меч посолиднее, на бегу взвесил на ладони, проверяя балансировку, принаравливаясь. Сойдет. Эх, где ты, мой топорик...

Нападение на замок произошло не неделю назад, когда его, Сварога, здесь еще не было, и не через несколько дней, когда Сварога здесь бы уже не было. Нападение произошло сегодня. Нечисть в рясе назвала его по имени — причем его настоя-

щим именем. «Мне приказано убить вас». Неужели все из-за какой-то Бумаги какого-то Ваграна?..

— Мастер Гэйр!..

Из-за угла коридора выскочил давешний рыжий Клус, без оружия, с перекошенным от ужаса лицом, со зловещим багровым пятном, расплывающимся на рубаше. Он рухнул на ковер у ног Сварога, жадно хватая ртом воздух.

— Мастер Гэйр... Мастер Гэйр... — только и мог выговорить он.

Сварог бесцеремонно потряс его за плечо.

— Где остальные?

— Напали... Никого не осталось...

Его глаза на миг приняли осмысленное выражение, он приподнялся и ухватил окровавленной пятерней Сварога за полу камзола.

— Бегите, мастер Гэйр... Они... ищут вас...

— Где Клади? Слышишь? Где девушка?!

Но слуга больше ничего не сказал. Сварог отпустил бездыханное тело, поднялся и беспомощно огляделся. В воздухе отчетливо пованивало гарью, дымок стелился над полом, кажется, даже освещение в замке приобрело желтоватый, колеблющийся оттенок... Ну, и куда дальше, а? Где искать девчонку?..

Направо коридор выходил к лестнице, ведущей в холл перед входной дверью, налево — упирался в комнаты прислуги. Шум битвы оттуда действительно утих. Теперь со стороны здешней «людской» доносились лишь непонятные приглушенные клекот, скрежет, шорох... И эти звуки явственно приближались.

Сварог сжал меч в правой руке, шаур сжал в левой, изготовился.

Но к тому, что он увидел, приготовиться было нельзя.

По коридору, сметая рыцарские доспехи и вазы, срывая гардины с окон, разнося вдребезги зерка-

ла в два человеческих роста, на него надвигалась кошмарная волна, целое полчище фигур в рясах, заполняя собой все пространство коридора. Передние создания бежали на четвереньках, что, впрочем, не уменьшало их прыти, находящиеся в арьергарде передвигались, цепляясь, как мухи, за стены и потолок.

Картина была бредовой, невозможной, ирреальной — черные монахи на карачках, черные монахи на потолке, черные монахи, единой массой несущиеся по ночному замку, — но так было.

Сварог сунул меч за пояс и ослабил:

— Ну что ж, гуляем... — И нажал на курок.

...Твари вспыхивали как головешки, падали, взрывались тучами пепла, но сзади напирали другие, и не было им ни конца, ни края. И Сварог под этим напором вынужден был медленно отступать. Сжимая шаур обеими руками, как лихой коп из американского фильма, он не отпускал курок, плавно водил дулом из стороны в сторону, поливал нечисть серебром, точно из брандспойта... По драпировке уже бежали языки пламени, дым клубился под потолком, ел глаза. А объятая дымом волна все накатывалась на него, неумолимо, неостановимо, теснила, пыталась обтечь с флангов, захлестнуть... И что самое кошмарное, все происходило в относительной тишине: бесшумно разил серебром шаур, бесшумно загорались твари, услышать можно было только хриплое дыхание Сварога да шорох монашеских одежд и скрежет когтей по полу, стенам, потолку... Позади, за его спиной, был холл, обширное помещение, куда отступать было уж никак нельзя, там монахи разольются, окружают и задавят массой... Серебра он уже израсходовал столько, что хватило бы на месячный бюджет небольшого города, а тварей не убывало.

С хриплым клекотом мимо его плеча пронеслась серая тень — и вцепилась в самую гущу монахов. Под этим неожиданным и яростным напором нечисть на миг замерла, подалась назад, но потом вдруг выгнулась серпом и вмиг накрыла птицу черной волной. Лишь во все стороны полетели перья...

Сожалеть о погибшем ловчем соколе Гюнаре времени не было. Сварог выхватил меч, рубанул им по тянущимся в его сторону костлявым лапам (клинок прошел сквозь лапы, как сквозь полосу лунного света, не причинив их обладателям ни малейшего ущерба, и он отшвырнул бесполезный меч), развернулся, плюнул длинной очередью серебра в угрожающе нависшие с потолка рясы и все же отступал, шаг за шагом...

— Сварог, в сторону!!!

Он рефлекторно прянул к стене. Над ухом злобно вжикнуло, и в стане врага произошел беззвучный взрыв, жарко дохнуло в лицо огнем и копотью. Авангард монахов отбросило назад, с треском лопнули стекла витражного окна. Сварог на миг обернулся.

Зрелище, что и говорить, было завораживающим. По колено в стелющемся над полом дыму стояла смертельно красивая Клады в зеленом охотничьем костюме. Гневно оскалившись, с ореолом разметавшихся волос вокруг бледного лица, она поднимала арбалет. Из рассеченной губы текла на подбородок струйка крови.

«Вжи-у!.. Вжи-у!.. Вж-иу!..» Еще трижды щелкнул спусковой механизм, трижды мимо Сварога искрами промелькнули короткие стрелы, и трижды вспучились бесшумные огненные шары в гуще напирающих тварей. А потом — есть все же бог! — между ними и полчищем тварей с треском просел потолок, второй этаж, оказывается, уже полыхал как костер, с новой силой взлетело пла-

мя... Сварог схватил Клади за локоть и быстро потащил к выходу из замка. Они кубарем скапались по лестнице, Клади осторожно выглянула за угол, прошептала:

— Пусто...

— Теперь быстро наружу.

— А замок? Что будет с замком?!

— После разберемся... У тебя что, стрелы со взрывчаткой?

— Это вильнурское серебро, чистейшее...

Они добрались до холла перед главным входом. Никого. Только дым пожара и отсветы пламени. Становилось жарко в прямом смысле слова.

— Значит, делаем так. Я выхожу первым, ты сразу по моему сигналу. Встаешь слева от двери. Ясно?

— А мэтр? Мы оставили его одного? Он же в библиотеке!

— Клади, сейчас не время...

— Сюда!!! Они здесь!!!

Сварог резко обернулся. Мэтр Ленар, живой и здоровый, с лицом, искаженным яростью, словно материализовался перед дверями из замка, загораживая выход.

— Вор! Ты украл! — Голос его столь же походил на человеческий, сколь и у попугая, выучившего несколько слов. — Смерть!

— Эй, мэтр, — сказал Сварог, щурясь от дыма, — давайте поговорим, как взрослые люди...

— Поздно! Тайник! Мне и в голову не пришло, а ты знал! Знал! Верни книгу, и я убью тебя медленно!

Клади в испуге рванулась наверх, но Сварог поймал ее за руку. Вскинул шаур. Цепочка серебряных звездочек отшвырнула мэтра к дверям, впечатала спиной в створки.

— Охранный заговор нарушен... — прошептал архивариус и поднял руку. — Теперь я убью тебя...

С кончиков его пальцев сорвалась ярко-алая молния, ударила в стену слева от Сварога. Рука мэтра бессильно упала. Из коридора, где стеной огня были заперты твари, вырвалось облако дыма. Сварог прыгнул вперед, носком сапога саданул Ленара под подбородок, плечом ударил в дверь... и вывалился в ночь. По двору, в колеблющемся свете пожара, метались кони. Кони — это хорошо, заклинанием Гэйров мы их успокоим, будет на чем убраться из этого дьявольского места...

— Клади!!!

Девчонка была рядом. Он уцапал ее за руку и выволок на крыльцо. Лицо тут же охладил свежий ночной воздух.

...Величественная это была картина — в облаке дыма, с пламенем, вырывающимся из разбитых окон, осел фасад замка, разлетающиеся осколки витражей мерцали в лунном свете. Потом рушащийся замок похоронил под собой парадную лестницу... весь двор...

— ...Извините меня, мастер Гэйр,— сказала Клади. Голос ее был глухим и монотонным.

Сварог промолчал, осторожно касаясь царапин на щеке. Все-таки достала, охотница дикая. Коготки у нее были острыми, как у кошки. Забавно, что пока единственные раны, заработанные им в этом мире, достались ему от женщины...

— Ерунда,— буркнул он.— С кем не бывает.

— Я кричала?

— Так, что-то бессвязное...

В его ушах до сих пор стоял вопль Клади, когда он волоком тащил ее к лошадям, упирающуюся, царапающуюся, беспорядочно колотящую его кулачками — по груди, по плечам, по лицу: «Все из-за тебя! Пусти меня, пусти! Зачем ты пришел?! Зачем?! Убирайся!»

— Извините,— повторила она, глядя в одну точку.— Где мы?

— В лесу. Замок далеко. Погони вроде бы нет.

— Я спала?

— Скорее, была в обмороке.

— Ну и... куда мы теперь?

Сварог пожал плечами:

— Тебе лучше знать. Думаю, имеет смысл двинуться в город... Твои друзья примут погорельцев?

Клади секунду подумала, кутаясь в сотворенный с помощью магии плед, потом отрицательно помотала головой.

— Нет. Это не те друзья, с которыми...

— Ясно. С ними хорошо проводить время, но когда доходит до дела...

Она пропустила его слова мимо ушей.

— Ну? У тебя есть какие-нибудь соображения на этот счет?

— Мне надо вернуться домой.

— Твоего дома больше нет,— жестко сказал Сварог.

Из-под ресниц полыхнули яростные зеленые молнии. Сварог выдержал взгляд.

— Ты,— напряженным голосом прошептала она.— Это ты во всем виноват. За каким чертом ты явился в замок? Что тебе нужно от меня?!

Сварог молчал, с беспокойством наблюдая за девицей. Если у нее опять начнется истерика... Впрочем, она и не требовала ответа.

— Замок находился под защитой заговора... пока не явился ты. Почему ты пришел именно к нам? Зачем ты все разрушил?! Тебе нравится, когда вокруг смерть? Ведь солдат счастлив, когда льется кровь, да?! Ну так радуйся, у тебя есть шанс стать счастливым...

Она нашарила в траве арбалет и повернула медный ворот, натягивая тетиву. Наконечник стрелы

оказался направлен Сварогу аккурат в грудь. Сварог не двинулся с места и смотрел, как палец Клады лег на спусковой крючок.

— Ты настолько права, что я даже не сержусь, — тихо сказал он. — Разумеется, я не плачу, когда вижу кровь — если это кровь врага, а не друга. Разумеется, солдат и смерть идут рядом — потому что так заведено с начала времен, и не мне менять этот порядок. И, конечно, я спас тебя там, на лесной дороге, исключительно для того, чтобы прикончить твоего отчима — для чего и заставил своего лучшего друга Ленера призвать на помощь всякую нечисть... Я не стал спасать тебя от колдуна, прятавшегося в замке под видом мирного библиотекаря... Да и он вовсе не собирался убивать меня, это была просто шутка. Он и тебя не хотел убить. Он вообще никого не хотел лишать жизни — этот милый безобидный старикашка. Я, сволочь и убийца, я во всем виноват. Спускай тетиву, Клады, а потом проснись в своей комнате: это всего лишь дурной сон...

Ее губы задрожали, и она беспомощно опустила арбалет.

— Кто ты? — с тоской спросила Клады. — Кто ты такой?

— Я... я солдат без армии, — ответил Сварог. — Король в изгнании, лишенный своего королевства. Но у меня есть цель: вернуть утерянное — и я его верну. И поэтому нам не по пути. Давай я поеду своей дорогой, а ты вернешься домой, к папочке.

Трудно сказать, всерьез говорил Сварог или хотел просто... что? Успокоить Клады? Разозлить? Открыть глаза? Психолог из него, конечно, был аховый, особенно по части женских задвигов, однако кое-каких результатов он тем не менее добился. Она закрыла лицо руками и сделала не-

сколько резких вдохов. А когда подняла голову, взгляд ее зеленющих глазищ был тверд и решителен.

— Куда мы едем, мастер Гэйр? — спросила она, вновь поднимая арбалет, но на этот раз наконец-ник стрелы смотрел в небо.— Еще раз простите за... В общем, прости, и все. Но только хочешь ты того или нет, я еду с тобой. Я... мне просто некуда больше ехать.

Сварог невольно улыбнулся. Хороша была девка, спасу нет, особенно сейчас — растрепанная, собранная, готовая броситься в драку с самим дьяволом. Что ж, против судьбы не попрешь. Ему нужен спутник в этом мире, который знает местные обычаи, уклад, порядки...

— Мы едем в город,— решительно ответил он.— В этот, как его, Митрак. Ты знаешь, где живет мастер Пэвер? Какой-то бывший вояка.

— Д-да...— недоуменно сказала Клади.— Субгенерал в отставке. А ты его откуда...

— Из источников, заслуживающих доверия,— отрезал Сварог.— Он мне поможет... По крайней мере, я очень на это надеюсь. Теперь так. У тебя деньги с собой есть?

— Деньги?..

— Ну да, деньги, деньги. Я так понимаю, у вас тут пока коммунизм не построен, а нам, чует моя душа, потребуются расходы. Причем немалые.

Клади оглядела себя, потом запустила пальчики в набедренный кармашек на штанах и выудила монету.

— Вот, это все. Остальное там... в замке... И в закладных кронских банков...

— Давай-ка сюда.— Он взял монету, повертел в руках. Серебряная, размером с полденария. Без каких-либо надписей, зато с изображением какого-то бородатого деятеля на реверсе и

крупной цифрой «5» на фоне короны — на аверсе. Сварог подбросил монету на ладони.— Это сколько?

— Пять центавров*.

— А это много или мало?

— Для чего?

— Ну, скажем, лошадь на это купить можно? Да не смотри ты на меня так, я действительно не знаю. Считай, что я приехал из страны, где совсем другие деньги. Ну?

* Центавр — одна десятая рилла и одна сотая золотого орариса. На Димерее единая денежная система, но в разных странах разный золотой эквивалент.

СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД МИТРАК

Глава седьмая

Сплошные непонятки

Очередной рассвет на Димерсе Сварог встретил, покачиваясь в седле и позвякивая полусотней свежесотворенных центавров в кошеле на поясе.

Копыта выбивали из дорожной твсрди цокот и облачка пыли. Утреннее тепло, влажное и безветренное, встречным потоком свежило лицо. Непривычно огромный солнечный круг вкатывался на небесную гору, облепленную ватными клочьями облаков. Рассыпанными осколками хрустала блестела роса на траве и придорожных кустах... Пернатая братия — ага, значит, не все пичуги убрались прочь с Атара — в разминочных полетах нарезала воздух ломтями и, не жалея зобов, наперебой восторгалась отступлению ночи. В общем, выражаясь изысканно, в мире было разлито спокойствие и царила умиротворенность. И даже не всрилось, что в десяти лигах от них догорит замок, захваченный потусторонней братией.

— Хищники тут водятся? — повернулся Сварог к двигающейся следом Клади. Спросил просто так, чтоб не молчать.

— Раньше много было, теперь меньше,— мертвым голосом ответила та.— Теперь тут встречаются другие... твари.

— Какие?

— Другие,— голос ее дрогнул.— Те, которых ни стрела, ни пуля не берет.

— Нечисть?

— Можно и так назвать.

— Ну, это я уже заметил... А вон там летает,— это, к примеру, нечисть называется или нет? — Он указал на небо, где в невообразимой вышине скользила черная точка, распластав крылья. Птица? Может, и птица, вот только крылья у нее были перепончатые, как у летучей мыши, а сзади виднелся длинный, похожий на змеиный хвост.

Клади подняла голову, вгляделась, прищурившись на солнце.

— Н-нет... Это не нечисть. Это рихар... Живой... Надо же, раньше я их видела только на картинках...

— Не нечисть, и то хорошо,— философски заметил Сварог.— А с чем их едят?

— Их не едят,— без тени улыбки ответила спутница.— Это... Ну, рихар — это рихар.

Она опустила голову и замолчала.

— Исчерпывающе,— кивнул Сварог. Разговор не завязывался.

Дорога, по обыкновению всех проселков, наверное, всех планет, петляла среди холмов и перелесков, выискивая самый несуетливый, пологий спуск на равнину. С каждой проделанной лигой дорога, довольно узкая вблизи замка, становилась заметно шире, стали попадаться и распутья. Впрочем, поправил себя Сварог, не лиги, а кабелоты*. Придется, ваше небесное великолепие, заново

* Принятая на Димерее мера длины, соответствующая примерно 1,5 км.

привыкать. Ко многому придется привыкать. А привыкать-то не хотелось. Хотелось домой. Несмотря на то, что местность напоминала дом (что характерно, и Землю, и Талар одновременно) весьма и весьма.

Попутчица держалась сзади. Следует заметить, подчеркнуто сзади. Лишь когда подъезжали к очередной развилке, она пришпоривала лошадь, равнялась со Сварогом, первой сворачивала в нужную сторону и снова отставала. И в разговоры вступать явно не желала. Оно и понятно — после пережитого-то... Сварог искоса наблюдал за ней. Клади смотрела прямо перед собой на дорогу, губы были сжаты в прямую линию, что творилось в ее головке под ливнем светлых волос — одному богу известно. Но впадать в истерику и плакать она как будто больше не собиралась. Вообще-то, Клади держалась молодцом, иная девица на ее месте легко могла бы сорваться с катушек. Да и не только девица. Поэтому Сварог ее беседами не донимал, пусть сама успокоится и свыкнется с мыслью, что жизнь ее переменялась раз и навсегда и возврата к прошлому нет...

Да и самому Сварогу было о чем пораскинуть мозгами. Раньше думать над странностями происходящего у него просто-напросто не было времени — с момента его появления на Димерее события развивались столь стремительно, что не оставляли места для раздумий. А странностей было хоть отбавляй. Обратите внимание, господа: он ломился через лес наугад, а вышел как по компасу, аккуратно к завтракающим слепцам. Слепцам, у которых был камень, неким мистическим образом связанный с книгой из библиотеки замка. А ведь Сварог мог и не принять приглашение юной охотницы погостить в замке, мог не спускаться в подвал, не красть какую-то Бумагу како-

го-то Вагранна или же сразу отдать ее мэтру Лена-ру, слуге Великого Мастера,— тогда не было бы нарушено заклятие, архивариус не вызвал бы под-могу в лице черных монахов, Карт остался бы жив и библиотека бы не сгорела... Однако все случи-лось именно так, как случилось. Словно кто-то ведет его за веревочку. Словно чья-то воля под-талкивает его к тем или иным действиям. Вопрос: чья воля?..

— О чем ты думаешь? — негромко спросила Клади.

— О веревочке,— вздохнул Сварог.

— О чем?

— О веревочке, за которую меня дергают.

— Кто?

— Эх, знать бы... Но ты не бери в голову. Как настроение?

— Еще не знаю,— слишком уж спокойно ска-зала она.— Не могу поверить, что мне это не снится. Все так быстро произошло...

— Во-во, и я о том же. А ты молодчина, храб-рая охотница. Я тобой горжусь.

Клади вымученно улыбнулась.

Нет, никак не выстраивались элементы голово-ломки в единое целое. Как знать, возможно, пото-му что одна деталька была лишней — сам мастер Сварог... А еще этот радиопередатчик в замке. Кто его оставил? Не тварь же, залезшая в окно. Тогда кто? Мэтр? Вряд ли старик с его помощью выз-вал черных монахов. Барон, Клади? Откуда у них передатчик, до которого технологиям Газдаро еще расти и расти? Иностраннный? Тем более — отку-да он взялся? Вопросы, вопросы, вопросы и ни одного ответа.

Они спустились в небольшой распадок, и дере-вья слева от дороги расступились, открывая небо почти до горизонта. В пронзительной голубизне парили над лесом далекие вершины гор в шапках

ледников, а потом вновь мимо потянулся лес, лес, лес...

На беседы больше не тянуло. Молчание его вполне устраивало. И не потому, что хотелось что-то там обдумать. Как раз-таки ни о чем особенно не думалось. В активе — арбалет Клады, шаур Сварога и неистощимый (спасибо магии родной) запас денежных единиц, в пассиве — грядущее исчезновение континента в пучине вод и отсутствие поблизости стежки на Талар, в перспективе — сомнительная помощь от отставного вояки, в остальном же — полная неопределенность...

— Стоп машина,— сказал Сварог неожиданно и натянул поводья.— А это что еще такое?

Холм слева, с грудой камней на вершине, был чересчур уж правильной формы, чтобы быть естественным образованием. При тщательном всматривании оказалось, что гряда делится на развалившуюся каменную стенку и на возвышение, напоминающее надземную часть колодца. Из колодца поднималась струйка черного дыма, закручивалась в спираль, и спираль строго вертикально уходила ввысь.

— Капище апаков,— сказала Клады.

Ага, видимо, колодец — не что иное, как алтарь для жертвоприношений, раз перед ним капище, а не стойбище туристов с незатушенным костром.

Сварога нагнала Клады.

— И кто они такие, твои апаки? — Сварог поймал на себе чересчур уж пристальный взгляд спутницы.— Да я ей-богу не знаю, вот веришь ли... Сама же говорила, что я не понимаю самых элементарных вещей...

Огибая достопримечательный холм, они перешли с рыси на шаг.

— Апаки ушли три столетия назад. Неизвестно куда и неизвестно отчего. Говорят, им был известен секрет подчинения земли...

— Подчинения земли?

— Да. Они заручались благосклонностью подземных богов, принося в жертву каждого второго младенца. Ритуал совершался на жертвеннике, из которого, ты видишь, поднимается дым. Дым идет всегда, не переставая, днем и ночью. Говорят, то дыхание голодных богов. За пожертвованную кровь своих детей, кормившую подземных божеств, апаки получили власть над верхней землей, получили десять каймов вглубь от поверхности.

— А кайм — это сколько?

Клады, судя по всему, уже решила ничему не удивляться.

— Примерно от локтя до кончика среднего пальца*.

— Понятно,— Сварог сделал очередную зарубку в памяти.— И что же они делали со своими десятью каймами?

— Об апаках до нас дошли только предания. В них рассказывается, что они превращали землю в ловушки для зверей, добывая мясо и шкуры. Апаки обращали землю в непродолимую преграду из насыпей и рвов на пути людей, посягавших на их владения. Главнос, земля по приказу апаков выбрасывала из себя навстречу не принадлежащее ей.

— Клады?

— Клады и то, что дороже кладов. Древние предметы. От тех, кто жил до наступления Первой Тьмы. И однажды они отыскиали в земле нечто, увещавшее их прочь из нашего мира. Так утверждают предания...

— Они были людьми?

— Людьми.

Ее разговорчивость пошла на убыль.

* Примерно 45 см.

— А что, с тех пор, как апаки ушли, никто не пытался занять их место, никто не пробовал умаслить богов кровушкой и получить власть над десятью каймами?

Она в очередной раз пожала плечами.

— А это тогда что? — Он показал на пригорок по другую сторону дороги.

Могло показаться, что у подножия невысокого бугра поработал мощный экскаватор. Черпанул загребущим ковшом пару раз, вгрызаясь в земельку этих самых каймов на десять. Да только откуда тут могла взяться строительная техника? Да, в общем, и не так выглядит результат экскаваторных усилий. Пласты земли над черной ямой, расцвеченной желтыми пятнами песка и серыми точками камней, были приподняты, словно крышка сундука, и застыли в невозможном по законам физики вертикальном положении.

Клади резко осадил лошадь и загарцевала на месте, не отрывая взгляда от вздыбленной земли. Ага, и ее зацепило. Словно бы испугалась красавица. Только непонятно чего...

— Когда отзвучит зов первый, двинутся реки вспять,— пробормотала она,— и вскипит кровь небесная и земная, и сдвинется твердь, и вскроются врата во мглу, отворяя могилы...

Как пить дать, вспоминает вслух цитату из какого-нибудь местного пророчества...

Она вдруг всадила пятки под ребра лошади и понеслась по дороге. Сварогу ничего не оставалось, как поступить таким же образом. Он оглядывался, пока разрытый взгорок не скрылся за поворотом. Когда же бросил в ту сторону последний взгляд, померещилось, будто над раскопом поднимается белесое марево. Но включить «третий глаз» уже не успевал. Раньше надо было сообразить. Однако вот не сообразил, потому что молчало его чувство опасности.

Клади мчала первой и задавала приличный темп. В конечном счете, ей виднее, чего следует остерегаться в этих краях, от чего уносить ноги и копыта как можно быстрее, а на что можно не обращать внимания, ехать себе мимо, поплеывая. Сварог — чужак, потому и не претендует на желтую майку лидера. Как говорится, мы сами не местные, остались без документов, помогите, люди добрые...

Их бешеная скачка закончилась, когда дорога выскочила к реке и пошла вдоль нее, повторяя все зигзаги русла. Клади заметно успокоилась, неторопливо рысила, погруженная в свои думы. Сварог ей не мешал, осматривался. Вполне обыкновенная речка, сбегаящая с гор: прозрачна до одури, камениста и нетерпеливо бурна. То и дело попадались явно рукотворные заводи, назначение которых угадывалось без труда — узкий вход перекрывается одним-двумя валунами и сетками из затонов выуживается заплывшая туда за день рыба. Интересно, уж не форель ли? Ага, значит, люди все же здесь обитают. Рыбьи спинки мелькали в бурунах и перекатах потока, отсвечивая на солнце сересбристыми вспышками.

Перед узким и шатким висячим мостом через реку они спешили, повели лошадей в поводу.

Они добрались до середины пролета, когда Клади вдруг ухватила Сварога за рукав. Сварог послушно остановился, напряженно вглядываясь в противоположный берег.

С другой стороны на мост вышел человек, и тяжелая палка, которую тот использовал как посох, загромыкала по доскам. Человек выбрался из-за прибрежных камней, где, возможно, и поджидал гостей. А возможно, конечно, и не поджидал, а уж так сошлось.

Сварог двигался первым, первым ему предстояло сблизиться с незнакомцем.

Сучковатый увесистый посох перестал содрогать настил: человек остановился.

Сварогу пока еще не довелось ознакомиться с тем, как тут у них выглядят и одеваются купцы, скажем, или крестьяне. Стало быть, кто его разберет, к какому сословию принадлежит господин хороший. Но Сварогу показалось, что незнакомец выглядит и одет — странно. Именно странно. Потрепанные заплатанные штаны, отдаленно схожие с казацкими шароварами, босые ноги и вдруг новый, тонкой и, видимо, дорогой материи синий кафтан с позолоченными пуговицами, — правда, надетый на голое тело. Лицо при всей простоте черт... неуловимое. Да-да, как раз это слово годится лучше всего: неуловимое. Словно в душе незнакомца ежесекундно меняется климат и его перемены отражаются на лице. То налетит задумчивость, то нагонит грусть, то распогодится радость, то сверкнет уж совсем невероятное счастье. Слабаком он не казался. Высокий, широкоплечий, длинные руки, мощные ладони. В объективе «третьего глаза» облик незнакомца не поменялся. Выходит, человеческого рода.

Клади — Сварог оглянулся — ничуть не встревожилась предстоящей встречей.

Шаур, единственное оружие Сварога, грел поясницу в кармане камзола. Для того чтобы достать его, потребуется несколько секунд. Значит, надо извлекать шаур сейчас или забыть о нем. Сварог выбрал «забыть». Намерения человека с посохом неизвестны, может быть, самые дружеские, хоть и связанные с перегораживанием дороги, так зачем же провоцировать видом оружия...

— Ты его, случаем, не знаешь? — бросил Сварог за спину.

— Смятенный, — коротко и ясно ответствовала Клади.

— Это имя?

— Нет.

Вот и поговорили, называется.

А человек с посохом и не думал уступать дорогу. Стоял не шевелясь, лишь гуттаперчевое лицо меняло выражения. Обойти его не удастся, он загораживает весь проход. Значит, или посторонится в последний момент, или, наконец, обозначит свои намерения, или уж извини, приятель, мы спешим.

Когда до незнакомца оставалось от силы уарда два, тот бросил посох под ноги. И рухнул на колени.

Опешив, Сварог застыл. Замерла его лошадь, послушная поводу.

Станный человек оторвал лоб от мостовых досок. Его лицо дергалось, словно кто-то внутри тягал за кукольные веревочки. Grimасы перетекали одна в другую. Уголки рта то прыгали вверх, то опускались вниз, то раздвигались в дружелюбнейшей из улыбок. То губы складывались в удивленную трубочку, то злобно сжимались.

Незнакомец в очередной раз изобразил улыбку и заговорил — густым, дьяконским басом:

— Грызу я, загрызаю, уйму я, унимаю. Как мертвый от могилы не ворочается, так бы и двенадцать проклятых к тебе никогда не ворочались. А именем те проклятые: ревун, говорун, пуповой, сердцовой, внутренней, суставной, желяной, костяной, ручной, глазной. А два из них имен не имеют.

Поднялась рука, и в сторону Сварога вытянулся длинный узловатый палец. Человек с изменчивым лицом вдруг заверещал фальцетом:

— Тридевять плешей, все сосчитанные, пересчитанные, дальняя плешь наперед пошла! Не ходи в поля сини и соляны, не топчи бугры морские!

Сварог чуть не хлопнул себя по лбу. Ну конечно! «Смятенный»! А по-нашему — просто дура-

чок. Сиречь убогонький, блаженный или юродивый. Разве что без вериг и клочковатой бороды. Точно: страна непуганых идиотов, сначала слепые уродцы, теперь еще и психованный бродяга. Ну, этот может заболтать до посинения, других развлечений у него нет, а тут аж два слушателя вышли зверем на ловца. Сварог решил срочно пресекать этот балаган.

— Подожди,— сзади на плечо Сварога легла рука Клади, точно угадавшей его намерения,— устами смятенного могут разговаривать боги.

Сварог выругался. Пока про себя. Ладно, потерпим немножко, все-таки мы гости и должны уважать хозяйские обычаи и причуды. Хотя Сварог понимал, что надолго его терпения не хватит. Стоять посередь моста и слушать лабуду — на то требуется железная выдержка, подкрепленная недюжинным человеколюбием.

— Идет зверь лапист и горд, горластый и зубастый,— заливался соловьем смятенный.— Дай тебе сторожу в дому, на улице, или в пиру, или на свадьбе, или у заплота, или за плахами, или за рекою, везде, чтоб не вражил, а отвораживал...

А взгляд у смятенного, отметил Сварог, отнюдь не безумный, скорее, чужой взгляд, не его, не того человека, чье лицо напоминает резиновую маску, а язык несет невнятицу. Будто кто-то другой смотрит сквозь глазницы смятенного. Или незнакомец умело — надо признать, очень умело — прикидывается юродивым? Сварог повернул голову и скосил глаза — Клади внимала бреду едва ли не с благоговением. Она, похоже, не сомневается, что перед ней доподлинный блаженный, а его околесица, конечно, полна значительных намеков, непременно содержит зашифрованные откровения.

Тем временем смятенный выдернул из-за пазухи небольшой холщовый мешочек, распутал за-

вязки, стягивавшие горловину, и, прикрыв глаза, запустил внутрь пятерню.

— На, на, не будет вам уходу, ни в гору, ни в воду, ни в каменные пещеры, на, на.

Сварог напрягся: поди угадай, что вытащит этот юродивец, запустит этим в тебя или не запустит. А если он только ломает блаженного, заговаривая зубы,— тогда вообще любой пакости можно ждать. Нет, пора кончать с этим цирком и расходиться в разные стороны...

— На, желтый человек, на.— Юродивый вытянул руку и разжал кулак. На раскрытой ладони лежал звериный клык: чуть больше волчьего, белый, с тонкой черной жилкой, тянущейся от чуть загнутого острия к закругленному основанию, с пятнами, похожими на запекшуюся кровь. Смятенный перестал моргать и гримасничать, его лицо, обращенное к Сварогу, светилось восторженным обожанием — ни дать ни взять религиозный фанатик узрел свое божество.

— На, желтый человек...— Лицо юродивого вновь смешало черты, веки захлопнулись, он зашептал скороговоркой: — Убогих одеяние, больных исцеление, грешных спасение...

«Вот спасибо, я еще и желтый»,— подумал Сварог. Идиотская ситуация его порядком утомила.

— Нельзя отказываться от дара смятенного,— подоспела с подсказкой Клади.— Иначе навлечешь на себя беды.

«Я и без того навлекаю все, что можно и нельзя»,— хотел пробурчать Сварог, но сдержался. Забрал подарочек из лапищи смятенного, контролируя малейшее движение незнакомца. Забрал и поблагодарил:

— Спасибо, дружище, век не забуду. А теперь мы, пожалуй, пойдем.

— Теперь ты должен одарить его. Все равно чем,— продолжала Клади знакомить Сварога с

особенностями здешнего дорожного этикета. — Любой мелочью — ценность значения не имеет.

Сварог оглянулся на нее — не издевается ли? Но та была серьезна как никогда и даже смотрела на него с каким-то недоуменным уважением. Ну хорошо, закон «ты мне — я тебе», в принципе, интернационален. Сварог запустил руку в кошель и вынул серебряный центавр. Заодно и проверим. Вот сейчас и поглядим, приятель, какие у тебя отношения с серебром...

— Держи вот. Как говорится, от нашего стола — вашему столу.

Отношения с серебром у приятеля оказались нормальными. Юродивый спокойно принял бляшку в ладонь, покрутил-повертел в пальцах, поймал на металл солнечный луч, пустил зайчик на камзол Сварога, расхохотался и запихнул подарок в мешок.

— На сегодня достаточно. Давай, друг, уступай дорогу, — сказал Сварог и тронул коня за повод.

Смятенный проворно подхватил посох, развернулся, сбежал с моста и припустил по камням к реке. Глядя, как мелькает на сером фоне камней синий кафтан, Сварог подумал, что наряд этот, не иначе, тоже чей-то ответный дар. Ничего не скажешь, удобно устроился убогонький. Уж и убогоньким-то неудобно называть. Разгуливает в свое удовольствие по свежему воздуху, не сеет, не пашет, пользуется суеверием сограждан, проворачивает выгодные обмены. За подобранный где-то на помойке зуб заполучил несколько граммов чистого серебра, оторвал добротный кафтан, вполне возможно, за такой же бросовый клык. Доходный промысел получается! Только знай рожи корчи...

Сварог вскочил в седло, Клади тоже. Снизу от реки донеслось:

— Вперед без ускоку, назад без усмотру, ушком не кивните, глазом не мигните, на сторону не ска-

чите, назад не воротитесь, душам ваши сквозь ловушки, а тушам вашим мимо стрел.

Когда лошади отмерили уже с десяток уардов пыльной дороги, всадников догнал голос юродивого:

— Не ходи на бугры морские! Мосты обходи! Мостов бойся!

А, черт!..

Сварог чуть было не поддался порыву повернуть коня. Чтобы взять убогонького за грудки, хорошенько встряхнуть и дознаться, откуда он про мосты знает. Потому что это уже даже не смешно. Все кому не лень, а теперь вот и в этом мире предупреждают его, Сварога, об опасности мостов. На лбу у него, что ли, прописано тайными чернилами о несовместимости его судьбы с мостами? И где ж, наконец, тот мост, от которого его предостерегают разные вещуны?! Сколько уж пройдено, и вроде бы ничего, проносило, вот еще один мост позади, входя на который, к слову, Сварог думал о чем угодно, только не о мрачном пророчестве. Кстати, теперь добавилось еще одно предостережение: не ходи на бугры морские. А это еще что за фигня такая? Острова?.. Волны?..

Клади догнала его и поскакала рядом.

— Не надо этого делать. Ты ведь думаешь избавиться от дара смятенного? Это все равно, что снять с себя кольчугу, собираясь на бой... Мало кто удостоивается подношения от смятенного. Считается, что он за свою жизнь может одарить лишь трех человек. Поэтому быть выбранным смятенным — большая удача, и вещи из рук смятенного хранят, как талисман.

— Вот оно как. Повезло мне, значит,— сказал Сварог, стараясь не переборщить с иронией.— А скажи-ка, прекрасная охотница, у меня что, нездоровый цвет лица? Я произвожу впечатление желтого человека?

Клади ответила со всей серьезностью:

— Считается, что взору смятенных открыты истинные, внутренние цвета человека.

— И что означает желтый цвет?

Она замолчала, вроде бы над чем-то раздумывая.

— Не знаю, не знаю...— И опять ненадолго погрузилась в себя.— Возможно, тебе и не повезло. Говорят, смятенные способны предчувствовать будущее или, вернее, видеть цвета будущего. Не исключено, он почувствовал, что тебя ждут непростые испытания, и попытался хоть чем-то тебя оберечь. Потому и подарил амулет.

— Значит, ты полагаешь, это амулет? — Сварог разжал ладонь, чтобы еще раз полюбоваться подаренным звериным зубом. Клык как клык, если не считать того, что неизвестно, чью морду он когда-то украшал. Никакого таинственного тепла не излучает, магического покаявания кожи не чувствуется, загадочные письмена не нанесены.— Полагаешь, он обережет меня? Что ж...— Сварог отогнул полу камзола и упрятал клык в карман штанов.— Как говорится, поживем — увидим.

Клади отъехала от Сварога, решив, по всей видимости, что все необходимое сказано и она добилась, чего хотела. Может быть, вдобавок заключив, что избраннику смятенного необходимо остаться наедине с мыслями о цветах грядущего.

«Ох уж мне эти юродивые ясновидящие и убогие предсказатели...» — подумал Сварог.

Дорога продолжала спускаться со взгорья на равнину. Ветерок, разгулявшийся после рассветного затишья, качал еловые и сосновые лапы, шелестела листва дубов и вязов, подрагивали осины. Совсем незнакомых деревьев Сварог приметил немного, хотя незнакомы они могли быть именно ему, а на самом деле так же, как те же сосны, благополучно произрастали где-нибудь на

Таларе, может быть, и на Земле. Мы с вами очень похожи...

Дорога раз взлетела на холм, поросший мелко-лесьем. С его вершины удалось лигах в трех, пардон, кабелотах в двух впереди увидеть цель их недолгого путешествия — город Митрак, столицу славного княжества Гаэдаро. Булавочными иглами торчали шпили, в подвижных точках угадывались флюгера, кое-где над коричневой чешуей крыш поднимались печные дымки. Дорога нырнула в лес, скрывая вид на город. Снова обступили деревья.

Сварог не сразу понял, что же изменилось в окружающем. Вроде бы все то же самое, тянется по сторонам лес, разве больше стало лиственных деревьев, уменьшилось хвойных, да вот гложет ощущение, будто недостает чего-то привычного. Ах ты ж, дьявол!.. Стало тише, исчезла птичья разноголосица. Городские браконьеры, что ли, разогнали?..

Конь заржал и взвился на дыбы, когда дорогу впереди перерезали следы. Всем следам следы — узкие и глубокие борозды, вспоровшие грунтовку короткими дугами, словно некто на гигантских коньках рассекал по лесному тракту.

Кое-как успокоив занервничавшее животное, Сварог вопросительно взглянул на спутницу, также не без труда усмирившую свою лошадку. Клади, как уже раз случилось за их недолгую поездку, лишь пожала плечами.

— Лошади зря упираться не станут. Не нравятся мне эти... — Сварогу пришлось на ум довольно специфическое, но подходящее к теме слово: — ...непонятки.

— Другой дороги к городу нет, — сказала Клади. Ее «непонятки» вроде бы не напугали. По крайней мере, внешне спокойна.

— Нет, говоришь?

«Третий глаз», задействованный Сварогом для кругового осмотра, ничего к обстановке не прибавил. Ну, раз другой дороги нет...

— Тогда вперед.

Вот уж теперь точно шаур не будет бесполезным. Сварог сжал его в кармане.

Лошади нехотя, но пошли, приученные доверять и повиноваться человеку. Двигались шагом. Сварог крутил головой, отслеживая обстановку на все триста шестьдесят градусов. Борозды словно от гигантских коньков, внезапно объявившиеся на дороге, тянулись и далсе.

«Привычка — вторая натура, — промелькнуло красшком сознания. — Банальность, но в точку сказано. Вот привык к Доран-ан-Тегу — пустота на боку ноет, как ампутированная нога. Главнос, по привычке не схватиться за ту пустоту...»

Картина открылась не внезапно. Это они увидели издали, когда после поворота распахнулся взглядом очередной участок дороги. И чем ближе они подъезжали, тем меньше сохранялось надежд на обман зрения. А вскоре сомнения и вовсе иссякли.

Сварог немало повидал на своем веку подобного. И знал — его не вырвет, он не хлопнется в обморок, не станет отводить глаза. Однако ком к горлу все же подкатил, кровь прилила к голове, заломило в висках, участилось дыханис, нервы натянулись — трудно, оставаясь человеком, сохранять хладнокровис при виде такого. Но откуда взялась стальная выдержка у юной девчонки, скажите на милость?! Они ехали вровень, и профиль Клади был открыт взгляду Сварога — на лице зеленоглазой охотницы не дрогнул ни один мускул. А картиночка-то, представшая во всей красе, была не для слабых нервов.

Два трупа лежали у обочины. Лошади и всадника. И с обеих была начисто содрана кожа. Слов-

но синие-красные силуэты животного и человека с картинок в учебнике зоологии обрели объем. Кожа исчезла бесследно. Не брошена поблизости, не видно разодранных и разбросанных клочьев. Будто кожу унесли с собой в качестве боевого трофея. В клочья была разодрана одежда всадника, разноцветные лоскутья аляповатыми заплатами пестрели на дороге, свисали с кустов и деревьев.

— Да, ребята, что-то неладно, я погляжу, в вашем королевстве. Совсем неладно,— пробормотал Сварог, когда их лошади забили копытами дорожную грязь, пропитавшуюся кровью, в пяти каймах от жуткого зрелища. Сварог ожидал, что Клади вновь начнет цитировать местные пророчества, но девчонка молчала. Даже странно...

А это еще что?

Белые листья, листья-альбиносы, на осинах обычно не растут. Тем более размером с кленовый лист, продолговатые и свернутые в трубку.

Сварог спешил, передал повод своего скакуна Клади.

Значит, человек перед гибелью успел выдернуть документ из-за пазухи или из сумки (вряд ли он не выпускал его из рук всю дорогу) и отбросить подальше. А раз так, следует предположить, что бумага содержит нечто важное...

Неизвестно, кем был погибший, что за документ и кому несчастный его вез, но коли в предсмертный миг отбросил подальше, стало быть, хотел, чтобы кто-то нашел и правильно распорядился. Последняя воля погибшего, ее надо уважать. К тому же иначе пропасть может бумага. Самое простое — вот возьмет и хлынет ливень, чернила размоет. Сварог посмотрел на Клади. В ее глазах плясал ужас, но она мужественно не двигалась с места. Будешь тут мужественным, когда сначала черные монахи, а теперь еще такое... Он достал листок из переплетения ветвей. Часть плотной бу-

мажной трубки была оторвана. Сварог взгляделся в неровные края — да, оторвана, а не отрезана или обрублена. Для того, чтобы медленно разорвать плотный бумажный скруток, надо быть человеком незаурядной силы. А уж одним рывком, на который, судя по всему, лишь и могло хватить времени у погибшего... Да и зачем ему понадобилось рвать документ столь бестолковым образом? И куда он дел вторую половину? Сварог внимательно огляделся, но ничего не обнаружил. Так что, скорее всего, бумагу располовинило то самое нечто, чьи коньковые следы на дороге окружали короткими дугообразными бороздами место трагедии. Располовинило и сожрало, должно быть. Кстати, следы здесь же и пропадали, ни назад, ни вперед по дороге не продолжались...

«Комадорн,

По последним данным, исследования Сиргамаса завершены усп...

...этих экспериментов станет создание и использование и целях сугубо дивер...

...уже сейчас совершенно ясно, что примерно десять — двенадцать двоякод...

...боевого отряда, противодействие которому будет затруднено отсутствием...

...Вашего сведения, что это вопрос нескольких дней. Считаю необходи...

...создание аналогичных боевых групп незамедлительно. В противном случае...

...известить заинтересованные лица. Связь обычная».

Вот как. М-да. И как прикажете все это понимать? Шпионские игры? Нет, в самом деле, очень похоже, судари мои... А нам это надо? Нам это не надо. Нам надо домой. К папочке Гаудину, пусть он в шпионских страстях плещется...

Он аккуратно положил бумагу на место, подошел к лошадям, посмотрел снизу вверх на Клады.

Та глядела на него с непонятым выражением — то ли испугом, то ли ожиданием. Негромко поинтересовалась:

— Что там?

— Сам не пойму,— честно признался Сварог и закурил.— И, прости, тебе читать не дам. Не нашенского это ума дело, лучше в такие игрушки не играть... Ну что, двинулись дальше?

Лес вскоре закончился, пошли бескрайние, опять же неухоженные поля. По очередному мостику они пересекли очередную спокойную речку (слева вхолостую крутилась ветхая водяная мельница), вдалеке показались деревенские домики.

На самых подступах к городу, в полукабелоте от окраинных домов, одноэтажных и невзрачных, путь им преградила застава. Впрочем, застава — это громко сказано. Поперек дороги было возведено несерьезное ограждение в виде укрепленного на козлах замшелого сучковатого бревна, которое, судя по всему, при нужде просто-напросто отодвигали к обочине.

— А это зачем еще? — вполголоса спросил Сварог.

— Положено так. Разное в округе бродит, сам видел...

Сварог недоверчиво хмыкнул.

Действительно, бревно было обито полосками блестящего металла — не иначе как серебра, но Сварог сильно сомневался, что оно послужит серьезной преградой для местной нечисти и прочих лесных разбойников: к городу же не обязательно пробираться по дороге... А еще у Сварога сложилось стойкое впечатление, что «шлагбаум» воздвигнут здесь не столько для того, чтобы не пущать незваных гостей в Митрак, сколько наоборот: не выпускать кого попало из города.

Справа от ограждения, каймах в двадцати к закату, возвышалась несмешная пародия на блок-

пост: грубо сколоченная некрашенная времянка с плоской крышей, куда могли бы втиснуться от силы трое щуплых солдатиков, причем без амуниции. К дверному косяку была небрежно прислонена устрашающего вида алебарда, а перед открытой дверью, подвешенный на закопченной треноге над костерком, булькал походный котелок, источая грибной аромат. Граница на замке и но пасаран, короче говоря.

Заслышав топот копыт, из времянки выдвинулся крепкий пожилой усач — с изрытым оспинами лицом, со старым шрамом на скуле, в расстегнутой до пупа форменной рубашке и мятых штанах. На волосатой груди висела на простой веревочке высушенная лапка какого-то мелкого зверька. Усач заспанно потер лицо, сунул нос в котелок, потом посмотрел на гостей. Выудил откуда-то из-за двери штуковину, отдаленно напоминающую итальянский девятимиллиметровый ПП «Беретта», производимый в начале сороковых годов, и нога за ногу, небрежно уцапав оружие за цевье, направился к ним. В каждом его движении сквозил абсолютный пофигизм абсолютно ко всему на свете, однако Сварог моментально напрягся и незаметно правой рукой нащупал шаур. Возможно, старому вояке оставались считанные дни до пенсии и посему он совершенно справедливо забил болт на службу. Но по повадкам, по быстрому взгляду, которым усач одарил парочку в балахонах, по тому, с какой нарочитой небрежностью держал автомат, в нем угадывался боец, прошедший огонь и воду и не растерявший кое-каких навыков. Сварог выжидал, осторожно поглаживая шаур. Прошивать ветерана очередью он пока не собирался, а вот в качестве демонстранта силы миниатюрный метатель звездочек вполне потянет...

Охранник остановился по ту сторону заграждения — так, чтоб оба гостя были в поле его зре-

ния, но, в случае чего, мешали бы друг другу напасть одновременно,— и зевнул во всю пасть.

— Стой, кто идет,— сказал он. Усы у него были роскошные — длинные, чуть ли не до груди, ухоженные, с загнутыми в разные стороны кончиками.

— Свои,— ответил Сварог. И глянул на Клади. Та сидела в седле неподвижно, по обыкновению опустив глаза и всем своим видом давая понять, что мирская жизнь ей глубоко по барабану и пусть чужеземец выкручивается, как хочет. Чужеземец хмыкнул, отпустил поводья (умница-лошадка стояла, как вкопанная) и, покопавшись левой рукой в кошеле, протянул стражу центавр. Уж этот жест должен быть понятен во всех мирах.

Страж монету принять изволил.

— Вижу, что не нурские шпионы,— пробурчал он в ответ и почесался монетой в боку. Очень было похоже, что он путникам рад и не прочь поболтать с ними, даже если те окажутся нурскими шпионами. Скучно, видать, торчать на посту...— Только что-то я раньше вас не встречал, святой человек.

— На все воля аллаха,— глубокомысленно ответил Сварог, вспомнив, что он в цветах церковника.— Я тебя тоже первый раз вижу, человек войны.

— И то верно. В город путь держите?

— Туда.

— По делам или как?

— Видишь ли, человек войны,— проникновенно сказал Сварог,— как говорила Заратустра, все сущее является лишь экстраполяцией социальных склонностей индивида и его профессионального тренда на стержневые личностные установки, обусловленные динамической картой мотивационного анализа субъекта. Поэтому бессмысленно говорить о конкретной цели нашего путешествия.

И сказавши: «Хоу», протянул ему еще один центавр.

Если Сварог и собирался сбить ветерана с панталыку столь заковыристой сентенцией, то это ему не удалось.

— Оно-то, конечно, так,— вяло сказал боец, даже не глянув на монету,— но только капрал, чернильная его душа, обещал намотать мне кишки на кулак, если я не буду записывать всех, кто приезжает в столицу и кто уезжает отсюда,— будь он хоть сам князь Саутар,— равно как указывать и цель приезда или отъезда. Так что будьте любезны.

— Что ж, кишки на кулак — это неплохо,— согласился Сварог. И сообщил кратко: — По делу. Мы в город по делу.

— Вот и ладушки,— сказал тот, не двинувшись, однако, с места.— Только сделайте одолжение, ваша святость, выньте, пожалуйста, руку из кармана. Не мое это, конечно, дело, что вы в карманах носите, но как бы конфуз не случился... По какому именно делу?

«А ты ж морда,— подумал Сварог.— Ну я тебя...»

Он вытащил руку, до того сжимающую шаур, и показал хитрой бестии пустую ладонь. А потом, наклонившись вперед, проникновенно спросил:

— А вот любопытно узнать: что ваш капрал говорит по поводу внешнего вида личного состава?

В тусклом взгляде вояки зажегся лукавый огонек.

— Да много чего говорит,— вздохнул он.— Если ваша святость только пожелает, я мигом переоденусь согласно уставу караульной службы. И добро пожаловать в Митрак по всей форме: предъявление и регистрация подорожных, досмотр и опись ввозимого неличного имущества, а также заполнение прибывающими учетных лис-

тов четыре дробь шестнадцать и восемь тире пять бэ. Всех бланков у меня, к сожалению, нет, но не извольте тревожиться: ради такого случая я свяжусь с кем надо, и к вечеру необходимые бумажки будут туточки, вы и оглянуться не успеете...

Сварог крикнул и спрятал монету обратно в кошель. Вот она, основная проблема всех шпионов и разномастных тайных агентов: прекрасно понимаешь, что при желании смог бы стереть наглеца в порошок, разметать по кустам и порвать, как Тузик грелку, но — нельзя, судари мои, нельзя, надо быть скромнее и незаметнее, поскольку главное — это дело, и ради дела, наступив на собственное горло, приходится ветошью прикидываться...

— Непростой ты вояка, как я погляжу, — заметил Сварог.

— А то, — хитро прищурился усатый боец. — Двадцать два года беспорочной службы в пограничном гарнизоне на Крамеше... Да и вы, ваша святость, сдается мне, не всегда рясу носили. Толма? Лазурный перевал? Фагорский залив?

— В смысле? — не понял Сварог.

— В том смысле, — пригладил усы страж городской границы, — что у меня глаз наметанный, человека воевавшего за кабелот вижу. А поскольку вы, ваша святость, еще молоды, не чета мне, вот я и спрашиваю, где воевать изволили, — войн-то за последние годы немного было...

— Соображаешь, — похвалил Сварог, лихорадочно придумывая, что ответить. А если все горожане окажутся такими же глазастыми, то вообще туши свет... — Верно, воевал, — наконец сказал он. — Только подальше. Гораздо дальше. И недолго. Война, видишь ли, противоречит моей вере.

— Вот я и говорю, — невозмутимо сообщил вояка. — Выправка-то у вас, извиняюсь, не церковная...

«Не пустит,— обреченно понял Сварог.— Да еще и задержать решит для выяснения... Кому рассказать, а? — меня, короля, не пускает какой-то старпер! Отступить, что ли, и лесом пробираться? Так ведь этот не дурак, тревогу поднимет. Или все ж таки прорываться с боем? Ой, как не хочется...»

Но тут, вот уж неожиданность, подавала голос Клады:

— Арок, мы едем к мастеру Пэверу. У нас к нему неотложное дело.

Оба посмотрели на девушку — Сварог удивленно, ветеран пристально.

— А ведь я вас знаю,— задумчиво протянул он,— вы из замка Таго, в город, случается, навдываетесь.

«Ага, вести о пожаре сюда еще не дошли. Это нам на руку»,— подумал Сварог.

— И мастера Пэвера, кстати, знаю,— продолжал страж.— Достойнейший человек, не то что я, хоть и верит во всякую... ну, не мое это дело. А что, ваша святость,— вдруг сменил он тему,— табачком не угостите ли?

Вот ведь шельма! Проверяет, что ли? Сварог понятия не имел, позволяет ли религия курить здешним священникам. Сказаться некурящим? Или правильное послать подальше?

Он решил рискнуть. Совместно выкуренная сигарета — если не дружба, то, по крайней мере, путь к взаимопониманию. Как распитая на двоих бутылочка. Это, знаете ли, аксиома. Поэтому он сунул руку под воротник камзола и покопался там, делая вид, что ищет, а на самом деле организовав пару сигареток магическим макаром. Грудь на мгновение обожгло стужей, и между пальцев материализовались две шуршащие табаком трубочки. Конечно, запросто могло стать, что в этом мире курят исключительно трубки, как покойный барон Таго, или

табак просто жуют... но ведь может моя святость позволить себе невинные странности?

Увидев протянутую через бревно сигарету, Арок обрадовался, как дитя погремушке. Он преобразился: с него мигом слетела вялость, даже доброжелательность какая никакая в глазах появилась. Он резво извлек из кармана штанов вполне обычные, земные спички, вежливо дал прикурить сначала Сварогу, для чего Сварогу пришлось опасно свеситься с седла, а потом прикурил сам, держа сигарету между большим пальцем и указательным и стараясь не опалить усы.

— За ночь все высмолил, а смена только после обеда,— совсем другим, будто бы извиняющимся тоном объяснил он, с наслаждением выдыхая облако дыма.— Славный у вас табачок, ваша святость, благородный, ни в какое сравнение с нашенским... Недолго, говорите, воевали?..

Он вдруг запнулся, словно вспомнил о чем-то неимоверно важном. Рот приоткрылся, сигарета упала на дорогу, но вояка этого, кажется, даже не заметил.

Лошадка под Сварогом беспокойно фыркнула и стала рыть землю. Сварог недоуменно pokrutil головой. Вокруг все было тихо. Припадок у него, что ли? Сейчас еще в пене биться начнет, этого только не хватало...

— Так как все-таки насчет в город въехать, уважаемый? — напомнил он о своем существовании.

Страж молчал, устремив неподвижный, стеклянный взгляд куда-то поверх его головы. Сварог мельком оглянулся, но позади не было никого, только Клади. Да еще вдалеке, высоко-высоко в небе, парила давешняя крылато-хвостатая тварь, как ее, рихар, что ли...

— Э-эй! — позвал Сварог.

Усач вздрогнул всем телом и не своим, деревянным голосом произнес:

— Да что я, против, что ли... С нашим превеликим удовольствием... Если я у вас спрошу-таки подорожную, вы ведь мне покажете, так?

— Ну...— осторожно протянул Сварог.

— А если поинтересуюсь, за каким лядом вам мастер Пэвер сдался, вы ответите, что, мол, просто соскучились и хотите повидаться с давним приятелем?

Струйка слюны поползла по губе, стекла на грудь.

— Э-э... допустим,— сказал Сварог и подумал: «Нет уж, два припадочных за один день — это, знаете ли, перебор...»

— И на нечисть вы не похожи, оберег молчит,— забормотал страж, потрогав лапку на шее,— он мне от мамы-покойницы достался, да и кони нечисть к себе не подпустят, если только кони настоящие, не заколдованные, и не шпион вы, сразу видно, шпион бы с подорожной ехал, честь по чести, и не стал бы таким клоуном наряжаться, вас же каждый запомнит, стало быть, натуральный вы священник, хоть и псих, если честно, да и баронскую дочку я знаю, иногда в город приезжает, правильно я излагаю?

На этот раз Сварог почел за лучшее промолчать.

— Вот видите! — радостно ухмыльнулся Арок, как ни в чем не бывало стирая слюну с усов. Глаза его потемнели, взгляд снова стал осмысленным.— А вы говорите... Так все точь-в-точь и запишем, капрал доволен будет. Милости просим, добро пожаловать в Митрак! — Закинув автомат за спину, он ухватился за бревно, поднатужился.— Не поспособите ли, ваша святость...

Сварог недоуменно передернул плечами, выбросил недокуренную сигарету и спрыгнул с седла, едва не запутавшись в балахоне. Псих или нет — не наша забота. В конце концов, пропустили, и на том спасибо... Он демонстративно погла-

дил серебряные полоски на бревне,— дескать, понимаем, зачем помочь просишь, не нечисть я, не нечисть,— и приналег. Вдвоем они развернули «шлагбаум» параллельно дороге, открывая путь.

— А что, ваша святость, табачком не угостите ли? — попросил Арок, отряхивая ладони.— За ночь все высмолил, а смена только после обеда...

Клади взяла под уздцы лошадку Сварога и двинулась вперед. Сварог покосился на дымящийся на дороге окурок и с каменным лицом сотворил еще одну сигарету.

Стражник обрадовался вторично, выудил из кармана спички, прикурил и с удовольствием выпустил струю дыма.

— Хороший у вас табачок, ваша святость,— похвалил он... и вдруг виновато произнес: — Ночью ведь глаз не сомкнул, какие-то твари в округе так и шастали, стены царапали, пустить просили... Страшно было, словами не передать...— Его передернуло.— Говорят, нежить всякая вылезает аккуратно перед Тьмой, да?

Сварог опять промолчал. А что он мог сказать? Арок взял за его рукав. В глазах пожилого стражника появился страх.

— И над Крабереном дым, плохой это знак, старики шепчутся... Вот вы святой человек, ваша святость,— негромко, с тоской проговорил он.— Знать должны. Правду ли толкуют, что опять конец света будет? Кое-кто уезжает, со всем семейством, со скарбом, говорит — на ярмарку в Лиму, но я-то вижу... А у меня внуки уже, куда ехать? Везде одно и то же... Вы-то сами что думаете?

— Когда-нибудь конец света будет обязательно,— философски пожал плечами Сварог.

— Ну, это-то понятно... А делать что же?

— Молиться, сын мой,— только и сказал Сварог. И забрался в седло.— Молиться.

Арок смотрел им вслед.

— Откуда ты его знаешь? — спросил Сварог, когда они отъехали от заставы и оказались среди беспорядочно разбросанных домишек окраины города.

— Арок часто здесь дежурит, — сказала Клади. — А я в город наведываюсь. Вот и знаем друг друга.

— И что ж его такого болезного в армии держат...

— Болезного? — вопросительно подняла зеленые глазищи Клади.

— Ну да. У него же чуть припадок не случился, не заметила?

— Н-нет... По-моему, все нормально было.

— Думаешь? Ну ладно, замнем...

Он оглянулся и, прищурившись, посмотрел на фигурку у шлагбаума. Отчего-то его не покидало ощущение, что разговор со старым воякой еще не закончен, что им обязательно предстоит встретиться и сообщить друг другу нечто важное...

...Город Митрак являл собой полное, с позволения сказать, ничтожество. В стратегическом плане, имеется в виду. Некогда его окружала городская стена, но было то лет триста назад, и теперь от стены осталось одно название. При желании и наличии людей Сварог захватил бы его за день, не больше. Расставить вот тут и тут осадные отряды, сюда подкатить шесть-семь осадных пушек — и все, город, считай, наш. Два удара по княжескому дворцу, чьи башни непростительно гордо возвышаются над кварталами, захват казарм городской стражи, расположенных, ясное дело, вдоль городских транспортных магистралей, парализация служб управления, расположенных, естественно, неподалеку от городской ратуши, — и все.

Впрочем, с захватом пока стоило повременить.

Они без проблем миновали очередной пост — у городских ворот, просто-напросто не покупив-

шись на серебро из кошель, и оказались в Митраке.

Вблизи Митрак более всего походил на старый Таллинн, каким его помнил Сварог — узкие извилистые улочки, булыжная мостовая да высокие каменные стены, над которыми царапают небо островерхие, увенчанные флюгерами башни. Разве что погрязнее тут было, позахламленное как-то. Чувствовалось, что люди тут просто-напросто живут, а не работают персонажами музея под открытым небом для привлечения туристов... Хотя Сварог, побывавший во многих городах Талара, удивлен тем фактом не был. Видали города и похуже.

— И где тут изволит жить знаменитый мастер Пэвер? — негромко спросил он. Его лошадка брезгливо перешагнула через лужу нечистот (которой, судя по запаху, было недели две отроду, не меньше).

— Дом шестнадцать по улице Гончаров, — ответила Клади. — Вон туда нам, я покажу.

Митрак, судя по всему, переживал не лучшие свои времена. Многие жилые дома и лавки были брошены — двери заколочены, ставни на окнах закрыты, — лица редких прохожих озабочены и безрадостны. И никто не проявляет к двум гостям столицы ни малейшего интереса. Один раз за путниками увязалась ватага пацанов в штанишках до колен. Мальчишки бежали за ними два квартала и выкрикивали какие-то стишки — должные, наверное, быть обидными для святого человека, Сварог не уразумел, — а потом отстали. В центре города возвышалось величественное в своей уродливости строение — многобашенный дворец за высоченной, поднимающейся над крышами прочих домов, каменной стеной, выкрашенной в отпугивающе багровый цвет.

— Дворец Саутара, князя Гаэтаро,— объяснила Клады.

— Да, тяжело живется вашим правителям,— сказал на это Сварог, разглядывая неприступный бастион.— Боятся народных волнений, что ли? Ишь, как окопался...

Сварог поначалу разглядывал жителей чужого мира с любопытством, однако вскоре понял, что ничего этакого и в атарцах он не обнаружит. Люди как люди, даже одежда похожа на таларскую: кое на ком из мужчин военная форма, кое-кто с тросточкой, кое-кто при шпаге; женщины в основном — в длинных светлых платьях с открытыми плечами, в неохватных шляпках... Жители побогаче степенно двигаются по середине тротуара, победнее — стараются держаться стен, хорошенькие служаночки торопятся с корзинками по своим делам, возницы карет покрикивают на зазевавшихся пешеходов, где-то гавкает собака, в перелуке дородный господин методично лупит тростью какого-то оборванца (причем оба не издают ни звука), стражники в кожаных доспехах и островерхих шлемах с алебардами в руках и с автоматами на плече чинно и гордо шествуют мимо... Стражники с алебардами и автоматами — зрелище, конечно, забавное, но не более того. Ну не было в городе ничего особенного, не было, и хоть ты тресни. На Земле такие, наверное, еще остались, а про Талар и говорить нечего... Скучно, господа. И если вскорости не отыщется пресловутая Тропа, давешняя хандра не заставит долго себя ждать...

На очередном перекрестке они попали в пробку: городская стража грузила в местный аналог воронка нарушителя общественного спокойствия. Нарушитель — седовласый старец в красно-сером плаще — вырывался и надрывно кричал в толпу зевак: «Грядет, грядет погибель!.. Нет спасения!..

Я видел знаки!..» Но потом дедушку упаковали и увезли, толпа разошлась, и они продолжили путь.

Клади, очевидно, вела его небедными кварталами — никто помои на голову не выливал, не приходилось пробираться сквозь лабиринты вешенного поперек улицы белья, не слышались пьяные выкрики и ругань, однако ж все равно впечатление от города складывалось унылое. Улочки то вели в гору, то круто спускались вниз, расширялись и сужались — так, что, вытянув руки, можно было коснуться противоположных стен, — пересекались под неожиданными углами, и вскоре Сварог понял, что окончательно заблудился и что выбраться самостоятельно ему не удастся. Когда он уже совсем было заскучал и собрался спросить у Клади — дескать, доколе, они выехали на небольшую, относительно ухоженную площадь. Слева возвышалось веселенького розового цвета трехэтажное здание, огороженное невысокими столбиками с провисшими между ними цепями. «Заведение свободного общения госпожи Снежинки», значилось на витиеватой вывеске, и чуть ниже, буквами помельче: «С разрешения его светлости князя Саутара. Услуги за плату».

Справа виднелось приземистое строение, откуда даже в столь ранний час слышались громкие голоса и бречание некоего струнного инструмента. И без таблички «Дырявая бочка» над входом было ясно, что там внутри.

Тут Клади повела себя странно. Она уставилась на эту табличку в полном обалдении, шагнула было в сторону кабака, потом перевела взгляд на Сварога, и в этом взгляде читались недоумение и сомнение. Потом она тряхнула головой, отгоняя какие-то посторонние мысли, и указала рукой на утопающий в зелени за высокой резной оградой особняк в три этажа и сказала:

— Вот дом мастера Пэвера. Тут он живет.

Сварог хмыкнул. Если на этой улице и жили гончары, то это было, пожалуй, в прошлом цикле...

— Слева бордель, справа кабак — неплохое соседство для многомудрого отставного генерала... Ну что ж, идем знакомиться.

Они оставили лошадок у коновязи и по гравийной дорожке, мимо аккуратно постриженных кустов и деревьев прошли к входу.

Построенный в стиле, весьма напоминающем барокко, бело-голубой особняк с колоннами казался необитаемым. Высокие стрельчатые окна были плотно закрыты тяжелыми гардинами, и изнутри не доносилось ни звука. Поднявшись по каменным ступеням крыльца, Сварог решительно постучал бронзовым молоточком. Тишина. Он задумчиво посмотрел на двух каменных собак, идиотически-радостно скалящихся с пьедесталов по обе стороны от входа, и постучал еще раз, громче. Из конюшни в глубине садика раздалось недовольное ржание.

Наконец тяжелая дубовая дверь открылась, и на пороге нарисовался худощавый долговязый парнишка. В безукоризненно сидящей ливрее, безукоризненно причесанный, с непроницаемым лицом, он производил бы впечатление идеального дворецкого, даже невзирая на свой возраст, но все дело портил наливающийся под глазом багровый бланш.

— Что вам угодно? — угрюмо осведомился дылда, оглядев гостей.

— Нам, собственно, угодно видеть мастера Пэ-вера, — всжливов ответил Сварог. — Дома ли хозяин?

— Нет; — буркнул отрок.

— Вот как? А когда соизволит вернуться?

— Не знаю. Может быть, завтра. Я передам. — И слуга вознамерился было закрыть дверь, однако Сварог быстренько сунул ногу в щель:

— А что именно ты ему передашь, позволъ-ка узнать?

С парнишки на секунду слетела маска ледяного высокомерия, свойственная каждому уважающему себя дворецкому.

— Что к нему приходили двое, священник в камзоле и девка в охотничьем костюме, что же еще... Он вас примет, не беспокойтесь.

— Во-первых,— спокойно сказал Сварог, ноги не убирая,— не девка, а дочь уважаемого барона Таго, во-вторых, не священник, а не кто иной, как граф Гэйр, барон Готар собственной персоной. А в-третьих... в-третьих, у меня почему-то складывается такое ощущение, что ты врешь.

— Послушайте-ка, милейший...— собрав всю гордость в кулак, начал отвечать дворецкий, но Сварог перебил:

— Нет, это ты послушай-ка, милейший. Мы, видишь ли, проехали чертову уйму лиг... то есть этих... кабелотов, чтобы повидать мастера Пэвера по неотложному делу. И у нас, видишь ли, нет ни времени, ни желания лицезреть твою мерзкую рожу. Если ты немедленно не доложишь мастеру Пэверу, что к нему пожаловали с неимоверно важным сообщением, я тебе, щенок, подарю второй синяк — под другим глазом, для симметрии... А потом еще и кишки на кулак намотаю,— вспомнил он глазастого стража.— Усекаешь, верста ты коломенская? Считаю до одного...

— Да что вы-то еще, в самом деле! — Парнишка сломался, прикрыл синяк ладонью и едва ли не расплакался.— А еще ругаются... Спят они! Как под утро на рогах приползли, так еще и не вставали! Мне с порога в репу — шась, и в койку...

Да, это было неожиданно. Почему-то мастер Пэвер, суб-генерал в отставке, всю дорогу представлялся Сварогу таким убеленным сединами, увешанным боевыми наградами ветераном, в

тиши кабинета корпящим над мемуарами и учебниками для курсантов. На крайний случай — проводящим время за мирными беседами о боевом прошлом с такими же, как он сам, отставниками... Но уж никак не на рогах приползающим домой к рассвету.

— Ага...— несколько ошарашенно сказал он.— Ах, в этом смысле... И что, долго они обычно почивают?

— Это уж как получится,— ответил парнишка и совсем по-детски утер нос рукавом.— Смотря чем вечер закончился.

— Поня-атно...— сказал Сварог и повернулся к Клади: — А это точно тот самый Пэвер, отставной вояка? Ты ничего не напутала?

— Так кто ж еще,— шмыгнул носом дворецкий.— Другого такого отставного поискать...

Сварог собрался с мыслями. Ну, генерал не генерал, гуляка или нет, а покойный барон направил его именно сюда. И больше Сварогу покамест податься некуда. Он вновь обернулся к дворецкому и ласково сказал:

— А знаешь, отрок, я хоть и святой человек, но в репу тебе, пожалуй, все же дам.

— Это за что это? — угрюмо спросил отрок.— Я щас стражу позову...

— Ну, пока твоя стража добежит... А дам я тебе в репу по той простой причине, что неприветлив ты с путниками. И дам я тебе в репу потом, если мы вернемся и не застанем хозяина дома, бодрствующего и готового принять гостей. Улавливаешь мысль? Ты уж постарайся, сделай все, чтоб хозяин был дома и ждал нас. А лошадок мы тут оставим, ничего?

— А если они к вашему приходу не проснутся? — логично обеспокоился дворецкий.

— Если не проснутся, придется будить,— твердо пообещал Сварог.— А ты ему вот что, ты, еже-

ли проснется до нас, передай своему полководцу, что для него есть новости, от которых ему спать вообще навсегда расхочется. Запомнил?

— Так чего ж не запомнить...

— Вот и хорошо.

Сварог убрал ногу, дверь закрылась. Он повернулся к Клади и развел руками.

— Дела... И часто наш многомудрый в запой уходит?

— Барон говорил, что как со службы его выгнали, так и куролесит.

Сварог вздохнул.

— Ну, делать нечего, придется обождать. Как думаешь, в этой «Дырявой бочке» прилично кормят?..

И опять Клади непонятно посмотрела на него — то ли со страхом, то ли обреченно...

Глава восьмая

Пикейные жилеты местного разлива

Уже по одной вывеске на воротном столбе можно было заключить, что трактир, а точнее — постоянный двор не захудалый. Застывшим флагом простиралась над входом ажурная картина из кованой бронзы: пенная струя хлещет из пузатой бочки и попадает в распахнутый рот счастливого пьянчуги. Постоялый двор окружал высокий забор из дубовых кольев, который при необходимости легко превращается в первую полосу оборонительных укреплений. Прибитые над крыльцом бронзовые буквы, надраенные, как корабельный колокол у хорошего боцмана, складывались в название «Дырявая бочка». Двор чисто выметен, коновязь мало того что не перекошена, над ней даже сооружен навес, для лошадей приготовлено сено, крыльцо обходится без последствий трак-

тирных драк и прочих пьяных неводержанностей — за всем чувствуется прочный хозяин и крепкий доход.

Имелся и вышибала. Он вроде как дремал на скамеечке за входной дверью, сложив руки на груди. На позвякивание дверного колокольчика приоткрыл один глаз, равнодушно обежал им новых посетителей и опустил веко, тем подтверждая, что вышибалу в трактире священниками не удивишь.

Сварога заспанный вид трактирного привратника не обманул. Жилистые руки выдавали силу, набитые костяшки — частые тренировки, а в мельком брошенном взгляде полыхнула искра мгновенной пристальной оценки. Скорее всего, из бывших наемников. Раз на планете сосуществуют разные государства, они не могут не воевать, а значит, должны быть и наемники. И куда-то же они должны пристраиваться в мирное время...

Так же никакой ажитации приход священника и юной охотницы не вызвал и у трактирных гуляк, хоть обижайся. Лениво посмотрели, кто вошел, и снова отвернулись. Да и вообще, гуляк заметно больше занимало другое. Они скучились вокруг человека, перед которым на столе лежал портяночного размера лист бумаги. Лист очень знакомого облика — шрифт, столбцы, заголовки, выделенные отступами и толщиной букв, — как не признать газету. Любопытно...

— Вранье! — кричал кто-то рядом с газетой. — Я вам всегда говорил, что Шадтаг скупает Нур по кусочкам. Вот еще доказательство. Только Шадтагу на руку подобные сплетни!

— Уймись, Хорг, — перебил крики густой, спокойный бас. — Вечно ты во всем видишь руку Шадтага, даже в скисшем вине. Читай дальше, Базель.

— Вас дурят, чтоб в один прекрасный день скупить по дешевке со всеми потрохами, — не унимался Хорг.

На небольшом возвышении в глубине постоянного двора восседал на табурете колоритнейший тип: волосы до плеч, рубаха на груди расстегнута, обнажая волосатую грудь, в ушах блестят золотые и серебряные серьги, на шее тоже блестит что-то драгоценное, и на запястьях тоже... На коленях тип держал инструмент, напоминающий помесь лютни и гитары, и, вдумчиво перебирая струны, пел негромко, но задушевно, пел явно для себя, а не для собравшихся:

Триумф в былые времена
Справляли в честь побед военных.
По городу водили пленных
И пели гимны дотемна.

Крича героев имена,
Трофей несли до мест священных,
Знамена вешали на стенах
И выбивали письма.

Мне не нужна такая слава.
Я за собой не знаю права
Водить на привязи людей.

Скорее сам, вздыхая тяжко,
Пойду за ней, в ее упряжке —
Вот мой триумф и мой трофей.

А в соревновании трактирных запахов уверенную победу одерживал аромат жареного мяса. Сварог услышал требовательное урчание своего желудка, перебившее трактирные шумы. Перипетии последних суток требовали возмещения потраченной энергии. Глаза застлало видение хрустящей корочки со стекающими по ней капельками жира. Предложи кто сейчас на выбор: не евши переправляться на Талар или полную неопределенность после сытного обеда, — еще неизвестно, что Сварог выбрал бы...

Они пересекли зал и присели за свободный стол. Клади сняла арбалет и аккуратно пристроила его у стула. Половой не заставил себя ждать, выскочил чертом из табакерки, согнул над столом гибкий позвоночник.

— Чего изволите?

Клади еще раньше предупредила Сварога, что священники на Димерее вина не употребляют: вера не велит. «Это вы перестарались», — вслух огорчился лорд Сварог. Ладно, хоть никакого поста нынче не случилось, запрета на мясо он бы не перенес. И пожалел, что не сменил цвета камзола на более нейтральные.

Сварог заказал нечто под многообещающим названием «Удачная охота», что явственно подразумевало под собой наличие мясных ингредиентов. Клади поначалу есть вовсе отказалась, но потом усталость и голод взяли свое, и она попросила себе каркарот (как выпросил Сварог чуть позже, так назывались фаршированные рисом и овощами баклажаны — одно из любимых местных блюд).

— А запивать чем будете? — половой не удержал в себе ехидную улыбку. — Есть вода ключевая, вода кипяченая, молоко козье, молоко коровье, хвойный отвар...

Сварог с отвращением слушал это перечисление и прервал на полуслове:

— Воду ключевую давай. И смотри кипяченой не разбавляй, знаю я вас, — добавил он.

У трактирного слуги аж отвисла челюсть. Забыв о заказах, он удивленно воззрился на Сварога. И, кое-как выйдя из ступора, поковылял на кухню.

Сварогу же оставалось самого себя ругать и самого себя оправдывать. Ну, не вжился в роль, не вжился, не Станиславский же, в конце концов. Надо было сообразить, что священники и юмор —

две вещи несовместные, и что распутившийся поп по воздействию на местных жителей эквивалентен заговорившему шкафу. Поаккуратнее надо с юморком, ваше небесное великолепие, не у себя на Таларе. Да, трудная роль досталась Сварогу в этом театре: вина не пей, шутки не шути, сигареты из воздуха не доставай... А в каком-нибудь всеохватном пророчестве, небось, не забыли предсказать и подобный случай: «когда монахи начнут шутить, разверзнутся небеса и из ночи в ночь явятся те, кто...»

Если б Сварог был городским стражником, то в «Дырявую бочку» в поисках безобразий и преступников заглядывал бы в самую последнюю очередь. Панорамное полотно «Добропорядочные бюргеры на отдыхе» — вот как называлась картина, увиденная Сварогом. Похоже, заведение избрали для ежедневных сходбищ господ горожане из зажиточных и уважаемых: лавочники, ремесленники и городская интеллигенция. Кстати, а чего они посереде рабочего дня побросали лавки, ремесла и службу? Обеденный перерыв в общепринятое время, местный адмиральский час?.. Как же, перерыв: мало кто из них обеды лопают, все больше к кружкам прикладываются. Нет, скорее это напоминает экстренный сбор с приятным совмещением. Газета? Не иначе. Вокруг которой раскошегарился нешуточный спор. Ишь как разошлись. «Нас дураят, не собирается Шадтаг вывозить женщин и детей», — горячился все тот же Хорг. «Ты не прав, — возразил ему худой и бледный горожанин в черном сюртуке с форменными бронзовыми пуговицами. — Когда я служил при посольстве в Шадтаге, то своими глазами видел приказ канцлера. Настоящий, не поддельный». «В проклятой Гидернии могут поделаться что угодно. Один гидерниец однажды хотел со мной расплатиться бадрасским золотым. Хоро-

шо, я додумался под прилавком капнуть на него вытяжкой киренейского корня. На монету то есть. А так ни в жизнь не отличишь, с виду взаправдашнее золото», — поделился былым ужасом краснощекий толстяк, по виду типичный колбасник.

«Пикейные жилеты по-митракски, — поставил общественный диагноз доктор Сварог. — Цвет столичной интеллигенции, блин».

— Местная пресса отсутствует, а эту газету откуда-то доставляют? — наклонился он к Клади.

— Из Шадтага.

— Что случается, понимаю, не часто. И это целое событие в среде городской интеллигенции? Такое событие, ради которого бросают все дела, я прав?

— Да.

В который уж раз содержательного разговора не складывалось. Клади сидела как на иголках и беспрестанно метала выжидательные взгляды на лестницу, ведущую на второй этаж. Ничего подозрительного Сварог там не заметил, а поведение спутницы списал на шок.

В общем, о чем он мог бы узнать в непринужденной беседе, о том приходилось догадываться усилием мысли, прям как Штирлицу в тылу врага. Хоть спички на столе раскладывай или картинки с борманами рисуй. И вот мы догадываемся, что если образованные, казалось бы, люди с такой жадностью набросились на газету, с информацией у них тут далеко не тип-топ, информационно голодают подданные князя как там его. А почему, собственно? Вряд ли исключительно в Шадтаге издают газеты. Уж не потому ли, что портяночного вида листок — единственная дозволенная правителем Газдаро газета, чьи публикации устраивают здешнюю власть? И раз так, значит, князь от чего-то обе-

регает своих подданных. Интересно знать, от чего...

Прискакал трактирный служка и сгрузил с медного подноса кувшин с ключевой водой, кружки и всякую мелочь вроде сыра, хлебных лепешек, похожих на лаваш, и плошки с соусом.

А вокруг газеты чудесным, прямо-таки магическим образом улеглись прения. Чтец торжественно, с осознанием собственной значимости в каждом движении, приподнял типографский лист. Прокашлялся. Еще немного потомил слушателей, поправляя очки.

Сварогу ничего не оставалось, как прислушаться и посматривать, макая хлеб с сыром в соус (такой способ обращения с продуктами здесь в порядке вещей — Сварог прежде поглядел по сторонам).

— «Зов в никуда». Заголовок,— пояснил аудитории чтец, вскинув глаза над очками.

— Ха, неплохое название для трактира!

— Хорг, ты заткнешься или нет?

— Молчу, молчу...

— «В Пантоге и Пангерте вновь замечены Зовущие. Ловкость, с которой те уходят от городской стражи, доказывает, что они — не кто иные, как опытные мошенники. Еще раз предупреждаем: не верь их рассказам о том, что грядет конец света, когда мир уйдет под воду и над водой останется лишь один-единственный клочок земли. И, дескать, только им, Зовущим, явлено свыше, где именно лежит та земля. Нет никаких сомнений, что, уводя с собой доверчивых людей, они приводят их в разбойничью ловушку, убивают и отнимают все добро, взятое людьми с собой в дорогу...»

— Да? А откуда эти писаки знают, что Зовущие не врут? «Нет никаких сомнений», тоже мне... А вдруг и правда Атар целиком не утонет? Ведь никто ж не знает...

— Как же, жди, не утонет...

— А может, на этот раз вообще пронесет, а?..

Сварогу принесли его «Удачную охоту», дразнящую ноздри ароматом специй. Что ж, очередной обед на Димерее обещает очередное гастрономическое удовольствие. Хлеб горячий, сыр жирный и ароматный, мясо наисвежайшее — так и должно быть, раз заведение делает ставку на городскую элиту. Маргиналов сюда не пускают не только цены, но и вышибала, в чем, наверное, и состоит его главная обязанность. Обязанность же Сварога на эту минуту — одолеть блюдо при пособничестве бронзового ножа и двузубой вилки. Ну и, раз так повезло, можно послушать, чем угощает здешняя пресса.

— Вы слушать будете или нет?

— Читай, читай...

— Другая статья. «В Пордаге задержан нурский шпион, который распространял слухи о том, что он якобы один уцелел из своей деревни, находившейся вблизи границы с Шадтагом. Якобы он вернулся с охоты, вошел в деревню и нашел односельчанин обезглавленными. Якобы всех, включая детей. И якобы ладони у всех были черные, словно вымазанные в дегте. А потом якобы пошел черный снег. И он в страхе бежал куда глаза глядят, незаметно перешел границу и оказался в Пордаге, где якобы сам сдался властям».

«М-да,— подумал Сварог, разрезая нежное розовое мясо,— если газета вся состоит из рассказиков в духе скверной помеси Джека Лондона с Эдгаром По, то не газета это получается, а сборник баек, которые журналисты выдумывают за стаканом вина в соседнем подвальчике, и всерьез обсуждать такую газету могут лишь люди, начисто оторванные от новостей большого мира. И опять-таки встает вопрос: с какой целью местное министерство правды оберегает

местную же интеллигенцию от реальной информации?»

— «Сообщает наш фагорский извешчик. Король Фагора Михлест Четвертый вместе с супругой, детьми, всеми родственниками и двором отбыл на морскую прогулку. Отъезд происходил без обычной пышности. В море ушел весь королевский флот под охраной эскадры адмирала Кортея. Маршрут и продолжительность прогулки неизвестны». — И утомившийся чтец аккуратно опустил газету на стол, потянулся к глиняной кружке.

Видимо, уговор дозволял в подобных случаях выражать свое отношение к последним известиям. И слушатели принялись выражать.

— Нет, неспроста это! — грохнул кулаком по столу горожанин с телосложением кузнеца, отошедшего отковки и заплывшего руководящим жирком. — Что-то готовится! Что-то будет! Разве происходило на вашей памяти столько всего зловещего и таинственного, разве сгущались когда-либо над головами столь мрачные тучи! Что-то будет!

— Ну, не конец же света! — хмыкнул некто, сидящий к Сварогу спиной. Прочие же, стоило прозвучать словам «конец света», покосились на столик, приютивший «священника» и его спутницу.

— Конец не конец, а войны не миновать, — философски заметил сухонький старичок с внешностью академика Павлова, ковыряющийся в зубах заостренной щепой. — Верно вам говорю.

— Конец света — это происки Нура, — отчеканил бледный горожанин в черном сюртуке. По тому, как враз вокруг уважительно примолкли, стало ясно, что в исполнении человека от власти звучит официальная, правильная позиция, которой следует придерживаться, чтобы избежать неприятных расспросов в подвалах здешнего

НКВД.— Шпионы Нура сознательно сеют панику и ужас. Их цель — добиться хаоса, подорвать порядок в Газдаро, а также в дружественном нам Шадтаге, и во время беспорядков подло напасть. Я боюсь, шпионы Нура не просто отравили Руану, о чем пишет «Шадтагский вестник», они опробовали новый яд. И я призываю подумать об этом. Не просто подумать, а серьезно! Не пора ли организовывать дружины по охране колодцев?

Прочие пикейные жилеты примолкли, потупились, словно провинившиеся школьники.

«Ребята,— сказал бы им Сварог, если б эти проблемы его хоть как-то волновали,— вы б лучше пораскинули умом над некой несообразностью. А именно над тем, что вам дозволено читать всего одну газету. Если уж отсутствует местная пресса, а чужого, разлагающего влияния мы боимся, то на кой вообще смущать умы? Почему не запретить и эту? Сославшись на коварных нурских шпионов, установить режим полной изоляции от внешнего мира — оно же гораздо проще. Не мое это, конечно, дело, но интересный простор для раздумий, между прочим, открывается. Наводит, знаете ли... Философски подходя, если что-то разрешают, если что-то сознательно усложняют, значит, кому-то это очень нужно. Скажете, политический реверанс в сторону Шадтага — дескать, вот как мы вас любим, что нисколько не боимся вашей пропаганды? Только сдается мне, нет никакой нужды в реверансах, никто от того ничего не выигрывает. А вот если предположить нечто с первого взгляда невозможное и немыслимое... Впрочем, не мое это дело, ребята...»

— Г-хм,— кашлянул в кулак отдохнувший и промочивший горло чтец,— я продолжаю... «В Рингаре приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный торговому министру города Рингара Сагу Индарну. Напоминаем, что Саг Индарн заку-

пил у Гидернии пятьдесят опреснителей. Суд установил, что министр вступил в сговор с гидернийскими торговцами, получив от них солидную мзду за партию неисправных опреснителей. Преступники надеялись, что правда не откроется, но опреснители проверили и из пятидесяти ни один не работал. Саг Индарн был повешен на центральной площади Рингара...»

— Все зло от гидернийцев, точно вам говорю! От них, мерзавцев, и от Нура...

— Слушай-ка,— вдруг сказала Клади, наклонившись к Сварогу.— Поверишь или нет, но... Честное слово, я и понятия не имела, что он живет здесь, рядом с Пэвером...

— Кто?

— Один... Один человек. Здесь, в «Дырявой бочке». В восьмом номере. Только не спрашивай меня, кто он. Я его никогда не видела, как зовут — не знаю...

Сварог прищурился. Она не вралла. Пока не вралла, по крайней мере...

— И что ему от нас надо? — спросил он.— Или — нам от него?

— Точно не могу сказать... Но, возможно, он поможет тебе лучше, чем суб-генерал...

— М-да? И кто ж таков?

Вновь звякнул дверной колокольчик. Клади выронила вилку и выпрямилась на стуле. Сварог недоуменно проследил за ее взглядом. В трактир вошли трое. Прямоком от порога, не задерживаясь, не осматриваясь, застучали сапогами по половицам к угловому столику.

Что гости — не простые смертные, явствовало уже из того, как они одеты и как держатся. Вдобавок из трактирных глубин выкатился радушным мячиком сам хозяин и торопливо засеменил к дорогим гостям, растягивая пухлые щеки солнечной улыбкой. Что-то такое знакомое почудилось Сва-

рогу в их походе... в лицах... Он наклонился к Клади:

— И кто это у нас будет?

Клади сидела напряженно, не сводила глаз с вошедших.

— Да Олес же, мразь. Твой старый знакомый...

Ах, вот кого принесло! Ну да, лес, драка и так далее... Сварог с интересом уставился на вошедших.

Где княжий сынок, где приятели, разобраться труда не составляло. Один в троице заметно выделялся — надменностью взгляда, количеством перстней, наконец, породистым лицом и тем, как двое других на него смотрят.

Что примечательно, трактирная публика не вскочила, роняя лавки, чтоб согнуться в почти-тельных поклонах. Дневные гуляки напомнили Сварогу участников детской игры «Раз, два, три, морская фигура замри». При появлении наследника местного трона интеллигенция на секунду другую окаменела, потом, словно прозвучала команда «Отомри», как ни в чем не бывало вернулась к прерванным занятиям. Лишь, пожалуй, потише теперь звучал голос декламатора, перевернувшего страницу:

— А вот еще интересная статья. «Мели и водовороты». Это название. Так, подпись под заголовком: «Сообщает наш извetchик, вернувшийся из путешествия по реке Руана, которое он совершил на пароходе „Герцог Джунгар“». И вот о чем он извещает, господа: «...Я был беспечен и втайне подсмеивался над нашим капитаном. Капитан Бильг с момента отплытия был сумрачен лицом и не сходил с мостика, с тревогой оглядывая берега. На мои вопросы он отвечал, что в последние дни слишком много всего странного происходит на реке, нурские прохвосты снова взяли за свое. А еще, добавлял капитан, дурные приметы предшествовали

отпильтию. Например, лопнул причальный конец. А боцман клянется, что пугнул на палубе крысу, и та не шмыгнула в одну из корабельных щелей, а прыгнула в воду. Моряки — люди чрезмерно суеверные, поэтому я отнесся к словам капитана без должной серьезности. Но очень скоро, на второй день пути, мне пришлось убедиться в его правоте. Мы отошли от города, где пополнили запас угля, прошли всего четыре морских лиги...»

Или так заведено в этом трактире, где сынок завсегдатай, или местные обычаи не принуждают простолюдинов в зланных местах к поклонам и иным приветствиям — вникать Сварог не рвался. Развлекайтесь вы, как хотите, господа иного мира, а я бы поскорее свалил от вас...

Сварог, продолжая трапезу, искоса поглядывал на престолонаследника. Поглядывал не из праздного любопытства — дескать, ну и что у вас здесь за князя водятся, лучше или хуже нашенских, а узнает или нет, вспомнит ли трогательную встречу на лесной дороге, а если узнает, то придется ли вновь воевать. Вот Сварогу, например, драка сейчас совсем не нужна. Отвести, что ли, ему глаза и под шумок улизнуть? Унизительно как-то, знаете ли, бегать от щенка...

Наследничек сидел к Сварогу спиной. Безупречная осанка истинного аристократа — хоть линейку к позвоночнику прикладывай, горделивая посадка головы, кулак, упертый в бок.

От столика (который, думается, навечно был закреплен за князем чадом) откатился трактирщик, засеменял отдавать приказания службе доставки и угождения. Скучающие приятели молодого князя завертели головами. Ага, вот один из них заметил Сварога, вздрогнул, толкнул другого, тот тоже уставился. В один голос оба забормотали что-то княжескому сынку, тыча пальцами в сторону Сварога, сынок обернулся...

Взгляды Сварога и наследничка скрестились. Вне всяких сомнений, Сварог тоже был опознан. М-да, я встретил вас и все такое, узнавание может быть чревато, может, и отсюда придется прорываться с боем.

А пока Сварог и молодой князь фехтовали на взглядах. Сынок произнес что-то резко, после чего его тараторящие приятели враз замолкли. Потом Сварог, словно вкладывая шпагу в ножны, опустил глаза на блюдо, над которым подымался ароматный пар,— мол, на данный момент, ваше высочество, меня больше занимает «Удачная охота», уж больно вкусная, зараза, так и тает во рту.

— «...А потом грянул ливень, под какие я никогда не попадал и о каких даже не слышал...»

Занимаясь блюдом, Сварог краем глаза отслеживал стол с новоприбывшими гостями. Вот князек поднялся. Один. Направился к их столу. Сел на лавку напротив Сварога, разумсется, разрешения не спрашивая. Сварог вскинул на него глаза.

— Привет, Клади. Здорово, святой человек.

— Какого дьявола тебе еще надо? — прошипела Клади.— Или опять захотел по морде получить?

Сварог собрался. Без драки не обойтись, ежу понятно. Если сейчас этот щенок скажет...

— Да ладно тебе, подруга,— вдруг примирительно сказал щенок.— Ну, выпимши я был. Виноват, больше не повторится, прошу прощения, искуплю, оправдаю и докажу...— Он вознамерился было положить ладонь на руку девушки, но та резко руку отдернула.— Давай в сем пристойном месте не будем затевать свару, а? Ну, погорячился, ну, бывает. Не хочешь замуж — как хочешь, неволить не стану. Меня сейчас больше твой дружок интересует...

Он с любопытством посмотрел на Сварога, и Сварог решил пока с броском погодить. Как вид-

но, юнец не для заводки подсел к их столу, что-то он явно имеет сказать...

— Думасшь, тебя спасет закон, уравнивающий все сословия на земле, которая принадлежит увеселительным заведениям? Для нурских шпионов закон один: ловить и вешать,— ни намек на усмешку на узком вытянутом лице с юношеским пушком на верхней губе.

Сварог предостерегающе положил ладонь на колено Клади: чувствовал, что та сейчас без лишних разговоров заедет наследнику по мордасам. Ведь не всерьез угрожает молокосос. Угроза — это так, посмотреть, как поведет себя храбрый рыцарь лесных дорог. Просто Сварогу дали понять, что, дескать, я тебя признал и ты меня признал, и не надо по этому поводу юлить и изворачиваться, а лучше вырази-ка смирение и покорность.

Значит, вот оно в чем дело, закон у вас такой имеется, освобождающий от выражения почтения на веселых землях. Наверняка издан монархом, любившим инкогнито посещать места незамысловатых утех простонародья и не любившим, когда его во время этих вылазок шумно узнавали.

Ах, как изменилось бы выражение физиономии и тон, узнай молокосос, что перед ним сидит действительный король трех держав, властитель земель, на которых уместилось бы таких вот княжеств, что семечек в огурце, приближенный императрицы Четырех миров, начальник девятого стола... Однако, вот беда, удостоверяющих документов Сварог с собой не захватил, а на слово ему, как ему кажется, никто не поверит. Значит, придется и дальше разыгрывать священника. Почему нет? Кто сказал, что служители божьи, даже непьющие, не могут умело постоять за себя? Везде есть свои монахи Шао-Линя...

В рамках роли Сварог смиренно ответил знатному молокососу:

— Будь я нурским шпионом, ваше высочество, давно бы уже глотал пыль дорог, ведущих в Нур, а не разгуливал бы по городу.

— И кто ты тогда, если не нурский шпион? Почему вырядился попом?

«Он же видел меня в деле,— подумал Сварог,— должен осознавать, что я его, дружков и вышибалу заодно раскатаю по стенам за минуту. Конечно, пикейные жилеты поднимут переполох: „Сына князя убили!“, город закроют и выбраться из него будет нелегко. Но ему-то уже никто не поможет. Зачем же он на рожон прет?»

— Я, ваше высочество, как вы изволили заметить, святой человек. Я далек мыслями от Нура и прочей мирской суеты, мой взор обращен...

— Хватит,— сказал княжеский сынок, навалился локтями на стол, потом вдруг опомнился, одернул их, осмотрел, не запачкал ли камзол плебейской грязью, потом, видимо, махнув рукой на мелочи жизни, навалился вновь.— Ты же понимаешь, что если я захочу, ты прямо из этого трактира переберешься в Пыльный подвал. И никакие метатели серебра тебя не спасут. Только не говори, что не слышал о Пыльном подвале. Там из тебя клещами вырвут исповедь, правдивей, чем предсмертная. Не лучше ли здесь поговорить начистоту, а, святой человек?

Сынок, конечно, напирает, но вот на донце глаз проскакивают, как уклейки в иле, искры... не испуга, нет, но — неуверенности. Которой вроде бы не должно быть, когда прешь таким танком на дзоты. Нестыковочка. А вот что за ней кроется, какой такой пакет предложений? Должен быть пакет, должен, иначе ни к чему весь предыдущий разговор...

— Не понимаю, ваше высочество, в чем вы меня подозреваете?

— Церковников я здесь насмотрелся. Ты такой же церковник, как вот эти костоломы — рыцари Ордена чести и благородства,— показал он на своих дружков, хмуро разливающих принесенное вино.— И не надо мне растягивать уши, что ты из далекой обители, расположенной высоко в горах на ничейных землях, и просто забрел в гости к братьям по вере. Мол, у вас там в горах все такие. Не надо. Я тебе не какой-нибудь помойный гриб, чтобы покупаться на гнилую метель.

Сварог усмехнулся про себя: «А престолонаследник, похоже, немало времени проводит в изысканном кругу местного отребья, знатно оборотов понахватался, не все и поймешь...»

— И кто же я, ваше высочество, по-вашему, нурский шпион и никак иначе?

Честное слово, а ведь даже приятно было валять дурака и строить из себя эдакого смиренного священника. И при том знать, что в любой момент можешь обработать наследничка, как бог черепаху, не вставая со стула. Забавно, знаете ли, иногда сменить амплуа...

— Про нурского шпиона ты им будешь рассказывать,— презрительно мотнул сынок острым подбородком в сторону пикейных жилетов.— Я тебе скажу, кто ты. Слышал я про вашего брата...

— Не изволите ли чего? — завис над плечом молодого князя трактирный служка.

— Пшел вон! — рявкнул наследничек, но вдруг одумался.— Стоять! Назад. Бутылку красного рокнейского, и поживее.

— «...Ливень начисто снес и фальшборт. Пароходная труба напоминала решето,— декламатор пытался передать трагизм зачитываемого напряжением голоса.— Но самое страшное открытие ждало нас впереди...»

— Ты — тагорт,— шепотом произнес Олес, буравя Сварога взглядом. И во взгляде том рас-

познавалась надежда на подтверждение. Несомненно, молодому знатному повесе страсть как хочется, чтобы Сварог оказался этим самым тагортом.

Сварог не воскликнул со всей искренностью: «Кто-кто?» Не стал разочаровывать княжьего сынка. Бросил лишь мимолетный взгляд на Клади: не подскажешь, о чем это твой женишок? Клади открыла было рот, чтобы возразить, но передумала и устоялась на Олеса с таким видом, будто тот раскрыл страшную военную тайну, о которой до сей поры знали только двое: она сама и замаскированный под священника тагорт. Ага, решила подыграть сыночку. Что ж, и мы подыграем. Потому что сейчас выгоднее Сварогу иметь союзника в лице знатного отпрыска, чем врага. А там прорвемся.

Половой притащил бутылку и высокий стакан. Олес набултыхал себе половину и плеснул в рот добрую половину.

— Хорошо, допустим, ты угадал. И что? — Сварог изобразил хитрую улыбку — мол, я еще ни в чем не признался, я еще раздумываю и прикидываю. И местоимение «ты» Сварог загнал сознательно: выиграет ли аристократическая спесь или сынок проглотит ее позывы ради цели?

— А то,— проглотив позывы, еще тише зашептал наследничек,— что для тебя есть работа, за которую ты получишь не жалкие крохи, какие перепадут от этой...— он, видимо, хотел произнести нечто уничижительное вроде «девки», но в последний момент заменил на другое: — от прекрасной баронетты. Твоя доля обеспечит тебя до конца дней.

— Конца дней? — Сварог сбросил, наконец, образ святого отца и откинулся на спинку стула. Отправил в рот очередной кусок «Удачной охоты». — А как начет конца света?

— «...Не отыскиали мы и боцмана. Бесследно пропали штурман, второй помощник и несколько матросов,— в образовавшуюся за их столом паузу вклинился голос газетного чтеца.— А в машинном отделении нас встретило зрелище, которое никто из нас теперь не забудет до смертной черты...»

— Ужас! — не выдержал и нарушил уговор молчания впечатлительный здоровяк, похожий на кузнеца, отошедшего от дел.— Быть войне!

— Так я о том и толкую,— прошептал Олес.— Ты на своих Островах о «Парящем рихаре» слышал?

— А как же,— снисходительно усмехнулся Сварог.— Тагорт я или нет?

— А знаешь, сколько папашка собирается древних предметов на нем вывезти?

— Слышал мельком. Ну и?

— «Ну и»... Я помогу тебе их умыкнуть у папашки, а ты поможешь мне добраться до Островов, идст? — на одном дыхании выпалил Олес.

— До Островов? — сощурился Сварог.— А тебе зачем на Острова... сын мой?

— Не крути, а? — скривил лицо Олес.— Сам прескрасно знаешь. В общем, так. Давай договоримся. Целый сундук древних предметов — в обмен на доставку одного скромного юноши на Острова. Ты же можешь замолвить за меня словечко, не обижу...

— Заманчиво,— протянул Сварог.— Но, как ты понимаешь, такие вопросы с кондачка не решаются, я должен посоветоваться с товарищами...

— Учти, времени мало,— напрягся молодой князь.

— Я понял... Давай сделаем так. Завтра в это же время здесь. Я попробую что-нибудь придумать.

— Договорились! — просияло чадо.— Выпьем?

— Запросто.

Они чокнулись и выпили вино, и мальчишка окончательно утвердился в мысли, что священник перед ним замаскированный. Казачок засланный...

— Все, последняя страница,— сложил газету чтец.— Объявления. Читать?

— И что там?

— Там... «Продаю»... «Продаю»... Опять «продаю»... Дом, платья, мебель мастера Неврога, коллекцию золотых диадем. Так... Снова «продаю»... шкуру красного медведя, два десятка исправных гидернийских фонарей, писчую бумагу... Ничего кроме «продаю»... А, нет, есть одно «куплю». Оберег даг-мортер, камень морского корня, книги о Бумаге Вагранна.

— Ха-ха, хорошо, что не саму Бумагу...

— Ну? — повернулся Сварог к Клади, когда ободренный обещаниями молодой князь вместе с дружками выдвинулся из трактира.— Теперь рассказывай. Кто я такой и с каких таких Островов приехал.

— Это легенда,— вздохнула Клади...

Согласно легенде, на Димерее существуют-таки области, которые вообще не погружаются в океан, ни раз в пятьсот лет, ни раз в пять тысяч. Правда это или нет, никто не знает, но упорно говорят о том, что в океане есть Блуждающие Острова, плавающие, где живут люди. И эти люди, обладающие фантастическими способностями, иногда инкогнито приезжают на материк, ищут, собирают, покупают, крадут и выменивают предметы, оставшиеся от самой первой цивилизации Димереи, обитавшей до наступления Тьмы. Зачем-то островитянам нужны эти предметы, то ли ностальгия, то ли еще что. Разумеется, этих ребят, тайно посещающих Атар и в народе называемых тагортами, видели и даже общались с ними исключительно знакомые приятели жены соседа, но слухи о них, тем не менее, не прекращаются вот уже несколько столетий...

— Все страньше и страньше... — задумчиво проговорил Сварог. — Значит, он меня принял за островитянина? Надо будет это обдумать... — Он подхватил бутылочку, оставшуюся от Олеса, заткнул пробкой и небрежно сунул в карман: чуяло его сердце, что пригодится. — Ну что, — повернулся к Клади, — пора бы и проснуться нашей красавице. Пора бы и совесть поиметь. Вечер скоро. — Он щедро отсыпал из кошелья центавров на стол (справедливо рассудив, что этого должно хватить и на завтрак, и на чаевые) и поднялся. — Вперед.

Но Клади продолжала сидеть, нерешительно глядя на лестницу на второй этаж. Потом перевела взгляд на Сварога.

— Стой. Погоди-ка... Давай все же поднимемся в номер восемь, а?

— И ты уверена, что там мне помогут? — помолчав, вкрадчиво спросил Сварог.

— Не уверена. Но попытаться можно...

— И что это за таинственный спаситель, ты мне сказать не можешь.

— Не имею права. — Ее взгляд стал умоляющим. — Ну не спрашивай у меня сейчас, ладно? Когда наступит время, я тебе все расскажу. Обещаю.

Она явно что-то не договаривала. Но Сварог и на этот раз лишь смиренно пожал плечами. То, что вокруг него ведется какая-то подковерная возня, ясно и ему, Сварогу, остается только наблюдать и собирать информацию... В конце концов, чем больше информации, тем богаче выбор действий, не так ли? Что ж, давайте посмотрим, что за персонаж еще вступает в игру.

...Остановившись у двери с деревянной табличкой, на которой была аккуратно выжжена цифра восемь, Клади легонько постучала — пять раз, с разными интервалами. Подождала немного, постучала опять — с тем же результатом. Тогда она легонько толкнула дверь, и та медленно, бесшумно начала

отворяться в темноту. И еще до того, как дверь открылась полностью, Сварог даже не спинным мозгом, а каким-то восемнадцатым чувством ощутил некую неладность. О которой даже Клади пока не подозревала. И машинально собрался, приготовился, как перед прыжком, сжал шаур, лихорадочно пытаюсь понять, выщелить источник беспокойства. Это не было чутьем на опасность — проклятое чутье по-прежнему молчало,— это было выработанное годами предчувствие угрозы... А когда Клади на пороге вдруг застыла и с сипом втянула в легкие воздух, будто собираясь закричать, раздумывать, что да почему, времени не было: на лестнице отчетливо слышались неторопливые шаркающие шаги — кто-то из постояльцев, отзавтракав, возвращался к себе в опочивальню. Повинуясь не разуму, а инстинкту, Сварог сграбастал Клади в охапку, зажал ладонью рот — чего доброго, действительно заорет,— резко толкнул внутрь. Ногой осторожненько прикрыл за собой дверь, вслушался.

Невидимый постоялец, беспечно напевая под нос:

В кофейном фраке юный франт
У подоконника зевает.
С бананами официант
Расправиться не поспевает...—

прошаркал мимо, потом заскрежетал ключ в замочной скважине соседней двери...

Она и дама трэф в плаще
Сплетают ласок постоянство,
От сцены сей детина щель
Рта разевает и в пространство...—

и тут все стихло.

— Ну, ну,— зашептал Сварог на ухо яростно вырывающейся Клади,— спокойнее, все нормально, я тебя сейчас отпущу, ты ведь кричать не будешь, ни к чему нам крики...

Продолжая нести всякую успокоительную чушь, он быстро огляделся.

В простенькой, без особых изысков комнате царил полумрак — шторы на окнах были плотно задернуты. Комната как комната: аккуратно застеленная кровать у правой стены, платяной шкаф, небольшое бюро возле окна — короче, обыкновенная дешевая мебелирашка. То есть была бы обыкновенной, если б не одна незначительная деталька, которой, по идее, в приличных гостиницах нет и быть не должно: посреди комнаты, раскинув руки, навзничь лежал человек в разметавшемся по полу сюртуке. Молодой, лет тридцати, светловолосый, с небольшой аккуратной бородкой — той, что на Земле зовется шкиперской...

Так. Так-так...

Начинается.

Влипли в очередной раз.

Клади наконец уgomонилась, и Сварог рискнул разжать захват. Она отпрыгнула в сторону, резко развернулась на полусогнутых — сиреневыми крыльями взметнулся подол балахона — и в странном жесте выставила руки перед собой...

Кричать она, оказывается, и не собиралась. Преображение, с ней произошедшее, было столь разительным, что Сварог, признаться, на миг замер в полном ступоре. Убитая горем от смерти отчима девица исчезла — на ее месте теперь яростно сверкала зелеными кошачьими глазищами сущая валькирия, жутко прекрасная и жутко опасная. Более того, Сварог вдруг сообразил, что она приняла стойку — ему напрочь незнакомую, но грамотную, несомненно боевую и, судя по расположению рук и ног, отнюдь не оборонительную...

— Если ты еще раз схватишь меня, я тебя убью, — выделяя каждое слово, прошипела Клади. — Если ты еще раз зайдешь ко мне со спины, я тебя убью. Если ты еще раз коснешься меня, я тебя убью.

Сварог секунду тупо таращился на нее, потом сказал негромко, показывая ей пустые ладони и стараясь сохранить каменное выражение лица.

— Виноват, больше не повториться. Прошу прощения, искуплю, оправдаю и докажу... А тебе не кажется, баронетта, что сейчас не место и не время, а?

Клади медленно опустила руки и вроде бы немного расслабилась.

— Извини. Просто столько смертей за один день... Посмотри, пожалуйста, что с ним. Может быть, еще что-то можно...

Сварог секунду тупо таращился на нее, потом пожал плечами и наклонился к телу.

Увы, ничего уже было нельзя поделать. Человек на полу был однозначно и несомненно мертв. Стекланные глаза невидяще таращились в потолок, серые губы были приоткрыты. На белом как мел лице застыло выражение безграничного удивления — удивления, но никак не страха. И, что характерно, ни крови, ни следов насилия на нем не наблюдалось. По крайней мере, на первый взгляд...

Вопросов в голове Сварога роилось множество, но пока он благоразумно молчал. Поскольку действительно — не место и не время.

Пока Сварог стоя на коленях осматривал тело, осторожно шарил по карманам трупа, автоматически стараясь по возможности не наследить, Клади быстро, но весьма толково обыскала комнату, двигаясь слева направо, и принялась выдвигать ящики бюро.

— Что там? — бросила она, не поворачиваясь.

— Мертвее не бывает, — ответил Сварог. — И, насколько я понимаю, совсем недавно...

Обычно в таких ситуациях именно в этот момент распахивается дверь и внутрь вваливается толпа представителей власти, имея целью непременно выяснить, зачем они злодейски убили бла-

говоспитаннейшего господина обывателя... Однако и в коридоре, и за окном было тихо, лишь снизу, из трактира, доносился нестройный гул голосов. Живые благовоспитаннейшие господа обыватели продолжали трапезничать и обсуждать свои насущные проблемы. Таинственный убийца мог быть где угодно, и среди них тоже...

— Тебе не кажется, что пора быстренько уносить ноги? — вполголоса поинтересовался он, поднимаясь и отряхивая колени.

Клади обернулась мельком и очень серьезно спросила:

— Ты умеешь заставлять мертвых говорить?

— Нет, — столь же серьезно ответил Сварог, вспомнив голову Гарпага. — А ты?

Клади ничего не ответила, словно Сварог стал для нее пустым местом. Она с задумчивым видом оглядывалась, закусив нижнюю губу. Потом взгляд ее просветлел, и она метнулась к кровати. Наклонилась, откинула свисающее покрывало... Сварог еще успел разглядеть светлый прямоугольник в темноте под кроватью — то ли ящик, то ли чемодан... и больше ничего разглядеть не успел.

— Не трогать!!! — заорал он.

Корабельным ревуном взвыло в голове чувство опасности, и тело само, не спрашиваясь у разума, бросило себя вперед. Он перелетел через труп, без всяких церемоний схватил Клади за шкуру и швырнул ее к двери. Дьявол, дверь открывается внутрь! Шепотом матерясь, Сварог рванул дверь на себя, толкнул валькирию наружу, вывалился сам. Захлопнуть дверь уже не смог.

Из комнаты в коридор беззвучно ударил сноп сине-желтого пламени, на миг осветив каждую трещинку на стенах. Здание вздрогнуло, точно рядом разорвалась авиационная бомба. Оба упали, с потолка посыпалась какая-то труха, куски штукатурки. Бутылка красного рокнейского боль-

но впиалась ему в бедро, но, к счастью, не разбилась. Зато внизу, в обеденном зале, с грохотом и звоном повалилась посуда, кто-то испуганно завопил. Сварог обалдело помотал головой, выждал пару секунд, потом приподнялся на локте, огляделся. После ослепительной вспышки мир казался тусклым и бесцветным.

Это был не огонь — стена напротив двери не обуглилась, не загорелась и дыма не было... хотя из столь поспешно покинутой ими комнаты отчетливо тянуло гарью... и почему-то лавандой...

— Жива? — спросил он.

Клади встала на одно колено, охнула.

— Коленом ударилась, — поморщилась она и протянула руку. — Встать помоги.

— А я тебе говорил — надо ноги уносить.

Самообладание у нее было — робот бы позавидовал. И это, знаете ли, наводило на некоторые неприятные подозрения. Она, разумеется, не ожидала увидеть в комнате труп, но и полной неожиданностью труп для нее не был. Она знала, что такое может произойти с обитателем комнаты номер восемь. Интересное кино...

Сварог помог ей подняться.

— Это что было?

— Не знаю. Очень похоже на... на Холодный Огонь Тигельда. Но кто это мог сделать?..

— Магия? — деловито спросил Сварог.

— Что же еще...

Сварог осторожно, из-за косяка заглянул в комнату.

Ему приходилось видеть квартиры после пожара — обугленная, черная, выжженная изнутри коробка, совершенно пустая.

Именно так теперь и выглядела комната. Бесследно исчезли кровать, шкаф, бюро, труп. В воздухе летали хлопья копоти, из разбитого окна тянуло сквозняком. Выжженная изнутри коробка...

— Ненавижу магию.

Дверь соседнего номера приоткрылась, и в коридор выглянул давешний позавтракавший обыватель. Увидел Сварога, спросил испуганно:

— Что это, ваша святость? Война, да?

— Землетрясение! — грозно рыкнул Сварог. — Никому не выходить! Идут спасательные работы!

Обыватель охнул и быстренько дверь закрыл.

— Надо уходить отсюда, — сказала Клади.

— А-я что говорил...

Действительно, шум внизу усилился — в общем гуле уже можно было различить отдельные внятные выкрики, сейчас кто-нибудь навсерьняка бросится наверх — за вещами, а заодно и посмотреть, что случилось...

Сварог потащил девчонку в противоположный конец коридора — туда, где сочилось светом окно во внутренний двор.

Во дворе никого, сразу под окном виднеется пологий скат крыши какой-то пристройки — как будто специально для тех, кто соберется убить какого-нибудь постояльца с смыть по-тихому.

Они осторожно спустились на землю, перелезли через невысокий забор и шмыгнули в переулок. Там Сварог остановился, прижал Клади к обшарпанной стене дома, навис над ней.

— А теперь, душа моя, говори правду и только правду. Кто ты такая и зачем притащила меня в эту «Дырявую бочку»?

Девчонка, казалось, готова была расплакаться.

— Клянусь тебе, это случайность. Я и понятия не имела, что «Бочка» находится рядом с домом Пэвера...

А ведь не врет, пожалуй...

— И кто нас тут поджидал?

— Я не имею права говорить... Это не моя тайна. Просто поверь мне, что не хотела тебе ничего плохого...

Опять не врет, чтоб ей... Куда проще было бы, если юлила и выдумывала какие-нибудь небылицы...

— Кто устроил фейерверк в номере? Говори быстро!

— Не знаю, не знаю! — Вот теперь зеленые озера переполнились влагой, и по щеке покатилась слеза. — Ты же видишь, я сама не ожидала такого... Я просто хотела познакомить тебя с тем, кто там жил. А вы уж сами разобрались...

— А что такое «Парящий рихар», ты тоже, конечно, не знаешь?

— Тоже...

Не врет? Не-а. Ну что за чертовщина, а?

Сварог нахмурился. И что теперь прикажете делать? Удавить чертовку прямо здесь? Или выдать ее властям — за попытку поджога постоянного двора? Никакой опасности она не излучает, может быть, просто запуталась девчонка в каких-то играх больших дядей...

— Слушай меня внимательно, — сказал он. — Сейчас мы пойдем к Пэверу, и ты будешь вести себя тихо-тихо и примерно-примерно. Это ясно?

Клади утвердительно всхлипнула.

— И пойдем мы с тобой не в этих нарядах, которые уже, боюсь, каждая собака в городе знает, а преобразенные. Стой спокойно, буду творить тебе новое лицо...

Глава девятая

Что-то, наконец, проясняется...

До особняка они добрались без приключений — благо, было рукой подать.

У порога обители отставного генерала Сварог решил скинуть личины добропорядочного бюргера и его дородной женушки: в доме может быть

полно зеркал, и если Пэвер углядит подлог, то у него появятся лишние причины не поверить ни слову из рассказа.

Изнутри особняка в ответ на стук молоточка донесся гневный рык: «Да сколько ж можно шляться-то?!..», после чего дверь рывком распахнулась, и на пороге возник коренастый, плотно сбитый человек лет пятидесяти, облаченный в роскошный, небрежно запахнутый на груди халат и похожий на Леонида Броневого. Увидев гостей на пороге, он на миг замер с открытым ртом, потом горестно ухватил себя за длинный нос, испещренный заковыристым лабиринтом прожилок.

— Эт-того еще с утра пораньше не хватало,— простонал он. Колыхнулись розовые бульдожки брыла, свисающие на плечи.— Аж целых двое... Вам-то что от меня надо?

От него на два кабелота окрест благоухало стойким перегаром.

— Нам хотелось бы видеть мастера Пэвера, в оном доме проживающего,— вежливо сказал Сварог.

— Ну, я Пэвер,— буркнул громила, икнул и посмотрел за спины гостей. С тоской спросил: — А Мильда куда дели?

— Кого, простите?..

— Ну, этого...— Пэвер неопределенно пошевелил в воздухе пальцами. Его халат был богато расшит множеством красивейших золотых птиц, спаривающихся в самых смелых и неожиданных позициях. При каждом движении хозяина птицы словно бы оживали и принимались спариваться, в общем-то, очень правдоподобно.— Денщика то есть моего. Сволочь редкая, я его за лекарством командировал — и как сквозь землю. Выпорю и уволю... Слушайте,— жалобно спросил Пэвер,— я вас приглашал вчера, что ли?

— Нет, мастер Пэвер,— сказал Сварог.— Мы пришли по собственной воле и по совершенно другому делу...

— И то хорошо. А пиво с собой есть?

Вместо ответа Сварог показал бутыль. Лицо коренастого просветлело, даже ежик седых волос, похожих на сапожную щетку, казалось, радостно воспрял.

— Так что вы молчите, морды мои дорогие,— ласково сказал он.— Милости просим со всем нашим радушием...

Они вошли. Обстановка в особнячке вполне соответствовала облику хозяина: скупой свет из-за задернутых гардин, распластанные шкуры каких-то животных на полу — при жизни бывших, очевидно, очень опасными и очень злыми, судя по размеру зубов,— громоздкая дубовая мебель, на стенах помятые кирасы, зазубренные мечи устрашающего вида, какие-то наградные листы, какие-то медальки на лентах, гербы, карты с разноцветными стрелками — направлениями атак и ударов, надо понимать...

— Вот сюда, наверное, заходите, а то наверху, это... не прибрано,— произнес Пэвер, открыл дверь в комнату, пропуская гостей.— Арбалет позвольте, сударыня? Оружие как-никак.

Клади сжала губы и отрицательно покачала головой:

— Извините, мастер Пэвер, нет.

— Н-да? Ну, как знаете...— Хозяин внимательно оглядел обоих.— Ох, чует мое сердце, вы не просто на огонек заглянули выпить-закусить, у вас лица такие, словно... словно...— Он помахал рукой, подыскивая слова, и вдруг нахмурился, уставив в Сварога указательный палец: — А ну-ка докладывайте по всей форме: вы мне не снитесь?

— Увы,— ответил Сварог,— мы самые что ни на есть доподлинные.

— Бывает,— сказал Пэвер и хмыкнул, обдав их очередной волной перегара.— Священник с бутылкой и девка в костюме охотницы, ну прям из авантюрного романа, клянусь усами Наваки. Встречал я и более странные парочки, но не здесь же, не в занюханном этом Газдаро...

— Вас ждет еще много удивительного,— пообещал Сварог.

— Отставить, пока я не приму лекарство! — рявкнул Пэвер.— Все равно ни слова не пойму. Вы пока располагайтесь, а я буквально сейчас... Лекарство откройте пока, ваша святость.

Четко развернувшись через левое плечо, он промаршировал на выход. Сварог и Клади переглянулись, и Сварог развел руками.

Помещение, куда их привел Пэвер, оказалось библиотекой, и Сварог внутренне передернулся: с некоторых пор хранилище книг любых размеров вызывало в нем неприязнь и подозрение. Это хранилище с замковым, разумеется, ни в какое сравнение не шло, но и маленьким не выглядело: шкафы вдоль стен между высокими окнами, забитые разнокалиберными книгами под завязку, полки, заваленные книгами...

— Что-то мне тут не очень нравится,— сказала Клади, когда за хозяином закрылась дверь.

— Потому что книги,— только и ответил Сварог, разглядывая корешки.

«Триста нсобъяснимых наукой и магией случаев исчезновения людей и предметов, собранных и классифицированных», «Тайна Феррунианских гробниц», «Разумные гуапы: миф или реальность», «Древние предметы. Апокрифические заметки»... Рядом — «Битва на Лазурном перевале, 320 г.: коренной перелом в войне», «Мемуары гранд-маршала Айтарана», «Диверсионные операции с применением светлой магии»... Рядом — «Девственницы-баловницы из Укатоны», «Сорви

бутона любви моей», «Три монашки и гренадер»... Итак, как мы видим, господа, бравый суб-генерал в отставке оказался не только законченным гедонистом, но и заядлым коллекционером паранормальных явлений. Каковых явлений в этом мире, как уже убедился Сварог, что крапивы в овраге...

Он поставил бутылку на расшатанный столик в центре комнаты, ногтем подцепил пробку. Вина оставалось больше половины, но как-то неудобно приходить в гости с початой... Поэтому он поискал глазами бокалы, не нашел, махнул рукой на этикет и уселся на стул с высокой спинкой.

— А кто такие гуапы? — спросил он, чтобы не молчать.

— Оборотни, — сказала Клади. — Наполовину люди, наполовину хищные звери. Жили в начале цикла, потом вроде как вымерли, были перебиты.

Пэвер вернулся через десять минут — прсображенный, теперь действительно похожий на генерала и даже показавшийся выше ростом. На нем красовался строгий, кофейного цвета костюм, напоминающий френч, позвякивали золочеными шпорами начищенные до невозможности сапоги, ежик на голове примят более-менее на прямой пробор, даже примешивается к запашку перегара аромат крепкого мужского парфюма. Сварог поднялся навстречу и невольно расправил плечи.

— Среди нас дама, — по-военному кратко объяснил хозяин причину своего преображения и браво щелкнул каблуками: — Честь имею: граф Пэвер, маркиз Пек, суб-генерал в отставке.

— Граф Гэйр, — ограничился Сварог графским титулом, — никаким боком не священник. А это — Клади, баронетта Таго.

— Таго? — Суб-генерал грохнул на столик рядом с откупоренной бутылкой три бокала и обернулся к Клади, подняв кустистую бровь. — Не та

ли самая очаровательная и внезапная родственница мастера Карта, барона, как его, Таго? (Клади молча наклонила голову.) Постойте-ка... Клади, кажется? Ну да! Мы встречались на приеме во дворце Саутара год назад... Сейчас мы это дело...— Он лихо набулькал в бокалы вино, поднял свой.— Как здоровьице мастера барона? Он не очень устает? — Пэвер подмигнул с едва уловимым намеком на кое-какие обстоятельства, но Клади намек не восприняла.

— Отчим погиб. Был убит сегодня ночью,— очень спокойно ответила она.

Лицо генерала стало каменным, он чуть не уронил бокал.

— Если это шутка, милейшая баронетта...

— Какие уж тут шутки,— сказал Сварог.

— Так, ни слова больше.

Генерал молча опрокинул бокал в глотку, проглотил, передернулся, уселся на свободный стул.

— Садитесь,— повелительно указал он на соседние стулья.— Садитесь оба и докладывайте.

Что-что, а слушать Пэвер умел. Пока Сварог рассказывал о своем появлении в замке и последовавших за этим событиях, стараясь излагать по-армейски кратко и четко, суб-генерал, не проронив ни слова, практически в одиночку приговорил всю бутылку. Но, против опасения Сварога, не захмелел. Наоборот, он трезвел практически на глазах, и то ли алкоголь, то ли сам рассказ сделали его собранным и решительным. Молчала и Клади: многое из рассказанного для нее также было открытием...

— И вот мы у вас,— закончил Сварог. Про Бумагу Вагранна, спрятанную в корешке книги, он пока не упоминал, решил повременить. Ведь, как ни крути, именно с ней так или иначе связаны все неприятности...

— Покажите-ка рубин,— приказал суб-генерал.

Сварог достал из кармана камень бродяг-мародеров, протянул Пэверу. Тот повертел рубин перед носом, посмотрел на просвет. Сказал недолго:

— Да-с, крайне любопытная штукавина. Я о таких только читал. Везет вам, граф, честное слово.— И смутился, покосившись на Клади.— Ну... то есть, с одной стороны, конечно, везет, а вот с другой...

— И что это такое? — спросила Клади.

— Это так называемый гикорат. А ну-ка...— Он поднялся, прошелся по комнате, держа камень на вытянутой руке. Возле шкафа, стоящего в дальнем углу, рубин начал уже знакомо пульсировать нугряным багровым светом.— Так я и думал. Нет, это в самом деле удивительно, клянусь.— Пэвер достал из-за ряда книг в шкафу небольшую, высотой с ладонь статуэтку из какого-то полупрозрачного материала — мускулистый человек, яростно борющийся с чем-то, напоминающим взбесившийся шланг пылесоса. Едва он коснулся статуэтки, рубин погас.— Работает. Надо же, работает...

— Так что это? — напомнил Сварог.

— Как вам объяснить... Вам известно, что такое миноискатель?

— В общих чертах,— осторожно сказал Сварог.

— Ну, принцип работы похожий... Это, дорогой граф,— детектор. Искатель древних предметов. Предметов, которые создала цивилизация, обитавшая на Димерее до наступления первой Тьмы. А предметы из оттуда знаете сколько стоят? Так что тот, кто владеет гикоратом, владеет невероятными сокровищами... И поэтому принято считать, что гикорат есть выдумка, миф и легенда...

— Ага, понятненько.— Сварог спрятал рубин обратно в карман.— Вещь старинная, цены нема-

лой... Значит, та книга из библиотеки была оттуда, из тех времен...

— Ну да. Она у вас с собой, кстати?

Сварог молча развел руками.

— Жаль. Чертовски жаль. Было бы интересно понять, зачем она вашему Ленару...

— Значит,— Клади повернулась к Сварогу,— архивариус искал в библиотеке какую-то книгу. А узнав, что ее взял ты... Значит... он теневой маг...— И Сварогу очень не понравилось выражение ее лица. Словно она наконец что-то поняла, до чего Сварог пока догадаться не мог...

— И не из Посвященных,— ответил Пэвер.— Слабенький, надо сказать, колдунишка. Вот послушайте-ка...— Он снял с полки книгу, раскрыл посередине.— «Аграверты, или черные монахи: примитивные порождения теневой магии, недолговечные сгущения Тени, вызываются при помощи несложного ритуала, заключающегося в...» Так, ну, тут неинтересно... ага, вот... «По сути пустотны, саморазрушение наступает меньше чем через сутки после рождения... Собственной магией не обладают, бессильны перед многими защитными заклинаниями... Представляют опасность только в большом количестве, в каковом обычно теневые колдуны их и вызывают».— Он резко захлопнул книгу, посмотрел на корешок.— «„Пандемониум светлой и теневой магий“, издательство „Раскира“, Крон, 506 год»... Вот так. Барон Таго погиб из-за каких-то недолговечных саморазрушающихся тварей, из-за какой-то древней книжонки...

— Ну, не совсем из-за книжонки,— признался Сварог.

Суб-генерал яростно затолкал энциклопедию в шкаф и обернулся к Сварогу.

— Ну ладно, граф, баронетта. Полагаю, вы приехали сюда не только для того, чтобы сооб-

щить о смерти барона Таго. Я могу вам чем-то помочь? -

— Расскажите нам о Тропе,— сказал Сварог, глядя Пэверу в глаза.

— И вы туда же! — прямо-таки взвыл суб-генерал.— Да что на ней, свет клином сошелся, что ли?!

— Что значит — «и я туда же»? — мигом подобрался Сварог.— Кто-то еще интересовался Тропой?

— Да приходил тут третьего дня какой-то в штатском,— отмахнулся Пэвер.— Назвался ученым из Трех Башен*, выпрашивал про Тропу, но с виду-то — тихун тихуном**. (Сварог метнул на Клади быстрый взгляд, но та была погружена в какие-то свои мысли.) Я насовал ему по рылу и выкинул из дома к свиньям собачьим... Мой дорогой граф, если вы наслушались всяких там сектантов и вознамерились бежать от Тьмы по Тропе в какое-то якобы безопасное место, то оставьте эти идеи навсегда... Извольте, я вам объясню, что есть Тропа.— Он сложил руки на груди и продекламировал менторским тоном: — Тропа есть феномен, являющийся следствием изменений физических законов мира, вызванных приближающейся катастрофой,— феномен того же рода, что и появление нежити в огромных количествах, рихары, Белый Саван или там Чагасские дали, не больше и не меньше... Кое-кто полагает, что это дыра в Ничто, в абсолютную Пустоту, лежащую за границами вещественного мира, кто-то — что это

* Три Башни — университет в Шадтаге, один из старейших на Димерее, четыреста лет назад провозгласивший своей целью восстановление полного хода истории от первого цикла до последних дней. Хотя считается государственным, но финансирование происходит главным образом за счет меценатов, ученых-одиночек и негоциантов.

** Тихун — жаргонное название филеров, сексотов и пр.

дверь в иные миры... Вторая гипотеза для обывателя, конечно, приятственнее, поэтому и прижилось название Тропа, но на деле никто толком не знает, что это такое, каков механизм ее появления и куда она может завести. Цивилизация, обитавшая на Димерее до Тьмы, как свидетельствуют некоторые данные, владела секретом перемещения по Тропе, но этот секрет, увы, утрачен. Все. Я не очень сложно излагаю? — с легкой ехидцей добавил он.

— Ничуть, вполне доходчиво... — ничтоже сумняшеся, улыбнулся Сварог. — И на удивление в точку. Насколько я понял, у вас есть конкретные доказательства проявления этого феномена на Аtare?

— Ого! — Суб-генерал посмотрел на Сварога с уважением. — Каков штиль! Не простой вы граф, как я погляжу... Да, верно, я одно время собирал материалы по Тропе — вон, два сундука макулатуры на чердаке до сих пор пылятся... Да, за последние десять лет было отмечено по меньшей мере пятнадцать случаев, которые можно с уверенностью отнести к феномену Тропы. Но ни изучить, ни подготовиться к ним не было ни малейшей возможности — все его, этого феномена, проявления носят исключительно стохастический характер... Извините, граф, вам понятно слово «стохастический»?

— Понятно, понятно, мы графья ученые, — нетерпеливо поморщился Сварог. — И каковы признаки этих... проявлений?

— Ну... по словам очевидцев — яркая вспышка, прямо в воздухе появляется черная дыра с рваными краями, порыв бешеного ветра — такой, что подойти невозможно, длится феномен от нескольких секунд до получаса... Это достоверно, а большинство остальных эффектов я списываю на излишне богатое воображение свидетелей...

— Никто туда не... проваливался? Ничего не исчезало в этих дырах?

— Н-нет, кажется, нет... Напротив, говорят, иногда вываливаются оттуда, из черноты, какие-то непонятные артефакты, но пока я своими глазами ни одного не видел... Да, совершенно определенно, никто туда не проникал и ничего там не исчезало. Есть масса, знаете ли, сумасшедших, которые готовы хоть в пекло сунуться, особенно если ходит поверье, что Тропа — это дорога в мир, где нет Тьмы. Но пока никому не удавалось приблизиться к черной дыре и на десять каймов, словно какая-то преграда мешает...

«Странно,— подумал Сварог, вспоминая часовню Атуана и великанский пинок под зад.— Может, Тропа — это что-то совсем другое, не то, что я ищу? Или здесь она работает только на выход — и нет способа вернуться в Поток?..»

— Мастер Пэвер, а вы ничего не слышали об аппарате, способном открывать Тропу?

— Ерунда. Такого аппарата нет и быть и не может, поскольку Тропа — явление природное и воссозданию в лабораторных условиях не подлежит.

Сварог откинулся на спинку стула и сощурился.

— А вот ежели я скажу, высокоумный мастер Пэвер, что знаю, куда ведет эта ваша Тропа?

— В смысле? — насторожился суб-генерал.

— В том самом смысле, что я знаком с человеком, который по ней пришел.

Ага! В абсолютно трезвых глазах старого вояки вспыхнул яркий огонек азарта.

— В последнее время уж больно много шарлатанов развелось... — очень осторожно, словно неся полный аквариум воды с золотыми рыбками, проговорил он.

— Не спорю,— великодушно согласился Сварог.— Тем более, что никаких доказательств у меня напрочь нет.

— И кто же... кто этот человек?

Сварог выдержал многозначительную паузу. Пэвер смотрел на него, не мигая.

— Быть того не может,— наконец выдохнул он, поняв.

— Дело ваше, верить или нет,— преспокойно пожал плечами Сварог, искоса наблюдая за реакцией Клади. Клади глядела на него во все свои зеленые глаза, но особого изумления, судя по всему, не испытывала. Сварог даже обиделся немного.— Хотя, если вам интересно, одно доказательство у меня все же имеется. Вы позволите?

Он выгасил шаур и поозирался, куда бы пальнуть. Выбрал, прицелился, нажал на курок. Цепочка серебряных звездочек пересекла комнату, и одна под другой они дробно вонзились в стенку шкафа.

— Заместьте, обоймы в этом оружии нет, рукоять литая, но запас серебра неистощим. Как оно работает, я и сам, признаться, не до конца понимаю, но никакой магии, поверьте на слово. Это сделано там, в моем мире.— Сварог спрятал шаур.— Простите за мебель...

Суб-генерал посмотрел на испорченную стенку, запустил пятерню в ежик волос, подергал, стимулируя мыслительный процесс. С какой-то даже надеждой пробормотал:

— В Гидернии или где-нибудь на Блуждающих Островах такое могли сделать... Может, вы тагорт, а?

— А зачем мне тогда прикидываться пришельцем из другого мира? — логично возразил Сварог.— Я бы уж сочинил что-нибудь попроще.

— Да кто вас, тагортов, разберет...

— Нет. Он действительно не с Димереи,— проговорила Клади, глядя на Сварога потемневшими глазами. Что означал ее взгляд, Сварог понять не смог.— Я сама только недавно это поняла... И уж мне-то обманывать вас причины нет.

Сварог молча сотворил сигарету, прикурил, затянулся.

— Наваковы потроха, ну и денек начался... — прошептал Пэвер, замороженно провожая глазами сигаретный дымок, поднимающийся к потолку. И вдруг взревел: — Да где этого Мильда носит с моим вином?! Под трибунал щенка отдам!

Дверь приоткрылась, и в библиотеку заглянуло очаровательное белокурое создание — от силы лет четырнадцати, взъерошенное, в небрежно наброшенном на голое тело прозрачном пеньюарчике. Создание увидело Пэвера и обиженно надуло губки.

— Вот ты где! Ну сколько мне ждать-то, киса?..

— А ну брысь с глаз моих! — заорал Пэвер и для убедительности шлепнул ладонью по столу. — Кругом и шагом марш в постель!

Девчонка испуганно пискнула и исчезла. Сварог вопросительно воззрился на суб-генерала. Суб-генерал же отчетливо покраснел и уткнулся носом в пустой бокал.

— Племянница... — буркнул он. — Из этого... из Рута, знаете ли, приехала... — Потом встрепенулся, явно торопясь увести разговор от скользкой темы. — Ну хорошо. Ладно. Пусть. Не убедили, но, допустим, верю. Вы пришли по Тропе из другого мира. А от меня-то что вам надо?

— Мне надо вернуться домой, — сказал Сварог. — Перспектива затонуть вместе с Атаром меня, представьте себе, не устраивает. Я должен найти Тропу... (В груди неприятно кольнуло чувство стыда: а они все — и Клади — останутся здесь... Но ведь он чужой, успокоил себя Сварог, чужой, его место на Таларе, где, кстати, тоже грядет катастрофа, и похлеще тутошней, он на Димерее случайно, их проблемы — это их проблемы... Не помогало.) А вы-то сами, мастер Пэвер,

почему вы не бежите, если Тьма неминуема? — неожиданно спросил он.

— А куда бежать, мастер граф? — Пэвер покачал бутылку. — Как, с кем? На фронте — там все понятно: тут свои, тут чужие. Все просто и красиво. А здесь... Здесь другая война. Война всяческих тайных служб. Шпионы, мать их трижды через колено... Каждое государство только тем и занимается, что другим палки в колеса вставляет. Диверсии на судоверфях, взрывы на складах, подлог, саботаж, прочая херня — лишь бы те с Атара не ушли. Ведь если корабли с переселенцами не выйдут в море в урочный час, значит, больше шансов для своих доплыть первыми. Вот и стараются устранить конкурентов... Мерзость. Я военный человек, граф, эти шпионские игрища не для меня... Навакова селезенка, бутылка пуста, как голова нашего князя. У вас больше нет? Жаль...

— Кстати, о князьях, — вспомнил Сварог. — Я тут мельком слышал о некоем проекте «Парящий рихар», который-де может спасти страну от Тьмы...

— Бред! — грохнул кулаком по столешнице Пэвер. — У вас ложные разведданные, мастер пришелец. Вам подсунули дезу. Саутар вбухал всю государственную казну в постройку аппарата, на котором и собирается бежать на Граматар. В одиночку. Так что на страну он чихал.

«Аппарат... Ленар говорил об аппарате для перемещения по Тропе...»

— Что это за машина, вы знаете? — поинтересовался Сварог, наклонившись вперед.

— Не знаю. Известно только, что стоит она всех денег княжества. Для ее создания князь снес дома по соседству с дворцом, отгородился каменной стеной и построил там громадный цех. Проникнуть туда нет никакой возможности... Впрочем, я и не пытался.

— Почему же?

— А зачем? Мастер Гэйр, скажу вам по секрету так. Очень давно, еще когда я сотником служил в Бадре, взяли мы одного прорицателя. Так он накаркал мне потом, что умру я в возрасте семидесяти четырех лет там, где много снега, но не из воды. Так и сказал: «где много снега, но не из воды»... Что это означает, я до сих пор в толк не возьму...

— И вы верите в предсказания? — спросила Клади.

— Не верю, — ответил Пэвер, не задумываясь. — Но вот только он много чего еще наболтал, и все как есть сбылось — и что меня из армии попрут, и что в Митраке осяду. Сказал, что даже и Граматар увижу... Так что подгонять судьбу мне резона нет, а?..

— Пожалуй, — протянул Сварог и подумал: «Фаталисты они все, вот в чем дело. А как тут, с другой-то стороны, фаталистом не стать...» — А кстати, о некоем деятеле по прозвищу Серый Рыцарь этот прорицатель ничего не говорил?

— О Сером Рыцаре? Нет... Кто это?

— Так, король один, — махнул рукой Сварог. — Забудьте. Значит, насколько я понял, отыскать Тропу не так-то легко.

— Проще на рыбацкой лодке найти Блуждающие Острова, — развел руками Пэвер.

— Острова, Острова... — задумался Сварог. «Опять прямая аналогия с Таларом. Там — летающие, здесь — блуждающие...» — Значит, они существуют?

— Я убежден, — кивнул суб-генерал. — Хотя прямых доказательств пока не обнаружил. Только слухи. Знаете, какой-то моряк встретил плавающий Остров в океане, какой-то путешественник даже побывал на таком, населенным исключительно красотками, соскучившимися по мужской лас-

ке, кто-то своими глазами видел живого тагорта... Но при всем при том я умею отличать более-менее правду от явной выдумки — насобачился, знаете ли... Так что очень похоже на правду. Это одна из самых интересных загадок Димереи, мастер Сварог. Никто не знает, сколько этих островов, как они называются, кто на них обитает, почему они дрейфуют и почему не тонут, когда наступает Тьма... Но если это не миф, не очередная утка, если там действительно живут люди, то они должны помнить о временах до наступления первой Тьмы. Владеть кое-какими знаниями и технологиями оттуда... — Он вдруг замолчал и уставился на Сварога округлившимися глазами. — И, возможно, им известно о Тропсе...

Клади открыла было рот, но говорить передумала и промолчала. Смотрела на них нахмурясь, нервно теребила воротник охотничьего камзола.

— Совершенно верно, — спокойно кивнул Сварог. — К этому-то я и клоню. А скажите лучше вот что... Вы карты умеете читать?

— Да, вообще, как каждый образованный человек, — скромно ответил отставник.

— А что такое Бумага Ваграна, вам известно?

Клади вскинула на Сварога изумленный взор.

— Ну еще бы! — засмеялся Пэвер. — Еще один очаровательный миф о спасении, такой же, как и... — Внезапно он смеяться перестал, словно ему с размаху заткнули рот, и с подозрением посмотрел на Сварога. — Так. Отставить. Постойте. Погодите-ка минутку... У вас что, есть и Бумага Ваграна?

Вместо ответа Сварог, щурясь от сигаретного дыма, встал, вытащил из кармана лист пластика, небрежно отодвинул бутылку с бокалами и растелил карту на столе. Вот тут-то Пэвера проняло по-настоящему. Пэвер рванулся вперед так стремительно, что едва не столкнулся с ним лбом.

Трепетно, как по телу любимой женщины, провел по карте отчетливо дрожащей ладонью, жадно впился взглядом в символы. Но когда он заговорил, голос его был неестественно, пугающе спокоен.

— Ну, знаете ли...— сказал он, не поднимая головы.— Граф, вы сами-то понимаете, что мне показываете? Вы знаете, сколько это стоит?

— Понятия не имею,— честно ответил Сварог.— И сколько?

— Это — она? — шепотом спросила Клади.

— Очень похоже,— проворчал вояка.— Очень! Вот и подпись Ваграны, а ведь ее не подделаешь, любой документ с поддельной подписью тут же сгорит, если верить преданию... Фу, черт, аж сердце зашлось. Час от часу не легче...— Он выпрямился, взял Сварога за лацканы камзола и легонько встряхнул: — Как? Откуда?!

— Это искал Ленар в библиотеке замка,— ответил Сварог и мягко высвободился.— А я нашел. С помощью, как его, гикората.

Клади вдруг рассмеялась и чмокнула Сварога в щеку.

— Мастер Сварог, вам когда-нибудь говорили, что вы гений? — Ее глаза сияли.— Я вас обожаю, граф!

— Нашел! Нашел он, видите ли! Да эту карту... с этой картой...— И Пэвер яростно задышал в бугристый нос, глядя на Сварога чуть ли не с ненавистью.

— Вы сможете проложить курс? — спросила Клади.

— Что?.. А, нет, вряд ли,— покачал головой субгенерал.— Я не моряк. И все-таки неизвестно, настоящая ли... Надо проверить... Черт, я сплю, я сплю, я не хочу просыпаться...

— Ну так что же это такое? — нетерпеливо спросил Сварог.

— Это, мастер Всехват*...— торжественно провозгласил суб-генерал Пэвер.— Это карта ветров и течений для водных пространств всей планеты. С указанием опасных для мореплавания мест, рифов, путей штормов, воздушных вихрей и океанских водоворотов.

— Любой мореход с помощью Бумаги Ваграны может проложить самый безопасный курс до Граматара, когда наступит урочный час,— добавила Клади.— И быстро, без потерь и задержек, добраться до новой земли...

В дверь осторожно постучали.

— Кто там еще?! — рявкнул Пэвер.

Дверь приоткрылась, просунулась голова давешнего слуги с бланшем.

— Хозяин,— испуганно сказал он.— Я вино принес... Но вот только...

— Мильд, гнилая твоя душонка! — Пэвер вскочил из-за стола и шагнул к двери.— Где тебя...

И больше сказать он ничего не успел.

* Всехват — персонаж детской сказки, прототип царя Мидаса, наделенный способностью отыскивать всевозможные загадочные магические предметы. Кончил примерно так же, как Мидас.

ПРИХОД ТЬМЫ

Глава десятая

...и тут же запутывается еще больше

«Государеву человеку большому отписки холопа твоего, известного тебе как Тошит. Сперва, понятно, надобно отчитаться. Жалованье от тебя и от великого кесаря, посланное с человечком твоим, гончим вильнурцем Доргро, получил: два орариса, пять риллов, три центавра. А и вправду, как вдруг гончий утаил деньгу? С них, вильнурцев, станется. Тогда, всрю, варвару кнута не миновать, когда доставит эту грамоту тебе и ты сочтешь, не уворовал ли чего Доргро себе в карман...»

— Это похоже на дружескую переписку, а не на донесение агента,— сказал Сварог, сжимая листок тончайшей бумаги, покрытый наработанно мелким и при этом разборчивым почерком. Листок так и норовил свернуться в трубку, принять форму, какую, надо полагать, имел при его извлечении из тайника в одежде, обуви или поклаже.

— Патриархальные нравы,— как бы извиняясь за чужие странности, развел руки в стороны нынешний собеседник Сварога.— Каждый вассал нурского великого кесаря обзавелся собственной разведкой, агентов набирают из подданных, каких признают способными к этому ремеслу. Для выб-

ранных в агенты их князь или барон — отец родной, хозяин и бог в одном лице. Отношения между ними остаются теми же, что в замке,— отношения барина и его верного холопа. Донесения нурцы почти никогда не шифруют, считая, что хороший агент и слуга в руки врагу тайное письмо не отдаст, найдет возможность уничтожить его и себя. Шифром пользуются изредка, лишь когда требуется передать что-то уж очень тайное. Вас не удивляет, что я в ам об этом так подробно рассказываю?

— То есть не поражен ли я тем обстоятельством, что меня не принимают за нурского шпиона?

— С вами приятно иметь дело, мастер Сварог. Вы сразу улавливаете скрытый смысл. Итак?

— Ничуть не поражает, мастер Рошаль. Потому что я вижу перед собой умного человека, способного отличить мирного путника от коварного нурского шпиона.

Их разговор так же мало походил на допрос, как нурская писулька на шпионское донесение. Скорее уж, на дружескую беседу смахивала их встреча. Хотя для полной дружественности кое-чего, конечно, недоставало: и добровольного прихода в гости, и свободного выхода из гостей, а также открытости и непринужденности общения.

— О мирных путниках мы поговорим чуть позже,— пообещал мастер Рошаль.— Когда вы дочитаете.

Он склонил голову к плечу и опустил ладонь на могучую шею собаки, ждущей у фигурной ножки кресла хозяйского приказа «рвать в клочья!». Польщенная вниманием (мастер Рошаль задумчиво водил пальцем по медным звеньям ошейника), черная псина с желтыми полосами на спине и боках преданно заюлила хвостом-обрубком и заурчала, не отрывая красных зрачков от чужака. Еще две пары таких же зрачков, похожих на ночное

свечение лазерных прицелов, с разных сторон буравили Сварога.

Возможно, именно эти псы неизвестной Сварогу породы делали мастера Рошалья таким спокойным. Оно неудивительно: килограммов семьдесят упругого мышечного мяса, которые пушечным ядром сорвутся с места толчком длинных и мощных ног, чтобы сомкнуть на сбитой жертве пасть, смахивающую пуще остального на волчий капкан. В общем, собачки хороши, спору нет, разве что не говорящие, но Сварог почти не сомневался — как-то еще подстраховался мастер Рошаль. Ну, к примеру, кресло под Сварогом стоит точно над центром сложного паркетного узора из квадратов и ромбов. Можно верить, что случайно так поставили, а можно предполагать, что под креслом люк, крышка которого ухнет вниз от нажатия какой-нибудь хитрой пимпочки.

Уйдя в задумчивую возню со своей боевой скотиной, мастер Рошаль тем самым возвращал Сварога к документу, изъятому у нурского шпиона. Зачем-то ему нужно, чтобы Сварог прочитал бумагу до конца. Раз нужно, прочтем. Сварогу и самому было любопытно. В него же, как на Таларе, знания не закачали и, похоже, не собирались закачивать, значит, придется собирать знания по крупицам. Крупицу там, крупицу сям. Донесения тайных агентов — не самый дурной источник знаний, тем более, как понимал Сварог, речь в письме пойдет о нем самом. Всегда же интересно, как ты выглядишь в глазах разведчиков, пусть и нурских, за того ли они тебя принимают, за кого ты себя выдаешь, на чем ты прокололся.

Прежде чем дать почитать донесение, в самом начале их разговора, мастер Рошаль подвел Сварога к высокому стрельчатому окну, выходящему во внутренний двор замка, и показал автора послания. Нурский шпион был привязан к тележно-

му колесу, приставленному к стене, огромному, в полтора человеческих роста («Что перевозят на телегах с такими колесами?» — подумалось Сварогу). Не менее полусотни арбалетных стрел сидело в теле пойманного агента Нура.

— Ему еще повезло, — сказал мастер Рошаль, — его не разорвали собаками. Великому князю сегодня не желалось чересчур кровавых зрелищ... Вас не шокируют здешние нравы, мастер Сварог? — Не слишком.

Сварог-то не соврал, но почему новый знакомец видит в Свароге человека, способного к излишней впечатлительности? Не иначе, тоже за кого-то принимает. То, что его ну никто не может признать за местного, с этим Сварог примирился. Однако что совсем не устраивает Сварога — так это вовлечение в местные игры, когда своя, такая близкая к телу рубашка действительно требует, чтоб занимались ею и только ею. А ведь уже вовлекли господу из Гаэдаро в свои забавы, утопили в них по макушку. Выскочить просто и легко уже не получится. Уже не сможет, черт побери, Сварог взять и бросить Клади, да и бравого генерала в придачу, дескать, сами выкручивайтесь, голубчики. Они успели попасть для Сварога в свои, а своих не бросают. Даже если девчонка играет в какие-то непонятные игры, Сварога не посвящая. Ну не исходит от нее ни угроза, ни опасность — не исходит, и хоть ты застрелись березовым поленом. По крайней мере, он угрозу разглядеть не может... Вот отыщем Тропу — тогда посмотрим... Поэтому придется с мастером Рошалем разговоры разговаривать и подстраивать к его игре свою собственную.

— А вы его прежде допросили? — поинтересовался Сварог. А почему бы, собственно, и не поинтересоваться, раз у них с Рошалем складывается вполне дружелюбная беседа?

— Считайте, что да,— загадочно ответил Рошаль.

— И неужели он не мог вам пригодиться? Попробовать персвербовать, использовать как приманку, подбрасывать через него противнику ложные сведения?

— Нурцы, мастер Сварог, ставят верность своему господину выше всех прочих достоинств и доблестей. Это вливается им в кровь с молодых ногтсй. Уже само по себе пленение они расценивают как нарушение верности и стремятся, подчас проявляя чудеса изобретательности, покончить с собой до того, как их подвергнут допросу и казни. Нурцы — неимоверно тяжелый человеческий материал, мастер Сварог, почти безнадежный. И потом... Князь повелел казнить. А мы люди подневольные,— ответил мастер Рошаль и отошел от окна, жестом приглашая Сварога присесть.

Помимо двух кресел, сработанных в стиле Гагрантюа и Пантагрюэля, сдвинуть которые с места только им, поди, и под силу, из мебели в зале наблюдался лишь небольшой овальный столик, разделяющий беседующих. Его столешницей, свободной от скатерти, а равно с тем от крупных и мелких предметов, мог бы залюбоваться как любитель изящного, так и охотник. Она представляла собой картину, сложенную по принципу мозаики из разных пород дерева. Результатом кропотливого труда стала охотничья сцена. Некие господа в высоких шляпах, украшенных перьями и птичьими когтями, опираясь на мушкеты, смотрят с холма на то, как внизу конные егеря и собаки загоняют зверя. Весьма примечательного зверя, надо сказать. Сварог определил бы его как помесь длинноногого каймана и тюленя без жировых отложений. Зверь уходил к речке, не видя и не чувствуя, что в засаде за прибрежными кустами его поджидают стрелки. Судя по широкому

хвосту и плавникам-ластам, вода для него не менее родная стихия, чем земля, и уж точно вода для него — спасение от людей.

Удивленная заинтересованность во взгляде Сварога не ускользнула от наблюдательного мастера Рошалья.

— У вас не водилось подобных существ, мастер Сварог?

— Увы, нет, мастер Рошаль, — чистосердечно признался Сварог, удержавшись от встречного вопроса: «А где это — у нас?» Хотелось бы прежде узнать, за кого его держат в этом доме, понять, чего от него ждут, а там уж и подстроить свою игру под чужие планы.

— Последнего лаплатага в этих местах видели восемьдесят лет назад, — счел нужным сообщить Рошаль. — Слишком вкусное мясо, слишком много целебных свойств приписывали желчи лаплатага. Ценные животные, как и ценные люди, всегда становятся объектами азартной охоты, не так ли, мастер Сварог?

Звуки в зале словно бы вязли в воздухе, как мухи в желе, затихали, сдва отлестев от говорящих на пять-шесть каймов. У зала была на редкость плохая акустика, столь плохая, что за этим ощущалась преднамеренность. Вполне может быть, подходящими глушительными свойствами обладает та порода дерева, которым обшит зал сверху донизу и из которого изготовлен паркет.

Если угадывать предназначение этого зала площадью с половину теннисного корта и с высоким потолком, до которого не дотягивается свет из окна, то приходит на ум единственный вывод, что помещение предусмотрено и используется для конфиденциальных бесед. Такой вывод подсказывает обстановка: ничего кроме кресел, столика, холодного камина, волчьей головы на стене и чаши неподъемного вида, вырублен-

ной из цельного сиреневого камня и до краев наполненной водой. Тогда, продолжил рассуждение Сварог, окромя собачек и предполагаемого люка под креслом зал должен быть оборудован еще какими-нибудь сюрпризами для господ, зазванных в гости, чтобы уж железно исключить любые случайности.

— Кстати,— словно внезапно вспомнил мастер Рошаль,— вы можете настаивать на награде в сто орарисов, положенных за разоблачение нурского шпиона. Знаете, как мы его задержали? Он следил за вами. Мои люди заинтересовались вами. Но мои люди заметили его раньше, чем он заметил моих людей. Иначе говоря, не было бы вас, шпион мог и дальше гулять на свободе, творить свои черные дела.

Вот после этого Сварогу предложили ознакомиться с донесением пойманного и казненного нурского шпиона. Сварог начал читать, потом ненадолго отвлекся, а сейчас вновь продолжил.

«Из-за дневного происшествия сел я за грамоту сегодня, а не в иной день, как собирался,— писал назвавший себя в начале послания, конечно, вымышленным именем Тошит.— Как ты велел, мой повелитель, кругом приглядываю, вслушиваюсь, сыскиваю и смекаю. Затем меня и отрядили, чтоб скрытно выведывать. Сперва уведомлю тебя, что вскрыл я про алькалида* города Митрак. Алькаlid тот деньги здешнего князя, прославленно гнусного Саутара, себе прибирает, а убытки на разбойников списывает, а еще на несчастья и происшествия, которые-де конец света предвещают, а еще на нечистую силу, сам же про нее и сочиняя. На деньги же краденые он бражничает, с женками блудными знаетса, и есть мысль, что покрывает ему свойственник, коий ведает в замке князя

* Градоначальник в Газдаро.

конюшной, и что делятся они меж собой ворованным. Коли велишь, прижму его разоблачением и будет он исполнять твои приказы, мой повелитель, никуда не денется...»

— Видите, как полезно перехватывать донесения нурских шпионов,— произнес мастер Рошаль, показав, что внимательно следит за Сварогом, и продемонстрировал хорошее, построчное знание текста тайного письма.— Помогает выявлять наши слабые места. Правда, ничего нового в данном случае нурец не сообщил. Это не первый агент, который заинтересовался моим беспутным алькалидом.

— Ловите шпионов на живца?

— Да, можно и так выразиться. Выходит, вам известен подобный способ охоты?

«Миры и спецслужбы разные, а методы у них одинаковые»,— подумал Сварог и вернулся к чтению.

«Едва завидел я того человечка, как глаз мой прилип к нему. Узрел же я его в питейном доме, куда заявился он вместе с молодой девицей. Ты ж всдаешь, повелитель, что по лицам я людей различать горазд, кто из каких местностей и родов-племени происходит. Так вот, нынешний если и смахивал на кого лицом, то на бадрагца, да те ростом невелики, волосом темнее и в движениях шевутливы. Потом, бадрагец вырядится монахом только из-под невыносимых мук. Да и загар у этого человечка был прежде мною не виданный. Будто не под нашим солнцем загорал. Вот тут-то меня и окатило догадкой, а уж не из тех ли он будет мест, про которые ты, повелитель, мне особую зоркость наказывал. Не успел я обдумать, как чего, ан тут и приключения с тем человеком начались. Сперва молодой князь с ним беседу завел. Хоть я по губам читать обучен, да один другого мне спиной заслонил. Я-то стал пересаживаться, а тот вдруг

встал и ушел с девицей наверх, туда, где жилые комнаты».

В растерзанном человеке, привязанном к тележному колесу, на расстоянии и сквозь витражное окно зала, к тому же не блещущее чистотой, Сварог не признал никого из посетителей «Дырявой бочки». Теперь же, проведя в памяти мысленную линию, соединившую, как точки на плане трактира, его с Олесом и воткнувшуюся в окологазетную публику, Сварог определил, кто автор донесения и нурский шпион. Человек, которого трактирное окружение называло Хоргом. Он же, обозначивший себя в донесении кодовым именем Ташит. Вероятно, есть и другие имена и среди них где-то затерялось настоящее. Скорее всего, какое-нибудь незатейливое крестьянское имя, с которым Хорг-Ташит ходил бы по полям и выпасам, которое передал бы детям... Но случилось так, что волей местечкового правителя он поменял профессию и образ жизни. И ведь оказался толковым, наблюдательным, быстро соображающим агентом. Этакий самородок, Шукшин от разведки. Правда, конец получился печальным. Жил бы крестьянином — был бы жив...

«А после над нашими головами раздался звук, такой, как если б стрельнуло в камине гигантское полено. Мы, кто внизу, вслед за молодым князем бросились наверх. Едва я, взбежав по лестнице, попал в коридор, как учуял запах лаванды. Сразу вскинул глаза под потолок — и точно: в потолочных углах стелется зеленоватый дымок. Тут я смекнул, в чем дело, и побежал на улицу, боясь, что сумеют уйти далеко. Слава Койкату, догнал этого человечка с девицей в конце переулка (хоть они и замаскировались умело, но одежду-то прежнюю оставили!) и довел их до дому известного в городе пропойцы и пустобреха Пэвера, куда они вошли и там находятся. Пишу тебе, дожидаясь

поблизости. Опосля, когда выйдут, отслежу и дописку сделаю...»

Не сделал. Писателя даже не просто аккуратно, а предельно аккуратно выдернули из засады. Срабатывать грязно было нельзя: малейший шум, малейшее подозрение — людей в доме не застанешь врасплох и операция не пройдет гладко. А не гладко — это означает пальбу, жертвы и иной итог.

Конечно, встревожь они Сварога хоть чем-то, насторожи его любым пустяком, не прошло бы у них все столь ровно и безмятежно. Может быть, тогда и не пришлось бы Сварогу торчать в комнате, обшитой деревянными панелями, и читать донесение нурского шпиона. Но не насторожили. Потому что, как подтвердили события в доме Пэвера, люди мастера Рошалья (да и не только люди) работать обучены.

Их накрыли, приходится признать, красиво, образцово накрыли, хоть заноси в хрестоматии оперативной классики. Сначала пустили вперед малолетнюю соплюшку, чтоб проверила расстановку сил, потом сунули в дверь бедного слугу Мильда, чтоб засевшие в библиотеке не насторожились, когда дверь приоткроется, а потом...

Они не вошли и не ворвались. Они в сочились и мигом растеклись по комнате, распределяя между собой объекты. В дверь одновременно проскальзывали и люди, и собаки. Пэвера отодвинули от порога, приставив автоматный ствол к животу. Сварог и Клады мгновенно оказались под прицелом двух автоматов каждый. Черно-желтыми теньями прострелили комнату собаки и застыли рядом с застигнутыми в библиотеке людьми, не рыча, не твякая, а гипнотизирующе глядя в глаза с безучастностью оружия, ждущего, когда спустят курок. Псины, пусть и не по-баскервильски огромные, но не менее пугающие в первую очередь своей прямо-таки прусской выучкой. Как-то

сразу перестаешь сомневаться, что эта тварь будет грызть и рвать тебя, пока хозяин не скажет «довольно».

Сварог бы рискнул, будь на месте Клади девочка по имени Мара. Рыжую чертовку из каких-то там автоматов не подстрелишь, поиграть в казаки-разбойники с собачками для нее было бы сущим удовольствием, которое закончилось бы для собачек тем же, чем коррида для быков. Но Клади не Мара. И если Сварог не успеет... Неизвестно, какой приказ получили вооруженные и молчаливые люди в темно-коричневых брюках, такого же цвета рубахах с прорезанными рукавами и с надетыми поверх короткими узкими жилетами лилового цвета. Также неизвестно, от кого они получили приказ... Впрочем, последнее обстоятельство довольно скоро прояснилось.

Командир группы захвата с порога наблюдал за работой подчиненных и когда посчитал, что дело сделано, что почва для его входа подготовлена, вошел. Вошел и встал рядом с дверным проемом, чтобы, в случае чего, не долее чем через удар сердца вновь очутиться снаружи. На господине полководце был просторный лилово-коричневый плащ с воротником и широкими рукавами.

— Я — Гор Рошаль, старший охранитель короны княжества Гаэдаро,— представился тот, что «над автоматами начальник, у собачек командир». Он кутал руки в рукавах плаща и безотрывно смотрел на Сварога, взгляд переводя лишь с лица на оружие в опущенной и прижатой к бедру его руке. Оружие явно необычного для Гора Рошалья вида.— Всем вам, в том числе и вам, баронетта, придется проследовать за мной. А вам, мой незнакомый мастер, следует незамедлительно отдать моим людям ваш пистоль.

Сварог метнул быстрый взгляд на стол.

Бумаги Ваграны на столе не было. Исчезла. Никто из вошедших ее стащить не мог, все вооруженные гости стояли поодаль, за столом сидела только Клади, но она от неожиданности даже не пошевелилась, даже не поднялась, когда ворвалась ударная группа, не успев или не увидев в том нужды, — так и сидела, закусив губу и в упор расстреливая мастера Рошалья ненавидящими зелеными глазами. Куда ж карта подевалась-то? Мистика, честное слово, шагу не ступить без колдовства...

— Пистоль попрошу! — немного повысил голос старший охранитель. — И ваш арбалет, баронетта...

Что не страшно, так это отдать шаур. На, возьми, дорогой начальник Рошаль. Когда штуковина, приковылающая твое внимание, окажется на расстоянии пяти уардов от владельца, то превратится в облако пыли. Смотри не расчихайся. Клади, покачивавшись, отдала оружие.

— Не могу ли я узнать... — начал было гневно мастер Пэвер и, как ожидалось, был перебит:

— Можете. Но не здесь. Говорить мы будем во дворце.

Почти что до оскомины родное: «Пройдемте в отделение, там разберемся».

— Я дворянин, мастер старший охранитель, — сказал Сварог, — а посему извольте объясниться. За что, на основании чего и по какому праву вы задерживаете добропорядочных людей в доме добропорядочного человека?

Старший охранитель короны Рошаль скривился.

— Вы, — он обвел взглядом комнату, — вы все подозреваетесь в шпионаже в пользу Нура. Я выполняю приказ князя. Неподчинение я обязан расценивать как сопротивление и карать на месте без предупреждения. А дворянин — не дворянин... Поверьте, устал я смертельно от этой чепухи на-

счет дворянства, древности рода и чистоты происхождения. Еще и дуэлью меня стращать вздумаете, да?

— В любое время к вашим услугам,— поклонился Сварог, протягивая шаур ближайшему автоматчику.

Ладно, шут с тобой. Сварог решил подчиняться. Пока, до поры до времени. Приходится признать: не он нынче владеет ситуацией. А чтобы ситуацию переломить, нужно понять ее до конца, до доньшка. И до полного понимания еще ох как далече...

Клади вместе со Сварогом беспрекословно подчинилась требованию старшего охранителя короны Газдаро. Трудно сказать, как повела бы себя баронетта, выбери Сварог сопротивление органам газдарского правопорядка. Поддержала бы его или осталась в стороне? Пока не разобрался Сварог в ней настолько. Как, впрочем, в здешних нравах и порядках сму еще разбираться и разбираться. Ну, скажем, что это за контора — охрана короны княжества, выпускают оттуда или уж если забрали, то это навсегда...

Клади дозволила увести себя, но выходила из дома под охраной людей с оружием и под охраной собак, которые сами по себе оружие, с таким видом, словно это почетный эскорт, сопровождающий ее в замок барона на бал. Сварог выходил, как выходилось, осознавая, что упускает до крайности удобный момент для совершения побсга. Нырок вправо, конвоиру ногой в пах или кулаком в сплетение, выхватить оружие, стометровка между подстриженных кустиков, а там через забор. Любую собаку он снимет очередью, пули его не побеспокоят, а от людей он оторвется, пока те, полагаясь на оружие и собак, потеряют драгоценные секунды. Но... но сбсгать он может только в одиночку, а что станет тогда с Клади и суб-генералом?

Люди в коричнево-лиловых одеждах увели и Пэвера. Тот отошел от шокового оцепенения и теперь по пути к несвободе смущал своих конвоиров меткими, мудрыми изречениями на темы: прислужники-власть, тщета всего сущего и свобода воли.

Везли в трех каретах. Каждому задержанному предоставили отдельную карету, но, вот горе-то, не всю целиком. Для перевозки арестантов было сооружено тесное решетчатое купе с отдельным входом, по обе стороны которого предусмотрены места для конвоиров. Одну из скамеечек в карете Сварога занял старший охранитель Гор Рошаль.

— Как вас называть? — спросил шеф местного НКВД, когда карета тронулась с места.

— Граф Гэйр, лорд Сварог.

Можно было и соврать, когда б во вранье нашелся хоть какой-то смысл...

— Граф и лорд, — повторил Рошаль, словно смакуя звучные титулы, словно пробуя их на язык, как дорогое выдержанное вино. — А я барон. — Сообщая эту новость, охранитель почему-то впился в Сварога взглядом, как Кашпировский в телекамеру. — Фалафельский барон*.

— Рад за вас, — сухо кивнул Сварог.

* Фалафельский барон — во всех странах Атара (за исключением Гидернии) обиходное и презрительное название пожалованного титула барона, баронство без земель, как бы в счет будущего. Как и всякий даруемый титул, иногда становился предметом торговли, средством пополнения казны. Носитель присвоенного титула родовой аристократией презирается и за равного не признается. Согласно неписаному кодексу чести, родовой дворянин, узнав, кто перед ним, не обесчестит себя разговором с фалафельским бароном только в единственном случае — если прежде словом или поступком оскорбит фалафельского барона. Титул становится полноценным и признаваемым, когда подкрепляется владением землей.

Рошаль задумался, инспектируя взглядом прутья решетки, за которой покачивался под скрип каретных рессор знатный арестант. Худощавому лицу старшего охранителя словно бы чего-то не доставало. Вроде бы правильные черты, но губы едва шевелятся, глаза под белесыми, будто обесцвеченными перекистью бровями не моргнут. Жизни недостает лицу, вот чего. Возникало ощущение маски, а маску всегда так и тянет сорвать.

Гор был среднего роста, но сильно сутулился, отчего казался меньше. Сутулость вместе с худобой создавала впечатление, что перед тобой сидит иссушенный болезнями человек. Возможно, что такого восприятия у других Рошаль и добивается, преследуя какие-то свои интересы.

— Мастер Сварог, вы прибыли в город через Синие ворота?

— Знаете, я как-то на цвет не посмотрел. Скорее всего, это были именно синие ворота. Впрочем, я забыл поинтересоваться.

— Вы одеты как священник,— указал Рошаль.— Хотя к духовенству, видится мне, не принадлежите.

— Не спорю. Поэтому вы и подозреваете меня в шпионаже?

— Ну что вы, не только поэтому. Поводов у нас предостаточно. В город вы прибыли по дороге, на которой час спустя в полутора кабелотах от Синих ворот обнаружили обезображенные трупы лошади и всадника. Кто-то, быть может, и считает нас совершеннейшими дикарями, но приблизительно определять время смерти мы умеем. Отсюда последовал вывод: не увидеть тела вы не могли. При этом никто до вас город не покидал и в город не въезжал. Значит, по меньшей мере вас с баронеттой можно обвинить в недонесении, что тоже преступление, но ничто не мешает подозревать вас и в более тяжком деянии. Согласны?

«Что ж он про порванное донесение не спросит?» — настороженно подумал Сварог. И спросил совсем другое:

— А при чем тут шпионаж?

— Ну, мастер Сварог, кому как не вам знать, что на том ваши похождения в Митраке и его окрестностях не заканчиваются. Посмею вам напомнить, что вашей спутницей является баронетта Клади, в замке которой недавно произошли события... э-э определим их как загадочные с очень нехорошим душком. Ночной дозор доложил мне о пожаре в замке. Весьма странном пожаре, наводящем на мысль о колдовстве. Сдается мне, что вы как-то причастны к той катавасии. И это опять же не все. Если б я не узнавал, что происходит в публичных заведениях столицы сразу и незамедлительно, то медяк мне цена как старшему охранителю. Напомню, что ваше появление в «Дырявой бочке» прошло для трактира не без последствий. Выгорела комната, пропал постоялец, а монах с барышней-охотницей словно бы испарились. И кого-то еще удивляет наш интерес к вашей скромной персоне? Между прочим, личность проживавшего в этом номере сейчас устанавливается, и очень интересные перспективы открываются...

— Люди бегут из страны. Только и разговоров, что о конце света, а вашу службу кислота этих бедствий, как я погляжу, не разъела, работаете исправно.

Сварог не иронизировал, он и в самом деле по достоинству оценил информированность и оперативность реагирования ведомства мастера Рошаля.

— Скажу без ложной скромности, мастер Сварог, если и наступит Тьма, сверху начнут падать камни, а земля расползаться под ногами, последними, кто потеряет голову и поддастся панике,

будут мои люди.— По бледной маске, прикрывающей лицо Рошала, трудно было угадать: он и в самом деле горд собою или плетет кружева хитрой игры.— Десять лет я отлаживал охранный механизм, подбирал людей и возился с ними, шлифуя до полной безукоризненности граней. Конечно, не все так безоблачно. На окраинах страны ситуация сложная, но уж столицу и крупные города держим по-прежнему крепко.

Гор Рошаль кутался в свой плащ, будто он мерз или его колотил нервный озноб.

— Почему вы меня подозреваете в шпионаже, а не в иных грехах? — Сварогу хотелось курить, но он пока решил повременить с обнаружением своих удивительных способностей добывать огонь из пальца, а сигареты из воздуха. Вряд ли подобные умения зачтутся ему в актив.

— Если вы, мастер Сварог, дадите иные объяснения связанным с вашей персоной странностям, мы рассмотрим их, но пока позвольте придерживаться самой простой и правдоподобной версии. У вас будет время обдумать свою защиту.

— Зачем же вы забрали баронетту и генерала, если на шпиона тяну только я?

За стенками остановившейся кареты обменялись короткими фразами, заскрипели петли (скорее всего, воротные), загромыхали какие-то цепи.

— Я понимаю, что вы задаете этот, в сущности, неумный вопрос только для того, чтобы выяснить, что ожидает ваших друзей. Отвечу: то же, что и вас. Содержание под арестом, впрочем, в условиях, которые должны устроить взыскательных дворян, разговоры и окончательный вердикт о виновности-невиновности.

Условия устроили взыскательного графа: если забыть про решетки на окнах, то предоставленному номеру по гостиничной классификации можно было присвоить аж две звездочки. К тому же

Сварог тут же улучшил условия на энное количество выпитых чашек кофе, на еще более безучетное количество выкуренных сигарет и на одну сдобную булочку.

Стражник, явившийся за Сварогом через час, шумно, морща нос, вдыхал кофейно-табачный воздух камеры. Потом странно поглядел на арестанта, почесал затылок и скомандовал на выход. Так ничего и не спросил, — мол, доложу начальству, пусть начальство разбирается.

Начальство же, то есть мастера Рошалья, судя по первой части допроса в зале с деревянной мозаикой, чашей и собаками, больше интересовало мнение мастера Сварога о переписке нурских шпионов.

— Он что же, прямо в засаде строчил донесение? — поинтересовался Сварог и вернул мастеру Рошалью листок, вновь принявший вид тонкой трубочки.

— Ему не терпелось как можно скорее отправить сообщение хозяину. Видимо, рассчитывал, как только вы определитесь с ночлегом, оставить вас ненадолго, отправить гонца с письмом, думая, что гонец к утру обернется и доставит от хозяина новые указания.

Мастер Рошаль в замке сменил плащ с воротником и широкими рукавами на опять же просторное одеяние, напоминающее рясу коричневого цвета, волосы на голове полностью закрывал лиловый берет с разрезами. Видимо, старший охранитель любил балахонистые одежды, в которых удобно прятать разнообразные предметы.

Итак, их беседа, мало пока напоминающая допрос, шла размеренно, даже сонливо, и Сварог никак не мог предположить, что Гор Рошаль вдруг взорвет к чертовой матери спокойствие ситуации, смерчем взвинтит ее к предельной черте и устроит конец света в отдельно взятом замке...

Гор Рошаль забрал у Сварога листок, сунул его куда-то в складки балахона, потрепал за ухом собаку и заявил:

— А теперь давайте сыграем в открытую, мастер Сварог. На все про все у нас три четверти часа. Вполне достаточно. Раньше этого времени князь во дворец не вернется и к нам не присоединится. Когда же он к нам присоединится, между нами должна быть установлена полная ясность. В противном случае... Видите ли, мастер Сварог, помимо вашей воли одной из ставок в этой игре станет жизнь мастера Сварога и его друзей. А они вам дороги, не отпирайтесь, я видел, как вы там, в особняке Пэвера, изготавились к борьбе, но, быстро осмотревшись и оценив ситуацию, передумали. Ваши мысли нетрудно было прочесть: вы испугались не за себя, а за них. Впрочем, если теперь вы готовы пожертвовать жизнями этих людей, то вряд ли вам безразлична ваша собственная жизнь. А она, мастер Сварог, тоже в моих руках. Равно как в моих руках,— его ладонь нырнула в прорезь коричневого балахона,— вот эта замечательная вещица, обращаться с которой я уже научился.

А шаур-то не рассыпался на атомы или хотя бы на молекулы, как ему вроде полагалось! Лорд Брагерт, один из подручных Гаудина, не мог шутить или обманывать, когда утверждал, что параметры оружия и лара по имени Сварог настроены друг на друга, и дистанция между ними, превышающая пять уардов, приведет к самоуничтожению оружия. Это что ж у нас тогда выходит? Выходит, чьи-то параметры в этом мире поменялись, не так ли? Вот только чьи и какими еще последствиями могут грозить эти изменения?..

Мастер Рошаль тем временем продолжал плести паутину:

— О том, что к нам направляется князь, я узнаю заранее,— он почему-то показал на чашу с водой.— Время у меня будет. Князь, уверяю вас, нисколько не удивится, что разоблаченный и прижатый к стене шпион попытался напасть на меня и мне пришлось его устранить. Не в первый раз, знаете ли, пытаются напасть. Шансов у вас, поверьте, никаких. Мои собачки не позволят вам приблизиться. Я вооружен и медлить не стану. И, к тому же, кроме явных опасностей для вашего здоровья, существуют и скрытые. Смею надеяться, вы не столь наивны и догадываетесь, что зал используется подобным образом не в первый раз и оборудован кое-какими секретами. Поверьте, любые глупости давно учтены, на все заготовлен свой ответ... А теперь я готов выслушать вас, мастер Сварог.

Сварог задолго до высказанных угроз прикидывал свои шансы. Если держат под прицелом каких-нибудь автоматов или арбалетов и стоит Рошало подать знак, как хлынет ливень из пуль или стрел... под таким ливнем лару вымокнуть не суждено. Шаур по той же причине не опасен. Люк? Соскочить с кресла, оттолкнуться, отпрыгнуть в безопасную зону — реакции хватит. Остаются собаки. И вот это серьезно. Аж три откормленных клыкастых пса. Ничего другого не придумаешь, как биться с ними голыми руками. Добраться до мастера Рошалья, удавить его и выхватить шаур раньше, чем до тебя доберутся клыки, вряд ли удастся. Но в крайнем случае можно попробовать. А пока следует попробовать обойтись без битвы с собаками и старшими охранителями на ограниченном пространстве...

— Вот-вот, вы на верном пути, песики не дадут вам допрыгнуть до своего хозяина,— усмехнулся

этот чертов чтец мыслей и гигант наблюдательности.— Поэтому давайте поладим, мастер Сварог. Кто вы, откуда и зачем? Попытку обмануть я, уж извините, расцениваю как отказ от сотрудничества, последствия чего я вам уже обрисовал.

Ситуация... Хорошо, допустим, рассказать ему всю правду. Поверит ли? Сомнительно. Шаур ничего не доказывает. Почему бы шауру не быть новым творением безудержной человеческой мысли, секретной разработкой одной из лабораторий этого мира. Добыть огонь из пальца, еду из воздуха? Услышишь: «Так вы еще и колдун!» Впрочем, если где-нибудь в соседних помещениях допрашивают Клады и Пэвера, не обязательно с пристрастием, они могут и выложить правду... Нет, вряд ли допрашивают. Для чего-то мастеру Рошалью нужен Сварог, он не станет привлекать подручных, чтобы и те узнали правду.

Ну хорошо, предположим, Рошаль поверит его рассказу. А нужно ли самому Сварогу откровенничать перед этим человеком? Что это даст? Старший охранитель; скорее всего, увидит в нем субъекта, спору нет, любопытного, но бесполезного, не имеющего влияния, не связанного ни с одной могущественной силой этого мира. Что будешь с таким делать? Изучать под микроскопом? А охранитель-то, спору нет, человек сугубо практический...

И потом... Рошаль, несомненно, ожидает услышать от Сварога нечто конкретное. И вряд ли признание типа «знаете ли, я пришелец из другого мира». Гораздо более вероятным видится предположение, что охранитель принимает Сварога за того же, за кого принимал и молодой князь. Между прочим, мастеру Рошалью запросто может быть известно содержание разговора Сварога и Олеса. О том, что молокосос небезосновательно принимает его за человека с Островов. Сбор ин-

формации у него тут поставлен отменно. Итак, перед Сварогом лежат два сценария поведения без драки. Какой предпочесть?

— Вы, кажется, все обдумали и к чему-то пришли.

В умении читать мысли по лицу охранителю не откажешь.

— Да, мастер Рошаль. Я пришел к тому, что выбора вы мне не оставили.

— Я не сомневался.— В щелочку из-под маски-лица просунуло кончик хвоста самодовольство.— Конечно, иногда так не хочется соглашаться с очевидным. Но приходится, приходится. Итак, я вас слушаю.

— Мне сдается,— начал Сварог и для убедительности пожал плечами,— вы уже и сами обо всем догадались. Я — тагорт, странствую, знаете ли. К вам попал, не скрою, не случайно.

И Сварог развил довольно неплохую идейку, пришедшую ему на ум.

— Прослышав о трениях между старым и молодым князем, я увидел в фамильной сваре за престол свою выгоду. Когда сажаешь на трон свежее испеченного монарха, он щедро осыпает милостями, которых по-другому век не выслужишь. Потом, рано или поздно, самодержцу приходит на ум избавиться от старых друзей, дескать, парни один раз поучаствовали в перевороте, а значит, еще разок смогут попробовать, но тут уж, как говорится, сам не зевай, хватай милости и — деру. Разумеется, как говорим мы, тагорты, две большие разницы — сам ты пришел наниматься или к тебе приходят и просят об одолжении. Совсем разное вознаграждение получается за один и тот же труд. И я выстроил события так, чтобы молодой князь сам вышел на меня и попросил моей помощи. Баронетта Клади и иные люди и происшествия — лишь звенья выстроенной мною цепи.

Сварог тоже умел читать по лицам, даже по прикрытым масками. Знаете ли, сама собой постигается та наука, когда покрутишься со Сварогово при дворцах и дворах с их интригами, лицемерием и слащавой ложью. И сейчас граф Гэйр разглядел — как от него ни пытались это скрыть под невозможностью черт, — что он попадает своей легендой в масть.

— И вот я здесь, — Сварог подвел под рассказом черту.

— М-да, м-да, любопытно, — произнес старший охранитель и ненадолго задумался... или изобразил задумчивость. — Признаться, что-то подобное... Ваша маскировка под священника, оружие, говор... А с какого вы Острова, мастер Сварог?

«Главное, не заболтаться, — предостерег себя Сварог. — Потихонечку, помаленечку, аккуратно, как по болоту».

— Вам о чем-то скажет его название, мастер Рошаль?

— Возможно, — ответил Гор, придав голосу и лицу загадочности с намеком на обладание сверхзасекреченным знанием.

«Если верить Пэверу, никто не располагает не только точными, но даже и приблизительными сведениями ни об Островах, ни об их количестве. Так что блефует старшой». И Сварог выдал первое пришедшее в голову название:

— Гренландия.

Мастер Рошаль неопределенно покачал головой.

— Где он расположен и каким образом вы с него попали на материк?

— Нет, так не пойдет, — улыбнулся тагорт Сварог. — Вы сами объявили игру в открытую. Я открылся, теперь ваша очередь. Это во-первых. Есть и во-вторых. Я вам, мастер Рошаль, и так рассказал слишком много. И уже подошел к порогу допустимого. Меня связывает больше чем клятва.

Когда выяснят, а выяснят обязательно, о чем я проболтался, мне могут отказать в поддержке и не принять назад, что равносильно смертному приговору. Поэтому не на многие ваши вопросы смогу ответить. Особенно если не увижу никакой выгоды, кроме сохранения жизни.

«Ишь ты, как меня понесло! Расфантазировался, что твой Мюнхгаузен»,— сам себе удивился Сварог. Он уже не сомневался, что поступил правильно, не предприняв активного противодействия аресту и позволив себе плыть по волнам событий. Чем больше узнаешь об этом мире, тем легче будет отыскать дорогу домой.

— Кое о чем мне и вовсе не нужно спрашивать,— сказал Гор Рошаль.— Например, о том, зачем вы здесь на самом деле, зачем вам понадобилось затевать игру в переворот с целью занять, давайте называть вещи своими именами, мое место при новом князе.

— И зачем? — спросил Сварог, который и вправду не знал, зачем это ему, как неведомому тагарту, могло это понадобиться.

— Газдаро всегда славился залежами древних предметов. Где могут храниться наиболее ценные из них? Правильно, в замке князя Саутара. Значит, надо попасть в замок и спокойно покопаться в сундуках с предметами.

Старший охранитель извлек из складок коричневого балахона холщовый мешочек:

— Ваши вещи. Можете забрать, все в сохранности. И рубин ваш уцелел, никто его себе не присвоил.— Рошаль положил мешочек на стол, подтолкнул к Сварогу. И Сварог сдержал порыв немедленно проверить, там ли Бумага Ваграна.— Вы презираете нас, живущих на Аtare. Может быть, имеете к тому основания, может быть нет,— это, как говорится, вопрос дискуссионный... Но! Мы владем тем, чего вы лишены. Поэтому вы, пре-

одолевая презрение и страх, рискуете заявляться на континент, где каждый второй станет вашим недоброжелателем, а каждый первый просто ничем вам не поможет. Вы рискуете, потому что жажда обладания древними предметами перетягивает, перевешивает, перекрывает остальное. Знаете, для чего я дал вам прочесть донесение нурского шпиона? Чтобы вы уяснили, как легко бросается в глаза ваша чуждость более-менее опытному глазу. Даже нурец, а нурцев никогда не отличала догадливость, сразу вычислил вас. Чего уж говорить про остальных! Да вам и шагу не дадут ступить спокойно. Год назад ваша персона вызвала бы разве что вялый интерес. Теперь же интерес будет самый горячий. Большинство людей увидит в вас средство к спасению от Тьмы и пойдет на все, чтобы принудить вас спасти их. И церемониться накануне конца света никто с вами не станет. Не вовремя явились вы на Атар... («Это мне уже говорили», — мысленно вздохнул Сварог.) Но вам повезло, мастер Сварог, вы попали в мои руки прежде, чем в другие. Ну, к делу!

Мастер Рошаль вскочил, проявив неожиданное проворство, обошел кресло, облокотился на спинку.

— Есть товар и ссть покупатель. Значит, ссть повод поговорить о сделке. Прошу простить за напоминание, но в моих руках ваши свобода и жизнь. Кроме этого в тех же руках ключ от фамильной сокровищницы Саутара, где собрано предостаточно древних предметов. Причем не только собрано (это постарались предки князя), но и приготовлено к вывозу (это уже мною). Кроме того, я все эти годы поощрял у подданных князя искательство древних предметов и кое-что покупал для себя. Так что имеется и моя собственная коллекция древних предметов. И, наконец, мастер Сварог, я могу вывезти вас, себя и эти предме-

ты на ваш Остров. Вы успели за время краткого пребывания в Газдаро прознать о «Парящем рихаре»?

— Слышал краем уха,— осторожно признался Сварог. Что молодой князь, что начальник тайной полиции — оба мыслят-то одинаково...

— Так вот, втайне от князя я научился управлять этой летательной машиной. («Ах, летательной?» — удивился Сварог.) Видите, как много я могу предложить вам — и тем, кого вы представляете. Вы же знаете путь на Остров, вы будете нашим общим пропуском на Остров и посредником при переговорах на территории вашего государства. Как я понимаю, на ваших Островах древние предметы ценятся дороже золота, поэтому я сумсю выкупить не только подданство у вашего правителя, но и безбедное существование. Ваше слово, мастер Сварог?

— Значит, вы верите в конец света, мастер Рошаль? — спросил Сварог, чтобы потянуть паузу, требующуюся ему для принятия окончательного решения.

— Верю. А если бы и не верил, то очень не хотел бы оказаться среди тех, кто вместе со своим нсверием пошел бы ко дну, упустив возможность спастись.

Забулькало. Да, в зале раздалось отчетливое бульканье. Вслед за мастером Рошалем Сварог взглянул на чашу. Вода в ней шла пузырями. Это что, такая система оповещения?

— У нас мало времени, мастер Сварог. Пять минут. Князь на пути сюда. Итак, все очень просто. Вы, я, мои собаки, древние предметы...

— И мои друзья.

— И ваши друзья.— Рошаль позволил себе улыбнуться, понимая, что высказанное мастером Сварогом уточнение означает согласие.— Вы принимаете мое предложение?

«Почему бы и нет,— подумал Сварог,— по крайней мере, можно выбраться отсюда, а там уж посмотрим. Да и альтернативка, честно признаться, слабовата».

— Принимаю,— сказал он.

— Насколько мне известно, если тагорты дают слово, то держат его. Вы даете мне слово играть честно?

Старший охранитель надумал дополнительно подстраховаться и честным словом. Что ж, вполне разумно.

— Даю. Слово потомственного тагорта. Нарушу его только в случае, если вы первым нарушите наш уговор,— сказал Сварог, уверенный, что мастер Рошаль кто угодно, но лишь не яростный поклонник честной игры.

Раскрытию двери предшествовал некий звук: то ли мышинный писк, то ли взвизгивание невозможной в Газдаро электронной сигнализации. Мастер Рошаль повернулся к двери. Затеяливая ручка в виде змеи, свернувшейся в клубок, провсрнулась, мощная деревянная дверь въехала внутрь зала, и через порог перешагнул невысокий бодрый человек с солидным брюшком. Лысоватый, с мешками пьющего человека под глазами, с простецким лицом и щербатым ртом — если бы не одежды из парчи и бархата да избыток золота на пальцах и шее, князя в вошедшем ни за что не заподозришь. Князь походил на родного отставника, каждодневно прополаскивающего гражданскую скуку алкоголем. Однако то был никак не отставник, а всамделишный князь Саугар. Ясно стало уже по тому, как низко склонился перед ним мастер Рошаль, прижав руку к груди.

— Что, Рошаль, сознался наш шпион?

Князь был из тех, кто просчитывается моментально в виду своей полной незатеяливости и простоты, равной убожеству. Легко предугадывают-

ся его реплики и реакции. Отчетливо распознается, что правитель из князя никакой: ленив и глуп, видит не дальше дворца, но подвержен приступам самодурства и кровожадности. Если б рядом с князем не случилось того же Рошалья, княжество давно бы разодрали в клочья соседи.

— Садитесь, ваша светлость. Он сейчас повторит то, в чем сознался,— пообещал старший охранитель короны.— Негодяй, помимо всего прочего, распространял среди жителей билеты на кронские пассажирские суда. Поддельные, разумеется. Штук сто, подлец, продал...

— Да, да,— рассеянно пробормотал князь, занимая кресло Рошалья.— Только распорядись, чтобы принесли мой напиток.

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Ах, Рошаль, Рошаль! Казнишь их, казнишь, все равно ничего их не останавливает. Все шпионят и шпионят. А тут еще волнения и бунты, сынок непутевый. Ах, Рошаль, Рошаль, никакого покоя...

Сварог уже понял, что сейчас произойдет. Вмешиваться в ход событий, на которые сам же дал добро, он не собирался. Во-первых, ему надо спасать своих новых друзей и спасаться самому, и если ради этого потребуется жертва в виде ничемного человека с титулом князя, то принесем эту жертву. Во-вторых, князь заслужил такую участь. Пожалуй, он даже заслуживает более суровой расправы, например, быть отдану на растерзание народу. Уже только за то, что вбил деньги, на которые можно было построить флот для всех подданных, в какое-то летающее средство для себя одного.

Мастер Рошаль зашел за спину повелителя, из широкого рукава выскочило в ладонь узкое лезвие. Хладнокровно и как-то уж очень буднично, будто отрабатывал упражнение на манекене, Ро-

шаль чиркнул кинжалом по толстой красной шее князя Саутара.

— Вот тебе и покой,— сказал Рошаль и вытер клинок о кружевной ворот князя.— Я убил своего покровителя, при котором мне жилось припеваючи. Выбора у нас с вами теперь никакого. Вперед, мастер Сварог!

Глава двенадцатая

Проект «Парящий рихар»

— Хозяин велел не тревожить до обеда,— бросил Гор Рошаль стражам, оставленным князем за дверью зала.

Охранники, обряженные в железные доспехи, в которых только потеть хорошо, и бровью не повели — видимо, ближайшее и довереннейшее лицо их хозяина отдало обычный приказ. Стало быть, внезапного обнаружения тела опасаться не стоит. А вот чего стоит? Ну, в первую очередь, конечно, самого мастера Рошалья. Субъект этот не то что непрост, он интриган по природной сути своей, для него жизнь — сложная шахматная партия, где он, по его представлению, играет белыми, а черными, не иначе, сама судьба. И какую фигуру, когда и во имя чего он принесет в жертву, то доступно постижению, лишь если забраться в хитросплетение мозговых извилин мастера Рошалья. А коли последнее невозможно, со старшим охранителем следует постоянно быть настороже.

За первым же поворотом коридора Гор остановился, хлопнул в ладоши, и из узкой темной ниши выступила фигура в лиловом жилете.

— По плану «Б»,— сказал Рошаль.

Человек кивнул и молча исчез в той же нише. Старший охранитель и Сварог двинулись дальше по коридору.

— У вас, как я погляжу, все отрепетировано, мастер Рошаль.

— Когда-нибудь лететь все равно бы пришлось, мастер Сварог.

На стенах коридоров, извилистых, как заячьи тропы, через равные промежутки были укреплены светильники — газовые, как с удивлением отметил Сварог, дающие ровный яркий свет. Надо же, прогресс, оказывается, не стоял на месте последние пятьсот лет. И то, что подобным чудом техники был оснащен только дворец князя, говорило очень о многом... Равно как и множественные трещины каменной кладки, заплесневелые потолки, подгнившие дверные косяки говорили о многом: что хозяин замка давно махнул на него рукой — до конца света достоин, а дольше и не надо.

— Лететь, но без князя Саутара, так, мастер Рошаль?

— Я готов биться об заклад, мастер Сварог, что князь тоже лишь на словах собирался взять меня с собой.

Спустились по винтовой лестнице с истертыми ступенями и разломанными перилами.

— А куда он, кстати, намсревался путь держать?

— На новый материк. Хотел прибыть туда раньше первых переселенцев.

— Ого! Это что, реально?

— В принципе, да. По расчетам, путь туда займет около двух месяцев. Провизии должно хватить, угля тоже при благоприятных ветрах... За это время Атар полностью погрузится в оксан, а на возродившемся Граматаре прекратится всякая тектоническая активность.

— У князя была карта? — насторожился Сварог.

— У князя набралось целое хранилище карт, одна другой точнес, скупал их у всех проходим-

цев подряд. Князь не сомневался, что отыщет Граматар. Я его и не пытался разубедить.

А деревянная мозаика, похоже, была в моде, когда создавался интерьер замка. Панно из кусочков древесины разных пород сопровождали по всему дворцу до выхода во двор. Стены коридора украшали исключительно батальные сцены: вот горстка удалцов в сияющих доспехах крошит орду уродцев, каких-то великанских черепах на двух ногах и с шестью короткими конечностями, высывающимися в щели панциря; вот полуголые поединщики человеческого рода-племени готовятся к схватке перед замершими рядами воинов, держа обеими руками подобия бейсбольных бит с кинжально острым наконечником, вот какие-то бородатые герои в орденах и лентах...

— Нет, погодите, мастер Рошаль. А что Саутар собирался делать на Граматаре — один, без людей, без техники, на голом камне?... Ждать, пока приплывут остальные?

Рошаль презрительно дернул щекой.

— Каждый сходит с ума по-своему, знаете ли. Особенно когда гибель совсем рядом и очень мало способов бежать от нее...

На первом этаже, сквозь настежь распахнутые створки широкого проема Сварог разглядел мозаику на стенах большой гостиной с розовыми диванами, на одном из которых сидела симпатичная девушка, почти девочка, и вдумчиво расчесывала длиннющие волосы. Здесь на мозаичных панно были романтические пейзажи, дамы на прогулках, портреты красавиц.

— Вход на женскую половину, — пояснил старший охранитель. — У нашего дорогого князя без одной два десятка наложниц... осиротили мы с вами их. А княгиня погибла пять лет назад, утонула во время утреннего купания в пруду. Пого-

варивают, при действенном участии супруга. Скажу вам по секрету, что не зря поговаривают.

— А почему двери-то нараспашку?

— Так предписывает этикет. Старинная традиция. Подозреваю, что в этом сокрыт некий сексуальный подтекст.

Дверь, выводящую во двор, украшал сложенный из кусочков дерева портрет до боли знакомого господина.

— Мания величия? — спросил Сварог, когда слуга закрыл за ними дверь.

— Прадед нынешнего. К слову, прославился введением новой разновидности казни. Петлей прочного каната захлестывается шея приговоренного, другой конец каната привязывается к мешку с монетами, вес которого превышает вес казнимого человека. Канат перебрасывают через высокие козлы, по одну сторону оказывается человек, по другую — денежный мешок. Ноги приговоренного до зсмли, конечно, не достают, а руки не связаны. Некоторым довольно-таки долго удавалось приподнимать себя на руках, не давая петле раздавить шейные позвонки. Казнь, кстати говоря, применяется и до сих пор — главным образом за кражу имущества князей Газдаро.

— Развлекаетесь, значит. Ну, ну.

— Так что вы видите, в какой интересной стране нам довелось жить...

Под подошвами захрустел песок. Людей во дворе было не в пример больше, чем во дворце, который они покинули. Завидевшие мастера Рошалья издали стремились поскорее исчезнуть — похоже, отличную репутацию он создал себе у обитателей дворца. Однако сейчас это обстоятельство было им на руку.

Сварог остановился.

— Где мои друзья?

— Их приведут к воротам Нового двора.

— Не забывайте, мастер Рошаль, о нашем уговоре,— счел не лишним напомнить Сварог.— Без моих друзей в ваш летательный аппарат я не сяду.

Они вновь двинулись через двор. Позади раздавалось ритмичное собачье дыхание. К трем черно-желтым, послушным Рошалю неизбежностям Сварог начал уже привыкать. А то, что носило гордое наименование «дворец феодала», изнутри выглядело как-то уныло, серо и апокалипсично: поросшие мхом, покрытые плесенью и грибком каменные стены зданий, недостроенные, покосившиеся, разваливающиеся строения, обломки карет, телег и не пойми чего, залежи мусора, домашняя скотина разгуливает, где хочет, понурые люди передвигаются нога за ногу...

— Нас ждет зеленый коридор до самого аппарата? — спросил Сварог.— Ну, то есть препятствий не предвидится?

— Если б так! Но, как вы уже догадались, все продумано заранее. В том числе и борьба со сложностями.

Действительно, по голосу и виду Рошалья не скажешь, что его волнуют трудности на пути к таинственной летательной машине.

— И какие именно сложности нас ждут? — не унимался Сварог.

— Князь был, конечно, простоват и внушаем, но к «Пярящему рихару» относился трепетно, как к любимому и единственному ребенку. Соответственно и оберегал, никому в этом вопросе не доверяя. Даже мне. Охрана, что стережет Новый двор и его постройки, подчиняется непосредственно Саутару...

— ...И свято блюдет приказ никого без князя за ворота не пущать,— закончил Сварог.

— Вы совершенно правы. Только в присутствии самого.

— Выходит, будете убирать охрану князя, замесняя свою?

— Конечно. Не беспокойтесь, для моих людей это не работа.

Оно-то, конечно, так... Сомневаться не приходится, люди мастера Рошалья будут устранять охрану Саутара самым что ни на есть радикальным и действенным способом. Но шальную очередь на сто процентов не исключишь. И кого прошьет та очередь, ведомо лишь самой очереди из дурных, но шустрых пуль. А где-то рядом будут Клады и Пэвер... Конечно, инос дело, когда нет выхода... Но выход-то есть! Есть, черт побери!

— Ну-ка, по стойте, мастер Рошаль! Как я понимаю,— Сварог вытянул палец в сторону зауряднейшей детали замкового пейзажа: сарайчика с провалившейся крышей,— эти хоромы гарантируют уединение?

— Вы что, хотите сейчас... э-э...— Рошаль застыл, подбирая слово, приличное для ушей графа.

— Да, представьте себе,— помог ему Сварог.— Не хочу, чтобы что-то мешало и отвлекало в решающий момент.

— Черт бы вас побрал, мастер Сварог... О чем вы раньше-то думали?

— А раньше не хотелось,— беспечно бросил Сварог и устремился к развалюхе.

Перешагнул порог. Переступая через балки и черепицу, прошел в угол. Под ногами хрустело и шуршало. Сосредоточился. Главное условие успешного исполнения — хоть и краткое, но обязательно полное сосредоточение. Отрешиться от обстановки, настроиться на того человека, воспроизвести его облик в памяти во всех деталях. Произнести заклинание...

Привычно мазнуло холодом, на бревнах рядом со Сварогом выступил иней — неизбежные последствия магического священнодействия... И из

сарайчика-развалюхи под светлы очи Рошалья вышел живой и невредимый князь Саутар.

Рошаль отреагировал моментально: ковбойским жестом откинул полу своей «рясы», и уже в следующую секунду в лицо Сварогу утрюмо смотрел черный кружок дула допотопного пистоля. Выражение на лице старшего охранителя короны словами передать было невозможно.

— Сокол вы мой, сколько ж можно убивать одного и того же самодержца? — весело произнес самодержец Саутар не своим голосом.

Рошалья, надо думать, убила и успокоила не столько одежда Сварога, обтянувшая телеса лжекнязя, и не столько голос, оставшийся неизменным, сколько собаки, которых ничуть не взволновало преобразование спутника их хозяина. Заклинание на изменение личины меняет видимость, но не суть и присущий сути запах. Собачек-то не проведешь, это тебе не люди, которым свойственно принимать иллюзию за действительность...

— Не верьте глазам своим, мастер Рошаль, верьте нашему уговору.

«И зеркалам», — мог бы прибавить Сварог, но не прибавил.

— Проклятье... И много у вас в запасе подобных колдовских штук? — недобро сощурился охранитель, не очень уверенно пряча пистоль за пояс. Следует отдать ему должное, он быстро справился с потрясением.

— Достаточно, чтобы двести раз все взвесить, мастер Рошаль, прежде чем решиться доставить мне неприятности.

— А если бы я выстрелил?

— Ну, как-нибудь попробуйте на досуге. Обещаю, вас ждет масса удивительных открытий.

Между ними произошла безмолвная дуэль на взглядах, потом Рошаль опустил глаза.

— Я понял намек. Я учту, ваша светлость,— произнес он и карикатурно поклонился. Распрямившись, сказал уже серьезно: — Ладно, пусть. Оставайтесь этим. Князь, бывало, расхаживал по замку и в ночной рубахе.

— Большое спасибо за разрешение, мастер Рошаль.

— Дозвольте продолжить путь, ваша светлость?

— Дозволяю,— ответила его светлость...

Территорию под названием Новый двор опоясывал частокол из обкоренных бревен с заостренным до копейной остроты верхом. Перед воротами из толстых досок, обитыми по краям широкими медными полосами, стояла четырехколесная тачка, груженная внушительных габаритов сундуком. Следует полагать, сундук заключал в себе древние предметы, накопленные мастером Рошалем. Возле ворот томились в позах ожидания люди в лиловых жилетах.

— Здесь ваш маскарад не пригодился. Здесь мои люди уже закончили.

Сварог понял это и без Рошалья. Наверняка — загляни в караулку и обнаружишь тела. Еще одни парни, теперь уже на Димерее, теперь уже в княжестве Газдаро погибли, защищая шкурные интересишки какого-то рвущегося к власти деятеля. То есть фактически ни за что.

А возле тачки под присмотром людей в жилетах стояли Клади и Пэвер, растерянные, недоверчивые, оглядывающиеся. Видно, быстрое освобождение из-под стражи явилось для них полной неожиданностью. То ли всерьез отпускают, то ли на расстрел сейчас поведут... К ним и направился первым делом липовый князь. Люди Рошалья напряглись — вышеназванный план «Б», видимо, живого Саутара не предусматривал. Но без приказа командира пока не предпринимали ничего.

— Позвольте представиться: солдат без армии,— сказал Сварог, глядя в глаза Клади.— Король в изгнании, лишенный своего королевства. И, как уже говорилось, я его верну.

Баронетта наморщила лоб, на миг закрыла глаза, открыла и вдруг охнула, по-детски прикрыв ладошкой рот, и не удержалась от восклицания:

— Не может быть!

— Это не навсегда, моя прелестная баронетта.

Сварог повернулся к суб-генералу:

— Объективную реальность, данную нам в ощущение, можно ощущать по-разному, не так ли, мастер Пэвер?

— Объективная реальность лучше всего видна сквозь призму, особенно если призма эта стеклянная и не пустая,— ответил Пэвер не без намека на необходимость поправки здоровья, подорванного потрясениями. И показал, что улавливает потайную пружину происходящего.— Как я понимаю, вы теперь в Гаэдари править будете?

— Придется,— пожал плечами «князь» Сварог.— К счастью, недолго. Да, если у вас остаются какие-то сомнения на мой счет, посмотрите на меня в зеркало. А если сомнений нет, то прошу вас сейчас, незамедлительно, без раздумий решить для себя вот что. Мы улетаем.

— Куда? — вырвалось у Клади.

— На чем?! — выкатил глаза Пэвер.

— Что совершенно точно — прочь отсюда. На некоей летучей машине под названием «Парящий рихар». Попытаемся отыскать Блуждающие Острова. Настоящий князь мертв, мастер Рошаль летит с нами. Страну ожидает хаос, повальное бегство и запустение. Если и суждено настать концу света, в Гаэдари он наступит раньше, чем в других краях. Вы со мной?

— Подождите, подождите, мастер Гэйр.— Пэвер схватил Сварога за пуговицу камзола, но тут

же выпустил, словно та находилась под током — видимо, испугавшись, что нарушит целостность нового образа.— Вы знаете, как найти Острова?

Сварог обернулся.

— Потом расскажу подробней.

Подошел Рошаль, объяснявший своим людям, что к чему и какие коррективы в план «Б» следует теперь внести.

— Нам пора,— поторопил старший охранитель.

«Князь» обвел взглядом своих димерейских приятелей.

— Итак, вы со мной?

— Да,— быстро и твердо дала согласие Клади.

— Нет, положительно я еще не проснулся,— сказал суб-генерал и запустил пятерню в волосы.— Это красное рокнейское отвратительно действует на меня...

— Мастер Пэвер! — поторопил Сварог.

— Да-да... А мои погребя и мои маленькие шаловливые птички... на кого ж вас, кто же вас... Эх... Отставить рассуждения! — Он вдруг бросил руки по швам, втянул живот и отчеканил: — Необходимы перемены, мастер Сварог. Они не дают крови киснуть в жилах. А я чувствую, что начал впадать в дряхлость и уныние... «Где много снега, но не из воды»... Приказывайте, мастер Сварог. Я с вами. Лишь бы хватило провизии и вина на время похода...

— Тогда вперед,— перебил мастер Рошаль, на мгновенье опередив в этом Сварога.

На территории Нового двора уместилось бы не менее четырех футбольных полей да еще какие-нибудь трибуны и раздевалки в придачу. Огромнейшая, что по площади, что в высоту, домина возвышался посреди двора, к нему лепились строения, к которым лучше всего подходило определение «бытовки». Белая акула и рыбы-прилипалы — так смотрелась картина.

Домина — а только он и мог служить ангаром — охранялся полувзводом солдат в черных куртках с красными ромбами на рукавах, в высоких ботфортах и в тюрбановидных головных уборах. Через одно плечо у них была переброшена скатка плаща, через другое — ремень автомата. Командовал коренастый усач, единственный еще и с палахом на боку. Усач выдвинулся навстречу соизволившему пожаловать начальству.

А дверь ангара замыкал замочек, прямо скажем, сверхамбарного размера. Глядячи на него, Сварог вспомнил изделия советской поры, которые предприятия любили вручать на юбилеи дорогим партийным товарищам: шариковые ручки размером с крылатую ракету, гвоздь длиной с добрую анаконду. Рошаль по дороге от ворот поставил в известность «князя», что ключ от чудища хранится у старшего создателя аппарата, а тот живет в одном из домиков, и тут же послал на ним человека.

— Капрал Димгер-Акст, ваша светлость. На объекте покой.

Лихо щелкнули каблуки, к тюрбану взлетела открытая ладонь. Выговор усаха отличался от выговора, к которому Сварог уже привык в Гаэдаро. Ага... Добавить сюда форму охраны Нового двора, какую Сварог доселе в Гаэдаро не наблюдал, и вот вам вывод — для охраны любимого дитища князь подрядил наемников шут знает из каких мест. Это страну он мог доверить кому угодно, но не обожаемый дельтаплан (или что у него там), в который верил, как утопающий в спасательный круг. А где обожание и вера, там такой же силы подозрительность, знакомые дела. Поэтому порфиноносец нанял солдат, не связанных с Гаэдаро ни родственными, ни иными связями, которые служат исключительно за звонкую монету.

Наемников можно только перекупить, а кто в Гаэ-даро богаче правителя страны?

«Князь» небрежно кивнул капралу и брезгливой отмашкой ладони отправил от себя, мол, его светлость пока к тебе претензий и вопросов не имеет, иди, служи дальше. Князь не обязан называть пароли и разъяснять причину визита, он сам себе монарх, божий помазанник как-никак, взбрела ему блажь — извольте стиснуть зубы и потакать.

Что-то такое проскочило в глазах капрала. Слишком пристально взглянул, прежде чем отойти. Не должен бы так глядеть на самодержца, хоть и искося.

Черт, нравились Сварогу такие старые вояки, тертые, бывалые-перебывалые, повидавшие и навидавшиеся, стреляные-резаные. Но они же могут быть в высшей степени опасны, если служат противоположной стороне. И с чем-чем, а с их наблюдательностью стоит считаться, потому что они на клеточном уровне понимают — от упущенной мелочи иногда зависит твоя жизнь и жизнь людей, за которых ты отвечаешь. А нынешнего капрала явно что-то насторожило в поведении князя. Иная пластика движений, несоблюдение заведенного ритуала приветствия, еще что-нибудь. Очевидно, что капрал будет поглядывать в сторону правителя, а «правителю» следует поглядывать в сторону капрала.

— Ваша светлость! Ваша светлость! — подбежал старший создатель с ключом, который больше напоминал слесарный разводной, чем ключ для замков.— Я сделал, как вы велели. Лопасты перекрашены, натяжки дополнительно усилены. Ваша светлость, можете сами убедиться...

Откуда князь Саутар выписал этого создателя, Сварог пока не удосужился выяснить. Можно подозревать что угодно. Например, что из до боли

знакомых Сварогу мест. Потому что очень уж наминал напыщенных интеллигентов, увешанных научными степенями,— и внешне (непремнная ухоженная профессорская борода, морщинистый от постоянно нахмуренных бровей лоб, мягенькое брюшко), и суетливой угодливостью, и заискивающим взглядом. Такой понастроит... Нет, впрочем, этот главный конструктор должен понимать, что рискует не ученым званием или лишением премии, а своей многоумной головой. Обязан был постараться.

Кой-какой накопленный опыт царедворца помог Сварогу и на этот раз. Ничуть не переигрывая, он величественно-презрительным жестом отправил конструктора отпирать ангар. Не желаешь открывать рот, а желаешь изъясняться жестами — твое полное на то безраздельное право, уж Сварогу ли не знать преимуществ монаршьего положения! Словесно помог и Рошаль:

— Давай живее, ваша ученость. Ох, если его светлость подхватят из-за тебя простуду...

Старший создатель летучего аппарата со всей прытью побежал к двери. Один из солдат-наемников, криво ухмыляясь, вразвалочку направился следом. Причина его ухмылки стала скоро ясна: ученый муж не мог удержать в руках отпертый замок, и солдат охраны персхватил громадину, чтоб та не грохнулась на песок.

В ангаре, лишенном окон, было, тем не менее, светло. Лампы, развешанные по всем стенам ангара и подозрительно напоминающие китайские фонарики, горели ровным, немерцающим светом непонятного происхождения. Светильники — раз их использовали лишь здесь и ничего похожего до сих пор Сварог в Гаэдаро не встречал — стояли, видимо, немало. А уж во сколько обошелся исполинский аппарат, что занимал все свободное пространство ангара, с учетом его уникальности

для этого мира, сказать мог разве что сам князь. Ну, может быть, кое-что знал и Рошаль...

Клади порывисто вздохнула за спиной Сварога, Пэвер прошептал: «И вот эта хреновина — летает?!..», после чего заковыристо выругался. Да и Сварог, надо признаться, на мгновение обалдел, когда перед ними во всей своей красе предстала летающая машина Саутара, рядом с которой самолеты Конгера Ужасного показались бы игрушечными модельками.

Сварог, наконец, увидел, на что были угроханы фамильные драгоценности, налоги подданных и доход страны. Вот что заменило флот и вместе с ним надежды подданных князя бежать с приговоренного материка. Вот на что ставил, на что уповал покойный правитель Гаэдаро.

Дирижабль. Классический «персеваль». Словно сошедший с кадров кинохроники тридцатых годов. Едва заметно покачивающийся из стороны в сторону, похожий на уснувшего дракона, он, что и говорить, потрясал воображение.

Черную оболочку баллона («Любопытно, что за материя, откуда она взялась, ведь вряд ли изготовлена в технологически отсталом Гаэдаро».) покрывали нанесенные серебрянкой каббалистические знаки, видимо, призванные отгонять воздушных демонов, вдоль выпуклого бока тянулась горделивая надпись: «Парящий рихар». Серебрянкой же было выкрашено оперение. Снизу, под сигарой баллона, заполненной до упругости каким-то легким газом, находилось, что и положено — то есть гондола, размерами сравнимая с железнодорожным вагоном. К двери гондолы был прибит герб, исполненный в лилово-коричневых тонах. Дирижабль удерживали от взлета шесть тросов, намотанных на барабаны. Аппарат покачивался в пяти каймах над полом, от двери с гербом вниз спадала веревочная лестница.

Вместе с «князем» в ангар, кроме Клади, Пэвсера и Рошалья, зашли лишь старший создатель и капрал. Да двое людей Рошалья в лиловых жилетах вкатили следом тачку с сундуком.

Бесспорно, князь лишних людей без необходимости к дирижаблю допускать не любил (неизвестно, как насчет собак, которые сейчас проследовали в строение за своим хозяином, старшим охранителем короны). А некая незнакомая зеленоглазая красавица со столь же незнакомым полноватым мужчиной во френче (чье присутствие трудно расценить как производственную необходимость) точно не могут не насторожить капрала еще больше... Уже насторожили. Недаром капрал перевесил автомат из положения на плече в положение на груди, чтобы начать стрельбу, не теряя ни мгновения.

Дирижабль, несомненно, привозили в замок по частям и собирали уже в ангаре. Пожалуй, о судьбе сборщиков гадать не приходится, есть все основания считать, что судьба их самая печальная — князю огласка была не нужна. Может быть, трагическая участь постигла и перевозчиков, так, убрали на всякий случай, в Газдаро человеческая жизнь имеет не самую дорогую цену, в этом Сварог уже успел убедиться.

«Князь» Сварог, справившись с обалдением при виде дирижабля, повел себя согласно сценическому образу. Старался он для капрала, который мог, ох как мог доставить неприятности. Если отправить его жестом прочь, сломать заведенный порядок — тогда жди, что ворвется все подразделение охраны. А перестрелку допустить нельзя ни в коем случае. Поэтому «князь» Сварог, задрав голову, с улыбкой довольного собственника обозревал аппарат, словно не мог налюбоваться на будущего покорителя небес. И словно бы невзначай переместился поближе к капралу. А капрал

словно бы невзначай отодвинулся. Молодец, собака. Что-то чувствует. И проверяет, и не рискует.

— Его светлость желает добавить кое-какую поклажу,— сказал Рошаль и положил ладонь на плечо старшего создателя.— Помогите им...

Все произошло быстро. Быстро не по воле Сварога. Ему просто пришлось поспевать за событиями.

Пол под ногами внезапно качнулся, закрипели балки и растяжки ангара. В стену ударил порыв ветра, все машинально схватились за что попало, лишь бы устоять на ногах. А спустя мгновение все утихло, встало на свои места. Лишь снаружи доносились испуганные вопли охраны. «Землетрясение,— мельком сообразил Сварог,— это всего лишь землетрясение...» Но высказать эту мысль вслух у него не получилось. Потому что он увидел лица окружающих его людей. Такого ужаса, такой тоски и беспомощности ему еще встречать не приходилось в глазах смертного человека...

— Что... что это, мастер охранитель? — прошептал Димгер-Акст, судорожно озираясь.— Никак, началось, а?..

— Просто подземный толчок! — рявкнул быстро пришедший в себя Рошаль.— Я вам поражаюсь, капрал! Впервые, что ли? Хватит глазеть, принимайтесь за...

А дальнейшего и вовсе никто не ожидал. И Сварог — в первую очередь.

Ощущение было сродни тому, когда у тебя спадают штаны, а ты не можешь их подтянуть. Только сползали не штаны, а личина «князя». Очередной сбой магии ларов в этом мире, сродни задержке с исполнением заклинаний и не разрушившемуся шауру, и, черт побери, как всякий сбой, совершенно некстати. И никакого понятия, какие магические слова надо произнести, чтобы вернуть личину на место. Стало быть, нечего и возвращать.

И некогда придумывать хитрые комбинации. Следовало действовать просто, по готовым рецептам.

— Стоять смирно, капрал! (Оглушить громким голосом. И шаг вперед.) Именем Тарабарского короля! Вы подозреваетесь в государственной измене! (Озадачить, смутить. И еще шаг. Нести чушь, чтобы капрал начал гадать, а не спятил ли его светлость. И допустил бы приблизиться еще на шаг.) Вы знакомы с Дон Кихотом?! В глаза смотреть! Когда последний раз встречались с Робинзоном? Отвечать!

Сварог видел лишь автоматный ствол, который поднимался на уровень груди, и палец капрала, который лег на спуск. Лучше бы вояка схватился за палаш, но проклятый капрал не знал, что лара пули не берут. И лар не знал, куда полетят отклоненные магической защитой пули...

И вот тут Рошаль дал Сварогу возможность оценить его по достоинству.

— Ваша светлость, это же капрал Димгер-Акст! — заорал старший охранитель голосом встревоженного придворного. — Капрал, не обращайтесь внимания, князь просто выпил лишнего!

Рошаль на миг отвлек на себя капрала. Заставил мельком бросить на себя взгляд. И Сварогу хватило этого мига. Чтобы сделать последний шаг, ладонью ухватиться за ствол и рвануть автомат на себя.

Можно сказать с уверенностью: бывалый вояка не допустил бы такой промашки, знай он наверняка, что перед ним поддельный князь. А он только смутно что-то подозревал, уловив некую неправильность происходящего, но в чем именно состоит неправильность, догадаться не успел.

Отброшенный Сварогом автомат глухо стукнулся о деревянный пол. Дальнейшее, что называется, было бы делом техники. Вбитые тренировка-

ми, закрепленные боевыми операциями десантные навыки — это вам не магия ларов, они работают во всех мирах. Ногой с разворота в живот, подсечка, ребром ладони по затылку — и можно не беспокоиться, капрал пробудет в полном отруб до самого взлета «Парящего рихара». А убивать — это вовсе не обязательно, совсем ни чему...

Но в очередной раз задача Сварога была облегчена. Уставившегося на «князя» капрала прямо-таки парализовало. И Сварогу не требовалось спрашивать окружающих о причине этого паралича, он и сам чувствовал, как слезает с него чужая маска, и мог представить себе, как сейчас выглядит: одна половина лица княжья, оплывающая на глазах, другая своя. Короче говоря, видок вполне монструозный. Ну да теперь уж все равно. Хороший ты мужик, капрал, да не тому служил... Хватило двух ударов. А завизжавшего было старшего создателя аппарата заткнул тычком в бок Пэвер. Он же, поддерживая за шкурку оседающего ученого, хрипло высказался на счет графа Гэйра:

— Неэстетичное зрелище, мастер Сварог. Снимите эту дрянь.

— Действительно, граф. Таким вы мне не нравитесь, — стараясь говорить ровно, подтвердила Клады.

Вполне согласный с ними Сварог произнес заклинание, освобождающее от чужой личности.

— А теперь за дело, быстрее! — взял на себя командование Гор Рошаль. — Сундук наверх!

Люди мастера Рошалья подкатили тачку к трапу, и в кармашке у Сварога послушно стал нагреваться рубин-гикорат. Ага, вот что вы тут вывозите из страны — древние предметы, стало быть, вывозите...

— Погодите-ка, — сказал Сварог и быстро шагнул к ценному грузу, — можно и не корячиться. Если только получится...

Его небесное великолепие, лар, обученный магами Мистериора, прошедший краткий курс в Магистериуме, произнес заклинание, лишаящее предмет веса. То самое, с помощью которого некогда вывел из Хелльстада пса Акбара. На Таларе, даже в Хелльстаде, где, как говорят, магия ларов не действует, заклинание работало. А здесь как?

Сработало и здесь. Сварог ухватил двумя пальцами оторвавшийся от пола сундук, который, растеряв солидность увесистого груза, стремился попорхать воздушным шариком.

— Пэвер, Клади, забирайтесь в гондолу. Примите тару наверху.

Пэвер удивленно присвистнул. Рошаль же внешне остался безучастным. Видимо, уже настроился, что от этого человека можно ждать всяческих фокусов. Вот и соображайте, мастер старший охранитель, сколько у меня еще тузов в рукаве, коли я преспокойно демонстрирую вам очередные свои способности...

— Ты,— палец Рошалья нацелился на главного дирижаблестроителя,— открывай дирижаблю выход. Вы,— палец компасной стрелкой повернулся к людям в лиловых жилетах,— знаете, что надо делать.— Рошаль подошел к Сварогу.— С собаками ваши трюки проделывать не стоит. Я их сам подниму. На руках.

— О ваших людях на борту мы вроде бы не договаривались,— напомнил Сварог.— Или вы будете уверять меня, что это пилоты?

— Не беспокойтесь, я помню уговор. Их на борту не будет. Им поставлена своя задача. На земле. А поведут машину другие пилоты. Вы. И я.

— И вы уверены, что этакая бандура — летает? — спросил Пэвер, пыхтя по лестнице.

Люди в лиловых жилетах не слышали их беседу. Они обходили барабаны, на которые были на-

мотаны гайдропы. Возле каждого барабана висела на гвозде деревянная кувалда, ими они вышибали клинья, стопорящие барабаны. После чего тросы начинали медленно разматываться, увлекаемые рвущейся ввысь громадой дирижабля.

А старший создатель, запуганный настолько, что ходить за ним по пятам и контролировать его действия не имело никакого смысла, где-то привел в действие неведомый механизм. Заскрипели над головами шестерни и створы, образующие крышу, начали медленно расходиться в стороны, открывая небо.

Трещали раскручивающиеся барабаны. К мелодии тресков присоединился еще один, еще — и вот уже все шесть смазанных тросов пришли в движение. Машина поднималась.

Последним, уже после того, как Клади и Пэвер оказались в гондоле, загрузили сундук, а Сварог принял от старшего охранителя его псов, в дирижабль забрался Рошаль и закрыл за собой дверь с гербом.

Иллюминаторы гондолы имели не круглую, а квадратную, оконную форму — разве что без шпингалетов и форточек. Оставалось надеяться, что стекло поставлено достаточно прочное и как минимум порывы ветра выдержит. Сейчас в этих иллюминаторах проплывали китайские фонарики, освещающие ангар, стенные доски, показались шестерни, ременная передача, блеснул край распахнутой кровли. И развернулась панорама до самого горизонта, где темная неровность димерейской земли сходилась с небом, подернутым серой пеленой, что предвещало начало заката. Ветер принял исполинскую машину в свои объятия и потащил за собой по воздушной тропе.

В восхищенном ужасе Клади вонзила ногти в плечо Сварога и, вряд ли заметив это, перегну-

лась через это самое плечо поближе к иллюминатору.

— Поехали! — произнес Сварог ритуальное слово.— Вот такие дела, мои дорогие...

Из его дорогих рядом находились Клади и Пэвер. Не слишком дорогой Рошаль со своими собачками сразу же направился в кабину, подразумевая, что и мастер Сварог последует за ним. Но мастер Сварог не спешил. Успеется. Надо кое-что обдумать...

— Это ж просто невероятно! Потрясающе, клянусь клыками Наваки! Я лечу! Я — лечу!!! — Восторги Пэвера, прильнувшего к окну-иллюминатору, мало соответствовали его званию и должности, но в такой ситуации это было простительно.— Я полон незнакомых ощущений, три гаубицы мне в задницу! Прошу прощения, баронетта! О-хо-хо!

Сварог освободил место у иллюминатора для Клади и присел на пол возле двери. Чуть приоткрыл ее, закурил, хоть курение на борту воздушного судна и запрещено. (Или здесь пол следует именовать палубой?) Он пускал дым в щель проема и смотрел вниз, на крыши замковых построек, на шестиугольную крепостную стену вокруг дворца, на игрушечных людей, задирающих головы и размахивающих руками, на скачущих за дирижаблем всадников. Палить не начнут, можно быть уверенным, на дверце как-никак княжеский герб. В общем, первый этап побега, можно считать, прошел на удивление гладко. Даже странно. Хотя легкость первого этапа наверняка компенсируется сложностями в дальнейшем. Наверняка солдаты скоро найдут тело настоящего князя и уж тогда церемониться не будут. Попасть в громадный неповоротливый дирижабль даже для здешних автоматов — все равно, что в витрину из рогатки. А уж если баллон наполнен каким-нибудь горю-

чим газом вроде водорода, как в аэростатах-шарльерах, то тогда вообще туши свет...

Рядом с ним присела Клади, с опаской подставила лицо ветерку из приоткрытой двери и спросила:

— Куда мы летим?

— Старший охранитель Рошаль хочет, чтобы я отвез его на Остров, с которого я, дескать, и прибыл в Газдаро. Самое смешное, что наши цели, пожалуй, совпадают. Наиболее разумное из того, что нам оставлено, действительно, отправиться на один из Островов. Для вас это спасение, для меня еще и возможность разузнать что-то о Тропе.

— Ты уверен, что мы разыщем какой-нибудь из них?

— К сожалению, Бумага Ваграна осталась в доме Пэвера. С ней уверенности было бы больше. Но я все-таки ее видел, кое-что я могу восстановить в памяти...

— Бумага...

— Эй, смотрите! Вон там, у подножья башни! — заорал вдруг Пэвер, едва не расплющивая нос о стекло.

Сварог приоткрыл дверь, выставил голову под прохладный встречный поток. Башня надвигалась слева по курсу. Этакая классическая феодальная башня, в таких десятилетиями томят принцесс и таинственных узников в железных масках, а в народе они получают романтические прозвания вроде Башни слез или Башни плача. Дирижабль уже поднялся на достаточную высоту, и столкновение не грозило. Внимание Пэвера привлекло другое — к башне, нашпоривая коня, мчался всадник. У подножья он резко натянул поводья, так, что лошадка встала на дыбы, спрыгнул с седла и, оттолкнув солдата у двери, скрылся внутри.

— Олес! — Клади выговорила имя как ругательство. — Опять!

— Чтоб меня растоптало конницей, хочет обстрелять нас! — предположил Пэвер.

— Тогда боюсь, это для него плохо закончится.— Сварог щелчком отправил окурок к земле.

Разумеется, Сварог прихватил с собой автомат капрала. Еще не хватало забывать оружие, когда неизвестно, как сложится полет, что ждет после приземления. И если Олес поднимет свое оружие, раздумывать Сварог не станет.

Дирижабль сносило к башне. И вообще машина шла неровно, длинными зигзагами. Ничего удивительного, Рошаль только приноравливается к управлению, с которым был знаком лишь в теории.

— Кстати, тросы пора выбирать,— сказал Сварог.— Нечего рассиживать, не пассажиры. Так что оканчиваем перекур и приступаем к воздухоплаванию.

Болтающиеся, как шнурки у неряхи, гайдропы могли задеть башню, если аппарат пройдет-таки над ней. Когда тупой нос баллона сравнялся с верхней площадкой, окаймленной зубчатой оградой, там появился человек. Все тот же. Олес. Ничего похожего на оружие не обнаружилось в руках его.

— Чего он хочет? — выразила всеобщее недоумение Клади.

И тут намерения молодого князя стали ясны до прозрачности. Олес взобрался на один из зубцов башенной ограды, отцепил и отбросил перевязь с мечом и, поворачивая голову, внимательно наблюдал за гайдропами, описывающими в воздухе сложные кривые.

— Вот кретин! — произнесла Клади, впрочем, не без восхищения.

Дирижабль так и не снесло к башне, он проплыл не над ней — рядом. Но гайдропы раскачивало, водило непредсказуемыми изворотами, и какой-то запросто могло поднести к башне.

— Отчаянный сынок, однако, у князя,— прокомментировал Сварог и закурил еще одну сигарету.

В момент первой Свароговой затяжки центральный трос мотыльнуло к башне. Гайдроп не достал ее, но пролетел достаточно близко; Олес решил, что другого шанса может не быть. И прыгнул.

— Ай! — невольно вскрикнула Клади.

Молодой князь не промахнулся. Вцепился руками в веревочное сплетение — и стал медленно съезжать вниз, к концу троса. Прижался к канату всем телом, обхватил ногами и все-таки затормозил. И летел пока не к земле, а над землей, раскачиваясь вместе с гайдропом.

— А как он думает взобраться?

— Такой заберется. Зубами втащит себя,— уверила Пэвера Клади.

— И ведь не может не понимать, заметьте,— спокойно сказал Сварог, наблюдая за болтающимся в пятидесяти каймах над землей Олесом,— что его видят и при желании избавятся от обузы в два счета.

Чего уж там сложного перерезать гайдроп и тем самым прервать династию правителей Газдаро...

Глава тринадцатая

А вместо сердца пламенный мотор...

— Значит, вы утверждаете, что это и есть компас?

— А что вас так удивляет, мастер Сварог?

— Я просто уточняю, мастер Рошаль.

Уточнить не мешало, потому что ну уж на компас эта штукавина походила ровно столько же, сколько и на аквариум: стеклянный шар, в котором бултыхался темный сгусток неприятного вида. Когда сгусток прибивало к какой-то стенке —

в той стороне ищи полночь, или наудер по-местному. Сварог не стал рассказывать Рошалю о том, что кое-где существуют устройства гораздо более удобные в обращении и более отрадные глазу. Да и вообще рассказывать Рошалю о чем-либо сейчас — не самое удачное время. С Рошалем нынче общаться затруднительно. Старшему охранителю короны было плохо.

История знакомая. И позора в том для Рошалья никакого, просто не повезло. Так же не повезло с организмом десантному капитану Кучину. На земле его не могло испугать никто и ничто. Поди испугай, когда капитан прошел все огненные броды четырех материков, отстаивая интересы некогда могущественной державы. Не надо никаких уточнений и красочных описаний подвигов: он уцелел, и этим все сказано... Но в воздухе капитан Кучин становился другим человеком. И неважно, на чем он поднимался в этот самый воздух: на вертушке, самолете или чертовом колесе. Его ахиллесова пята — агорафобия. Боязнь высоты, болезнь высоты. И как всякая болезнь, она знает разные стадии. Например, умеренную и крайнюю. Крайняя проявилась и у капитана Кучина, и у мастера Рошалья. Старший охранитель, конечно же, не мог знать о своей ахиллесовой пяте, откуда? Разве что забравшись на какую-нибудь верхотуру посерьезнее... Гор Рошаль даже не мог предполагать, что уже сама по себе высота способна превратить здорового человека в больного.

Бледность лица Рошалья сравнима была только с белизной высокогорного снега. У него тряслись руки, слезились глаза, раскалывалась голова, его мучило. Он то и дело проваливался в полуобморочное состояние. Заклинания от высотобоязни Сварог не знал и лекарств, которые на время снимают хоть часть болезненных ощу-

щений, на борту не было. Н-да, несладко придется Рошалью до самого приземления. И чем дальше, тем несладше.

Но Рошаль крепился изо всех сил, держался, как говорится, на морально-волевых. Потому что боялся Сварога. Чувствуя состояние хозяина, покусывали собаки.

До кабины дирижабля Сварог добрался после того, как втащили на борт Олеса и Сварог с ним немножко переговорил.

Молодой князь в перепачканных, изодранных куртке с позументами и штанах лежал на струганных досках пола, раскинув руки. Ободранные ладони кровоточили. Впрочем, канатолазец пришел в себя довольно быстро. И, едва открыв глаза, расхохотался на всю гондолу:

— А? Видали, как я?! Думал, сорвусь к свиньям — ан нет... Теперь и в цирк не зазорно наняться... — Он с трудом приподнялся на локтях, огляделся. — Отец здесь?

— Нет, — сказал Сварог.

— Внизу остался?

— Князь... погиб.

— Ну и славно. Туда ему и дорога, — высказался сын своего отца. — Папаша тот еще мерзавец был... И не надо на меня зверем смотреть, подружка. — Отчего-то новоявленный князь несколько не был удивлен или смущен неожиданной воздушной встречей с баронеттой. — Папашка убил мою мать. Она, видишь ли, была женщина строгой морали, а ему страсть как хотелось навезти в замок своих... не скажу при тебе, кого именно... в общем, наложниц, чтобы в открытую забавляться с ними. Жаль, не я его пришил. Ну да ничего, переживу. Он бы и меня давно прикончил, если б я оказался дураком и жил с ним в дворце...

«С-семейка, чтоб мне...» — пробормотал Пэвер за спиной Сварога, плюнул и вернулся к прерван-

ному наблюдению в иллюминатор за проплывающей внизу землей.

— А ты зачем во дворец сегодня примчался? — спросил Сварог.

— Верные люди простучали, что вас этот охранитель забрал, — весело ответил молодой князь и подул на ладони. — Черт, больно... Ну, думаю, тагорт — это тебе, гад, не нурский шпион, он вам всем задаст перца. Так и вышло. Как увидел эту хреновину в небе, сразу понял: это вы удираете, грохнув папашу и пса цепного его, охранителя.

Сузив глаза, Клади рассматривала своего старого знакомого.

— Чего ж сам править не захотел?

— Без этого? — показал Олес пальцем на потолок. — Без этой птахи мне трон ни к чему. А потом, кто его знает, вдруг папаша жив остался. Тогда б он совсем озверел без своего летающего мочевого пузыря.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался Сварог, но вовсе не из айболитовских побуждений.

— Вполне, — ответил Олес и встал на ноги. — Готов лететь куда угодно.

— Тогда так. Поступаешь в мое распоряжение на правах испытуемого. Для начала сдай кинжалчик.

— Есть, капитан!

Сынок безропотно снял с пояса и отдал свое единственное оружие. Правильно понимает ситуацию — он на борту дирижабля кто угодно, но не князь, и жизнь ему, считай, подарили. А подарок надо отрабатывать.

— Он что, с нами? — уперла руки в бока Клади.

— Ну, не сбрасывать же как балласт, — пожал Сварог плечами.

— А почему бы и нет...

— Между прочим, не ты тут командуешь,— миролюбиво заметил Олес, потирая запястья.

— Между прочим, мастер Рошаль летит с нами,— счел необходимым сообщить Сварог.

— Этот проныра и сюда залез?! — вскинулся юный князь, не сдержав, как видно, всей юношеской любви к охранителю, накопленной за годы соперничества с отцом, которому Рошаль до сего дня служил верно.— Вот сволочь! Вот кого сбросить надо, мастер тагорт! И собаки его тут? Проклятье! Зачем он вам нужен, мастер тагорт?!

— Мастер Сварог. За тем же, за чем нам и ты. Мы теперь один экипаж, каждому найдется дело.

«Да уж, экипаж подобрался — не пожелаешь и врагам народа. Но — что выросло, то выросло. Будем их дрессировать, как сержант срочников-новобранцев... Эх, где-то ты, Странная Компания. Ничего, я скоро вернусь, мы еще повоюем...»

— Значит, так. Экипаж, слушай мою команду. Пассажиров среди нас нет, парашютов тоже...

— Чего — тоже? — переспросил Олес.

— Неважно. Важно, что падать будем вместе. А чтобы не упасть, придется потрудиться. Для начала Олес и Пэвер вытянут тросы, свернут их в бухты. Баронетта, вы займетесь грузом,— кивнул Сварог на ящики, сундуки и прочие тюки, беспорядочно разбросанные по всей гондоле.— Князь держал аппарат в постоянной готовности к вылету. Значит, мы везем с собой джентльменский набор путешествующего монарха. Среди прочего должна отыскаться и кой-какая еда, вы уж, баронетта, не соблаговолите за труд взять на себя и приготовление легкого ужина...— Сварог заметил, как заблестели глаза Пэвера. Суб-генерал только что не облизнулся. Несомненно, этот прохвост надеется обнаружить в ящиках и некую часть княжеских погребов. Да, судари мои дорогие, с личным составом придется повозиться, чтобы из от-

ряда анархистов-авантюристов получилось более-менее боеспособное подразделение...— На вас, баронетта, также ложится учет имущества, полная инвентаризация барахла. После тросов остальные члены экипажа приступают к аккуратному раскладыванию груза. Чтобы освободить свободный проход по салону, чтоб ничего не ездило по палубе и на голову не валилось... Вопросы, проблемы, неясности?

Оставь их без дела, пустятся мыши в пляс, начнутся поиски сомнительных развлечений, пойдут выяснения прошлых отношений. Нельзя допускать праздности на борту. Да, честно говоря, и не предвидится праздности, есть подозрения, что работой все будут завалены от печенок до горла...

— Разрешите личный вопрос! — браво отчеканила Клади.

— Личные не больше одного,— сурово позволил командир.

— А на ушко? А на минуточку, шкипер?

Конечно, следовало бы, крякнув в кулак, сказать что-то весомое, военно-морское, мол, это вам не бал-маскарад, барышня, извольте встать в строй и вытянуться по стойке смирно. Но...

— В виде исключения,— сдался строгий шкипер.

— Вам штурманы нужны? — вот что прошелестела в ушко баронетта, обдав его ласковым и волнующим дыханием.

Сварог самонадеянно посчитал сказанное за игривый намек на приятные стороны исключительного положения подруги капитана. И решил, как говорится, остудить. Мол, не время сейчас, товарищ девушка, после, вот одолеем, победим, долетим, тогда уж...

— Клади,— начал он остужающую речь.— Я летаю на подобной машине впервые. Мне надо

срочно во всем разобраться, чтобы подготовиться к возможным неожиданностям. И поэтому...

— А разве не ты горевал об утерянной карте? — перебила Клади.

— И? — Сварог невольно принял охотничью стойку.

— Чтоб вы, мужчины, без нас делали! Только командовать мастера.— Вздохнув, Клади достала из извечного женского сейфа согретую теплом девичьих округлостей скрутку тонкого пластика.— Бери и больше не теряй.

Сварог, лишь развернув рулончик и взглядевшись, окончательно поверил, что перед ним именно та самая карта. Бумага Ваграна. Да уж, признаться, охваченный подозрениями, он и думать не мог, что она...

— Как ты сумела?! — спросил Сварог, переводя восхищенный взгляд с бумаги на скромно потупившуюся баронетту.

— Потому что женщина,— лишний раз напомнила Клади.— Пока мужчины заняты своими играми с оружием, нам приходится проворно прятать компрометирующие улики. Видимо, природой заложено. Повезло, что вещица удобная, как раз поместилась.— Она не без умысла показала, где именно поместилась.— Я посмотрела бы на того солдата, даже из подчиненных старшего охранителя, кто осмелился бы обыскать Клади, баронетту Таго.

— Я восхищен вами, баронетта!

Сварог, отбросив всякие черные мысли, обнял баронетту и поцеловал, как во всех мирах целуют женщин, которых страстно желают. Черт, а он-то о ней такого напридумывал, кретин...

— А мы тут о тросы пачкайся,— долетело до них ворчание Пэвера.

— Чего их вытягивать, обрезать, да и дело с концом,— заметил Олес.

— Разговорчики, рядовой! — рявкнул Пэвер. И назидательно добавил: — Избавиться от чего бы то ни было, если это, ни болезнь и ни жена, всегда легко, юноша. Вот возвращать замучаешься.

— На земле бы ты называл меня «ваша светлость», — угрюмо огрызнулся князь, впрочем, без всякого высокомерия.

— Потускнела твоя светлость, рядовой, как неумолимо тускнеет все сущее...

— Да вы философ, мастер суб-генерал! — искренне расхохотался Олес.

А Сварог, прервав грозивший стать затяжным поцелуй, с картой в кармане направился в кабину, где и нашел совсем больного Рошаля.

Кабина по площади превышала кабину земного самолета раза в два. Очень узкое лобовое стекло имело почему-то салатный оттенок и несколько искажала видимость. Квадратные иллюминаторы-окна по бокам были точь-в-точь такими же, как и в салоне. Еще кабина насчитывала аж два штурвала. Сварог, присмотревшись, понял, как фиксируются штурвалы в определенных положениях: с помощью деревянных клиньев, вставляющихся в отверстия на поворотном колесе. Перед каждым штурвалом к палубе было прибито по креслу с высокими спинками.

В лобовом стекле порхали зеленоватые клочья облаков. Боковые стекла позволяли разглядывать землю, их дирижабль сейчас проходил над низиной со множеством коричневых болотных полей, окруженных лесом. Вдали Сварог разглядел прямую линию гати, по которой брел обоз из трех телег. Телеги горбились крестьянским скарбом, сбоку и сзади шли мужчины, женщины и дети. Смотрели под ноги, воздухоплавательный аппарат не замечали, иначе бы проявили хоть какое-то оживление. Наверное, снялся с насиженного места газдарский хутор,

движется к побережью. На что они надеются? Купить или выпросить место на корабле чужого государства? Успеть построить лодку и на ней если не доплыть до нового материка, то хотя бы попытаться отыскать пресловутые Блуждающие Острова?

А горизонт наливался багрянцем. Начинало смеркаться. Ветер свистел в тросах, крепящих гондолу к баллону, пел свою тоскливую песню...

Входя в кабину, Сварог задел головой знакомый «китайский фонарь», только не зажженный. Вот тоже задачка: скоро стемнеет и снаружи, и внутри воздушного судна, значит, надо разбираться, как врубаются эти «фонарики», братья которых остались в ангаре.

— Где вы пропадали?! — злым стоном встретил его старший охранитель, полулежа в одном из двух кресел.

Сварог опустил на второе.

— Молодого князя на борт втягивал.

— Олеса?! — поразился Рошаль.

— Его.

— Ладно, ну его, потом. — Охранитель скривился от приступа высотного недуга, обхватил руками голову. — Я с трудом держу курс, нас то и дело сносит...

— А куда вы курс держите, позвольте полюбопытствовать?

— Что значит — куда?! На Гидернию, разумеется! — простонал Рошаль.

Сварог внимательно посмотрел на старшего охранителя. Интересно, может ли высотобоязнь вызвать помутнение рассудка? И спросил проникновенно:

— А зачем нам туда? Мы же вроде на Острова собирались...

— А Гидерния что, по-вашему, не остров, что ли? — разозлился охранитель. — Не мешайте.

Я вас вытащил из кутузки, я и привезу, куда надо...

Сварог лишь недоуменно пожал плечами. Ну, Гидерния так Гидерния. Хотя — странно, конечно. И на кое-какие размышления наводит. К примеру, зачем выбирать такой сложный путь, чтобы выкрасть одного незадачливого короля из другого мира... Он поинтересовался:

— Компас-то здесь есть?

Вот тогда Рошаль и познакомил его с компасом необычного вида. Из навигационных приборов в кабине еще наличествовал альтиметр, как две капли воды похожий на каминные часы с одной стрелкой (только место циферблата занимала шкала, раскрашенная в семь цветов радуги, где каждый цвет означал определенную высоту), а также указатель силы и направления ветра, напомнивший Сварогу тестер электромонтера.

— Нас об землю не долбанет?

— Не должно. Давление газа в баллоне рассчитано. Если будем опускаться, придется выбрасывать балласт — свинцовые плиты в ящиках вдоль борта снаружи видели? А если потянет слишком высоко, стравлю газ из баллона. Проще простого. Ветер почти попутный, с ним легко забирать в сторону побережья... Вот, извольте, мы движемся к границе Газдаро с Шадтагом через провинцию Керн,— сказал Рошаль и бросил на колени Сварогу карту. Карта оказалась топографической.

Рошаль взглянул на указатель ветра.

— Ветер в четыре паруса*, можно обходиться без мотора.— От напряжения у него заслезились глаза.— Побережем уголь.

* Мера силы ветра. В «четыре паруса» примерно соответствует двадцати метрам в секунду.

Сварог оторвался от карты.

— А что у нас с углем, мастер Рошаль?

— Старший создатель убеждал, что на две земли* полета должно хватить. Это если жечь безостановочно, выжимая полную мощность. Если вы считаете, что нам этого достаточно, чтобы добраться до Гидернии, пожалуйста, заводитесь. Я бы пока доверился ветру.

— Я с вами согласен, мастер Рошаль. Нехай Гидерния.

Ощущение полета в дирижабле иное. Никакой вертолетной тряски или напряженной вибрации корпуса самолета. Дирижабль плавно скользит по воздушному катку, как яхта по легкому ветру и спокойной воде или трамвай по ровным рельсам. Конечно, с работающим мотором ощущения несколько изменятся. Внизу медленно проплывают земли и озера, вдалеке синеют горные пики...

— А э-тто еще что такое? — спросил Сварог.

Самый высокий пик был окутан плотным черным облаком, время от времени озаряемым беззвучными нутряными сполохами. Облако походило на исполинскую электрическую медузу, усевшуюся на гору. Дым ключьями сползал по склонам, обтекал льдистые уступы...

— Гора Краберен, — ответил Рошаль.

— Вулкан, что ли?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Никто не знает. Просто дым.

Сварог прикинул расстояние до пика и нахмурился. Облако на горе впечатляло своими разме-

* Земля — газдарская внесистемная мера длины, приблизительно равная двумстам пятидесяти лигам. Появилась благодаря преданию, в котором говорится об основателе династии Саутаров. Первый князь Газдаро — единственный, кто спасся с корабля, потерпевшего крушение вблизи нового материка. Расстояние, якобы преодоленное первым из Саутаров до берега, закрепилось в обиходе как «земля».

рами. И не просто впечатляло — пугало. Причем очень. Или здесь перспектива какая-то неправильная, или, случись извержение, жажнет так, что Везувий покажется детской хлопушкой... Вот так и наступает Тьма.

— И давно это — просто дым? — спросил он.

— С месяц, наверное.

— С месяц... А если рванет?

Рошаль опять передернул плечами:

— Так ведь обязательно рванет.

— А... Ну, да. Понимаю.— Сварог вернулся к карте.— Значит, под нами сейчас Кернейские топи. Скоро должна показаться Ро. Ага, я прав...

Сварог бросил взгляд в окно — вдали блестела серебряная лента воды. Вновь заглянул в карту.

— Много поселений, смотрю, среди болот.

Сварог не обращался к Рошально, просто высказывался вслух, но старший охранитель ответил, борясь с очередным приступом боли:

— Лишний раз власть не доберется. К тому же на болотах процветал доходный промысел. Сбор горького мха, настой которого обладает легким дурманящим действием. Предыдущий князь боролся со сборщиками и с любителями настоя. Почти все болотные хутора повыжег. Мы же не препятствовали, вот они снова и расплодились.

— Скоро пойдем над землями Шадтага. Города есть резон огибать.

— Зачем? Стрелы и пули до нас не достанут...— возразил Рошаль и утер со лба пот.

«Есть чему достать. Смотря какие люди захотят тобой заняться. Так что нечего попадать под лишние взгляды»,— подумал Сварог и предложил:

— А если набрать высоту?

— Видимость упадет из-за облаков. Как мы разберемся, где находимся?

«Это верно, с таким набором навигационного оборудования без привязки к местности не определишь, куда тебя занесло».

— Но все-таки, мастер Рошаль, от городов будем держаться подальше. Крюк так крюк.

— Тогда скоро придется запускать мотор. Нас несет прямо на Прогонт*. Отвернуть совершенно не сумеем, над окраинными селениями пройдем точно.

Наукой ларов в Сварога было вложено умение разбираться в незнакомых механизмах, но в данном случае не требовалось никаких особых умений. Все примитивно. Но примитивное не страшно, главное — чтоб надежно. Даже наличие двух штурвалов не поставило Сварога в тупик, что тут неясного: одним управляются вертикальные рули, другим — горизонтальные. Постоянное наличие двух пилотов обязательно лишь в ситуации маневра с изменением одновременно углов тангажа и рысканья. И какой бы необычной конструкции паровой движитель ни ждал Сварога в машинном отделении, покорение его много времени не займет. Если он исправен.

Дирижабль величественно достиг реки Ро, естественной границы Шадтага и Газдаро, пересек извилистую линию топкого, заросшего берега. Болотистая местность по обе стороны реки снимала необходимость в пограничных заставах, большим силам через топи не пройти, да и выгрузиться на такой берег — задачка еще той сложности.

У шадтагского берега крутилось несколько широких тупоносых лодок. Стоящие в них люди что-то вылавливали баграми из спокойной, стального отлива воды. Когда «Парящий рихар» оказался над ними, Сварог разглядел, какого

* Второй по величине город Шадтага.

рода рыбалкой заняты прибрежные жители. Они обыскивали утопленников. Один в лодке притягивал багром и придерживал утопленника у борта, другой обшаривал и раздевал. Судя по грузовой лодке, в которую сваливали улов, кле-вало сегодня хорошо.

«Рыбаки» заметили над собой летучий корабль, замелькали руки и багры. Один «рыболов» от испуга свалился в воду. И было бы смешно, да отчего-то Сварогу не смеялось.

— Вы знаете, как зажигаются светильники? — спросил он, так как этот вопрос становился своевременней с каждой минутой.

— Да. Приподнимаете фонарь, снизу за головку выдергиваете нечто вроде булавки. Вот и все.

— Долго горят?

— Около суток.

— Неплохо! Откуда ж такие?

— Гидернийские штучки. Каждый стоит, как стадо овец. Попытка разобрать приводит к воспламенению всего, что может гореть, в радиусе пяти каймов. Это чтоб никто другой на Атаре не разобрался, как они устроены...

— Ах, черт! Надеюсь, успею, пока никто из этих не додумался...

Успел в самый раз. Олес уже крутил в руках «китайско»-гидернийский фонарик, уже пробовал за что-то подергать. Рядом стоял Пэвер и с командирским видом давал какие-то советы. До беды оставались минуты.

— Отставить фонарь! — рывкнул Сварог из проема кабины. — На место его!

Бурча под нос «как дети малые, оставить нельзя, так и норовят разобрать, сломать, посмотреть, что внутри», Сварог пробирался узким проходом между ящиками, тюками, узлами.

Одна Клади порадовала шкиперский глаз. Одна она занималась делом. Но при вниматель-

ном рассмотрении стало ясно, что и ее дело явно застопорилось на ящике со свертками разных тканей. Цветастые рулоны с отмотанными краями образовали пеструю горку, на вершине которой восседала баронетта с невесть откуда взявшимися ножницами в руках. Ими прекрасная охотница вырезала треугольные образцы тканей. Наверное, чтобы после приставать к Сварогу: «Тебе какое платье понравится, из черного бархата в горошек или...» Тьфу ты, думать даже не хочется!

Клади, ни на кого не обращая внимания, тихонько напевала себе под нос:

Голубка моя,
Умчимся в края,
Где все, как и ты, совершенство,
И будем мы там
Делить пополам
И жизнь, и любовь, и блаженство.
Из влажных завес
Туманных небес
Там солнце задумчиво блещет,
Как эти глаза,
Где жемчуг-слеза,
Слеза упоенья трепещет...

Сказать откровенно, голос у нее был. Но и все равно! Бригада «Ух», ядрен батон! Надо было капрала-наемника на борт поднимать или сбегать за тем любителем табачка с городской заставы. Вот с кем можно летать на всем, что летает...

— Незнакомые предметы трогать и разбирать только по моей команде.— Сварог взял в руки фонарь, перевернул его, обнаружил круглую головку, потянул, вытащил нечто вроде короткой спицы — и фонарь вспыхнул ярким немерцающим светом.— Вот так и никак иначе. Иначе сгорели

бы к чертовой бабушке! Зажечь свет и всем заниматься работой. Работой, а не развлечениями! Всех касается!

Взгляни на канал,—

как ни в чем не бывало продолжала мурлыкать
Клади, поглядывая на Сварога,—

Где флот задремал:
Туда, как залетная стая,
Свой груз корабли
От края земли
Несут для тебя, дорогая.
Дома и залив
Вечерний отлив
Одел гиацинтами пышно.
И теплой волной,
Как дождь золотой,
Лучи он роняет неслышно...

Поглядывала Клади на него задумчиво и в текст песенки вкладывала какой-то свой смысл, но Сварогу сейчас было не до игр в гляделки. После с тобой разберемся... голубка моя.

Сплюнув в сердцах, Сварог прошествовал в машинное отделение, расположенное за дверью в самой дальней части гондолы. Зажег обнаруженные там фонари и в их свете рассмотрел установленную в середине паровую машину и два железных контейнера вдоль стен — с углем и водой. Перед холодной и раскрытой топкой ждали лопата и дрова для растопки.

— Рядовой Олес! — позвал Сварог, выглянув в дверь.

— Здесь, капитан!

— Вам доводилось иметь дело с лопатой? — встретил владетельного феодала вопрос.

— Шутить изволите, капитан Сварог? Я же как-никак князь...

— Тогда, душа моя, вас ждет приятное знакомство и новые удивительные ощущения.

— Да пожалуйста,— легко согласился Олес.— Что делать надо?

Сынок, конечно, балбес и разгильдяй, но особой фанаберии в нем нет. Или он глубоко ее задвинул, что тоже хороший симптом.

Промучавшись совсем недолго, Сварог запустил паровой двигатель. Машина распахтелась закипающим чайником, задорно расстучалась. Агрегат новенький, весь в смазке, с нулевым износом — небезосновательны надежды на исправную работу в течение одного полета.

Князь-кочегар расшустрился не на шутку, лопата пришлась ему по вкусу, видимо, помогала выплеснуть за борт избыточную энергию.

— Ты смотри не увлекайся,— Сварог пощелкал по манометру.— Чтоб стрелка вот за эту черту не заходила,— и он ногтем провел невидимую черту поперек циферблата.

Так, блин, и летаем — пальцем направление указываем, ногтем оптимальное давление отмечаем...

Вот что не было продумано конструкторами, так это связь между кабиной и машинным отделением. Команды «полный ход», «малый ход», «жарь на всю катушку» и так далее придется подавать голосом, а, значит, кому-то выпадет бегать туда-сюда.

Где-то снаружи сейчас должны были начать вращение лопасти пропеллеров. Теперь бывший старший охранитель короны Гаэдаро, а нынче пилот первого класса Гор Рошаль сможет пролететь мимо любого города. Даже мучаясь агорафобией... Вот только курс держи отчего-то на Гидернию. Тоже ведет какую-то свою игру? Не похоже. Такое ощущение, скорее, что он под гипнозом. Гипнозом? Хм, интересное кино получается... Сварог вышел в салон.

— Капитан, ужин заказывали? — Клади провела рукой над скатертью из отреза толстой ткани, на которой были разложены сухие лепешки, вяленое мясо, сухофрукты, халва, орехи и некие непознанные Сварогом продукты.— Стол накрыт.

А кушать-то хоца. Не говоря уж о неоспоримой пользе сего занятия. Ладно, пилот первого класса может и подождать. Пусть себе покамест рулит на Гидрению.

Вспоминая капитана Кучина, Сварог предположил, что Гор Рошаль какое-то время сможет справиться с болезнью, а значит, и с управлением дирижабля, вот потом высотобольнь положит измученный организм на обе лопатки. Потом мастеру Рошалю, наверное, станет совсем хреново.

— Ну что, покорители воздуха, давайте трапезничать,— Сварог присел к дастархану.

— Из напитков на борту обнаружены бочонки с водой и вином...

— Что, в сущности, одно и то же,— встрял в доклад баронетты Пэвер.

— Я пообещала, что облегчу наш корабль на винные запасы, если кое-кто дотронется до бочонка без разрешения шкипера,— поведала строгая баронетта.— А если он посмеет упорствовать, то и на одного старого пьяницу.

— Женщина,— выпятил грудь Пэвер,— я командовал батальоном при битве на Седле Единорога, а вы еще в это время «агу» не могли связно сказать!..

— Сегодня пьем воду, стратонавты. Для желающих могу сотворить кофе, не более того,— твердо сказал Сварог. Конечно, он и сам был бы не против стаканчика доброго перебродившего сока, но — командир должен подавать пример. Пэвер, идейный сторонник эпикурейства, вполне способен нешуточно разойтись. Возись с ним потом. Проще вовсе не начинать, чем потом бороться с

последствиями.— Хочу поделиться кое-какими соображениями.

Сварог задумал не просто отвлечь экипаж от неуставных мыслей, но и действительно поговорить о деле. Вытерев испачканные халвой пальцы о край скатерти, Сварог развернул Бумагу Ваграна и прижал ее углы автоматными патронами.

Где-то снаружи негромко чихнуло, еще раз, потом раздалось приглушенное тарахтенье, дирижабль качнулся, и под мерный стрекот лопастных винтов «Парящий рихар» поплыл наперекор воздушным течениям.

— Наш brave пилот отчего-то решил, что мы летим в Гидернию,— сказал Сварог.— И недрогнувшей рукой ведет машину именно туда. Не знаю, как вам, а мне хочется на Острова.

— В Гидернию? — удивился Пэвер.— Его ж там повесят первым делом! Спятил охранитель, что ли...

— Глупости! Никто никого там вешать не станет... А ты собирался на Острова? — поинтересовалась Клади и внимательно посмотрела на Сварога.

— Ну да, мы же вместе собирались! Хотя, если в этой вашей Гидернии найдется дверца на Тропу, я обеими руками за.

— Гидерния — самая развитая страна на Атаре,— напомнила Клади.— Может, они что-нибудь и придумали уже.

— Надеюсь... А я бы все же двинулся на поиски Островов. И вот смотрите, что придумал ваш храбрый капитан по этому поводу.— Он помолчал, собираясь с мыслями: рассказывать, не рассказывать? И решил рассказать. Хуже уже не будет.— Даже если мы захотим на этом красавце допорхать до Граматара, нам все равно потребуется посадка. Запастись едой, углем, водой. Потом, нет никакой уверенности, что мы правильно разберем-

ся, где этот новый материк всплывает. А если и разберемся, то что нас там ждет?.. А вот ежели отыщем Острова — это докажет, что мы верно читаем карту. Теперь о чтении карты. Смотрите. Видите эти два пунктира? Два эллипса, Атар огибающие...

— Я бы так обозначил течения.

— Именно, мастер Пэвер! Именно течения. И другие пунктиры, по моему разумению, тоже обозначают течения. Но есть некая отличительная особенность конкретно у этих пунктиров. Во-первых, замкнутость. Во-вторых, проследите глазом по всему эллипсу, видите? Как бы утолщения, заштрихованные кружки на линиях. Что это? Я подозреваю дрейфующие острова. Дрейфующие по течению, как планеты по орбитам, и, как планеты, своих орбит не покидающие. И если мы пройдем по одной из пунктирных линий от и до, то рано или поздно отыщем остров.

— А если ваши выкладки неверны? — скептически покачал головой суб-генерал.

— Тогда возвращаемся на материк, пополняем запасы и прокладываем новый маршрут.

— Я еще далеко не все разобрала, но продуктов князь припас достаточно, чтобы летать без посадки месячишко-другой. А если добавить ваши чудодейственные умения, граф Гэйр...

— Уголь, к сожалению, я добывать не умею, баронетта.

— А как мы определим, что вышли на пунктирную орбиту? Вряд ли на морскую воду нанесены штришки, — в очередной раз атаковал сомнениями Пэвер.

— К сожалению, с навигационными приборами на княжеском корабле дело обстоит не так замечательно, как с модными тканями, — ответил Сварог и подмигнул Клади. — Масштаб карты мы

примерно определить в состоянии. Далее прикидываем скорость нашей машины, выходим на предел, за которым точно уже не может лежать условная линия дрейфа, и начинаем барражировать синусоидой вокруг Атара, пока не увидим Остров. Может быть, придется помучиться, но способ должен сработать. Если, еще раз повторяю, прочтение карты верно и никто, кроме бравого Рошаля в Гидернию не собирается.

Он посмотрел на Клади. Та сидела, опустив глаза.

— М-да.— Пэвер явно не склонен был впадать в оптимизм.— Но, с другой стороны, что мы еще можем предпринять? Разве что ринуться на поиски новой земли, гораздо более далекой во всех смыслах, чем ваши Острова, или, зависнув над Атаром, дожидаться катастрофы, чтобы своими глазами убедиться в ее достоверности. Как верно заметил однажды полковник Некуази в «Книге распахнутой мудрости»: если ты вынужден выбирать между туманами, входи в тот, что ближе к твоему дому.

— Так что, поворачиваем все же на Острова? Пойду скажу, чтоб менял курс.

— Граф, а ведь вряд ли на Острове нас примут с распростертыми объятиями...— беспокойно вскинула глаза Клади.

— Мы всегда сможем оттуда свалить,— успокоил Сварог.— Подбить нас на подлете? Не должны. Если они так могущественны, как гласят легенды, то испугаться им не позволит самоуверенность, должно возобладать нормальное человеческое любопытство. А если там живут дикари, то им не из чего будет нас подбить.

Сварог не был убежден в безукоризненности своих выкладок. Зато в следующее слово он вложил искреннюю свою убежденность:

— Выпутаемся.

— Между прочим, о легендах,— сказал бесхитростный Пэвер, давая в ладонях ореховую скорлупу.— Я когда-то занимался этим вопросом и от моряков наслушался прорыву историй о Блуждающих Островах. В некоторых упоминалось о землях, что показываются в один и тот же день на одной и той же широте. Веры таким байкам, конечно, сами понимаете... К тому же ни одна ж не рассказывалась на сухую. Кстати, мастер Сварог,— вспомнил Пэвер о еще одной проблеме,— как быть с тем, что вас принимают за тагорта и юный князь, и охранитель?

— Князю, смею вас заверить, все равно, тагорт я или кто-то еще,— ответил Сварог и поставил на скатерть сотворенную им чашечку кофе.— Он отнесется к новости с полнейшим своим равнодушием... Чего трудно ожидать от мастера Рошаля. Поэтому, сдается мне, нет нужды раньше времени оповещать и того, и, заодно, другого. Как-нибудь найду подходящее время удивить.

— Вспомнил,— в кулаке Пэвера хрустнула очередная скорлупа.— Орешков не желаете, баронетта? Готов наколоть. Так вот. Некий шкипер Урташ, с кем бы я не рекомендовал сталкиваться на морских просторах, но у которого просто не хватило бы воображения сочинить самому даже банальную историю про гигантского змея, так вот он поведал о том, как вел свой корабль, потрепанный в некоей морской стычке, к некоему острову. Остров неожиданно показался... Именно остров показался, поскольку посудина Урташа лежала в безнадёжном дрейфе...

Все трое вскочили на ноги.

Гондола сотряслась от удара. Одно из окон-иллюминаторов треснуло, Сварог первым оказался около него. По стеклу разбежались трещины, текла кровь...

— Что это?! — прошептала Клади, оказываясь рядом.

Сварог отпрянул, сработав на рефлексах, толкнул Клади и прикрыл ее собой, когда темная масса, спикировав откуда-то сверху, вцепилась в окно. Стекло опять выдержало, лишь дало новую трещину, а темная масса провалилось вниз. Сварог успел ухватить взглядом, что это было. Расплатанные крылья, клюв и бусинки глаз... Птица.

Все иллюминаторы с этой стороны гондолы задрожали от ударов снаружи. Черные тени заполнили фиолетовое небо. Птицы одна за другой вбивали свои тела в окна. Только в окна...

— Свет! — догадался Сварог.

— Надо погасить фонари!

— Эти чертовы фонари погаснут через сутки! — крикнул Сварог и подхватил с пола автомат.— Клади, накрывай их тряпками!

Выбросить лампы — погрузить себя на ночь во мрак. Никак не годится.

— Пэвер! Сюда! — Сварог, по дороге подобрав и сунув в карман карту, распахнул дверь гондолы, закрепил ее на крюке.— Держать будешь! За пояс! Нежно держи!

Прежде чем Пэвер добрался до Сварога, десантник, лар и воздухоплаватель короткой очередью прошил темный птичий силуэт в дверном прямоугольнике. Как из взрезанной подушки, разметало по сторонам перья. В раскрытый проем с холодом и ветром врывались истошный клекот и хлопанье крыльев.

Спихнув носком сапога с комингса черную тушку не больше сорочьей, ухваченный за ремень Пэвером (другой рукой тот вцепился в поручень) Сварог тут же открыл огонь.

Бить можно было только по сторонам и вниз. И ни в коем случае вверх — бока баллона нависали над гондолой, и продырявить их было проще

простого. Ладно еще, если в таком случае они всего лишь начнут терять высоту, сядем как-нибудь более-менее мягонько. А ну как закачан водород — бабахнет не приведи господь! Сомнительное счастье разделить участь детища герра фон Цеппелина по имени «Гинденбург»...

Работа лара и десантника Глебу Жеглову пришлось бы по душе. Короткими очередями Сварог сбивал птиц, яростно бьющихся в иллюминаторы по одну сторону от двери, поворачивался и расстреливал атакующих кормовые иллюминаторы гондолы; потом снова стрельба по пернатым, взламывающим лобовые иллюминаторы, потом перевод огня на стайку, пока еще сопровождающую дирижабль...

Хорошо, сбесившиеся птахи заходят только отсюда. На другой стороне гондолы тоже имелась дверь, но путь к ней пришлось бы расчищать от княжеского хлама. Впрочем, Сварог догадался, почему так происходит: ящики и тюки, наваленные у противоположной стены, закрывали иллюминаторы, как светомаскировка.

Спикировавшую сверху птицу Сварог отбил прикладом, и, когда та, выделявая фигуры высшего пилотажа, пошла в лобовую атаку, встретил очередью. Оказалось, последней очередью. Запасного магазина не имелось. Оставался неистощимый шаур. А шаур остался у Рошалья...

Запирая дверь, Сварог окинул взглядом воздушные окрестности. И выругался незнакомыми Пэверу словами. Снизу надвигалась туча, меняющая свои очертания, разбивающаяся на точки. Если первая атакующая волна, частично рассеянная Сварогом, насчитывала десятки крылатых особей, то тут пахивало уже сотнями, если не тысячами. Отменной заварушкой, в общем, пахивало.

Сварог захлопнул дверь. Клади оставалось затемнить еще пару светильников, но на них време-

ни не было. Первый фонарь сорвал с крюка Сварог, второй вытащил из зажима на стене Пэвер — и оба одновременно, приоткрыв на секунду дверь, вышвырнули непотушенные «китайские фонарики». Может, и поможет...

Теперь гасить свет в кабине и забирать шаур.

— Эй! — послышался голос Олеса, и молодой князь оранжевым прямоугольником обозначил вход в машинное отделение — там иллюминаторы отсутствовали. — Что у вас за свистопляска? Помочь?

— Ты на машине до приказа «отбой»! И дверь закрой! Клади! — Прежде чем позвать баронетту, Сварог включил «кошачье зрение». Впрочем, полной темноты в салоне не получилось. А получилось что-то неуместно неприличное. Накрытые толстой материей фонари напоминали «ночники», они погрузили салон в интимный полумрак, отчего и само слово «салон» приобретало двусмысленность. Если птах привлекает и такой свет, если продолжают ломиться, тогда придется избавляться от всех фонарей. Однозначно и быстро.

— Да чтоб тебе в пах прямой наводкой бах!... — зацепившись за что-то, загремел на пол Пэвер.

— Клади! Завешивай окна! Пэвер, помогай! — Сварог уже шел к кабине. — Дьявол, оружия мало! Ведь князь, как пить дать, его припас...

— Я наткнулась на мечи. Четыре. Они в ковер завернуты...

— Покажи генералу, где лежат! Хоть что-то...

В кабине было темно и без Свароговых указаний. Рошаль тоже сообразил, что к чему, и избавился от фонарей. Вот только как? Оглядевшись, Сварог догадался — по полосе света, пробивающуюся в щель из-под крышки ящика на полу. В ящике хранилась всякая мелочевка вроде гаечных ключей, ветоши и запасного компаса, туда же охранитель пристроил чертовы «китайские фона-

рики». Еще Сварог обнаружил на левом бортовом иллюминаторе отверстие, похожее на пулсвос. Какой-то пернатой твари удалось-таки пробить стекло, но оно не разлетелось вдребезги — все-таки неплохие стеклышки приобрел князь. За окнами темнело на глазах, можно начинать отсчет ночному времени. А справа по ходу, на вскидку — кабелотах в сорока, полыхало зарево.

И еще какое зарево полыхало справа по ходу! Гореть так не мог ни дом, ни деревня, ни даже лес. Пожар охватывал невероятных размеров площадь; создавалось впечатление, что языки пламени взлетают чуть ли не на высоту дирижабля.

— Это Пангерт, — слышался ослабевший голос старшего охранителя. Рошаль скрючился в кресле и дрожал, как от озноба. — Древняя столица Шадтага, лучший город на Атаре. Храм сорока богов. Архив Истефана. Жемчужный Дворец. Вы видите, во что они превращаются...

Старший охранитель никак не напоминал сейчас того человека, к которому Сварог привык за сегодняшний день. Кто бы мог предположить, что обер-полицейский Гаэдаро, наводивший ужас на обывателей и действительно державший страну в железном кулаке, может выглядеть как обыкновенный человек, раздавленный болью...

— Мастер Сварог, я долго не выдержу. Садитесь на мое место. Голова разламывается. Что-то совсем... Водяная смерть, какая боль! Да. Мастер Сварог, взгляните... Собаки... Такими их я никогда не видел. Что с ними?

Собачий скулеж Сварог, разумеется, слышал, протяжный и заунывный, скорее не скулеж, а вой. Но на псов Гора Рошаля взглянул только сейчас. Все три собаки забились за второй штурвал, прижались к стене и друг к другу, царапали лапами палубу и завывали, задирая головы.

— Может быть, чувствуют, что хозяину плохо...

— Нет,— жестко, напомнив самого себя, перебил старший охранитель.— Эти собаки до такого жалкого состояния дойти не могут. Взгляните на них, взгляните им в глаза, внимательно взгляните. Там страх. Им страшно. Но эти собаки не умеют бояться, мастер Сварог. Их не успокаивает даже мой голос. А это невозможно, поверьте мне...

— Пожар пропал,— вдруг сказал Сварог. Сказал то, что видел. Был пожар — и нет.

— То есть как? — Рошаль повернул голову к окну. И увидел то же, что Сварог. То есть ничего, кроме ночного, непроницаемого мрака.

Непроницаемого даже для зрения Сварога. Обступившего со всех сторон. Словно они попали в грозовое облако. Но чтобы в него попасть, облако это должно надвигаться, приближаться. Тут же...

Дирижабль подбросило, словно он попал на ухаб, и следом его словно подтолкнули в бок. Сварог удержался на ногах, схватившись за штурвал. Рошаль вцепился в спинку кресла. Собаки с лаем заметались по кабине, бросаясь на стены. Собаки зашлись в лае. И лай внезапно перешел хрип.

После чего Сварог включил «третий глаз».

Глава четырнадцатая,

**короткая, которая могла стать еще короче,—
если вообще не последней**

В «магическом зрении» это выглядело как завораживающий и отталкивающий хаос. Туча, развернувшаяся в бесконечность и сотканная из разудалого пляса геометрических фигур. Угольники, прямоугольники, многогранники, ломаные кривые, узоры и сплетения. Но не единой плавной фигуры. Да, силы, не любящие свет, не любят и плавные линии. В чертах, творящих эту геометрию, Сварогу почему-то почудилась проволочная

твёрдость. Некоторые линии и фигуры складывались в неведомые письмена, иероглифы, знаки — или так казалось, что складываются.

Это притягивало и слепило, это мешало. Сварог убрал «магическое зрение», и в реальности геометрический танец заменила грозовая, клубящаяся чернота. Клубы словно облизывали стекла, но через «пулевое» отверстие на стекле в кабину ничего не просачивалось. И то спасибо.

А потом вдарил громовой раскат, встряхнувший машину и оглушивший людей, а тучевое скопление вокруг дирижабля зажглось нитями молний, будто раскалилось на мгновение миллиардами вольфрамовых спиралей. Молниевый удар походил на чудовищную вспышку фотоблица, охватившую огромную территорию. Он высветил землю под ними и далеко впереди. Как оказалось, это был первый приступ грозы, но далеко не последний. А если баллон наполнен горючим газом и хоть одна молния...

И тут же, словно гром и молнии послужили неким сигналом, их с немыслимой, невозможной скоростью рвануло вперед. Если б на борту стоял спидометр, настроенный на здешние освоенные скорости, его бы зашкалило в один момент. Хуже того: обнаружилась и другая напасть — «Парящий рихар» прибывало к земле, что услужливо фиксировал альтиметр.

— Попали, твою мать! — рявкнул Сварог и одним ударом загнал в пазы клин, стопоря штурвал управления по горизонту. Держать направление по компасу утеряло сейчас всякий смысл. Гадать и выспрашивать, что за хренотень творится вокруг, не было ни времени, ни особого желания.

— Вверх... сбрасывайте балласт... — прохрипел Рошаль, вывалился из кресла, дополз и прижался к борту дирижабля. Собаки прильнули к нему, уткнули морды в складки его балахона. Они уже

не дрожали — они заходились в трясучке. И не скулили, не выли, лишь тяжело дышали.

Сбросить балласт. Свинцовые плиты в ящиках, прикрепленных к днищу гондолы по всей площади... Рошаль предлагал один из двух выходов, которые видел и сам Сварог: или попробовать выйти из грозового фронта, забравшись выше его, или резко уйти вниз, вынырнуть из туч и попытаться посадить машину более-менее аккуратно — если там, внизу, ветер слабее.

— Как его сбросить? — перекричал Сварог раскат грома.

— Люк... Где коврик... — услышал, когда отгремело.

Сварог понял, о чем говорит старший охранитель: коврик возле штурвала горизонтальных рулей.

Они будто ухнули в яму. Внутренности свело, Сварог невольно присел. И на корточках добрался до коврика. Содрал его, откинул крышку люка. В углублении блестели три ряда скоб. Сварог выдернул все, одну за другой. Если скидывать балласт, то весь без остатка, чтоб резко взмыть вверх. Существует опасность, что на высоте давление внутри баллона разорвет его в клочья, но думать об этом было занятием бессмысленным.

Не взмыли. Ни резко, ни вообще. Их и дальше тащил за собой, тащил в себе грозовой шторм, прижимал к земле, забавляясь дирижаблем, как игрушкой. Отказывать себе в удовольствии доиграть до конца стихия не собиралась.

— Ну, это мы еще посмотрим, — проворчал Сварог и, широко расставляя ноги (дирижабль стало раскачивать, как лодку на волнах), направился к Рошально.

Последовало падение в очередную яму, затем дирижабль подбросило вверх, а Сварога швырнуло на Гора Рошалья. Упав, он случайно столкнул

со старшего охранителя тело собаки. Уже бездыханное тело. О господи, не только эта, но и все собаки мертвы! Какой же ужас должен быть заключен в иссиня-черных клубках? Сварог способен видеть магическую сущность объектов, но не может ее ощущать. На свое счастье не может. Собаки могли — и вот они уже остывают...

— Рошаль! Гор Рошаль, чтоб тебя!..

Чертового охранителя короны пришлось трясти за плечо. Наконец Рошаль открыл глаза, мутным взором уставился на Сварога, потом собрал все-таки в кулак остатки воли и разума.

— На задней стенке кабины. Рукоять... Круглая... Выдвигается на себя...

Рукоять Сварог нашел без труда. Бронзовая, похожая на дверную. Рванул, вытянул до упора, до конца, отпустил. Никакого манометра, показывающего давление в аэростате, конечно же, не найти. Все предлагалось оценивать на ощупь, на слух, на нюх. Итак, будем считать, что где-то открылся клапан, газ благополучно выходит в атмосферу и, по идее, «Парящий рихар» должен начать очень быстренько снижаться.

— Мастер Сварог!

— Граф Гэйр!

Магниевые вспышки молний участились. Очередная высветила у дверей кабины две фигуры — Клади и Пэвера.

— Пэвер! — заорал Сварог. — Нужно добрать-ся до Олеса! Передайте, чтоб поднял давление до максимума! Мы должны выжать предельную скорость!

— Вас понял! — рывкнул в ответ Пэвер. — Чтоб мне суши не видать...

А Сварог уже сидел в кресле перед штурвалом высоты. Судя по альтиметру, они сейчас в трехстах каймах от земли. И снижаются не быстрее, чем прежде, несмотря на открытый клапан.

Просчитываем события, заглядываем вперед. Если их будет придавливать с той же скоростью и неумолимостью, то в предельной близости от земли можно попытаться сесть на брюхо, забирая на полной мощности мотора вверх, преодолевая пресс грозовой массы. Что ж, похоже, это единственный способ...

Хотя... Погоди, погоди... Единственный, говорите... Безднадега, говорите, игрушка в руках разбушевавшейся стихии...

План не план, но некий эскиз того, как приземлить этот монгольфьер с пропеллером, в общих чертах прорисовался. Безумие, конечно, самоубийство, но ничего более умного Сварог придумать не смог. Их так и так долбанет оземь, а никаких магических штучек, чтобы противостоять грозе, у него не было...

Клади пересекла кабину, оказалась за спиной Сварога, ухватилась за спинку кресла.

— Мне что делать?!

— Сейчас, сейчас, минуточку... — Сварог вскочил. Для начала закрыть клапан, незачем расходовать газ, план помнялся. — Так, баронетта...

Договорить Сварог не сумел. Ослепительная вспышка молнии высветила окрестности на несколько кабелотов вперед и вокруг. И Сварог увидел. Увидел, куда несет их машину. Клади, заметив, как он дрогнул лицом, обернулась юлой — и тоже увидела...

Прямо по курсу стеной вставали горы. На расстоянии примерно (поди определи точно!) сорока кабелотов полета и жизни. При их кошмарной скорости — в запасе минут пять. Грозовой шторм целеустремленно гнал дирижабль на камни, и вряд ли он утихнет или передумает. Сварог бросил быстрый взгляд на альтиметр. Стрелка идиотской цветовой шкалы по-прежнему болталась в желтом секторе, значит, высота от двухсот до трехсот

каймов. Зло, чуть не вырвав с корнем, Сварог опять рванул на себя бронзовый штырь, открывающий клапан стравливания газа. Хотя клапан этот теперь, скорее всего, уже ничему не поможет и не помешает.

— Все...— Клади не рыдала, не истерила, но лицо и голос ее потухли. Так бывает, когда не видишь выхода и смиряешься с неизбежным.— Я должна тебе сказать...

— Потом. Будет время. Слушай меня внимательно.— Они смотрели друг на друга, держась за спинку кресла. Одной рукой Сварог обнял Клади.— Помнишь якоря возле люков для выброса тросов?

Дирижабль — это вам не самолет, который сдвинет с места лишь сила его собственных моторов. Дирижабль якорят, чтобы его не сдуло с места приземления, не унес ветерок. И якоря, ясное дело, входили в комплект «Парящего рихара». Более того: якоря были крепкие, добротные, с толстыми лапами и острыми жалами — Сварог рассмотрел их, когда вытягивали гайдроп с молодым князем.

— Бери Пэвера и Олеса. Бросайте якоря. Потом все втроем в машинное отделение.

Конечно, в машинное отделение. Когда зацепится первый же якорь, в салоне смерчем закрутится багажный шабаш. Зашибет обязательно — не Рошалевым сундуком, так князевым ящиком.

— Врубайте полный назад, я Олесу показал, где рукоять переключения, и крепко держитесь за что-нибудь. Все. Вот что мы можем.

— Поняла и ушла,— сказала Клади и так быстро, как позволяла болтанка, бросилась из кабины.

Сварога ждала своя программа действий. Он поднял с пола Рошала, хлесткими пощечинами привел в себя.

— Давай, прокуратор, жги последние волсовые резервы,— сказал Сварог, когда Рошаль раскупирил вски.— Ноги переставлять сможешь?

Тот кивнул.

Сварог поволок главного чекиста Газдаро в салон. Интимного полумрака в пассажирско-багажном отсеке уже не было — кто-то из экипажа сорвал с двух фонарей светомаскировку. Действительно, какие там птички! Птички уже давно как казались не злом, а всего лишь досадной помехой.

Экипаж с поставленной задачей справлялся. Один якорь уже скинули, виток за витком разматывалась бухта троса. Вот Пэвер нацепил якорь на второй крюк, которым оканчивался каждый трос, щелкнул фиксатором и вышвырнул его в распахнутый люк. Заторопился к следующему тросу, спотыкаясь и падая. Молодцом работают. Без суеты и нервозности. У Клади вышла в нешироком отверстии путанка из плохо уложенного троса, она, недолго думая, ногой пропихнула «бороду» в люк, а затем протолкнула бухту целиком. Олес подбадривал себя солсными ругательствами вперемешку с жаргоном.

По салону уже ездили ящики, перскаtywались тюки, что-то дребезжало, стучалось и валилось. «То ли еще будет, ой-ой-ой...» — некстати прокурлыкала в его голове Алла Борисовна.

— И сразу бегом в машинное! — крикнул Сварог, распахивая заднюю дверь салона.— Живо!

Сварог уже не придерживал Рошаля, а тащил. Охранитель вновь отключился. Ясно, что его доконала не только болезнь высоты — на агорафобию удачно наложилось это светопреставление с магической подкладкой.

Забросив Рошаля в машинное отделение и оставив его на полу, Сварог подобрал лопату, влез на емкость для воды — огромный железный

ящик — и черенком сдвинул щеколду на крышке люка. Откинул крышку... Водяная смерть, как они тут выражаются! Печенки какого-то там Навака вам в глотку и мать вашу в перехлест через клюз! Под завязку! Сейчас свободного места в емкости было всего на треть кайма от верхней грани. Ну нет, врагу не сдастся наш гордый «Рихар»...

Спрыгнув вниз, обошел ящик с запасом воды для охлаждения парового двигателя. Ага, вот он, родимый. Хорошо что все новенькое, кран не проржавевший. Крутанул вентиль, тот пошел легко-легко. Из жерла трубы на пол машинного хлынул поток. Сварог открутил кран до упора.

Ворвался экипаж.

— Наверх!!! Быстро!!! Лезть внутрь!!!

Что-что, а командовать Сварог умел. А что такое есть уметь командовать, товарищи новобранцы и прочие штатские? Это значит мочь сказать так, чтоб даже у самого последнего интеллигента не возникло желания сомневаться, спорить и переспрашивать.

Первым, ловко подтянувшись за верхний край, наверх взобрался Олес. Втянул Клади. Пэвера посадил подоспевший Сварог.

А Рошалья он сначала охлопал. Отыскал шаур и переложил себе в карман. Побаловался охранитель — и будя. Возишься с ним, как с раненым комиссаром, и еще законное оружие законному владельцу не возвращай, так, что ли? И вот только после Сварог поднял мастера Рошалья на руках, передавая Олесу и Пэверу.

— Живее там, лезь в воду! Клади, докладывай уровень воды!

— Пол-кайма от верха! — тут же отозвалась баронетта.

Дирижабль задергался. Так дергается спиннинг, когда блесна продирается сквозь водоросли. Толь-

ко сейчас не блесна, а якорь цепляется за деревья, землю, камни, за все подряд, ищет прочного, несъемного зацепа.

— Кайм! — донесся из квадратного отверстия емкости голос баронетты.

Его экипаж уже полностью исчез за стенками железного ящика. Сварог же собирался дождаться, пока воды внутри останется половина, и завинтить кран. Но уже не успеть, через несколько секунд якорь прочно вгрызется лапами в какой-нибудь ствол, вросший в почву тысячами корней, а следом еще пять якорей вонзят жала, и такая пойдет карусель...

Сварога швырнуло на паровую машину, когда он уже закрутил кран. Шандарахнуло о какие-то железки. Нет, хватит ползать. Его не скинуло с ящика только потому, что при первом, сравнительно слабом рывке он успел упасть на живот и вцепиться в край открытого люка. Второе сотрясение дирижабля оказалось именно таким, какос Сварог и предугадывал при зацепе якоря за несдвигный объект.

Дверь машинного отделения к чертям сорвало с петель. Паровой двигатель мотыльнуло в креплениях, сдвинуло основание трубы — из щели, шипя, как двадцать тысяч змей, ударил пар. Дирижабль крутанулся волчком, и, пробив деревянную переборку между салоном и машинным отделением, в машинное влетел один из княжеских ящиков — влетел, чтобы удариться о емкость с запасом угля и разлететься в щепы. Из салона донесся душераздирающий треск: как пить дать, вырывает с корнем крепезж троса в полу гондолы...

Сварог проехал на животе вперед, но наверху удержался и, поймав паузу, нырнул в емкость с водой, закрывая крышку. И до пупа погрузился в воду.

— Здравия желаю, экипаж, как настроение? — Командир должен не терять присутствия духа.

— Мокрое, — отозвалась Клади.

Охранитель очухался. «Кошачий глаз» позволял Сварогу видеть, что происходит в темном железном нутре. Рошаль наклонялся, опускал голову в воду, отфыркивался. Очухался, стало быть, но приглядывать придется, раз взялся спасать Рошалеvu жизнь. Клади — о женщины! — ощупывала костюм на предмет прорех. Пэвер морщился и поглаживал под водой ушибленное колено.

Олес вдруг пропел:

Корабль плывет, толпа кричит!
Оставить рады мы
И церковь, и родимый дом!
Зеленые холмы!

— И ради этих удовольствий я покинул погреб и девочек, — тяжело вздохнул суб-генерал.

— То ли еще будет, — пообещал Сварог. Понятно, он не собирался никому рассказывать о том, что лары, одним из которых Сварог имел удовольствия быть, не могут разбиться. Потому что тогда пришлось бы врать, что и друзья ларов, падающие бок о бок с ним в железном ящике, тоже обязаны не разбиться. Впрочем, и с ларами, которые в воде дышать умеют, что сейчас вдруг оказалось неожиданно кстати, в последние дни творятся странные вещи. Взять хотя бы не самоуничтожившийся шаур или произвольно сползающую личину. Последние дни приносят грустные открытия, господа, как бы тенденция, однако, не продолжилась...

А Олес все надрывался:

Вот солнце слева из волны
Восходит в вышину!
Горит и с правой стороны,
Спускается в волну!

А пока продолжились потрясения в прямом смысле слова. Дирижабль швыряло из стороны в сторону. Над головой гроыхало и рушилось, железный грохот сотрясал стены их вместилища, воду бултыхало, как в стакане, который крутят в руке. Сварог мог представить, что происходит: якоря схватились, грозовая буря со всей дури толкала машину вперед, попутно открытый клапан аэростата стравливал газ, понижая высоту, винты — если до сих пор еще работали на реверс, то как могли снижали скорость, пару тросов, наверное, выдрало к едрене фене вместе с частью гондолы, проделав в палубе пробоины, в которые, как из распоротого брюха акулы, вываливается в ночь всяческое барахло. Якоря вырывало то один, то другой, может быть, вместе с деревьями, с пластами земли, однако они снова и снова цеплялись за что-то другое, сбивали проклятую скорость. Но главное, дирижабль приближало, пригибало к земле — это ощущалось желудками. И скоро они должны или врезаться в горы, но уже не на всем скаку, или заскрипеть брюхом дирижабля по лесным кронам, каменистым буграм, густой траве или что там еще у вас внизу...

— Ну, держитесь, ребята, — предупредил Сварог, отплевавшись водой. — Сейчас шаракнет будьте-нате. Но зато это последний аттракцион...

Ребята, которых мотало от стенки к стенке, единогласно, пожалуй, голосовали пусть за самый нервотрепный, но уж чтоб точно последний аттракцион.

И они на нем прокатились. Дирижабль резко клюнул носом, и тут же над головой рвануло, как атомный взрыв. Ясное дело: лопнула оболочка аэростата — хорошо хоть, давление в нем уже упало. Людей в ящике швырнуло к передней стенке, сбивая в кучу, но вода смягчила и этот удар.

А потом их ящик куда-то съезжал и переворачивался, замешивая коктейль из людей внутри. Что-то сыпалось, барабания по верхней крышке, что-то трещало и рвалось со всех сторон.

«Лишь бы крышка оказалась не внизу», — заклинал Сварог.

Их, с позволения сказать, катапульта наткнулась на что-то, приподняла задницу, опустилась — и замерла.

Крышка оказалась внизу.

Глава пятнадцатая

Кто рано встает...

Зубастые серебряные звездочки пробивали в железном листе аккуратные продолговатые отверстия. Вода дырочки находила и прилежно вытекала на волю из железного заточения. Сварог спрятал шаур. Можно, конечно, и дальше палить, пока не отстреляешь отверстие шире самой широкой головы в их компании, но не лучше ли для начала попробовать что попроще, что побыстрее?

Пустой железный ящик и ящик заполненный — это, знаете ли, две большие разницы. А если ящик еще и положен не на ровное — допустим, бетонное — покрытие, а на рельефное — допустим, камушки и кочки, — то ящик изнутри запросто можно раскатать толпой и скантовать. Что они и проделали. Благо все были живы.

Громыхнув, обезвоженная емкость разок перекатилась, и люк очутился сбоку. Теперь наружу можно выбираться вполне комфортно.

Они выбирались и попадали под ночь. Под беззвездную теплую ночь. Сухая гроза погромыхивала над головой, но уже без прежней ярости. Стихал и ветер. Грозовой фронт относилось прочь, на поиски новых жертв.

Сварог первым делом огляделся «кошачьим зрением». Их закинуло в предгорье, на каменистый пологий склон: валуны, редкие невысокие деревца с кривыми стволами, чуть ниже — островок из плотных зарослей кустарника. Кабелотах в трех вниз по склону начинается полноценный лес, в полукабелоте выше по склону предгорье резко взмывало ввысь, переходя в собственно горы. Обломки «Парящего рихара» разбросаны повсюду, придавая местности вид не самой захудалой мусорной свалки.

Потом Сварог огляделся зрением магическим. Чистота, покой и благолепие, прямо-таки заповедник «Жизнь без магии». Или, может быть, нечисть не дурнее нас с вами, и если ей на голову валится тяжеловесный хлам, то твари окаянные будут драпать прочь со всех лап?

Сварог не без ностальгической грусти старого пилота («эх, отлетали мы свое») посмотрел наверх, посмотрел тем же самым магическим глазом. В грозовых остатках проскакивали синие с белым отливом искры.

Чувство опасности молчало. Зато его молчание с лихвой компенсировали недавние воздухоплаватели.

— Потроха Наваки, уже и забыл, когда последний раз попадал в такие переделки.— Пэвер сидел на травяной кочке и растирал попеременно то колено, то плечо.— Плечо, кажется, вывихнул, медузу тебе в любовницы и шило в мочевой пузырь!

— Ну, папаша! Вгрохал все семейные бабки в этот летающий хрен с моторчиком — и не мог построить чего попрочнее! Вот доска.— Олес нагнулся, поднял на всеобщее осмотрение двухкаймовый обломок стрингера гондолы.— А за нее, может быть, уплачено золотом, добытым прадедом в походе на Микстанг. Или на нее ушел перстень, который мать привезла с собой из Бадры.

— Ваши забавы в первую очередь оплачивались моими налогами,— припомнил князьку Пэвер, поводя плечом и гримасничая от боли.— А также непосильным трудом военных и простых штатских людей.

«Классовых битв мне только не хватало»,— прислушался к их разговору Сварог. И тут же его отвлекли.

— Одно из двух,— сказала Клади, как и все, вымокшая до нитки, и прижалась к Сварогу.— Или разводим костер, или ты согреваешь меня сам, но только сейчас же. А лучше всего то и другое, одно за другим. Ну что за невезенье, не долетели совсем чуть-чуть...

Сварог промолчал, хотя мог высказать очень и очень многое. Но — не сейчас. Еще не время.

Она отвела голову, тряхнула мокрыми волосами, сгоняя со лба налипшую прядь.

— Костер нам всем не повредит,— подметил лар. «А дальше посмотрим,— эти мысли Сварог оставил при себе.— Думаю, девочка, после всех передрыг тебе первой захочется свернуться калачиком и забыть обо всем до утра».

Клади ткнула его пальчиком в грудь.

— Я отойду за ящик, одежду выжму. Присмотри, чтобы никто мне не мешал.

Меньше всех на данный момент женские прелести волновали Рошала. Охранитель был поглощен проверкой содержимого балахона, который раньше напоминал судейскую мантию, а теперь смахивал на мокрую ночную рубаху. Вряд ли он ищет шаур — видел же его в руках Сварога. Нашаривает какие-то заначки? По лицу и не поймешь — доволен результатами самообыска или вовсе даже наоборот...

— Ну что, товарищи космонавты. Приземлились, отдышались, пора костерчик сообразить. Не расхаживать же мокрыми курицами.

Небо понемножку прояснялось, высыпали звезды, над горизонтом запылало уже привычное бледное сияние. Ага, вот по нему и сориентируемся. Уже и без «кошачьего глаза» местность просматривается вполне сносно для ночной поры. В поисках дров отходить далеко не нужно — в двух шагах от их спускаемого аппарата в достатке валялось обломков «Парящего рихара». Хватало и хворосту. Сухое деревце, которое чепчиком прикрыл лоскут оболочки аэростата, так и просилось его завалить.

— Я обязан вам своим спасением, мастер Сварог, — подошел старший охранитель короны покойного князя. — Приношу...

— Полно, мастер Рошаль, — перебил Сварог. — Лучше пойдем за дровами.

...Костер с удовольствием и хрустом пережевывал огненными зубами как местные дрова, так и горючие подарки из Газдаро. Обращались в угли ломаные ребра каркаса, тряпичные ошметки оболочки, деревянные части гондолы. Летели в огонь княжеские припасы: обломки ящиков и бочек, всякие тряпки, рукава от шубы и от нес же пышный воротник.

— Легендарный князь Состен Саутар по прозвищу Пушечный Голос. Придворный мазила утверждал, что работа — кисти самого Гоферна Слепого. И зачем папаша прихватил ее с собой? — проговорил Олес и, полюбовавшись в последний раз на знаменитого предка, отправил в костер порванную картину в сломанной раме.

Их компания аэронавтов-неудачников выглядела сейчас семьей дикарей на отдыхе. Разыскивая дрова, наткнулись на рулон батиста. Клади, как банной простыней, обернулась тканью, разрисованной драконами и цветами, остальные ограничились набедренными повязками. Одежду — кто повесил сушиться над огнем, кто положил рядом с костром.

О вывихнутом плече Пэвера позаботилась Клади.

— Дайте-ка.— Она обошла костер, зашла Пэверу за спину, похлопала по обнаженным плечам старого вояки.— Я приличная девушка и устала слушать нехорошие слова, причудливо сплстаемые между собой.

— Я ж вполголоса, баронетта,— попытался обернуться Пэвер.

— Сидите! А у меня слух хороший.

Резким движением она вправила вывих. Пэвер лишь крикнул и, не сдержавшись, опять сплел воедино несколько нехороших слов.

— А я раньше думала, суб-генералы мужественнее переносят боевые ранения. Стиснув зубы переносят, особенно в присутствии дамы. Ну как, полегчало?

Пэвер пробно поворачивал рукой.

— Знаете, а вы чудо! Легендарный лекарь шестого гвардейского полка имени короля Макария по прозвищу Лесоруб — ничто, помощник аптекаря в сравнении с вами. Ай да баронетта, кто бы мог подумать! Приношу свои извинения, извинения старого солдата, за принесенные вашим ушкам страдания. Во искупление в течение следующего дня обещаю помянуть Наваку не больше трех раз и совсем не трогать его родственников женского пола.

Этот приступ словоохотливости был единственным у ночного костра. Говорить, открывать рот не тянуло. Не хотелось даже думать ни о чем. Попытка Рошаля завести предметный разговор вопросом «Где мы? Что это за горы?» провалилась.

— Утром поглядим,— отозвался Пэвер.

— Разберемся,— зевнул во всю пасть Олесс.

Обсуждать никому ничего не хотелось. Дикий полет вымотал совершенно. Нужны отдохнувшие тела и свежие головы,— тогда можно что-то при-

кидывать. Значит, необходим сон. По очереди начали зевать. Нервное и физическое истощение сказывалось все больше и больше. «Надеюсь, будут спать, как убитые и никаких сюрпризов не устроят,— подумал Сварог.— Эх, ну и экипаж мне достался! Пауки в банке и то дружнее...» Рошала и молодого князя без пригляда можно оставить только на первую ночь, когда все вымотаны. Первый заведомо опасен, особенно сейчас, когда накрылся его блестящий план побега на дирижабле в безопасное место. Второй пока не просчитан настолько, чтобы ему доверять. Да и Клади, откровенно говоря... Однажды Сварог уже путешествовал с компанией, которую нарек Странной. Теперь, задним числом, ту команду следует переименовать в Идеальную, а эту назвать Странной в квадрате...

— Одежда высохла, давайте спать,— распорядился Сварог.— Дежурить будем по очереди, по полтора часа. Первая вахта — Клади, потом мастер Пэвер, потом Гор, за ним я, следом Олес...

— Ну конечно, мне в Час Тумана, когда самый сон,— проворчал молодой князь.

— Р-разговорчики, испытуемый. Короче, баронетта, вводная такая,— продолжал Сварог: — не спать, поддерживать огонь, следить по сторонам, на подозрительные звуки не стрелять, меня будить... а главное — охранять самое ценное, что есть у нас, слаженного и дружного экипажа. Задача ясна?

— Так точно...

— Тогда выполняйте.

— Мастер капитан...— нерешительно сказала Клади.

— Ну что еще?

— Я не совсем поняла: а что у нас самое ценное?

— А самое ценное у вас, баронетта, это я, ваш капитан... — ответил Сварог, лег на собравший лапник и накрылся камзолом.

...Проснулся он от того, что кто-то деликатно тряс его за плечо. Сварог открыл глаза, резко сел, машинально нашаривая шаур. Человек в черном плаще, сидящий у него в ногах прямо на земле и Сварогу напрочь незнакомый, приложил палец к губам и вполголоса произнес:

— Тише, милорд, остальных разбудите...

«Милорд?..»

— Вы кто?

— Посланник. Имею к вам предложение от одного вашего знакомого... Прошу вас, говорите, пожалуйста, шепотом, я, видите ли, в магии не очень силен — один громкий звук, и ваши друзья могут проснуться. А мне это пока не очень нужно. Нам это не очень нужно.

Сварог огляделся. Экипаж погибшего «Парящего рихара» мирно спал. Рядом посапывала Клади, положив кулачок под голову и по-детски нахмутив брови, из темноты доносился могучий храп Пэвера — суб-генерал, открывши рот, почивал головой на толстенном корне, наглядно демонстрируя тезис о том, что настоящий военный должен уметь спать в любых условиях. Даже Олес нагло дрых без задних ног возле затухающего костра — свернулся, паршивец, калачиком и дрых. Тогда Сварог зевнул во весь рот, нарочито неторопливо закурил и накинул на плечи камзол. Сказал негромко, как и просили:

— Ну, валяйте, что ли. Излагайте.

Незнакомец усмехнулся. Странное дело, но Сварог никак не мог рассмотреть его лицо детально — едва он сосредотачивал на нем взгляд, как черты вдруг начинали расплываться, ускользать, мутнеть. Он включил «третий газ»... и ночной

тость исчез. Напрочь. Совершенно. Как голограм-
ма после выключения лампы.

Ага, вот, значит, что за игры...

— Вы что же, несколько не удивлены моим по-
явлением? — раздался довольно-таки обиженный
голос невидимого собеседника, и Сварог отклю-
чил «глаз». Вновь проявившийся в реальности
бесликий гонец, кажется, даже не заметил, что его
только что просканировали на предмет нелюд-
ности.

— Отчего же, — ответил Сварог и с хрустом
потянулся. — Очень удивлен. Безмерно. Аж коло-
тит всего. Ну, так в чем дело-то?

— Поражаюсь вашей выдержке, милорд. Мне
говорили, что человек вы незаурядный, но когда
вот так, лицом к лицу...

— Уважаемый, а покороче нельзя? Я, конечно,
очень извиняюсь, но завтра вставать ни свет ни
заря...

Гонец на мгновение запнулся, но тут же взял
себя в руки, стал серьезным.

— Суть послания такова: мой хозяин предлага-
ет вам помощь в возвращении.

— То есть?

— То есть в возвращении туда, оттуда вы при-
были. Обратю на Талар.

— Ах, вот как...

Сварог изо всех сил старался держаться ров-
но — и внешне, и внутренне. Он уже догадывал-
ся, что к чему.

— И что ваш хозяин просит взамен?

— Ничего. Абсолютно ничего. О н совершенно
безвозмездно хочет помочь вам найти обратную
дорогу... Нет, я неправильно выразился. Если вы
примите его помощь, то окажетесь сразу на Тала-
ре, в часовне Атуана, без всяких там Дорог, Троп
и Потоков. Немедленно, в ту же секунду. И, что
характерно, вернетесь вы в ту же секунду, в кото-

рую Талар покинули. Иными словами, ваше отсутствие никем замечено не будет. Я достаточно ясно излагаю?

— Предельно ясно...— медленно проговорил Сварог. Помолчал, лихорадочно продумывая ответ. К такому повороту событий он не был готов совершенно.— Но, видите ли, с некоторых пор... Простите, как мне вас называть?

— У меня нет имени в вашем понимании. Впрочем, если так будет легче, зовите меня Рульф.

— Так вот, мастер Рульф. С некоторых пор я привык не доверять бескорыстной помощи — если, конечно, она не исходит от моих друзей. А ваш хозяин, я так понимаю, мне далеко не друг.

— Согласен. Однако в данном случае ваши цели и цели хозяина совпадают: вы хотите побыстрее убраться отсюда, пока не начался катаклизм, и он желает того же. По-моему, обоюдная выгода очевидна...

— И... что я должен делать?

— Я уже говорил: ничего. Просто скажите: «Да», и все произойдет само собой.

— А если я скажу: «Нет»?

Посланник искренне удивился.

— Тогда вы погибнете вместе с континентом. Процесс уже начался, вы не заметили? Тьма наступает, не пройдет и нескольких дней, как Атар исчезнет. Не знаю, будет ли это для вас откровением, но здесь вход на Тропу вы не найдете. По одной простой причине: на Аtare входа нет...

— А на другом континенте? — быстро спросил Сварог.

Рульф рассмеялся было, но тут же закрыл рот ладонью, опасливо оглянувшись — не разбудил ли кого. Не разбудил.

— Вы многого от меня хотите, милорд,— шепотом сказал он.— Я всего лишь гонец, письмоносец, я говорю только то, что мне велено гово-

ритель. Итак, жду вашего решения: да — или нет... Да — и мы отправляемся. А нет... Насколько я разумею, милорд Сварог, магия ларов не спасает вас от стихийных бедствий и прочих катастроф, вызванных естественными причинами. Даже если вам удастся каким-то неведомым образом улизнуть с тонущего материка, по дороге на Граматар может случиться всякое. Не поможет даже ваше умение дышать под водой — какой смысл, ну скажите на милость, дышать на глубине пяти кабелотов? Если вас не расплющит давление водяной толщи, представьте себе, каково это: двигаться по океанскому дну неизвестно в какую сторону, в абсолютной темноте и при кошмарной температуре...

— Такое ощущение, что вы то ли меня уговариваете, мастер Рульф, то ли мне угрожаете.

— Серьезно? А по-моему, я просто рисую вам перспективы... Ну хорошо, если хотите, я умолкаю. И просто жду ответа.

Сварог щелчком отбросил окурок во мглу. Окурок прочертил в ночном воздухе плавную дугу и рассыпался искрами, угодив в мшистый пенек. Одна беда с этими засланцами — болтливы они безмерно...

— Мне просто интересно, — примирительно сказал он, — отчего это вдруг ваш хозяин воспылал ко мне такой любовью, что готов ни с того ни с сего вернуть меня на Талар. Здесь, кажется, я на хвост или на копыто ему еще не наступал...

Рульф снисходительно улыбнулся.

— Вы просто мешаете ему. Скажу по секрету — когда он узнал, что уже и на Димерее объявился какой-то лорд Сварог, он очень... ну, скажем так: расстроился. В таком расстройстве я хозяина еще не видел. Ужас, как вспомню... Впрочем, это к делу не относится. Милорд, я все еще жду.

Признаться откровенно, в душе Сварог разрывался на части. Конечно, было бы очень заманчиво принять предложение и разом покончить с бесконечным бегом по обреченному Атару, вернуться домой, к Марс, к Гаудину, к милым оболтусам из Странной Компании — к Багряной Звезде, наконец, туда, где все более-менее просто и знакомо... Но он не мог этого сделать. И не только из-за того, что, единожды пойдя на уступки хозяину гонца, можно увязнуть в его паутине навсегда... Нет, не только из-за этого. Не только:

— Милорд, у меня мало времени...

— А ведь когда-то ваш хозяин обещал оставить меня в покое, — сказал Сварог и задумчиво прищурился на огонь.

— А разве не оставил? — вскинул брови посланник. — Разве он мешает вам в ваших делах? Это вы то и дело оказываетесь на его пути...

— Да? А кто сбил «Парящего рихара»? Не его ли лап дело?

— Клянусь вам честью, милорд...

— Да какая у вас честь...

— Не надо меня оскорблять, милорд. Клянусь вам, что хозяин к аварии вашей летающей машины никакого отношения не имеет. Он не отдавал такого распоряжения. И сейчас он просто предлагает вам помощь. Ровным счетом ничего не прося взамен.

— Всего лишь убраться с Димереи, да?

— Так ведь к чему стремитесь и вы сами! — всплеснул руками гонец. — Ну не надо софистики, милорд, я тоже умею плести словесные кружева. Ваш ответ?

И Сварог решил. Сжег за собой мосты.

— Нет, — тихо сказал он.

— Что? — наклонился вперед гонец.

— Нет! — выкрикнул Сварог. Храп со стороны Пэвера прекратился, суб-генерал зачмокал губа-

ми, заворочался, пробормотал в полусне: «Девочки — направо, мальчики — кругом и шагом марш отсюда...»

Лицо Рульфа вдруг стало злым и отчужденным, видимым до каждой морщинки.

— Жаль, милорд Сварог. Я полагал вас умным человеком. Оставить вас в покое, сказали вы? В покое? Что ж, хозяин предоставит вам покой. Постоянный покой. Без движения и звука. Вечный покой...

— Это часть послания или твой собственный постскриптум, тварь?! — громко осведомился Сварог.

Фигура Рульфа заколебалась, потеряла четкие очертания, стала расплываться, как отражение в потревоженной воде...

— Берегитесь, милорд, — донесся из ниоткуда шелест.

— Да подите вы все к черту, — проворчал Сварог, упал на бок и натянул камзол на голову.

Он еще слышал, как рывком проснулся Олсс, завозился обалдело, засуетился:

— Ай-ай-ай, хреново-то как, уснули-с, наша светлость, надо же... — и принялся подбрасывать сучья в костер.

А потом, вот удивительно, сон сморил и Сварога.

Когда молодой князь разбудил его, уже рассвело. Граф Гэйр с десантным шиком вскочил на ноги — одним рывком, без помощи рук. Потянулся и услышал:

— Это же Феррунианская гряда! Вы понимаете, о чем я?

Сварог вдохнул прохладный и свежий, первый воздух нового дня (был — не был ночной посланник?), с силой выдохнул, ощутил, что окончательно проснулся, и честно сознался:

— Не-а.

— Посмотрите,— отставной суб-генерал вытянул руку в сторону гор.— Перевал Ящера! Ни с чем не спутаешь.

Сварог посмотрел, как просили. Верхушки гор, самые высокие, накрыты шапками снега, в самом деле похоже на спину великанского ящера.

— Очень хорошо,— сказал Сварог, разминая плечи. Ныли ушибы и саднили порезы. Синяки и царапины покрывали и лицо отставного вояки. Вчерашняя ночь красоты и здоровья не принесла никому.— Значит, сумеем определиться по месту...

— Этого никак не может быть,— присоединился к ним Рошаль.— Никак! — твердо заявил он, поднявшись с тряпичной подстилки у костра. Или его разбудили голоса, или он вовсе не спал.

— Вообще-то, быть такого не может, но это точно перевал Ящера,— ответил Пэвер на реплику Рошаля, но на него самого не глядя. Вряд ли подданный князя Саутара мог испытывать добрые чувства к начальнику охранного отделения.

— Вы хоть представляете, где находится Феррунианская гряда?! — громко воскликнул Гор Рошаль.

— Т-с-с,— приложил палец к губам Сварог.— Некоторые еще спят.

— Уж я-то представляю! — зло и тоже громко заговорил Пэвер, приняв при этом важную позу.— Я командовал в Озерную войну Ардавским пехотным полком. Прижал к гряде отступающих мятсжников, где их и разбил.

Рошаль приготовился горячо возразить, но Сварог успел помешать.

— Так, стоп! Отойдем.— Он увлек спорщиков за собой, подальше от костра.— Сперва я сварганю кофе себе (хотите — и вам), выкурю сигаретку, а за ней...

Перебив графа Гэйра, Пэвер с жаром продолжил спор на ходу:

— Даже если б еще где-то имелся точь-в-точь такой же персвал, я б ни на кайм не усомнился, что нахожусь у подножья Феррунианской гряды. Вот! А на это что вы скажете? — Отставной генерал с неподходящей для его комплекции прытью метнулся к ближайшему валуну, присел, стал собачьи отбрасывать землю, что-то выдернул, зажал в пальцах и с торжествующим видом вернулся к Сварогу и Рошалю. — Бледный вереск, — сказал он и протянул графу Гэйру крохотный тускло-белый пучок. — Мы давили его и смазывали его соком раны. Как этот вереск, не помогают даже дорогие гидернийские эликсиры. Здесь особый климат, мастер Сварог. Бледный вереск растет только к кузу* от Феррунианских гор и больше нигде на Аtare.

Сварог безропотно принял растение, понюхал его, пожал плечами.

— Разрешите, — выказывая истерпение, протянул руку Рошаль. Получив знаменитый всреск, сдвинул белесые ростки пальцами, выжал сок (до Сварога донесло сильный запах жженой резины), лизнул.

— Хм, интересно...

Тем временем Пэвер переключился на другую тему:

— Я дотронулся до камня. Внизу он теплый. То есть даже очень теплый. С чего бы это?

— Так, давайте по порядку. — Сварог не вытерпел и закурил на пустой желудок. — Пункт первый. Горы. Может быть, кто-нибудь из вас соизволит объяснить бедному графу существо горного вопроса?

Объяснять вызвался Пэвер:

* См. *Глоссарий*: Димерейская роза ветров.

— Феррунианская гряда тянется от кузских границ Бадры, служит границей Тоуранта и Запретных Земель и выходит к кузскому побережью Атара...

Объяснение подхватил Рошаль:

— А мы попали в бурю возле Пангерта. Между Пангертом и ближайшими отрогами Ферруниан восемьсот — восемьсот! — кабелотов. Мы никак не могли оказаться здесь.

— И тем не менее! Хотя по эту сторону перевала мне бывать не доводилось, я готов драться с вами любым оружием по вашему выбору, если это не Феррунианская гряда!

— Брейк, господа! — срочно вмешался Сварог, дискуссионную машину заносило на опасном повороте. — Есть такое место, Япония называется, подальше ваших гор будет. Вы о нем знать не ведаете, но несмотря на это оно существует, и населяющие его люди в подобных случаях обязательно объявляют передышку. Чтобы успокоиться, все взвесить, обмозговать, заглянуть внутрь себя. Потому что эмоции заволакивают рассудок, как давеча тучи наш дирижабль, и с рассудком может случиться то же самое, что с нами. Итак, я делаю кофе. И пока пьем кофе, мы молчим, мы думаем, мы заглядываем внутрь себя. Кстати, некоторых здорово успокаивает медленный счет до ста.

До ста Сварог не считал, потягивая кофе. Он даже о спорных горах не размышлял. Он думал о тишине. Сначала о ночной. Да, своим падением на головы они переполошили округу, разогнали всех по щелям и норам. Но мало помалу обитатели предгорья, всякая звериная мелочь, должны же были отходить да оживать! А Сварог так и не услышал ни единого звука из репертуара ночных зверьков. Обычно они копошатся, воют, ухают, скребутся. И совершенно не было мошкары, ко-

торуую должно было бы влечь на пламя костра. Не ползали по траве муравьи... Могильная тишина, если не считать их, людских, звуков, сопровождала и рассвет. А где, скажите на милость, пернатая братия, всякие там утренние песни жаворонков? При этом округа, если не обращать внимания на вкрапления в пейзаж обломков «Парящего рихара», выглядела очень даже симпатично: живописно нависают горы, набухла янтарем роса на стеблях и листьях, видимость в идеально прозрачном воздухе на много кабелотов вдаль. Где ж ты, зверье мое? Сварог включил «третий глаз». О-па! А это что за шуточки?

Над одним из валунов, приподнимающих ссую спину между ними и лесом внизу, колыхалось сиреневое марево, по которому пробегали узкие зеленые волны. Сие есть свидетельство активности магической, ура, давно не встречались, а вот что у нсе за источник?

Сварог поставил чашку с кофе на траву, поднялся, доставая шаур. Следовало взглянуть на соседа, во избежание, так сказать. Сварог шагнул, Будто уловив (а почему будто? Именно что уловив), нечто сорвалось с места и припустило наутек. Довольно быстро. Причем прячась за камнями, прижимаясь к земле. Сварог следил за таинственным соседом по перемещению сиреневого марева в зеленых волнах сияния. Но ни в магическом, ни в ином зрении нечто так себя и не открыло. Однако некоторые выводы образовались: поблизости крутится существо магической природы, не выше трех каймов и довольно шустрое. А что чувство опасности молчало, как проклятое...

— Что там такое? — обеспокоился Рошаль.

— Почудилось,— обронил Сварог и убрал шаур. Он решил пока не обсуждать неопределенную опасность. Или почему сразу опасность? Может, просто странность.

А от костра к ним направлялась Клади с хмурым утренним лицом. Баронетте, разумеется, не могло понравиться, что она предстает перед мужчинами растрепанной, неухоженной и неумытой.

— Ваши крики я еще как-то терпела. Но запах кофе я пережить не в силах. Граф, не соблаговолите ли вы угостить даму чашечкой крепкого кофе?

Теперь, за исключением Олеса, дрыхнувшего молодецким сном, весь экипаж был на ногах. Впопору держать военный совет. Было о чем посоветоваться. Клади вручили кофе и познакомили с проблемой Феррунианской гряды. Ничего удивительного, что и она ничем не могла помочь в установлении истины.

— Это может быть Гаркатский хребет. До него нас могло добросить,— подыскивал объяснения Рошаль.

— А вереск, а перевал Ящера? Притом Гаркатский хребет гораздо дальше к уздери*. Нет, уважаемый, мы где-то в Тоуранте, недалеко от Запретных Земель...

Сварог вспомнил область на карте в замке барона Таго, закрашенную в серый цвет. Рядом с коей они и упали.

— А что такое Запретные Земли? — спросил он.

— Людьми не заселенные,— мрачно ответил Пэвер.— А заселенные всякой нечистью. С Граматара-то люди приплыли на противоположный берег и постепенно уходили в глубь континента, заселяя его... А вот до Запретных Земель дойти не успели, Тоурант — приграничье... Эх, еще бы сотку-другую лет, мы бы там повывели всех и вся.

Пэвер и Рошаль снова заспорили. Клади прислушивалась к их перепалке, попивая кофе. Сварог же «магическое зрение» не выключал, скани-

* См. *Глоссарий*: Димерийская роза ветров.

ровал им прилегающую местность. Опа — снова непонятный сосед подбирается ближе... Подобрался и залег за тем же камнем, что и раньше. И снова молчит чувство опасности, вот неожиданность.

На сей раз Сварог не вытаскивал шаур, не вставал и никуда не шел. Он лишь пристально «взглянул» магическим глазом, вложив в импульс угрозу. Все повторилось. Неведомое существо покинуло укрытие и прежним путем отбежало на расстояние, которое считало для себя безопасным. Чуткий нюх у соседа, следует признать.

А оставленные на несколько секунд без пристмотра Рошаль и Пэвер уже опять вернулись к вопросу о выборе оружия. Сварогу пришлось срочно вклиниваться в их диалог:

— А позвольте и необразованному графу поучаствовать? Конечно, я не претендую на знание местной географии, но... Знаете, а я верю, что нас могло занести в эти ваши длинные горы на букву «Ф». Несмотря на все восемьсот кабелотов. Гроза бушевала уж больно непростая. И ведь неизвестно, попали мы в нее или провалились...

— А какая разница? — буркнул Рошаль.

— Ну, мастер охранитель, как иногда монетка проваливается в дырку в кармане: раз — и она уже за подкладкой или вовсе в дорожной пыли, безвозвратная для владельца. Так и мы могли провалиться в дыру неизвестного происхождения и природы. Угодили в нее возле Пангерта, а выкинуло нас в грозовой шквал недалеко от этой вашей гряды...

«И, подозреваю, без участия одного моего знакомого тут не обошлось, чем бы там ни клялся ночной посланник...» — добавил он мысленно.

Таинственный и упрямый сосед возвращался в свое укрытие. Если он понимает, что его присутствие раскрыто, что незамеченным не подберется, то, спрашивается, какого лешего ему нужно?

— Вряд ли князев сынок когда-либо покидал пределы Газдаро. Значит, и он не скажет нам: «Ба, да эти места я знаю, как задворки родового дворца!» С чем мы остаемся? — Сварог обвел взглядом слушателей. — Со светилом, которое взошло, где ему и положено, и покатилося по неизменной дорожке, указуя путь. Я правильно понимаю, что и по версии мастера Рошалья, и по версии мастера Пэвера ближайшее побережье океана лежит на кузе?

Оба кивнули.

— Тогда магистральное направление нам известно. Должны же по дороге нам попасться люди, которые уточнят наши координаты и покажут короткую дорожку? А если не попадутся по пути, то уж на побережье мы точно кого-то разыщем. Что скажет уважаемый военный совет?

— Подождите, подождите, мастер Сварог! — С камня слетела доска от обшивки гондолы, когда Рошаль рывком поднялся с нее. — Вы же тагорт, мастер Сварог. Я не спрашивал вас, как, на чем вы попали на материк, не спрашивал, как, на чем собираетесь его покинуть, потому что у нас был «Парящий рихар»... И если бы не проклятая буря, мы бы сейчас спокойно направлялись к вашему Острову. Однако теперь вы должны раскрыть нам способ, которым тагорты пользуются для сообщения с материком. Можете ли вы откуда-нибудь установить связь с вашим Островом? Мы не можем слепо следовать за вами. И потом... в изменившихся условиях как мы можем быть уверены, что вы выведете нас с Атара?

Конечно, произнося «мы», Рошаль говорил о себе. И, конечно, теперь он и думать забыл о побеге в Гидернию. Кусочки головоломки наконец-таки стали складываться в единое целое... Сварог поймал на себе выжидательные взгляды Клади и Пэвера. Да, пора вносить ясность. Пора раскры-

ваться, что никакой он не тагорт и также не имеет никакого представления, как им унести ноги с обреченного материка. И если он и видит какой-то выход, то только в одном: двигаться к побережью, разыскать флот любого государства, собирающегося спасти своих жителей, и проникнуть на один из кораблей.

Но не два же раза повторять подлинную историю появления на Димерее некого лорда Сварога — сперва Рошалю, потом Олесу. Ладно, придется будить молодого князя. Но не сейчас.

— Прошу прощения. Через некоторое время мы продолжим наш разговор, мастер Рошаль. — Сварог поднялся с валуна, который — прав Пэвер — был теплее, чем долженствует камням. — Дело в том, что у нас гости.

Сварог, глядя на камень, над которым в магическом ракурсе поднималось сиреневое в зеленых волнах марево, прокричал:

— Может быть, хватит бегать? Либо убирайся к своей бабушке, либо покажись! Или устроить на тебя серебряную охоту?!

За сим Сварог достал шаур и выстрелил, направив серебряную звездочку над укрытием таинственного незнакомца. Не сомневаясь, что не что припустит без оглядки и больше уж к ним не вернется.

Но не что оставалось за камнем, словно раздумывая над словами Сварога.

— Кто там? — послышался шепот Клады.

В ладонь Рошалья выскочило знакомое узкое лезвие, подведшее кровавую черту под бытием князя Саутара. Пэвер в отсутствии другого оружия вооружился доской.

— Ну так как насчет серебряной охоты? — еще раз пригрозил Сварог.

И не что решилось. Поднялось из-за своего укрытия. И вышло... вышел... вышла...

— Вот так гости, чтоб мне в штрафники! — воскликнул Пэвер.

Свое восклицание Сварог удержал с при себе. Оно было бы другим. Потому что он видел гостя «магическим зрением». Но тут же это зрение отключил. Уяснил, что к чему, и достаточно. Не то чтобы увиденное потрясло или напугало его... Скажите, вам приятно смотреть на сиамских близнецов? Нормальное бегство от непривычного, от иного. Тем более, что обыкновенный взгляд гость, вернее, гостя вполне даже радовала.

На вид ей можно было дать лет тридцать — человеческих, разумеется, лет. Невысокая, крепкая, черноволосая, черноглазая. Одета в длинную, полностью прикрывающую ноги серую юбку и коричневую жилетку со шнуровкой и с довольно-таки откровенным вырезом. При ходьбе из-под подола выскакивали острые носки сапожек. Если не ведать или забыть о потаенной сущности, то никаких поводов для волнений — к нам пожаловала симпатичная селянка.

И напроць, наотрез, как Зоя Космодемьянская молчало чувство опасности.

— Откуда она взялась? Почему одна? Что делает здесь? В такую рань? — вслух перебирал вопросы, как четки, старший охранитель Рошаль.

Незнакомка остановилась в шести каймах от людей. Опустив взгляд на шаур в руке Сварога, сказала:

— Да, серебра я боюсь.— Голос оказался сильным, чуть низковатым для женщины и с хрипотцой. И под стать лицу — печальным.— Вы можете меня убить,— вдруг добавила она. Она не рассматривала возможность, она предлагала.— Все равно скоро умирать. Уже очень скоро. Осталось совсем немного.— Она говорила медленно, странно выговаривала некоторые звуки, очень жестко,

словно ей приходилось напрягать голосовые связки.— Мы это очень хорошо чувствуем.

— Кто это «мы»? — быстро, как на допросе, выпалил охранитель Рошаль.

— Ты знаешь,— она обращалась к Сварогу.— Потому что ты видишь.

— Нежить, другими словами! — Рошаль вытянул в ее сторону клинок.— Боишься серебра, шастаешь в одиночку на рассвете. Кровушки человеческой захотелось?!

— Подождите, мастер Рошаль. Нам нечего волноваться за кровушку. Кровушки нашей мы никому не отдадим ни капли...

Сварога все больше интересовала гостя. Свою принадлежность к так называемой нечистой силе она сразу признала. Выйдя к ним, она отдала себя на суд людей, то есть существ, заведомо враждебно настроенных к себе не подобным. Поведение ее, прямо скажем, необычно. Послана кем-то, кто принудил ее рискнуть? Она игральная карта в чьих-то руках? Ее игра тщательно спланирована неким любителем черного преферанса? Попробуем разобраться.

— Скажи-ка ты мне, незнакомка, приближение чего вы чувствуете?

— Смерти. Ее приближение. Смерть для всего. Не только люди погибнут. Звери погибнут. Мы погибнем. Смерть очень близко.

— Как тебя зовут? — вдруг спросила Клади. Поинтересовалась вполне дружелюбно. Женская солидарность? Видела бы она незнакомку в магическом разрезе...

— Чуба-Ху,— ответила черноволосая женщина.

Не лжет. А стала бы нечисть, исполненная нечистых намерений, выдавать свою подлинное имя? Эх, знать бы точно...

— Ты здесь одна? — это уже проявил свой интерес охранитель.

— Я везде одна.

— И кто же ты? — вступил в разговор Пэвер. Сварог мог бы ответить за нее. Он видел.

— На этот вопрос не так просто ответить... — замялась Чуба-Ху.

— Да ладно! Ну, какого ты... этого... — подыскивая слова, Пэвер пошевелил пальцами, — как его... племени или как это у вас называется?

— Я гуап.

Похоже, признание далось женщине нелегко.

— Ага! — отставной вояка удовлетворенно сложил руки на животе.

— И что?

К этому вопросу Рошалья, адресованному суб-генералу, мог бы присоединиться и Сварог. Гуап, гуап... нет, ей-богу, что-то такое он уже слышал...

— Вы никогда не слышали о гуапах? — с чувством затаенного превосходства поинтересовался Пэвер. — Ну да, вы же никогда прежде не бывали в Феррунианах. — Специально для Рошалья он сделал нажим на последнем слове. — Между тем, преданиями о гуапах вас угостят в любой местной деревушке. Вы уж простите, барышня, но я буду говорить прямо, как есть. Так вот: гуапы — это оборотни. Но! — Пэвер поднял указательный палец и выдержал излюбленную театральную паузу. — Согласно преданиям и поверьям, они ближе к людям, чем к противоположной стороне. Потому гуапы не очень-то ладят с иными... м-м... э-э... ну, сами понимаете, о ком я.

Ближе к людям... Тоже ничего не доказывает. Она могла представиться кем угодно. Ясно, если она хочет войти в доверие, то как раз ей и следовало записать себя в эти самые гуапы. Сварог не мог знать, как выглядят гуапы в магическом плане и какими особенностями строения отличаются от оборотней простых, но и Чуба-Ху не могла знать

о том, что он не может знать... Только ты смотри не сам не запутайся, граф.

— Так ты женщина или нет?

Ах вот как! Оказывается Олес давно уже проснулся и удивительный разговор слушал, открывши рот. Потом не выдержал и встрял.

— Сейчас я женщина,— просто ответила Чуба-Ху.

— Самая настоящая? — княжеский сынок не отрывал взгляда от такой детали одежды незнакомки, как шнуровка жилета — вернее, от ее верхнего края, где начинался вырез.

— Самая настоящая.— Чуба-Ху взглянула на молодого человека уж точно не как оборотень. Или как оборотень, которого особенно интересует кровь молодая.

Олес вскочил на ноги, принялся отряхиваться и застегиваться.

— А потрогать можно?

— Я настоящая настолько, что можно и схлопотать.

— Не подходи, Олес. Стой, где стоишь.— Сварог, в общем-то, не столько заботился о безопасности молодого князя, сколько о том, чтобы разговор не скатывался в балаган.

— Да ну и ладно,— легко подчинился Олес.

— Что это за горы, Чуба-Ху?

— Он прав,— черноволосая женщина показала на Пэвера. А Сварог обратил внимание на ее пальцы. Пальцы были необычайно длинные, и большой палец немногим уступал по длине указательному.— Вы, люди, называете эти горы Феррунианской грядой.

Детектор лжи вранья не показал. Выключать его не станем, посмотрим, что дальше.

— Тогда — какое место? Какие города есть поблизости? Это Крон или Тоурант? — напомнил о себе охранитель Рошаль.

— Эту землю люди называют Тоурантом. Я знаю поблизости всего один город. Каутэн. Такое слово я слышала от людей. И еще много деревень. Но в них сейчас никого не осталось.

— Ваши слопали? — деликатно поинтересовался Рошаль.

— Люди уходят в Каутэн. Там строят большие лодки.

— Как далеко до Каутэна? — спросил Сварог.

— Вы, люди, измеряете расстояние в каких-то кабелотах. Я никак не могу понять, сколько это. Вашим шагом до города дойдете к восходу второго дня.

— А зачем ты следила за нами? — Как и пристало опытному дознавателю, Рошаль круто менял течение беседы. — Сожрать хотела?

— Нет.

И молчал, молчал Сварогов детектор лжи.

— Чуба-Ху, — сказал Сварог, — ты не ушла, когда тебя заметили. Ты что-то хочешь от нас?

— В этих местах очень опасно. Я могу помочь вам выйти отсюда. Я чувствую то, что вы не можете почувствовать.

— Ну это-то точно! — хмыкнул Рошаль.

— А взамен? — Сварог все еще сжимал в ладони шаур, но теперь метатель звездочек уже стал ему казаться лишней деталью.

— Что я могу просить взамен? — она пожала плечами. — К людям вы меня с собой не возьмете. Не возьмете и в большую лодку, на которой уплывете к новой земле. О чем мне просить? Сейчас я не хочу оставаться одна, вот и все. Сколько можно быть одной! Отсюда ушли даже все звери. Они спасаются, уходя туда, — Чуба-Ху махнула рукой на куз. — Вместо них появляются другие — похожие на меня, но... другие. Чистое порождение Зла. Они против всех, даже тех, кого люди привыкли называют нежитью. А оттуда, — она

показала на бисту*, — идет волна. Но бежать от нее нет смысла. Смерть везде ждет точно такая же, как и здесь.

«И что прикажете?» — спросил сам себя Сва-рог. Ему даже труднее, чем остальным, потому что он уже видел ее второй облик. Но кто сказал, что оборотень хочет жить меньше человека? И какие бы кровожадные мысли ни шевелились в ее черноволосой головке, ей гораздо выгоднее не кусать людей, а помогать им, надеясь заслужить в награду вызволение с Атара. Поэтому она вполне искренне надеется, что ее не бросят. А на что ей еще надеяться, спрашивается? И для того, чтобы ее вытащили с Атара, она будет стараться изо всех сил. Из шкуры вон лезть — в данном случае во всех смыслах. Правда, если она кем-то подослана... Уж что-то больно в лоб, уж больно топорно подсылать оборотня, с которым и в разговор вряд ли вступят.

«Или уж чересчур ювелирная работа, не так ли? — прошептала часть сознания Сварога, ответственная за пессимизм и скепсис. — Ведь все-таки вступили в разговор... А если каждая встречная-поперечная нечистая сила начнет набиваться в команду, вы их всех зачислите, мастер Сварог?»

— Чуба-Ху, здесь есть поблизости ручей?

— Рядом. У Пьяного камня.

— Тогда приказ по роте такой. Умываемся. Приводим в походный порядок одежду и обувь. Завтракаем, как белые люди. Обещаю кофе, бутерброды и сдобные булочки, ясно, все свежее, горячее и ароматное. Еще раз обсуждаем план действий.

«Очень неприятное открытие ждет некоторых из вас за сытным завтраком, — прибавил про себя граф

* См. *Глоссарий*: Димерийская роза ветров.

Гэйр.— Признание лорда Сварога в том, что он не тагорт. Возможна, стрельба и поножовщина».

— И выступаем. Чуба-Ху, вы любите кофе?

— Вы что, надумали брать эту с собой? — спросил Рошаль, чуть не выронив клинок от изумления.

— Я бы взял,— подходя, бесшабашно заявил Олес.— Под свою ответственность.

— Конечно, существует немало преданий, в которых гуапы относятся к людям, как к средству для пропитания,— почесал затылок Пэвер.

— Чуба-Ху нам может пригодиться,— сказала Клади.— В первую очередь как проводник.

Неожиданно сам для себя Сварог нашел решающий аргумент. И не замедлил его высказать, глядя охранителю в глаза:

— Почему вы решили, что она опасней человека? Например, опаснее вас, мастер Рошаль?..

Глава шестнадцатая

Последняя встреча

Позади лежали пройденные кабелоты: спуски, подъемы, ручьи, лесные тропы, лесные дороги, овраги, брошенный хутор, лес в черных язвах на коре, из которых вытекала темная вонючая жижа, высохшее озеро, деревня с домами, словно раздавленными, словно растертыми в пыль, и снова тропы и дороги.

Позади осталось признание Сварога в том, что он — не тагорт и никогда им не был. Последствия оказались неожиданно легкими. Олес принял известие с полнейшим безразличием. Дескать, ну, не тагорт так не тагорт. Ах, из другого мира, ну, тоже неплохо.

Рошаль ожидаемо взбеленился. Ожидаемо припомнил их уговор.

— Если вы дворянин, неважно, с Острова или еще откуда, вы обязаны держать свое слово!

— Совершенно с вами согласен, мастер Рошаль. Но, во-первых, я вам дал слово потомственного тагорта, а не дворянина. А раз я не тагорт, то... сами понимаете. А во-вторых, я дал вам слово играть честно — и, уверяю вас, его придерживался. Я бы честно высадил вас на Острове... но, скажите на милость, теперь-то с какого аппарата вас высаживать? Или напомнить, кто вам жизнь спас, а кто сказал, что обязан мне этим обстоятельством? И потом, что для вас, мастер Рошаль, изменилось к худшему с моим откровенным признанием? Предположим, я был бы тагортом. Вряд ли вы теперь по-прежнему были бы мне интересны без «Пярящего рихара» и коллекции древних предметов. А так мы с вами в одной лодке. Пойдем к побережью искать счастья на чужих кораблях...

— Подождите. Если я вас правильно понял, вы знаете, где находятся Острова?

— «Знаете» — сильно сказано. Предполагаю с уверенностью в семьдесят процентов. А что? У вас есть в заглавнике второй «Рихар»?

— Если бы...

После чего трудный персвал в отношениях внутри экипажа был преодолен, и Рошаль погрузился в глубокую, продолжительную задумчивость.

Клонившийся к закату день занес в свою историю и подготовку к походу. Одежду и обувь подлатали быстро, а вот с оружием повозились. Оружия катастрофически недоставало. Шаур Сварога, стилет Рошаля, кинжал князя, который ему вернули, и все. Пришлось наматывать круги по предгорью. Если Клади, разбирая багаж Саутара, наткнулась на мечи, значит, вероятно, есть и еще что-то колюще-режущее-стреляющее. Розыскные мучения даром не прошли. После того, как скопилась безнадежная горка из обломков арбалетов

и гнутых автоматов с разбитыми прикладами, наконец сыскались прямой двуручный меч, правда, туповатый, и сабля — как пояснил Пэвер, «шернейская кавалерийская». Это было уже что-то, хотя и далеко от идеального вооружения отряда, выступающего в поход непредсказуемой степени сложности.

Меч приспособил на перевязи за спину Пэвер, саблю выпросил Олес. Клади изготовила пращу из обрывка оболочки азростата и насобираала камней. Причем камни подбирала, тщательно осматривая и взвешивая на ладони, подбирала едва ли не дольше, чем мастерила пращу и сумку под «бозапас». Что занимается она отнюдь не глупостями, Клади продемонстрировала пробными стрельбами. Раскрученные и выпущенные окатыши сшибали ветки, сотрясали стволы, сметали выставленные на валуны предметы — все то, что перед броском она объявляла мишенью. Баронетта привела отставного суб-генерала прямо-таки в умиление.

— Где мои двадцать лет назад,— вздыхал Пэвер.— Да разве б я такую барышню пропустил? Да разве б я такую барышню в полк не зачислил?..

Поиски оружия обернулись приятной для Рошаля стороной. Его сундук с ценными предметами, по всем выкладкам, вывалился из разбитой еще до падения гондолы где-то далеко от места крушения. Вполне возможно, сундук рассыпался во время болтанки, а предметы вываливались по одному и лежат теперь за десятки кабелотов друг от друга. Впрочем, один предмет неожиданно нашелся.

Бутылочку с округлым донцем и коротким, целиковым, без входного отверстия горлышком принес Пэвер. Внутри сосуда переливалась жидкость изумрудного цвета, в ее глубинах вдруг появлялись неясные очертания то дворцов, то драконов,

то каких-то состязаний, то битв — миражи надвигались, укрупняясь, и пропадали, словно разбивались о стекло.

— Когда ее нагреешь, жидкость становится бордовой, а приложив ухо, можно расслышать музыку, — даже с некоей странной для него нежностью сказал Рошаль.

— Так это из вашего имущества? — и Пэвер вернул находку бывшему владельцу.

Молодой князь не возражал: то ли бутылка была из личных вещей охранителя, то ли Олесу было все равно, то ли Олес не знал, что хранилось в отцовских закромах.

Рошаль хозяйственно спрятал древний предмет в укромных карманах своего балахона...

День, клонившийся к закату, узнал и странную болезнь.

Рошалью стало плохо вскоре после завтрака. Никто, да и он сам, не сомневался, что сказываются последствия высотного недуга, ослабившего организм. Рошалью скрутило, желудок вывернуло наизнанку, немочь свернула охранителя калачом, уложила на землю. Сварогу сделалось кисло. «Приехали. Теперь думай, как с ним быть». Но Рошаль отлежался, потом проходил, дышался и вроде все пришло в норму, даже бледность с лица пропала.

Пэвера приступ свалил в дороге. Свалил буквально: в дорожную пыль. Его окружили, его пытались о чем-то расспросить, его перенесли на траву. Пэвер лишь выгибался дугой, стонал и отчаянно ругался, забыв про обещание до захода солнца как можно реже поминать Наваку. Минут через пять отпустило и его.

— Ничего не помню, — смущенно рассказывал суб-генерал. — Будто каленая стрела прошла по позвоночнику, вонзилась в мозг — и все. Как провал.

Следующей жертвой мора стала Клади. Случилось, когда они шли через лес. Она вдруг вскрикнула и, как-то странно приседая, скрылась за ближайшим деревом. Ее подождали, ее окликнули. Потом Сварог попытался пойти следом, но, заслышав шаги, она истошным криком «иди прочь!» прогнала его. Сварог приканчивал вторую сигарету подряд, когда Клади вернулась с квадратными глазами и искусанными губами.

Тогда она никому ничего не сказала, но позже отозвала Сварога в сторону.

— Ты должен знать,— начала Клади, краснея.— Я думала, у меня... это дело... Хотя не должно... рано. А потом... Такое впечатление, что кто-то пытался в меня войти... Ну ты понимаешь, как... Было очень больно. Мне никогда в жизни не было так больно. И вдруг прекратилось. Рошаль, Пэвер, теперь я. Все за сегодня. А ведь утром у нас появилась эта женщина...

Очень не нравилась Сварогу болезнь, нападавшая на них в этот день. М-да, зарождались нехорошие подозрения. Однако после случая с Клади напасть вроде бы оставила их в покое...

Весь день с ними была женщина-оборотень по имени Чуба-Ху. Сварог не выпускал ее из поля зрения — как магического, так и обыкновенного, находился всегда поблизости, совершенно не скрывая своей подозрительности. Какие, к лешему, тут могут быть деликатности...

Между словами «понимать» и «видеть» — огромная разница. Испытанием для всех стало видеть, как это происходит,— мутация, преобразование, обращение — называйте, как хотите.

Женщина-оборотень опускалась на корточки. Шея ее удлинялась и утолщалась, заострялись уши. Одежда как бы вращалась в плоть и вылезала наружу уже серой мохнатой шерстью и серым в белых подпалинах хвостом. Ноги выгибались ко-

леньями назад, пальцы рук укорачивались, ногти грубели, загибались в когти...

Когда это произошло в первый раз, все — смотрели, в последующем — отворачивались. Одного Олеса зрелище приводило в восторг.

— Право, я начинаю завидовать! Да если б я был таким, то давно бы уже правил Гаэдаро. Папашу я бы слопал на первое. Вас, Рошаль, пустил бы на второе. И я, Олес Первый, князь Саутар, спас бы Гаэдаро с вашим простым народом, мастер Пэвер, построил бы флот вместо члена с мотором. В историю и легенды я вошел бы как Олес-спаситель!

А волк Чуба-Ху убежал (или все-таки убегала?) разведывать дорогу на предмет, свободен ли путь от нежелательных встреч.

— Своих приведет,— говорил на это Рошаль.

— Ей проще было бы приводить своих, не заводя с нами тесного знакомства,— возражал Сварог. И пока оказывался прав. Никого Чуба-Ху не приводила.

А однажды сообщила, что почуяла впереди эрмов. «Они сбились в стаю,— сказала она.— Это очень плохо. Их надо обойти. Пройти берегом озера». Кто такие эрмы, Сварог так до конца и не понял. Судя по описанию Чуба-Ху, то и дело сбивавшейся с внешности эрмов на их злобный характер, они являли собой что-то среднее между варанами и ямурлакскими вампирами.

Причин не поверить у Сварога не нашлось, и уж вовсе не хотелось ввязываться в бой, которого можно избежать...

— Ладно, пусть будет крик.

А еще за сегодняшний день они насмотрелись и наслушались многого.

...Гора Краберен, которую Сварог видел с борта «Парящего рихара», наконец не выдержала давления рвущейся наружу магмы и взорвалась. Они

шли в противоположную сторону и не увидели это — они это почувствовали. Будто кто-то неслышно окликнул их. И они обернулись. Черная медуза на далеком пике вдруг опала, клубящимися струями стекла вниз, обнажая снежные склоны, а из вершины горы вознесся в небо фонтан пламени и дыма. Испуганно рванулись в разные стороны облака. Расстояние до Краберена было огромным, но даже отсюда масштаб стихийного действия впечатлял. Огненный столб словно уперся в небо и стал растекаться по нему, отгоняя облака, как пену... Спустя долгое-долгое время до людей докатился глухой рокот, и земля вдруг вздыбилась под ногами, потом успокоилась, потом затряслась, как в лихорадке... До самого вечера земля дрожала не переставая. Они привыкли к непрерывной вибрации тверди и уже не обращали на нее внимания...

...Они увидели, как озеро превращается в пар. С водой происходило то же самое, что происходит с любой водой в любой кастрюле на огне, но когда за считанные минуты выпаривается озеро, заволакивая лес густым горячим облаком, превращая листья в вареные ошметки, то невольно вспоминаешь слова гуапа: «Смерть уже близко»...

...Они увидели, как почва внезапно разверзается, и вниз, в подсвеченную багровым светом бездну летят камни и целые деревья, а затем земля смыкается вновь...

К вечеру буйство природы утихло так же неожиданно, как и началось, но все понимали: это только начало. Начало конца. Спасения нет. Тьма наступает на Атар.

...День клонился к вечеру. И к вечеру они выматывались вусмерть. О том, чтобы двигаться и ночью, не могло быть речи. Пора было выбирать место и останавливаться на ночлег. Чуба-Ху сове-

товала взять чуть в сторону и добраться до Старого города. Потому что они подошли уже довольно близко к Клаутэну, и здесь начинаются беспокойные места. «Очень много нехороших людей и нехороших существ, человек Сварог». А Старый город бережет. Нехорошие существа не смогут подойти к его стенам. Даже она не сможет подойти, потому что «стены слепят ее и заставляют бояться». Правда, добавляла она, от плохих людей и Старый город спасти не может.

Оказалось, Пэвер тоже слышал о Старом городе.

— Рассказывали, что этот город построили задолго до великих потрясений. Люди или не люди, кто знает, кто тогда жил на Атаре. И вот стоит с тех пор, и никто в него войти не может. Уж как только не пытались! И стены ломали-взрывали, и перелетать пробовали, и подкопы рыли — все впустую. Так ничего и не известно про то, что там внутри. А нежить, прошу извинить, барышня, город под стены не подпускает. Так говорят.

Если Старый город бережет хотя бы от нечисти, то надо идти. Все ж таки одной ночной проблемой меньше. И они свернули к городу.

В Старый город, подтвердила Чуба-Ху, попасть невозможно. Его стены невысоки («один ты и половина тебя, человек Сварог»), но будешь карабкаться и карабкаться, а до верха стены будет оставаться все столько же, сколько и было. Есть и ворота. Дойдешь до границы, за которой начинается город, а потом, как бы ты ни старался, хоть беги, но дальше не продвинешься. Можно позвать Стража. Достаточно бросить монету из серебра в щель на воротном столбе — и выйдет Страж. Он постоит, посмотрит и уйдет.

В полукабелоте от Старого города, чьи белые стены они давно видели с холмов, Чуба-Ху остановилась.

— Я буду ждать вас здесь. Если появятся нехорошие люди или нелюди, я дам вам знать. Вы услышите меня.

На том и распрощались.

Интереснее всего, пожалуй, что собственно города из-за невысоких стен видно не было. Издали смотришь — стены, а за ними местами возвышается нечто вроде куполов. Вблизи — то же самое. Такое впечатление, что город карликовый и карликами же отстроен.

Стены сложены из больших белых кирпичей, в пазах между ними полосы раствора цвета молока. Вскрабкаться и вправду не слишком сложно, есть за что зацепиться ноге, но пока со стенолазанием они решили повременить. И, как и многие до них, направились к воротам.

Воротные створы отражали закат в зеркальном блеске неизвестного металла. Верхняя кромка ворот едва доходила Сварогу до подбородка. Казалось, город должен прекрасно просматриваться, но просматривался он как раз таки отвратительно, представлял таким, каким видит окружающее человек с нормальным зрением, зачем-то нацепивший на нос очки с линзами на плюс десять. Размытые белые пятна, окруженные мутью. И глаза сразу начинают болеть.

Они подошли к воротам вплотную. Сварог вытянул руку, и рука не достала до металла какой-то сантиметр. Он сделал шаг — и между вытянутой рукой и воротами сохранилось заколдованное расстояние в сантиметр. Еще шаг, еще — все оставалось без изменений. Остальные тоже топтались на месте, протягивая руки с одинаковым для всех успехом.

Пэвер выплеснул на бедные ворота свою усталость и гудение в сбитых в кровь ногах:

— Проклятье! Наваково семя! Подогнуть бы сюда стенобитную батарею, узнали бы, как издеваться!

— Ну что, попробуем вызвать этого Стража? — спросила у всей компании Клади.

— Почему бы и нет. Серебряная монетка у кого-нибудь завалялась? — поинтересовался Сварог и уж было достал шаур, но Олес отыскал монетку.

На правом воротном столбе, толстой колонне из белого камня, отдаленно напоминающего мрамор, действительно темнела щель длиной в ладонь и шириной в сабельное лезвие.

— Страж, выходи! — с этими словами князь забросил в щель серебряный кругляш.

Не последовало привычного турникетного щелчка, не заиграла музыкальная копилка, не раздался звон монеты, шлепнувшейся поверх монетной груды. Просто с той стороны к воротам бесшумно выехал Страж. Именно выехал — хотя есть у него ноги или нет, не видно, но так плавно не ходят, а выезжают.

Сварог понял, что это за Страж такой, едва голова того показалась над воротами. Стража, в отличие от города, «очки на плюс десять» в пятна не превращали, он-то виден был отчетливо: гладкое, неподвижное лицо манекена, идеально круглые глазницы с радужным линзовым блеском внутри, синтетические волосы... Короче, робот. Натуральный робот, как в советских фильмах шестидесятых годов. В программу которого, видимо, заложено за уплаченные денежки выезжать и тарашиться. Тарашился он долго, наверное, отрабатывая программу вежливости.

— Ну, чего уставился! — не выдержал Пэвер. — Открывай, видишь, кто к тебе пришел.

— Он не живой, — заметила Клади. — Хотя похож.

— А если не живой, то пальните-ка в него, мастер Сварог, из вашего пистоля. — Пэвер этим вечером больше обычного напоминал охочего до баталий генерала.

— Эй, приятель, ты живой?! — крикнул Олес.

И словно бы этого крика дожидались. Глаза Стража налились синим. Тонкие лазерные лучи выплеснулись из них и сошлись на молодом князе.

Все произошло внезапно. Ни осознать, ни увернуться. Лучи уже бегали, скрещиваясь и расходясь, по телу Олеса. Олес заметался, нырнул в сторону, но нити синего света не отпускали.

Глаза Стража погасли, исчезли лучи. Олес принялся оглядывать себя, ощупывать.

— Никак цел!

— Надо уносить отсюда ноги,— быстро проговорил Рошаль и повернулся.

— Пожалуй, что так,— согласился Сварог. Какие контакты переключит в безмозглой башке, какую программу приведут в действие? А ну как программу уничтожения...

Но всего-навсего вдруг взяли да открылись ворота. Металлические створы ушли в колонны, распахнув вход. Вместе с воротами отъехал, пропал из виду Страж. И город, до того размытый, обрел свой истинный вид и четкость. Оказалось, город отнюдь не карликовый, нормальной высоты город, хватает и очень высоких зданий, как, например, башня, напоминающая минарет.

— Похоже, нас приглашают,— почему-то прошептала Клади.

— Про такое легенд я не слыхал,— тихо проговорил Пэвер.— Вряд ли нас удостоили чести быть единственными в мире, кого Старый город заманил в ловушку и там изничтожил.

— Предлагаю войти,— сказал Сварог.

Никто не стал возражать. У каждого появились на Старый город надежды. Кто-то подумал о втором «Парящем рихаре», кто-то о прямом пути на Граматар, кто-то о Древних Дорогах, ведущих на Талар.

Они подошли к воротам, на городском «пороге» несколько замялись, осматриваясь и набираясь последней решимости. Потом вошли.

И стоило им переступить границу города, как над головой Олеса, единственного из них, возникло сияние, словно сотканное из льда. Видимое без всякого «третьего глаза», но как раз таки в магическом зрении и пропадавшее. Ну, дела...

Олес, когда на его волосы уставилось четыре пары глаз, непроизвольно ощупал голову.

— Эй, чего это вы? Что там?

— Ничего не чувствуешь? — поинтересовался Пэвер, словно лечащий врач, у молодого князя.

— У тебя там светящийся обруч, — помогла Клади. — Как у бородатых дядек на фресках в храмах Пресветлого.

— Да ну, бросьте вы... Разыгрываете, да?..

— Делать нам больше нечего, — пробурчал Рошаль.

— Так и тянет спросить: вы чьих будете, молодой человек? — обратился к Олесу Сварог. — От кого род ведете?

— Вы намекаете, мастер Сварог, что я происхожу от строителей Старого города?

— Более приемлемых объяснений не вижу.

— И что мне теперь делать?

— А что тут сделасшь! Попробуй стать в этом городе королем.

Никаких мостовых и дорожек в Старом городе не было. Пространство, свободное от строений, покрывал песок белого пустынного цвета. Уже первые шаги по песку показали, что ноги в нем не вязнут — наоборот, ступаешь, как по асфальту автобана (с чем сравнивали ровное и твердое покрытие остальные, Сварог не поинтересовался). Город был выстроен из белого камня и белого кирпича, отчего походил на выбеленные солнцем азиатские города.

Здесь было светло. Они оставили за спиной стремительно набегающие сумерки, и, едва ступив на территорию Старого города, очутились посреди дневного света. Откуда свет брался, было совершенно неясно, ничего похожего на какие бы то ни было осветительные приборы не наблюдалось. Да и свет был именно дневной, вроде бы естественный, хотя над головой набухало звездами ночное небо Димереи.

Очень скоро им надоело бродить по Старому городу. Его образовывали в основном однотипные дома, главным образом двухэтажные, под куполообразными крышами. Была еще башня, повсюду попадались пустые чаши — то ли под бассейны, то ли под фонтаны, отыскался даже амфитеатр, и через каждые полсотни шагов стояли одинаковые круглые беседки с колоннами. Да еще везде они натывались на скульптуры из того же белого камня, все примерно в два человеческих роста, изображавшие разной важности мужей, бородатых и безбородых, как один, укутанных в туники, запечатленных в довольно-таки статичных позах. Некоторые сжимали в руках свитки или жезлы. Но нигде не встречалось никаких следов жизни, чьего-то пребывания. Ни забытых вещей, ни надписей на стенах, ни крошек каких-нибудь, ничего. Один голый камень снаружи и внутри зданий. Даже грозный Страж куда-то исчез. Создавалось впечатление, что они первые не только из мыслящих, но и вообще из существ, попавших на этот песок. Город казался огромным макетом — вроде тех, что изготавливают из картона архитекторы (разве что выполненный в масштабе один к одному). Или съёмочной площадкой фильма. Или местом, которое приготовили на всякий случай, чтобы заселить его когда-нибудь потом...

Делать в таком городе, собственно, было нечего, да и не хотелось им, отматавшим несчитан-

ные кабелоты, просто так перетаскивать ноги с места на место. Хотелось спать.

Устроились на песке возле одной из беседок. В городе, проверил Сварог, отсутствовало какое бы то ни было магическое присутствие, и вообще город настраивал на покой, но расслабляться никто не собирался. Отменить караул Сварогу и в голову не пришло. Распределили смены, и свободные от дежурства легли. Вернее — попадали. Еще вернее — рухнули. И провалились в усталый, черный сон...

— ...На ноги! Встать, черти! Подъем! Тревога!

Удар носком под ребра вскинул Сварога на ноги. Никаких обид быть не могло. Он бы и сам так поступил — если было бы необходимо срочно поднять по тревоге. А необходимость была.

— Водяная смерть! Проклятый город! Да поднимайся же ты, генерал! — орал князев сынок и бесцеремонно пинал Пэвера.

Молодец Олес. Хвалить часового за то, что не уснул, вроде бы не пристало, но после такого перехода заставить себя не сомкнуть глаз, чтоб там ни говорилось о долге и ответственности, — на это требуется воля.

Вскочил и Пэвер. Теперь весь экипаж был на ногах. Сплюнув в песок, Рошаль изготовил к бою стилет.

— Говорил же: ловушка!

Но вряд ли сталь могла чем-то помочь. Если и уповать, то на шаур. И на ноги, которые унесут прочь из города. А еще можно уповать на то, что к ним приближаются с добрыми намерениями. Правда, здорово можно обмануться.

А приближалась к ним статуя. И то не было оптическим обманом, галлюцинацией или продолжением сна. Одна из каменных фигур, изображавшая некоего мужа с властным лицом, сжимающе-

го в деснице жезл, покинула свой пьедестал и целеустремленно двигалась в их сторону. Передвигалось изваяние вовсе не так, как пристало ходить ожившим статуям. Им пристало ходить на негнущихся ногах. У этого же ноги прекрасно гнулись, и топало оно довольно шустро, разве что несколько неуверенно, но вот ведь, зараза, осваивалось с каждым шагом.

— Врассыпную! — скомандовал Сварог. — И к воротам!

Резонно было рассчитывать, что пределы города его порождение не покинет. Однако удрать от длинноногой статуи будет нелегко. Сварог решил дать своей команде время, отвлечь разбегавшееся изваяние на себя. О том, что ворота могут оказаться на запоре, думать не хотелось.

Когда, выполняя команду, люди бросились врассыпную прочь от беседки, Сварог навел на каменного гостя шаур, уже в момент пробуждения выхваченный им из-за пояса, и вдавил спусковой крючок. Серебряные заряды начертили в воздухе блестящую ленту, ударившую в ожившее изваяние. Звения и выбивая искры, звездочки отскакивали от каменного тела. Статуя споткнулась, приостановилась, будто сама не представляя, чем для нее закончится свидание с серебром, но спустя мгновение продолжила преследование.

И погналась она за Сварогом.

Сварог забежал в беседку, на ходу пряча шаур, оказавшийся на этот раз бесполезным. Сотрясая ступени каменной поступью, в беседку, оказавшуюся для него тесноватой, протиснулся и проклятый муж с жезлом в руке.

«Тоже выход,— лихорадочно думал Сварог.— Скрыться в доме, а в дверь ему не пролезть, и в доме том отсиживаться, пока страшилище вновь не окаменеет...» Но кто сказал, что нет силы в ка-

менной его деснице, что он не обрушит дом Сварогу на голову? И кто сказал, что этот типус собирается обратно каменеть в оставшееся до конца света время? Нет, вариант не годится...

Сварог выпрыгнул из беседки на землю. И пока каменный охотник ставил ногу на барьер, впикивал себя между колонн и обрушивался на песок, Сварог обежал беседку и заскочил в нее снова. Что ж, маневр «белка в колесе», нет спору, хорош, его можно гонять до бесконечности, то есть до полной растраты сил. Интересно, у кого первого иссякнут силы, на кого выше ставки? Однако Сварог уже дал время остальным скрыться за воротами, а, мотылясь по кругу, можно и самому собраться с мыслями, сочинить что-нибудь остроумное. Вот чего пока точно не хочется — так это устраивать спринтерский забег до ворот. Уж больно ноги у каменного подлеца длинные и не такой уж он неловкий. Куда там неловкий! На глазах этот монстр становился все более похожим в движениях на человека.

Сварог замер в центре беседки, ожидая, когда изваяние зайдет на второй круг. Однако скульптурный муж остался снаружи и таращился на человека каменными бельмами.

— Бумагу! — прозвучал вполне человеческий голос, но как бы издалека, хотя и громко. — Бумагу Ваграна!

Это потребовал он. Каменный муж.

Когда приказ прозвучал вторично, черты скульптурного лица дрогнули, и — Сварог узнал.

Город тут, оказывается, вовсе ни при чем. Это Сварога несколько успокоило. Ворота должны быть открыты, за ними, вот счастье-то, не начнут охотиться все статуи этого полиса.

Сварог узнал. Хоть здоровайся. Хоть произноси комплимент «Вы неплохо выглядите сегодня, мэтр Ленар».

И, что называется, срослось. Можно хлопнуть себя ладонью по лбу, как поступают люди, осененные догадкой, или по-архимедовски прокричать: «Эврика!» Объяснилась болезнь, досаждавшая его спутникам весь предыдущий день. Мерзкий колдунишка искал лазейки, пытался влезть в тела, завладеть телами людей, что были рядом со Сварогом. И когда с человеческими оболочками не прокатило, отчаявшийся Ленар вселился в оболочку каменную. Откуда, из какого далека мэтр пригнал свою астральную душу, даже неинтересно. А вот как Ленар разыскал Сварога, о том спросить не помешало бы. По карте ли, на которую ему удалось настроиться? Или ему удалось настроиться на эманации Сварога? Или мэтру подсказали... Да, нашлись бы и еще вопросы к мэтру, но как-то не тянуло Сварога заводить разговор с каменным болваном...

— Бумагу! — потребовал видоизменившийся мэтр Ленар и двинул каменным кулаком по колонне.

Сварог крикнул бы ему: «Дурак вы, мэтр, и шутки у вас дурацкие», кабы было время. Но вот как раз времени... Силушкой архивариус себя на сегодня обеспечил — от его тычка по колонне пошли трещины, и беседка опасно накренилась. Ободренный успехом Ленар-статуя саданул второй раз, кроша о колонну и собственные каменные пальцы. Беседка рухнула, подняв облако пыли, но Сварога под руинами не оказалось. Уж простите, уважаемый мэтр...

Открытие в статуе старого знакомого придало Сваргу легкости в теле и мыслях. Может быть, еще и от того пришла легкость, что не приходилось беспокоиться за остальных, мэтру они не нужны. Да и сам Сварог, по сути дела, не нужен. Мэтру карту подавай. Карту...

Идея пришла на бегу. Мэтр, сам того не подозревая, сделал все, чтобы Сварога посетило озарение. Теперь Сварог знал, куда ему бежать.

Каменный гость топал следом, догонял, но Сварога это уже не волновало. Потому что оставалось свернуть за угол — и они на месте. Видите, как полезно сразу же откладывать в багаж память особенностей ландшафта.

Прекратив бег, тяжело дыша, Сварог повернулся к преследователю. Ленар молча надвигался, протягивая руку, свободную от дурацкого жезла.

— Карту, говоришь? На, подавись!

Сварог положил карту Вагранана на край. На край то ли бассейна, то ли фонтана. А фонтаны или бассейны строители заделали глубокими, в три каменных Ленара глубиной, и воду в них, как в анекдоте про психбольницу, не напустили.

Сварог избавился от карты Вагранана и отбежал. И, как он и предполагал, Ленара сразу перестало интересоваться что-то еще, кроме заветной бумажки. Ленар заторопился к ней.

А это еще что? Со стороны ворот персбежками подбиралось сего бравое воинство, причем в полном составе, причем сбившись в толпу, — за все за это высечь их мало! Сварог яростно замахал рукой — стоять, не двигаться, сучьи дети, без вас управляюсь.

И зашел Ленару со спины. Каменный верзила нагнулся за картой, пытался уцепить ее плохо освоенными каменными пальцами. Сварог подналег плечом на каменную тушу, как грузчики налегают на шкафы. Ленара повело вниз, он забалансировал на краю, замахал руками, по Старому городу разнесло его неистовый рык. И не без величественности, присущей обрушивающимся гигантам, будь то откалывающийся от ледяных гор айсберг или свергающаяся с вершин лавина, Ленар повалился в чашу то ли бассейна, то ли фонтана, каменную, как и он сам.

Снизу принесло оглушительный треск разламывающихся камней и облако каменной пыли.

— Не вышел у тебя каменный цветок...

Сварог поднял карту, спрятал, потом посмотрел на дело рук своих.

По дну чаши разбросало обломки статуи важного мужа. Далее прочих откинуло кулак, по-прежнему твердо сжимающий жезл, что-то несомненно символизирующий. Метаморфозы происходили с головой: она на миг становилась человеческой, мэтра Ленара, и тут же обращалась в каменную голову древнего важного мужа, потом вновь обретала человеческие очертания, и лицо архивариуса, как писали в старинных романах, было исполнено невыносимого страдания.

Первой к Сварогу подроспела Клади.

— Как же он смог просочиться в Старый город?

— Может быть, мы, открыв ворота, открыли дорогу и ему, не знаю,— пожал плечами Сварог.

— А говорили, слабый маг...— с побагровевшего лица Пэвер рукавом утирал пот.

— Думаю, ему помогли. Позвольте ваш меч, мастер Пэвер!

Получив от суб-генерала меч, Сварог направился к лестнице. Сбежав по выбитым в камне ступеням, подошел к разбитой статуе.

— Убейте, мастер Сварог... Отрубите мне голову...— прохрипел мэтр, когда его собственная голова заняла место каменной.— Нет сил терпеть это...

Он не врал. Он действительно хотел умереть.

— Любовался бы и любовался вашими мучениями,— вздохнул Сварог.— Но я, так и быть, выполню вашу просьбу, если вы ответите на мой вопрос. Почему вы не сумели вселиться ни в кого из людей?

Оказывается, мэтр прекрасно мог сго слышать. И мог отвечать:

— Потому что никто из них в тот момент не желал вам зла.

— Правда? Даже Олес?

— В него нельзя.

— Ах, вот оно как... А почему?

— Не имею права знать...

— А жаль, было бы интересно... Ну, прощайте, Ленар. Надеюсь, навсегда.

Дождавшись, когда в чередовании голов наступит очередь человеческой, Сварог опустил меч на шею статуи. И по дну чаши покатила голова Ленара. На этот раз — мертвого окончательно и бесповоротно.

— Да,— покачав головой, Сварог направился к лестнице,— на что только люди не идут в погоне за какой-то бумажкой...

Глава семнадцатая

Или Атар, или Граматар

Корабли горели. Полыхали люгсеры, шхуны и баркентины. Полотнища парусов лопались и падали на палубу огненными ошметками. Бизани, гроты и фоки заваливались, разрывая такелаж, ломая борта, сползая в воду. Взрывались крюйт-камеры, взметая над палубой столб огня, корежа корпуса.

Корабли тонули. Кренились, черпали воду пробитыми бортами и, заполняясь водой, медленно погружались в волны. Поверхность залива покрывало, как осенью гладь озер покрывают палые листья, корабельное дерево: обломки рёй, стеньг, гафелей, бушпритов, мачт, бортов, палуб, внутренних переборок, килей, шпангоутов. Среди корабельного дерева мелькали тряпки, бумага, бочонки, стекло, глиняные кувшины, дамские весра, детс-

кие куклы и еще многое, многое, многое... Морская волна покачивала свои трофеи и готовилась рассортировать их обычным порядком: что-то отправить на дно, что-то выбросить на берег, что-то унести в океан. Среди отданных на откуп волнам предметов двигались темные точки. Головы. Головы скота, домашней живности... и людей.

Люди прыгали с гибнущих люгеров, шхун и баркентин. Люди гребли в переполненных шлюпках к берегу. Люди плыли. Люди держались за обломки. Люди выбирались на берег, поворачивались лицом к заливу и грозили, метались по прибрежному песку, застывали неподвижно, сложив молитвенно руки.

На эскадренном броненосце «Адмирал Фраст», справившись с нетрудной боевой задачей — расстрелять мощью главного калибра флотилию деревянных лоханок, — уже всюду развлекались. Отдельные орудия без особой настойчивости и с неравномерными паузами обстреливали шлюпки — судя по всему, в целях тренировки наводчиков. Или на спор. Над верхней палубой иногда появлялись пороховые дымки — это, не иначе, гидернийские офицеры упражнялись в стрельбе из стрелкового оружия и заключали пари на бутылочку-другую вина.

— Вот вам всем и Граматар, — первым нарушил молчание Олес. — А вы еще гуапу боялись...

— Вы знаете гимн Гидернии? — зло переломил сучок о колено Пэвер. — Там есть такие строки:

Отцы несли на чужбину
Веру свою, свой труд;
Им подчинялись — но дети
По праву рожденья тут!
Тут, где палатки стояли,
Ветер качал колыбель.
Вручим любовь и надежду
Единственной из земель!

Единственной, понимаете? Они считают Граматар своей землей, и все тут...

— И они никого не выпустят...

Словам Рошалья, как и всем словам, сказанным в этот день, аккомпанировал несмолкающий гул Феррунианской гряды. Горы трясло, с гор сходили снега — уже не отыщешь ни одной белой шапки. Горы покрывались вулканами — пробив твердь, яростно взлетали к небесам все новые и новые красно-черные фонтаны лавы. Ветер доносил остывший по дороге пепел и до залива, укрывая местность серым снегом, оседая на волосах, одежде, лицах; першило в горле, то и дело хотелось чихать.

— Они никого не выпустят,— повторил Рошаль.

— ...Город Клаутэн располагался в пятнадцати кабелотах от места впадения реки Улак в Редернейский залив. Клаутэн был центром, столицей и единственным городом небольшого домена Клаустон. Домен Клаустон входил в сюзеренат доменов Тоурант. С наудера на куз через весь Тоурант тек широкий судоходный Улак, и все входящие в сюзеренство домены имели выход к реке. Только домен Клаустон добился от Тоура* привилегии избирать дожа, а не получать готового из столицы или иметь наследного. Сто лет назад тогдашний тоурантский король попробовал силой отобрать у Клаутэна привилегию, но наемники из Шадтага отстояли домен, а потом настолько вошли во вкус, что чуть было не захватили и весь Тоурант. Против шадтагцев объединились все пять доменов, в том числе и Клаустон, и только общими усилиями уgomони-

* Тоур — столица сюзерената Тоурант, где находится резиденция тоурантского короля. Тоурант объединяет пять доменов, каждый из которых имеет определенную самостоятельность.

ли бравых вояк. После чего короли Тоуранта считали за благо Клаутэн не трогать. Отсюда пошло выражение «Зачесался палец? Пощечки им клаутэнца — палец оттяпает, зато и щекотка пройдет»... Так, во всяком случае, об этом повествуется в «Военной истории Атара», — просвещал их на одном из привалов мастер Рошаль.

Тогда они могли думать, что знание о Каутэне им для чего-то пригодится. Тогда они еще не знали, что увидят с утеса на берегу Редернейского залива.

С военно-уничтожительной точки зрения гидернийский броненосец поступал абсолютно верно. Вместо того чтобы гоняться по морю за отдельными флотилиями разных государств, он занял позицию у впадения реки Улак в залив и методично расстреливал все корабли. Кроме как по Улаку тоурантские суда никак попасть в море не могли, значит, им не миновать и встречи с боевым кораблем военного флота Гидернии.

Рошаль и Пэвер не сомневались, что все гидернийские военно-морские силы рассредоточены вдоль побережья Атара и выполняют сейчас одинаковый приказ — расчищать место для Великой Гидернии на Граматаре. Расчищать еще задолго до всплытия Граматара.

И пока броненосец «Адмирал Фраст» не удостоверится, что ни один из тоурантских кораблей реку Улак покинуть не сможет, он никуда из залива не уйдет. Не уйдст, несмотря на начавшееся, не прекращающееся, набирающее силу землетрясение, несмотря на то, что осыпаются от встрясок берега залива. Когда станет совсем горячо в прибрежных водах, когда пойдут исполинские волны и закружат бездонные водовороты, броненосец в два счета уйдет с рейда, и не успеет капитан разжечь и выкурить трубку, как боевой гидернийс-

кий корабль будет дымить в безопасном открытом море.

О том, что «Адмирал Фраст» будет торчать в заливе до последнего, как раз и размышлял сейчас Сварог. В Клаутэн, как собирались, идти теперь без смысла. А куда прикажете идти? Да некуда. Идти точно некуда. Потому что началось. Как сказала Чуба-Ху, «смерть пришла». Она сказала об этом, когда, уже подходя к заливу, они увидели, как ползут с моря низкие смерчевые тучи, закручивающиеся в воронки, где-то внутри себя пронзаемые молниями. Скоро эти тучи нависнут черным потолком, и вот уж тогда наступит полная и безоговорочная Тьма. Совершенно очевидно, что никуда они не денутся до самой Тьмы. Время от времени из набухшего черным гноем неба пикировали к земле взвинченные конусы смерчей.

Дрожь под ногами становится сильней с каждой минутой. Бегут к побережью лесные пожары. Сегодня они вспыхивают повсеместно один за другим — после того, как взорвались извержениями горы и раскаленная лава хлынула по склонам. Идти некуда. Весь мир стал серым и невзрачным, как бстон. Не только от пепла, редкими хлопьями сыплющегося сверху, но и от пепла, несущегося в головокружительной вышине и обесцвечивающего своей пеленой чистую лазурь небосклона. Солнце превратилось в блеклое пятнышко и обреченно кивало им из зенита; казалось, это не тучи мчатся над головой, а светило стремится куда-то убежать, но никак не может сдвинуться с места. Бежать было некуда.

— Добраться до Крона мы не сможем, не успеем,— прервал затянувшееся молчание Гор Рошаль.

— Думаете, кронский флот нынче не кормит рыб? — покачал головой Пэвер.

— Флот Крона, равно как и Шадтага, сам располагает боевыми кораблями. Они не дадут всяким «адмиралам» делать с ними, что захочется.

— Зато наша потрепанная команда прямо позарез нужна Крону. Равно как и Шадтагу,— невесело ухмыльнулся Олес.

— А кому мы вообще нужны? — резонно спросил Пэвер.

Они обменивались репликами без выражения, не вкладывая в них ни капли эмоций. Как актеры провинциального театра перед пустым залом на сотом показе одного спектакля. Потому что все понимали: это самый последний спектакль. И на него никто не купил билеты...

— Ладно, отставить раскисать! — Сварог все обдумал и был готов к разговору.— Пока живы, не помрем. Взвейтесь, соколы, орлами. Не плачь, девчонка, пройдут дожди.

— Какая девчонка? — мрачно поинтересовался Рошаль.

— Это я так боевой дух поднимаю. Девчонок у нас, кстати, аж целых две, и обе вот-вот заплачут...— Он стряхнул с плеч пепел, который превратил его камзол в мундир с эполетами, и, прищурившись, посмотрел на «Адмирала Фраста».— А как вам, голуби мои, нравится этот пароход? В смысле — прибрать его в наши умелые руки?

— Не смешно,— мрачно заметил Гор Рошаль, кутаясь в свой балахон и глядя в море, как Наполеон со Святой Елены.

— А я и не шучу. Податься-то нам некуда. Впереди — океан до горизонта и даже дальше, позади — лава наступает, под ногами — тонущий материк, над головой — небо, в которое мы более подняться не сумеем и с которого на нас вот-вот начнут сыпаться камни. Четвертое измерение, откуда можно было бы смыться в мой мир,— и то

закрыто. Так что положение безвыходное во всех смыслах. Куда не плюнь, везде гибель... Зато, обратите внимание, прямо перед нами — прекрасное, бронированное, вооруженное, быстроходное плавсредство. Аж плакать хочется, какое прекрасное. Ведь так и ждет, стервец, чтобы мы на него сели. И не пассажирами, а офицерским составом...

— Да вы очумели, мастер граф, уж простите за генеральскую резкость! — Пэвер сломал еще один сучок из тех, что подбирал под ногами. — Там одной команды три сотни человек. Это ж броненосец. А толщина бортов! А артиллерия, а пулеметы! С пращами и ножиками их будем захватывать?! Проще повеситься!

— Проще броситься с утеса, — предложил разгорячившемуся бывшему суб-генералу бывший десантный майор. Да, с уступа, на котором расположилась их компания, очень удобно расставаться с жизнью. Пролететь треть кабелота, славно шмякнуться о камни... — Только не хотите ли сначала дослушать меня? Я ж не призываю вас построить плот, воткнуть орясину вместо мачты, привязать к ней пиратский флаг и, горланя удалую песню, взять броненосец на примитивный абордаж. Этот дредноут, если, конечно, Атар вдруг не затонет раньше, проторчит в заливе до ночи. Плавать все умеют?

— Я не умею, — пробурчал Рошаль.

— Я плохо умею, — сказала Чуба-Ху. — И вообще я воды боюсь.

— Не страшно, что-нибудь придумаем. Так вот! Под покровом ночи крадемся... то есть тихо подплываем к этой бронированной галоше. Из лука, его изготовление я беру на себя, выпускаем стрелу, к которой привязаны канат и «кошка»...

— «Кошку» я знаю, как сделать! — перебил Олес. Наличие хоть какого-то плана и уверенный

тон Сварога вывели князя из уныния, и он сразу же впал в состояние нетерпеливого возбуждения.— Из согнутых кинжалов!

— ...Забираемся на корабль по канату, а дальше... ну а дальше — как сложится. Здесь ловить уж точно нечего... И, кстати, мастер Пэвер, мы не такие уж безоружные. Мой всем уже известный шаур, кое-какие способности из тех, что непросвещенный люд именует «колдовскими штучками», Чуба-Ху с ее стремительной и смертоносной второй ипостасью, Клади с ее отвлекающей на себя мужские глаза внешностью, мастер Олес с его цирковыми задатками и кровью великих строителей Старого города, мастер Рошаль с его аналитическими способностями и владением кинжалом и, наконец, вы, мастер Пэвер, с вашим полководческим прошлым.

Сломанная Пэвером ветка на этот раз хрустнула не столь громко.

— Да ладно вам! У нас в полку это называлось раздавать награды перед боем. А вахтенные, а часовые?.. Какой-тодохлый шанс, может быть, у нас и есть, но только до первого шума. Поднимается шум — и можно смело сигать за борт.

— Теперь я хотел бы послушать ваши планы,— скрестил Сварог руки на груди.— Для сравнения.

— Идти в Крон побережьем,— сразу же высказал предложение Рошаль.— Если у нас будет неделя...

— Какая неделя! — всплеснул руками Пэвер.— Не видите, что творится?!

— Никому сие не известно. Вдруг нам выпадет неделя. Например, по дороге в Крон нам может повезти и нас подберет какой-нибудь корабль.

— Какой дурак нас будет подбирать?! — воскликнул Олес.

— «Вдруг», «повезет», ну и план у вас, мастер Рошаль!

— А у вас, мастер Пэвер, простите, какой план?

— Я еще думаю,— ответил Пэвер и потянулся к следующему сучку.

— Что скажешь ты, Клади?

— Мне нечего сказать.— С тех пор, как увидела побоище в заливе, Клади не произнесла ни слова и ни на кого не смотрела. Она не отрывала взгляда от горизонта. Даже сейчас.

— Чуба?

— Если вы действительно хотите взять меня с собой...— глаза женщины-волка горели такой надеждой, что становилось не по себе. Признаться, боязно становилось,— то я буду участвовать в любом плане,— твердо закончила она.— Я кому угодно сердце зубами вырву. Я доплыву и поднимусь по якорной цепи. Я обернусь и устою этим тварям кровавую баню. Я...

— Штурмуем это ведро! Решено! — Олес расхаживал в опасной близости от осыпающегося края уступа.— За канатом можно сходить к людям на берег. Самим найти на берегу, наконец! Давайте, бойцы, давайте не сидеть сложа руки!.. Слушайте, а ведь у спасшихся на шлюпках могло сохраниться какое-никакое стрелковое оружие! Нам хотя бы арбалет! Не обязательно отнимать. Предлагаю купить. Разве этот перстень не стоит арбалета?

И князь принялся стаскивать с пальца печатку с ониксом в золотой оправе.

— Испытуемый, зачем им твой перстень, когда рушится мир,— и Пэвер сломал новый сучок...

От грохота заложило уши. Их подбросило. С деревьев посыпались сухие ветки. Олесу повезло, что он отошел от обрыва, потому что обрыв обвалился на два кайма от края. Земля уступа в

момент покрылась паутиной трещин. Олес с вытаращенными глазами вытянул руку в сторону Феррунианской гряды и открыл рот, но ни слова вымолвить не смог.

— Перевал Ящера,— выдохнул Пэвер.— Двести рапанов мне в зад и против резьбы...

Перевала Ящера больше не было. На их глазах горные вершины неспешно, величественно оседали, словно сдуваемый надувной матрац, и встряхивали землю на сотни кабелотов вокруг. А снизу ядерным грибом вставала черная клубящаяся стена грунта, застилая погибающие горы. И зрелище это было таким завораживающим в своей медлительности, в своей глобальности, что взгляда было не оторвать.

— Уходим, спускаемся, а то грохнемся в залив вместе с утесом! — прервал Сварог любование катаклизмами.

Следовало поторопиться. Трещин в земле уступа все прибывало. Сварог, как и положено командиру, дожидался ухода из опасной зоны последнего бойца. Последним бойцом оказалась Клади — Сварог уже понял, что баронетта хочет пошутиться с ним тет-а-тет. И он догадывался, о чем именно.

Они спускались по извилистой узкой тропе, отводя от лица ветви кустов, присыпанные пеплом, и все больше отставая от остальных.

— Откладывать разговор вроде бы уже некуда,— помог ей с началом Сварог.

Она нервно закусил губу.

— Совсем некуда.

— Кто первый? Я со своими подозрениями или ты со своим признанием?

— Может быть, я со своим предложением?

Они остановились.

— Нет,— покачал он головой,— сперва исповедь души, отпущение грехов, а потом уже решим,

куда путь держать: в ад, рай или чистилище. Я же все равно не смогу принять или отвергнуть твое предложение, не зная всей правды.

— А ты что-то знаешь?

— Догадываюсь... Ну, хорошо. Времени у нас на болтовню не так уж много. Совсем нет. Чтоб тебе было легче... — Он замолчал на миг, потом спросил в лоб: — Ведь ты — гидернийский шпион, да?

— Шпион! Фи, как грубо... — поморщилась она. И вздохнула, отводя от лица пряди волос. — Я, милый граф, свободный агент Отдела последнего рубежа безопасности государства Гидрения. Звучит напыщенно, а на нормальный язык это переводится так: работник по найму в конторе, которая занимается обеспечением безопасного Исхода для граждан Гидернии.

Сказала она это столь просто и спокойно, что Сварог на миг даже растерялся. Он думал, что будут протесты, возмущение, оправдания или в лучшем случае — слезы, раскаяние, мольбы простить, а тут... Хотя где-то в глубине души он был почему-то рад, что девчонка признается так буднично...

...Она была уроженкой Бадры, и завербовали Клади три года назад, исключительно благодаря одной ее способности. Она не была колдуньей, но одним-единственным магическим даром обладала: она умела внушать, и это обстоятельство делало ее агентом весьма и весьма полезным. Она могла внушить кому угодно что угодно — например, могла довести до самоубийства, продать родную мать, могла влюбить в себя... Так и произошло в случае с бароном Таго: на каком-то празднике во дворце князя Саутара он неожиданно вспылал к юной незнакомой красавице чувствами — надо заметить, исключительно отцовскими, — удочерил ее и

поселил в своем замке. Потому что два года назад гидернийская разведка выяснила, что в библиотеке замка спрятана знаменитая Бумага Ваграна, которая еще больше увеличит шансы островного флота добраться до Граматара первым. Бумага, которую, оказывается, уже много лет тайком разыскивает в этой самой библиотеке, некий никому не известный архивариус. И Клади была спешно внедрена. К сожалению, замок Таго находился под магической защитой, внутри охранного круга никакое колдовство не действовало, как выглядит пресловутая карта, она не знала, поэтому оставалось только терпеливо ждать, пока мэтр сам отыщет Бумагу и вместе с ней покинет замок, а уж за его пределами Клади найдет способ убедить его отдать карту ей. Дальше все просто: она включает передатчик, дает сигнал о том, что карта у нее, ее вместе с картой вывозят по реке в резидентуру, а оттуда — быстроходным катером в Гидернию, где ждет не дождется солидный гонорар... Одна беда: никто из её хозяев не догадывался, что мэтр окажется слугой Темного. И никто не мог предположить, что в дело вступит неожиданный фактор — пришелец из другого мира, который с ходу и, правду сказать, непреднамеренно ломает все планы операции. Когда Клади увидела на столе у Сварога книгу из библиотеки и поняла, что, возможно, это и есть Бумага Ваграна (иначе почему столь стремительно бежал граф-любовник из еще теплой постели!), она, признаться, решила, что ее обошли: карта попала в чужие руки. В чем мать родила Клади бросилась к себе, оделась, схватила передатчик... и только тогда опомнилась. Книга сама по себе еще ничего не значила, а граф Гэйр, ну хоть убейте, никак не производил впечатления агента — уж в таких делах она разбиралась. И ведь

книга осталась на столе... Клади вернулась за ней в комнату — и тут в окно вломилось нечто. На замок напали «черные монахи»-аграртеры. Ни забрать книгу, ни послать сигнал она не успела... И все дальнейшие события вышли из-под ее контроля. Когда Клади поняла, что Бумага Вагранна погибла в пожаре, она, к стыду своему, запаниковала. У нее был только один резервный канал связи: незнакомый ей резидент в «Дырявой бочке». Однако кто-то прервал и эту, последнюю связь со своими. И ей ничего не оставалось, кроме как покориться ходу вещей и просто выждать момента, когда она сможет связаться с резидентурой... А потом Бумага вдруг всплыла у графа Сварога, потом — о чудо! — вообще перекочевала случайно к ней в руки. Клади, конечно, могла бежать из камеры во дворце Саутара, но не стала этого делать: куда заманчивее прибыть в Гидернию на украденном дирижабле, да еще привезти с собой начальника тайной полиции Гаэтаро, да еще новоиспеченного князя, да еще обладающего удивительными способностями пришельца из другого мира — вот это был бы триумф! Легким мысленным посылом Клади приказала Рошалю взять курс напрямик на Гидернию. И отдала карту Сварогу — потому что чувствовала, что граф начинает ее в чем-то подозревать и необходимо было оправдаться. И если б не авария, они скоро вошли бы, выражаясь языком другого мира, в воздушное пространство островного государства. Вот и все, собственно...

Клади не врала — если только, чертовка, не умела внушать и магическому детектору лжи Сварога, будто говорит правду. Если только не обманула детектор, паршивка, как уже случилось однажды: «Кто там был?» — «Я не знаю, как его зовут...» И ведь действительно не знала,

ведьма зеленоглазая!.. Однако думать, что она опять врет, означало последний шаг к паранойе...

— И как ты меня вычислил? — спросила она после паузы, внимательно наблюдая за лицом Сварога. В глазах ее прыгали веселые зеленые черти.

Сварог, прикладывая неимоверные усилия, чтобы лицо оставалось спокойным, прикурил уже третью сигарету и ровным голосом сказал, будто все так и должно происходить, будто они мирно обсуждают планы на выходные в уютном кабачке:

— Трудно сказать... По мелочам. Радиопередатчик, которого в отсталом Гаэдаро, да и в других странах, кроме Гидернии, просто не может быть, но который почему-то оказался в моей комнате. Где только что была ты. То как ты рвалась назад в замок — не к отцу, пусть и приемному, а в почему-то библиотеку. Этот служака на заставе... «Дырявая бочка»... Много, в общем, чего...

— И что ты теперь будешь делать? — тихо спросила она.

Сварог пожал плечами. Действительно, а что теперь делать?

— Вот уж не знаю, — сказал он. — Наверное, отдам тебя под трибунал... Значит, там, ночью, в замке, ты внушила мне, что...

— Нет, — резко тряхнула она головой. — Нет, капитан, и тебе самому это прекрасно известно. Во-первых, защита замка гасила любую магию... кроме твоей. Не знаю, почему. Во-вторых, мое колдовство на тебя не действует. Опять же не знаю, почему. Может быть, потому что ты не здешний. Я попробовала однажды, когда мы встретились впервые — там, на лесной дороге, — и ничего не получилось. (Сварог вспомнил мурашки, пробежавшие по затылку, после драчки с молодым кня-

зем. Логично, черт возьми, логично...) А в-третьих...— Она посмотрела ему в глаза.— А в-третьих, капитан, я не стала бы таким образом затаскивать тебя в постель.

— А кстати, как же Олес? — спросил он, мысленно вздыхая с облегчением.— Почему ты не внушила ему, чтоб он к тебе не приставал?

— Там, в лесу, он был пьян,— поморщилась Клади.— А алкоголь каким-то образом нейтрализует внушение, понятия не имею, каким. Кстати, и суб-генерал по той же причине не «убедил» тебя, что, дескать, аппарат для путешествий по Тропе находится в Гидернии и только и ждет некоего графа Гэйра...

— Значит, аппарат существует?

— Ни малейшего представления. Но в Гидернии его точно нет.— И опять Сварог не смог отыскать в ее словах ложь.— А что касается Олеса... ну не хотела я гнать его. Не хотела, и все.— Она вдруг хитро улыбнулась.— Какая женщина будет против того, чтобы за ней ухлестывал наследник князя, даже если он ей совершенно безразличен? До недавних пор Олес вел себя вполне благопристойно, работать не мешал...

— Понятно. Значит, шпионские игры на свежем воздухе, отлично... Ну и зачем ты мне все это рассказала? — спросил Сварог и со злостью растер окурок каблуком. Нет, женщин ему не понять никогда, хоть убейся.

— А исповедь окончена?

— Если тебе больше нечего добавить...

— Я все сказала, ваша святость.

И она в притворном раскаянии склонила голову.

Ну как на нее будешь сердиться? Да и за что, собственно?.. Сквозь сетку волос, упавшую на ее лицо, прострельнули озорные зеленые искры.

— Вы отпустите мне грехи?

— Да перестань ты,— устало сказал Сварог, отчего-то чувствуя себя дурак дураком.— Что ты от меня хочешь?

— У меня к вам, капитан, насквозь деловое предложение.

— Н-да? Нетрудно догадаться, что ты можешь предложить.

— Вот в этом, боюсь, ты ошибаешься. Ты ведь думаешь, я стану обещать золотые гидернийские горы, ничейные земли нового материка, соблазнять чинами и званиями. Не скрою, стала бы соблазнять чинами и званиями, если бы не постраниствовала с тобой от переделки к переделке и не узнала тебя так хорошо. Вышла бы пустая трата слов. Ты бы благородно отказался бросить товарищей и подло удрать от них вместе с девицей и картой на броненосец. Или, может, я не права? Или ты согласишься к моей огромной радости?

— Права. Не соглашусь, к твоему глубокому огорчению. Так что ты можешь мне тогда предложить? Разве что-то остается?

— Представь себе... Видишь ли, мой милый граф, я не желаю больше быть никем. Рядовым агентом, которого привлекают к работе только из-за того, что она умеет внушать, угольком для чьей-то паровой машины. А таковой я и останусь, если вернусь к моим начальникам ни с чем. Без карты Вагран и без вас. Еще и понизят,— она криво усмехнулась,— как не справившуюся с заданием. Пришла пора, мастер Сварог, игры на пограничной земле жизни и смерти. Или все, или ничего. Или Атар, или Граматар. Или, на худой конец, ваши Блуждающие Острова. Или мы с вами погибнем, или мы с вами будем командовать этим броненосцем. А там... Броненосец и Карта Вагран... Это же какая силища! — Она мечтательно закатила глаза.— Мы бы могли такое... такое...

— Неужели тебя не пугает участие в ночном абордаже?

— Да я на него и не пойду,— отмахнулась Клади.— Дурацкий план. Вполне в твоём духе. По этому плану нас перережут, как курей. Зря я, что ли, гробила свою молодость за гидернийские интересы? Не забывай, что я агент тайной службы, а посему знаю кой-какие коды — и военно-морские, и особые. На броненосец можно послать сигнал — ну там световой или ещё как... Флажками, например. Вызвать катер. Уж катер захватить всяко легче, чем сразу весь броненосец. Либо ещё что-нибудь придумать. Понимаешь? И коды — это не единственное, что я знаю...— Она лукаво прищурилась.— Много чего я знаю и умею. Ну так как?

— Что — как?

Налетел порыв шквального ветра, поднявший тучи пепла, и раздался отдаленный дробный гул, будто вертолет взлетает, только значительно басовитее: до берега, наконец, докатилась ослабленная расстоянием ударная волна от рушащихся гор. Сразу же стемнело ещё больше, земля заходила ходуном, и, чтобы удержаться на ногах, они ухватились друг за друга.

— Так ты принимаешь мое предложение?! — Клади приникла к нему и повысила голос, чтобы перекричать ветер.

— А ты сформулировала его?

— Хорошо, формулирую! Мы выбираем Граматар, ты и я! Плюс твои приятели! Включая Олеса... Видишь, на какие жертвы я согласна?

— А почему я должен верить тебе?

— А с чего мне сейчас лгать?

Ее волосы клубились на ветру, как языки пламени.

— Ну, чтобы заманить меня, всего такого доверчивого и подвоха не ожидающего, на корабль,

а там уж твои навалятся всем скопом... Откуда я узнаю, какой сигнал ты на корабль пошлешь?

— Ты и сам не веришь, что говоришь! — Клади прищурилась от летящего ей в лицо пепла.— Ну, проверь, вру я или нет. Ты же умеешь!

— Вроде не врешь...

— То-то. Ну, капитан, не разочаровывай меня! Где твоя решимость? Ты ведь, такое впечатление, сначала лезешь в пекло, а уж потом разбираешься, что к чему и как оттуда выбраться. Неужели abordаж проще и безопаснее моего плана?

— Эй, ну где вы там?! — донесся до них снизу едва слышный крик Пэвера.— Уснули, голубки? Утес вот-вот рухнет!

— В поселок, за канатами! — долетел радостный вопль молодого князя.

— Уже идем! — заорал Сварог и обнял Клади.— Уже спускаемся! Подождите!

— Ну же! — Клади топнула ножкой.

— Надо идти скорее!

— С места не сдвинусь, пока не скажешь «да»!

«Скажите „да“»,— просил ночной посланник...

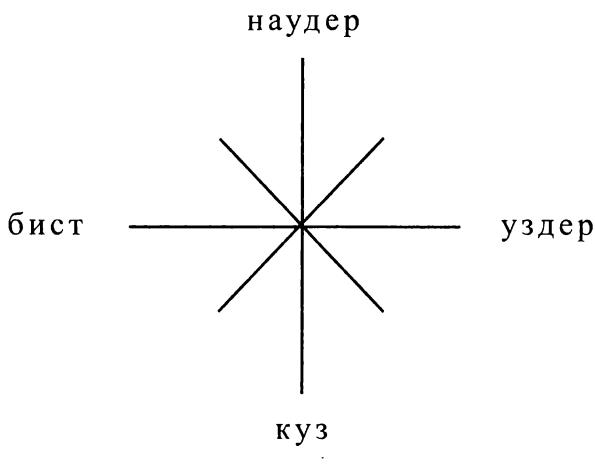
...Наверное, Сварог был неважным психологом. Наверное, он был слишком доверчив. Гаудин бы ни за что не поверил девчонке — не в его правилах верить, когда на карте стоит жизнь многих людей. И Гор Рошаль ни за что не поверил бы — не в его правилах верить вообще кому бы то ни было. И субгенерал Пэвер вряд ли бы поверил. Про князя и говорить нечего... Ну и черт с ними со всеми.

— Да! — сказал он. И, схватив Клади в охапку, потащил вниз по тропе.— Да, ведьма ты зеленоглазая!

Конец первой книги.

ГЛОССАРИЙ

Димерийская роза ветров:

Отрывки из «Полной истории государств Атарийских в восьми томах, охватывающей период с 1 г. по 511 г., составленной на основе документов и материалов, кои обнаружены были в библиотеках, хранилищах и архивах разных стран континента Атар Неб-Рупусом, гран-хронографом Его Величества короля Трагора, правителя Великой Гидернии, отобраны, систематизированы и проверены».*

* Значительно подпорченный водой, текст «Полной истории» обнаружен Второй Бадрской имперской экспедицией (Грамматар, 286 г.) среди руин королевской библиотеки в Катрании (Атар).

ФРАГМЕНТЫ ВОСЬМОГО ТОМА (485—511 гг.)

С тяжелым сердцем приступаю я к последнему тому моего скромного труда, посвященного пятисотлетнему существованию людей на континенте Атар, поскольку видится мне, что вместе с завершением моей «Истории» подходит к своему очередному финалу и история человечества. Одна лишь надежда помогает мне сохранить крепость духа и не прервать работу, коей я посвятил пятьдесят лет жизни, торопясь закончить ее к той черной минуте, когда воды океана сомкнутся над Атаром: надежда на то, что потомки тех, кто выживет в катастрофе, прочтут ее, вспомнят о нас и не повторят наших ошибок...

[Кусок текста безвозвратно утрачен.]

...Итак, седьмой том «Полной истории» мы закончили на подписании трехстороннего Акта о прекращении военных действий между королевствами Нур, Газдаро и Шадтаг (2 марта 4895 г., Катрания) и пересмотре границ между ними. Заметим маргинально, что с тех пор и до нынешнего времени пределы всех девяти государств остались неизменными (см. *рис. 4*). Остановимся вкратце на политической карте Атара.

Поскольку именно усилия Великой Гидернии способствовали прекращению войны на удовлетворивших все конфликтующие стороны условиях, было логично начать с нее.

Великая Гидерния — единственное на Димерее государство, границы которого не менялись на протяжении всех пятисот двадцати четырех лет нынешнего цикла. Некоторые лжеисторики отсталых стран утверждают, будто единственная тому

причина — удача первых переселенцев с тонущего Граматара. Дескать, им просто повезло наткнуться на огромный остров на кузе Атара и беспрепятственно заселить его, пока остальные беглецы с Граматара сражались за каждую пядь пригодной для жизни земли на континенте. Ложь! В наименьшей степени ограниченность береговой линии Гидернии способствовала ее процветанию. Ответ прост: все пять тысячелетий Тьмы и до нее Гидерния являлась наиболее прогрессивной и развитой страной, что и обеспечивало безоблачное существование ее граждан. В то время, как прочие народы осваивали восставшую из океана сушу Атара, воевали за плодородные и богатые рудой территории, перекраивали границы по своему усмотрению, гидернийцы использовали отпущенный им срок на то, чтобы развивать науку, флот, военное искусство.

К наудеру от Гидернии, по обе стороны от устья Руаны, одной из величайших рек Атара, расположились государства Крон и Шадтаг. Как уже указывалось в пятом томе, некогда (4487 (?) — 4660 (?) гг.) это было единое государство, которое раскололось на два с общей границей по линии реки. Причины этого разделения по-прежнему неизвестны, однако существуют документы (см. том 5), однозначно указывающие на некие религиозные мотивы раздора.

К уздеру от Шадтага находится княжество Гаэдаро. На наудере ее граница определена береговой линией реки Крамеш, на уздере — береговой линией ее левого притока, Толмы, а с куза страну ограничивают подножья недоступного Гаркатского хребта. После войны территория Гаэдаро сильно сократилась: в частности, место слияния Крамеша и Ро, до той поры являющееся крупнейшим торговым портом Атара, не принадлежащим ни одному государству, отошло в ведение Нура.

Нур — государство, расположенное к наудеру от Шадтага. Имея протяженные общие границы с Шадтагом на кузе и с королевством Вильнур на наудере, Нур, тем не менее, поддерживает с обоими этими государствами исключительно дипломатическую связь. И причины этого таковы: политические, экономические и военные интересы Нура направлены на постепенный территориальный захват в княжестве Гаэдаро. Власть предрежащие в Нуре рассуждали так: если мы не имеем выхода к морю, то лишь расширение собственной территории и, как следствие, рост производства и приток рабочей силы за счет присоединенных земель станет для нас шансом найти спасение, когда наступит Тьма. Мы станем мощной страной и сможем говорить на равных с прочими государствами, имеющими береговые границы. А поскольку сопредельные Шадтаг и Вильнур — королевства сильные и с неплохо (если не брать в сравнение Гидернию) организованной армией, то взгляд нурцев логично обратился к отсталому княжеству Гаэдаро. К их сожалению, после подписания Катранского Акта для Нура стало весьма затруднительно начинать открытые боевые действия, поэтому он до сей поры ведет войну скрытую — саботаж, диверсии, подкуп чиновников и прочая, прочая. Шадтаг и Вильнур смотрят на потуги Нура с неодобрением, вот почему дружба между Нуром и этими государствами не заладилась.

На бисте от Великой Гидернии находится сюзеренат Тоурант. Это объединение доменов сохраняет полный нейтралитет в политических играх остальных государств, поскольку граничит с землями необжитыми и опасными, населенными, по многочисленным данным, порождениями не Пресветлого Тароса, а его вечного антагониста Ловьяда...

[Кусок текста безвозвратно утрачен.]

Флаги государств Атара

Бадра. Полотнище разделено по диагонали на два треугольника: синий (доблесть) и алый (верность заветам Пресветлого).

Газдаро. Коричневое (цвет, символизирующий процветание) полотнище с лиловыми (фамильный княжеский цвет) ромбами по углам и лиловым кольцом по центру. Кольцо — символ единения монарха и подданных.

Гидерния. Черное полотнище и по центру белый расколотый круг.

Нур. Широкая зеленая (плодородие) полоса и более узкая оранжевая (непобедимость). Полосы горизонтальные.

Вильнур. К зеленой и оранжевой полосам справа добавлена вертикальная ярко-красная полоса, когда-то символизировавшая мятеж.

Шадтаг. Коричневое полотнище. По центру флага — золотая корона правителей Шадтага.

Фагор. Три горизонтальные полосы: зеленая, белая (незамутненность помыслов) и малиновая (готовность к самопожертвованию).

Крон. Синее полотнище с серебряной птицей в правом верхнем углу.

Тоурант. У каждого домена свой флаг. Общее — по центру жезл бронзового цвета, символ власти тоурантского короля.

Блуждающие Острова. Данных нет.

Религия Атара

Господствующей религией во всех странах является поклонение Т а р о с у , чаще называемому Пресветлым.

Единого канонического изображения Пресветлого не существует. Объединенное Священство

(Шадтаг, Гаэдари, Бадра, Фагор возглавляется деснием, избираемым пожизненно конклавом служителей Пресветлого) канонизировало Тароса как высокого, худощавого телосложения старца с длинными седыми волосами и окладистой бородой. Пресветлый обычно изображается правящим лодкой стоя.

Церковь Нура и Вильнура разрешает лишь деревянные скульптурные изображения Пресветлого (в виде старца в лодке).

Гидернийская церковь (алакомена) не признает уподобления Пресветлого человеку, и в росписях гидернийских храмов Тарос присутствует в виде небесно-голубого сияния, символизирующего всеведение и всепроникновение Пресветлого.

В Кроне и Тоуранте получил распространение культ Пресветлого, отвергающий возможность человека приблизиться к божественной сущности («Человеку даровано токмо впитывать в себя ниспосылаемую благодать и не возмечтать о равенстве»). Церковь Крона и Тоуранта запрещает рукотворение любых ипостасей Пресветлого в любом виде и материале. Кронские и тоурантские храмы внутри украшены лишь выбитыми на камне или вырезанными на дереве изречениями из Книги Призыва.

Попытки двух общеатарских соборов прийти к единообразию в вопросе ипостасей Пресветлого и их отображения закончились неудачей.

Храмы Пресветлому строят входом на уздер, куда, согласно Книге Призыва, удалился из мира людей Пресветлый. По решению первого общеатарского собора, храмовое крыльцо должно насчитывать ровно дюжину ступеней («двенадцать раз призовут, и яве он»). [Книга Призыва, речь первая, зачин пятый]). Храмы освещаются свечами и символическими жертвенными пламенниками

(Пресветлый требует не жертвоприношений, а соблюдения заповедей), вдоль стен обычно стоят бронзовые курительницы с благовониями. Место общения священнослужителей с Таросом — храмовый алтарь, обращенный на уздер.

В Нуре, Вильнуре и Гаэдаро священнослужителям настрого запрещено винопитие, плотские утехы, азартные игры, сыроедение и ростовщичество. В других странах служителям культа лишь предписывается во всем умеренность и скромность.

Наиболее сильное влияние на светскую власть церковь оказывает в Фагоре. Там ни одно княжеское законоуложение не входит в силу без утверждения фагорского протодесния. Естественно, всегда имело место скрытое противостояние между светской и церковной властями, нередко переходившее в открытые конфликты. Население, как правило, выступало на стороне протодесния. Одной из причин тому являлась неизменность церковного налога — двенадцатая часть дохода прихожан (согласно установлению второго общеатарского собора), в то время как князья зачастую облагали подданных непосильной данью. Поэтому фагорские правители всегда вынуждены были считаться с влиянием служителей культа Пресветлого.

Наиболее подконтрольна церковь светской власти в Великой Гидернии.

Священной книгой приверженцев культа Пресветлого является Книга Призыва, состоящая из двенадцати проповедей (речей), каждая из которых содержит двенадцать посылок (зачинов). Считается, что Книга Призыва написана пророком Мииенной сразу после Первого Наступления Тьмы. По общепринятой версии, пророку был явлен знак, после чего Мииенна удалился в пустынные земли, где прожил отшельником двенад-

цать лет и за это время написал Книгу Призыва, строки которой вспыхивали для него каждый день огненными буквами на фоне заката.

Книга Призыва рассказывает о том, каким был создан этот мир Пресветлым, каким его застал Пресветлый, явившись к людям, о гневе Пресветлого и о его проклятье. Возгневавшись на людей, разрушавшим дарованный им мир, Пресветлый сказал, что раз в пять сотен лет он будет допускать к людям Тьму, чтобы знали они, что ждет их всех и каждого в отдельности по ту сторону жизни, если не начнут они жить по заповедям Тароса. И Тьма будет приходить до тех пор, пока люди сами не вернут мир к его истоку, к изначальному порядку.

Спасение всех вместе и каждого в отдельности — в соблюдении заповедей, коим число трижды двенадцать. Главные заповеди: не лгать, не предавать, не отнимать жизнь, когда твоей жизни ничего не угрожает, не сквернословить, не заниматься колдовством.

Отдельная речь Книги Призыва посвящена природе Тьмы. Тьма родилась на удар сердца позже Пресветлого. Поэтому ей суждено всегда и во всем отставать на удар сердца. Но стоит остановиться или пойти вспять, Тьма нагоняет и опережает. «Тьму уподоблю камням в зернах злака, когда и тех, и других сперва поровну считали. Когда выбрасываешь камни, больше зерна остается. Когда выбрасываешь зерно, становится в мешке больше камней...» [Книга Призыва. Речь двенадцатая, зачин второй].

Тьма не имеет формы, ее не увидеть. Она как болезнь, — узреть саму болезнь невозможно, но открыто глазам творимое ею зло. Тьму способен видеть лишь Пресветлый, но уничтожить ее ему не дано, дано опережать. Тьма, как и Пресветлый, умеет порождать. Темным, нечистым ее

порождениям несть числа, а самое могущественное, подвластное только самой Тьме наречено именем Ловьяд, что значит Темный. И Ловьяд тот способен являться людям и смущать их посулами.

Различное толкование Книги породило на свет секты, с которыми церковь Пресветлого всегда нещадно боролась (обычно, используя свое влияние на светскую власть, добивалась уничтожения или насильственного изгнания сектантов из страны). Некоторые секты продолжали тайное существование, какие-то уходили в Запретные Земли и оседали там, образуя колонии.

Языческие культы также преследовались и истреблялись церковью Пресветлого. Особенно беспощадно вели с ними борьбу в странах, входящих в Объединенное Священство (Шадтаг, Гаэдаро, Бадра, Фагор). В Нуре и Вильнуре к язычеству на большинстве земель относятся терпимо, оно вполне уживается с поклонением Пресветлому. Церковь Тароса в Нуре и Вильнуре пошла своеобразным путем: не пытается изжить поклонение иным божествам, а вплетает языческие культы в учение Пресветлого. Из-за этого церковь Пресветлого в Нуре и Вильнуре постоянно конфликтует с Объединенным Священством. Особое распространение на землях Нура и Вильнура получило поклонение таким богам, как Навака и Кайкат.

Навака — бог охоты и войны, покровитель странствий, пользуется любовью у военных, охотников и моряков. Легкого нрава, приветствует застолье и любовные утехы. Требуется постоянного упоминания своего имени. Любит частые подношения, но не придает значения, что именно и в каких количествах пожертвовано. Охотники всего Атара, даже не приверженцы Наваки, тем не менее на всякий случай жертвуют ему часть до-

бытого на охоте (закапывая в землю там, где свежевали добычу) со словами: «Это тебе, Навака, чтоб зверь не переводился и глаз не косил».

Облик Наваки — простор для фантазий. Считается, что он может легко менять внешность, делает это с удовольствием и часто, и с чьим туловищем, а с чьей головой встанет назавтра, неизвестно и ему самому.

Кайкат — полная противоположность Наваки, суровый бог, бог последнего прощения, иногда называют богом подземного огня. Ненавидит обращение к нему с пустыми просьбами. К его помощи следует прибегать в самом крайнем случае. Но чтобы, обратившись, помощь получить, требуется заслужить милость Кайката. Заслужить можно, принося обильные жертвы и неустанно славословя Кайката. По поверью, если Кайкату угодать как следует, то он сможет спасти из самой погибельной ситуации. Чужую плоть как жертву Кайкат не принимает, но жертвоприношение собственной плоти считается наибольшим угождением Кайкату. Поэтому самые ревностные приверженцы этого бога отрезают носы и уши, отрубают себе пальцы, руки и ноги...

[Кусок текста безвозвратно утрачен.]

Города Атара

Крупными городами на Аtare считаются полисы, где проживает свыше ста тысяч жителей. Средний город Атара — это двадцать-пятьдесят тысяч горожан.

Городское планирование встречается редко, его зачатки можно обнаружить разве только у нас, в Великой Гидернии. В основном города раз-

растаются стихийно (от первых поселений, от замка или дворца).

Некоторые из атарских городов (например, шадтагские Пангерт и Сутал, столица Крона Алан—Батшак) были выстроены на остатках фундаментов прежних городов, каким-то образом уцелевших после предыдущего прихода Тьмы. Как правило, старый, не разрушенной самой Тьмой фундамент повышает цену здания, поэтому со временем такие дома выкупаются состоятельными людьми, которые сносят предыдущие постройки и отстраивают особняки. Чем больше богатых людей притекает в полис, тем больше притягивается туда же людей, могущих и желающих чем-то угодить им и на этом заработать. Поэтому города на старых местах значительно богаче и веселее прочих городов, да и смотрятся гораздо выигрышнее.

Самые распространенные строительные материалы — лес и камень. В Гидернии около двух столетий назад мудро перешли на строительство зданий из глиняного кирпича. Неоднократно гидернийцы пытались наладить торговые поставки кирпича на материк, однако его покупали плохо из-за высокой стоимости.

Почти во всех крупных городах Гидернии, Шадтага и Бадры в последние два столетия появились водопровод и общественная канализация. В Фагоре канализационная система присутствует лишь в королевских дворцах и резиденциях...

[Кусок текста безвозвратно утрачен.]

...Самый известный архитектор нынешнего цикла Атара — Ноб и Бернок (321—358 гг.). Хотя Бернок родился и до совершеннолетия жил в Кроне, но в Кроне нет ни одного его творения. С тех пор, как Бернок покинул Крон, отправив-

шись на учебу в Бадру, он всего дважды возвращался на родину: на похороны матери и за овдовевшей сестрой. Зодчий жил и работал в Шадтаге, там же и находятся лучшие его творения: Жемчужный Дворец (издали весь комплекс напоминает огромную раковину-жемчужницу, входящие в комплекс здания стилизованы под раковины и кораллы), храм Тароса в Пангерте, особняк графини Кунафи, получивший в народе название Девичьи слезы (здание действительно напоминает горку нерастекшихся слез).

Идеал Бернока, невоплощенная мечта — городом. Бернок мечтал о городе, где все здания будут соединять крытые переходы, крыши домов продолжатся и сомкнутся над улицами стеклянными крышами, а внизу будет как можно меньше открытого пространства.

Дороги Атара

Лучшие дороги на Аtare, бесспорно, в Тоуранте, тут, следует быть правдивым перед лицом потомков, блекнут даже знаменитые гидернийские тракты. С созданием сюзеренитета доменов дорогам в Тоуранте придавали огромное значение. Строятся они добротнo, строительству предшествует тщательная геодезия, в дорожное покрытие укладывается несколько слоев песка, щебня, глины. Не найти даже проселка без водосточных канав, скатов. В каждом домене существует служба, отвечающая за состояние дорог.

Мосты Атара

Мостостроительство на Аtare находится в зачаточном состоянии. Собственно мостов нет, име-

ются только мостики (главным образом висячие) через небольшие речки и ручейки. Для переправы через широкие водные преграды используются паромы.

Корабли Атара

В континентальных странах преимущественно парусные суда. Насчитывается восемнадцать типов парусников. Наиболее распространены куттер, люгер, двухмачтовые шхуны, барки и баркентины. Используются все типы прямых и косых парусов. Паруса изготавливают из льняной ткани толстой пряжи.

Самый большой морской парусный флот имеет Фагор. Общественное положение мужчины-фагорца оценивается в первую очередь по тому, каким судном тот владеет. Для фагорца считается позорным не владеть хотя бы простеньким куттером.

Морским паровым флотом (и военным, и торговым) обладает только Великая Гидерния. Другие страны не могут позволить себе паровой флот, довольствуются отдельными пароходами, закупленными у нас, в Гидернии. На верфях Фагора строится по одному-два пароходу в год, однако паровые машины для них Фагору приходится закупать на острове.

Для каботажного плавания в Бадре купцы используют и гребные суда или за гроши нанимая на весла свободных людей, или за плату арендуя у властей каторжников.

Повозки на Атаре

На материке существует всего три вида повозок: безрессорные четырехколесные телеги, фургоны и кареты. Дворяне, включая женщин, пред-

почитают передвигаться верхом, лишь в крайнем случае прибегая к езде в фургоне. Средства же передвижения, используемые в Великой Гидернии, столь разнообразны и многочисленны, что требуют отдельной главы...

[Кусок текста безвозвратно утрачен.]

Оружие на Аtare

Из холодного оружия в последние десятилетия на Аtare наибольшее распространение получили шпаги и кинжалы. Шпага не привилась разве в Кроне, где по-прежнему дворяне и военные отдают предпочтение традиционному двуручному прямому мечу*.

Арбалет входит в вооружение армий Бадры, Гаэдара и Шадтага. В Нуре и Вильнуре до сих пор отдают предпочтение луку.

Из огнестрельного оружия собственно на Аtare производят лишь кремневые пистолеты и мушкеты. Великая Гидерния по части создания стрелкового оружия значительно опередила все страны Димереи. Но продают гидернийцы на материк исключительно автоматы, хотя в вооружение нашей армии входят и револьверы, и винтовки.

Автомат (пистолет-пулемет) ручной сборки с деревянным прикладом работает на принципе свободной отдачи затвора. Имеет массивную ствольную коробку с горловиной внизу для вставления магазина. Автомат оборудован двумя спусковыми крючками: передний для одиночного огня и задний — для автоматического. Используются коробчатые магазины емкостью на тридцать шесть патронов.

* Наподобие шотландского клеймора.

В качестве защитных доспехов на Аtare чаще всего используют аналог «бригандина»: жилет с подшитыми изнутри стальными пластинами. Защитных головных уборов наблюдается большее разнообразие: шлем из чешуйчатой кольчуги, кольчужный шлем из колец, морион, стальная гидернийская каска.

Из осадных орудий наиболее распространены пушки, стреляющие ядрами, и двухрычажные катапульты для стрельбы стрелами и ядрами...

[Кусок текста безвозвратно утрачен.]

...Ну, а в следующей части настоящего тома «Полной истории» мы рассмотрим космогонические теории, сложившиеся к концу цикла на Аtare, и подробнее остановимся на некоторых научно обоснованных и математически высчитанных гипотезах, касающихся феномена периодического всплытия и погружения континентов...

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КУДА ВЕДЕТ ТРОПА

Глава первая	
<i>Что такое хандра...</i>	5
Глава вторая	
<i>...и как с ней бороться</i>	34
Глава третья	
<i>Встреча в стиле Брейгеля</i>	42
Глава четвертая	
<i>Маленькая хозяйка заколдованного замка</i>	63
Глава пятая	
<i>«Из читального зала книги не выносить!»</i>	100
Глава шестая	
<i>Бумага Ваграна</i>	114

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД МИТРАК

Глава седьмая	
<i>Сплошные непонятки</i>	134
Глава восьмая	
<i>Пикейные жилеты местного разлива</i>	169
Глава девятая	
<i>Что-то, наконец, проясняется</i>	196

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРИХОД ТЬМЫ

Глава десятая	
...и тут же запутывается еще больше	214
Глава одиннадцатая	
Конец света в отдельно взятом замке	232
Глава двенадцатая	
Проект «Парящий рихар»	242
Глава тринадцатая	
А вместо сердца пламенный мотор.....	265
Глава четырнадцатая,	
короткая, которая могла стать	
еще короче,— если вообще не последней	291
Глава пятнадцатая	
Кто рано встает... ..	302
Глава шестнадцатая	
Последняя встреча	328
Глава семнадцатая	
Или Атар, или Граматар	347
Глоссарий	365

Бушков Александр Александрович

СВАРОГ

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Роман

Редактор

О.В. Полей

Технический редактор

К.С. Бирюкова

Компьютерный набор

Л.А. Гурьянова

Компьютерная верстка

А.С. Зданович

Корректор

С.В. Павловский

Издательство «БОНУС» ИД № 05479 от 30.07.01.
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС» ИД № 05480 от 30.07.01.

Сдано в набор 08.11.01. Подписано в печать 16.11.01.
Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 120 000 экз. Изд. № 01-2641-РП. Заказ № 2799.

Налоговая льгота —
Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2,
953000 – книги, брошюры.

Издательство «БОНУС»
660028, Красноярск, ул. Толстого, 49:

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
103473, Москва, Звездный бульвар, 23.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16